НАУКА О ДУХѢ

ОБЩІЯ СВОЙСТВА И ЗАКОНЫ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ДУХА

2 2/19

М. Троицкаго.

ТОМЪ I.

Изданіе Н. А. Абрикосова

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., соб. д.
1882.

1В

25-ЭКЗ

Дубов 38"

Львов. 1959

ЦНБ

34240
Тро

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

§§ *Стр.*

1. Вступленіе. Опредѣленіе общихъ свойствъ и законовъ человѣческаго духа. Раздѣленіе общихъ свойствъ. . 1

ПСИХИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

2 Предварительныя замѣчанія.—Опредѣленіе психической относительности; основные виды ея 5

ГЛАВА I.

Психическая условность человѣка.

3—4. Опредѣленіе психической условности. Виды доказательствъ послѣдней 7

ВНУТРЕННЯЯ УСЛОВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

5. Опредѣленіе внутренней условности фактовъ психическихъ отношеній человѣка. — Классификація психическихъ отношеній. 8

§§ *Стр.*

Психическія отношенія: страдательныя и дѣятельныя.

6. Виды страдательныхъ психическихъ отношеній.—Чувства какъ отношенія. Внѣшнія и внутреннія условія чувствъ.—Ощущенія и волненія 9
7. Виды дѣятельныхъ психическихъ отношеній.—Отношенія активныя, и реактивныя. Внѣшнія и внутреннія условія дѣйствій 10

Психическія отношенія: мысленныя (идеальныя) и дѣйствительныя (реальныя).

8 Виды мысленныхъ и дѣйствительныхъ отношеній.—Идеи и умственныя операціи, какъ психическія отношенія. Ихъ предметы. 12
9. Косвенный характеръ идей и умственныхъ операцій, какъ отношеній къ дѣйствительности. Его выгоды. Его невыгоды 13
10. Прямыя условія образованія мысленныхъ отношеній. Идеи первичныя и вторичныя. Прямыя условія первичныхъ идей 15
11. Классы первичныхъ идей. Идеи ощущаемаго. Идеи чувствуемаго въ волненіяхъ. 17
12. Прямыя условія образованія вторичныхъ идей . . . 20
13. Прямыя условія образованія умственныхъ операцій: теченіе идей по законамъ ассоціаціи; привходящія дѣйствія. Источникъ, формы и законы послѣднихъ . 21

Психическія отношенія. производительныя и непроизводительныя

14. Виды человѣческаго творчества. Три типа мысленнаго творчества Виды реальнаго творчества.—Символическое творчество 23
15. Творчество, и произведенія творчества 25

§§ *Стр.*

16. Условія творчества. Виды мысленнаго творчества; его условія. Условія реальнаго творчества. Условія символическаго творчества 27

Психическія отношенія: потенціальныя и актуальныя.

17. Опредѣленіе психическихъ потенцій и актовъ. Виды потенцій. Психическія способности: положительныя; отрицательныя 29
18. Психическія готовности. Опредѣленіе ихъ. Виды:— страдательныя и дѣятельныя; реактивныя и активныя. Внутреннія условія психическихъ готовностей . 30

Психическія отношенія: возвратныя и прямыя

19. Опредѣленіе прямыхъ и возвратныхъ отношеній Виды возвратныхъ психическихъ отношеній. Ихъ условія. 33
20. Популярное дѣленіе психическихъ фактовъ 35

ГЛАВА II.

Психическая условность человѣка

(продолженіе.)

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

21. Общественно-историческія условія психическаго образованія человѣка. 38

Общественность и ея исторія въ послѣднемъ анализѣ

22—23. Опредѣленія общественности и личности людей. 39
24. Простѣйшія условія общественности. Раздѣленіе людей на ассоціаціи. Послѣднія условія общественности. 40

§ § Стр

25 Внѣшнія психическія вліянія: дѣятельныя; производительныя или творческія 41

26. Дѣйствительность и недѣйствительность психическихъ вліяній. Ихъ неполнота, и относительная полнота 42

27. Послѣдніе элементы общественности. Элементы страдательные. 44

28. Элементы дѣятельные: активные; реактивные. . . . 45

29. Природа явленій и законовъ общественности. Психическія явленія нейтральнаго характера. Физическія явленія и законы, смѣшиваемыя съ общественными. Разнообразныя условія однихъ и тѣхъ же психическихъ фактовъ 46

30. Коллективность явленій индувидуальнаго психическаго существованія 49

31. Законы общественныхъ явленій. первичные; вторичные. Историческія формы общественности. 50

32. Общее опредѣленіе исторіи общественности. Культура общественности. 51

Общественно-историческая культура личности человѣка.

33. Общія формы и общіе законы человѣческаго духа, какъ внутреннія условія личности человѣка. Спеціальныя формы и законы духа, какъ высшій видъ культуры общихъ формъ и законовъ, зависящій отъ исторіи общественности 52

Общественная символика.

34. Символическія дѣйствія. Виды общественной символики. Человѣческій языкъ. Символическія формы общественныхъ отношеній. 53

35. Первичныя и вторичныя символическія дѣйствія. Способы происхожденія первичныхъ символическихъ дѣйствій 55

§§ Стр.
36. Три системы символики языка. Замѣщеніе одной системы другою 56
37 Анализъ символической рѣчи . . . 58

Специальныя формы человѣческаго духа.

38 Образованіе спеціальныхъ формъ человѣческаго духа. —
39. Высшія способности человѣческаго духа.—Образованіе высшихъ формъ 59
40 Культурныя формы человѣческаго мышленія —Образованіе всеобщихъ или универсальныхъ понятій. Общественное значеніе ихъ. 60
41. Новые классы идей культурнаго происхожденія . 62
42. Культура умственныхъ операцій —Предложенія . . . —
43. Преобразованіе общихъ умственныхъ операцій въ спеціальныя 64
44. Гуманныя формы человѣческой чувствительности — Чувства симпатическія 65
45. Высшія критическія чувства.—Высшія эстетическія чувства. 66
46. Чувство истины.—Чувства правды и неправды . . 68
47. Преобразованіе общихъ чувствъ въ спеціальныя. . . 69
48. Разумныя формы реальной дѣятельности, творчества и психической готовности.—Историческая культура реальной дѣятельности . . . . . —
49. Гуманныя формы творчества. Роль науки въ преобразованіи общихъ формъ творчества. 71
50. Историческая культура психической готовности . . 72
51. Высшія формы психическихъ возвратныхъ отношеній. страдательныхъ, дѣятельныхъ. Преобразованіе общихъ формъ возвратности въ спеціальныя. Общественное значеніе высшихъ формъ возвратности. . 73

Специальные законы человѣческаго духа.

52 Первичные и вторичные спеціальные законы человѣческаго духа . . . . . —

§§ *Стр.*
53. Идеи вторичныхъ высшихъ законовъ. Факты осуществленія идеаловъ. Главныя ступени послѣдняго 76
54. Значенія термина *разумъ* 78
55. Вопросъ объ органической условности психическаго образованія, ... 79

ГЛАВА III.

Психическая условность человѣка.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

УСЛОВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАГО СОХРАНЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

56. Сохраненіе психическихъ фактовъ. Сохраненіе личности человѣка. Идея тожества личности. Ея реальность. 80
57 Условность тожества личности —Условія продолженія не тожественны съ условіями происхожденія. . 81
58 Природа сохраненія или тожества личности. Конституція личности. 82
59. Первичные и вторичные законы личности. Роль законовъ ассоціаціи въ образованіи тожества личности. 83
60. Виды отмѣнъ сложившагося устройства личности. . 84

Превращенія личности.

61. Превращенія личности, составляющія процессъ ея развитія.—Превращенія личности на ряду съ ея тожествомъ 85
62 Превращенія образовавшейся личности, съ измѣненіемъ внутреннихъ условій психическаго существованія человѣка.—Превращенія личной чувствительности. 86
63. Превращенія личной дѣятельности, личныхъ формъ мышленія, готовностей; и т. д. 88
64. Превращенія личности съ перемѣнами общественными. Измѣненія общественной среды лицъ. 89

§§ Стр.

65. Превращенія личности съ измѣненіемъ физическихъ условій психическаго существованія. Полныя превращенія личности 90

Разрѣшенія личности.

66. Тожество и единство личности. 92
67 Постоянство сосуществованія формъ личности, и его условность Сосуществованіе формъ образовавшейся личности. . . . . —
68. Частныя разрѣшенія личности. Случаи общаго разрѣшенія. Распаденіе лица на два, и на три. 94
69. Физическія условія психическаго образованія человѣка . . . . . —
70 Свойства психической условности человѣка. Мнѣніе о дѣятельномъ характерѣ матеріи, и пассивномъ—духа. Возраженія противъ него 96
71. Мнѣніе о духѣ какъ произведеніи матеріи. Возраженія противъ него. 98
72. Явленія матеріи и духа; ихъ нефеноменальная сущность. 99

ГЛАВА IV.

Психическая ограниченность человѣка.

73. Предѣлы психическаго развитія человѣка; ихъ раздѣленіе. 101

ПСИХИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧЕЛОВѢКА, КАКЪ СЛѢДСТВІЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХЪ УСЛОВІЙ ЕГО ПСИХИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ.

74. Мѣра психическаго развитія, и ея условія Познаніе естественныхъ предѣловъ развитія. 102
75. Естественная мѣра психическаго развитія лежитъ въ антагонизмѣ различныхъ классовъ психическихъ фактовъ 103

§§ *Стр.*

76. Естественная мѣра тонкости внѣшнихъ чувствъ — Тонкость слуховыхъ ощущеній Тонкость ощущеній осязанія —Естественная мѣра развитія волненій . . 104
77. Естественная мѣра оригинальности умственнаго творчества. научнаго, поэтическаго, религознаго . . . 108
78. Естественная мѣра реальной дѣятельности, психической готовности, и возвратныхъ отношеній. Мягкость и твердость нрава. Рѣшительность и нерѣшительность Увѣренность въ себѣ 110
79. Естественная мѣра развитія спеціальныхъ свойствъ человѣческаго духа Чувствительность къ долгу . . . 112
80. Относительное торжество человѣка надъ своею психическою ограниченностью.—Искуство человѣка, помогающее его природѣ. 114

ПСИХИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧЕЛОВѢКА, КАКЪ СЛѢДСТВІЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХЪ УСЛОВІЙ ЕГО ПСИХИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ.

81. Ограниченность человѣческаго знанія. — Сравненіе знанія съ другими формами сознанія.—Предѣлы знанія—въ положительныхъ условіяхъ послѣдняго. Познаніе предѣловъ знанія.—Виды ограниченности человѣческаго знанія. 116

Ограниченность прямого знанія.

82. Прямое знаніе человѣка. Его границы. 118
83. Дѣленіе наблюденій на внутреннія и внѣшнія, и его значеніе 119
— Косвенность знанія физическихъ или матеріальныхъ отношеній. Объекты ощущеній. Объекты дѣйствій . —
84. Косвенность знанія физическихъ или матеріальныхъ вещей.—Физическія свойства какъ потенціи отношеній. Вещество 121

§§ Стр.
85 Косвенность знанія духа, или вещей духовныхъ. Психическія свойства какъ потенціи. Духъ какъ источникъ и связь ихъ. 123

Ограниченность косвеннаго знанія.

86. Предѣлы знанія физическихъ отношеній. 125
87. Предѣлы знанія матеріи 126
88. Предѣлы знанія духа. 128
89. Условія предѣловъ косвеннаго знанія. 130
90. Предѣлы логической или діалектической очевидности умозаключеній человѣка. — Логическая очевидность предложеній. Предѣлы логической очевидности умозаключеній. Умственное наблюденіе 131
91. Границы понятій. Понятія положительныя и критическія. Границы знанія даннаго въ понятіяхъ. . . . 133
92. Предѣлы реальной очевидности умозаключеній. Реальная очевидность предложеній, и ея предѣлы. Реальная очевидность наведеній и дедукцій. 135
93. Ограниченность человѣческой науки 137
94. Разница въ знаніи духа и матеріи 138

ГЛАВА V.

Теоріи психической абсолютности человѣка.

95. Психическая абсолютность человѣка; ея предполагаемые виды 140

ТЕОРІИ АБСОЛЮТНЫХЪ ОРГАНОВЪ ЗНАНІЯ.

96. Абсолютные органы знанія; ихъ предполагаемые виды. 141

Предполагаемыя безусловныя начала.

97. Названія безусловныхъ началъ. Указываемые признаки ихъ 142

§§ *Стр.*

98 Взглядъ абсолютистовъ и релятивистовъ на практическое достоинство ихъ теорій 143

99. Неясность положенія безусловныхъ началъ въ духѣ человѣка. 144

100. Неопредѣленность и сбивчивость указаній на безусловныя начала 145

101. Указываемые признаки безусловныхъ началъ лишены научнаго достоинства. 146

102 Характеръ условности истинъ. 149

— Необходимость истинъ 150

103. Всеобщность или универсальность истинъ . 151

104. Достовѣрность истинъ 153

105 Безспорность истинъ 154

106. Анализъ характера такъ-называемыхъ безусловныхъ началъ 155

Предполагаемыя безусловныя идеи.

107 Предлагаемыя доказательства безусловности нѣкоторыхъ идей. Ссылка на психологическій анализъ. Ея неумѣстность. 157

108. Мнѣніе о неразложимости нѣкоторыхъ идей на простѣйшіе элементы. Его неосновательность. Психическія преобразованія 159

109. Затрудненія къ принятію безусловныхъ идей 160

Предполагаемыя безусловныя способности.

110. Предполагаемыя способности чистаго творчества. Апріорныя идеи и начала 162

111. Способности къ идеализаціи опыта. Доказательства въ защиту ихъ существованія. 163

112 Происхожденіе образцовыхъ идей 164

113. Убѣжденія съ помощью одного мышленія. Ихъ зависимость отъ опыта. Различные виды опыта. 165

§§ *Стр.*

ГЛАВА VI.

Теоріи психической абсолютности человѣка.

(продолженіе.)

СИСТЕМЫ АБСОЛЮТНАГО ЗНАНІЯ, ПРЕДЛАГАЕМЫЯ ВЪ ТАКЪ-НАЗЫВАЕМОЙ МЕТАФИЗИКѢ.

114 Абсолютное знаніе какъ безусловное и неограниченное. Защита абсолютнаго знанія. Ея достоинство. . 168

Метафизическія системы абсолютнаго знанія

115. Системы метафизическаго практицизма. 170
116. Системы метафизическаго феноменализма.—Основное содержаніе ихъ. Источникъ послѣдняго, и достоинство съ научной точки зрѣнія 171
117 Системы метафизическаго реализма. Виды ихъ. Системы матеріализма.—Сущность матеріалистической метафизики. Ея происхожденіе и научное достоинство. 174
118. Системы спиритуализма.—Ихъ начала. Ихъ отношенія къ идеямъ религіозной вѣры. Научное значеніе спиритуалистической метафизики 177
119. Системы метафизическаго идеализма.—Основныя черты идеализма. Его опоры. Его научное достоинство 180
120 Сложные типы метафизики.—Обзоръ основныхъ заключеній изъ предыдущихъ изслѣдованій 182
121. Вопросъ о значеніи метафизическихъ изслѣдованій. Отрицательный взглядъ на значеніе метафизики. Его неосновательность 183

Относительныя цѣли метафизическихъ изслѣдованій.

122. Отчужденность между вѣрою и наукою. Разладъ между первою и послѣднею. 185
123. Потребность связи и гармоніи между вѣрою и наукою. —
124. Значеніе успѣховъ науки для религіозной вѣры . . . 187

§ § *Стр.*

Религіозная культура человѣка.

125. Начало религіозной культуры. Космическія впечатлѣнія человѣка. Ихъ элементы 189
126. Космическія чувства человѣка.—Зависимость космическихъ чувствъ отъ текущихъ впечатлѣній и идей. Два порядка космическихъ чувствъ 190
127. Патетическія міровоззрѣнія человѣка —Образованіе послѣднихъ. Его условія 192
128. Поэтическія міровоззрѣнія человѣка.—Преобразованія патетическихъ міровоззрѣній въ поэтическія. Поэтическія ассоціаціи идей 194
129. Религіозныя міросозерцанія человѣка. — Ихъ собственный предметъ Ихъ происхожденіе, и значеніе для религіозной культуры человѣка 195
130. Религіозныя чувства и идеи человѣка 196
131. Религіозныя дѣйствія, готовности и возвратныя психическія отношенія 197
132. Вопросъ о средствахъ сближенія и примиренія науки и религіозной вѣры 198
133 Метафизика какъ потребность идеальнаго сознанія человѣка. 199

Метафизическія изслѣдованія научнаго характера.

134. Условія научнаго характера метафизическихъ изслѣдованій 200
135. Метафизика какъ критика. — Основныя начала послѣдней. 201
136. Метафизика какъ методика —Классификація наукъ. Мѣсто метафизики какъ методики 202
137. Начала метафизики какъ методики 203
138. Взглядъ на извѣстныя метафизическія системы . . . —
139. Образцы методовъ сближенія вѣры и науки. 204

§ §

Стр

ПСИХИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

140. Предварительныя замѣчанія —Опредѣленіе психической соотносительности.—Раздѣленіе психическихъ соотношеній 207

ГЛАВА I.

Соотносительность чувствъ.

141. Виды соотносительности чувствъ. 209

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ОЩУЩЕНІЙ И ВОЛНЕНІЙ.

— Зависимость волненій отъ ощущеній.—Обратная зависимость ощущеній отъ волненій. Виды послѣдней . —
142. Преобразованіе ощущеній подъ вліяніемъ волненій непосредственнымъ, косвеннымъ 210
143. Происхожденіе ощущеній вслѣдствіе волненій.—Выраженіе волненій въ тѣлѣ. Сопровождающія его ощущенія 211

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЧУВСТВЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИХЪ КАЧЕСТВА.

144 Качество чувствъ. Виды ихъ соотносительности по качеству. 213

Нейтрализація чувствъ.

145. Возбужденныя состоянія духа Ихъ отличіе отъ чувства въ тѣсномъ смыслѣ, и отъ идей 214
146. Основныя условія нейтрализаціи чувствъ. Нейтрализація чувствъ вслѣдствіе ихъ естественнаго теченія . 215
147. Обстоятельства содѣйствующія естественной нейтрализаціи чувствъ: разницы въ условіяхъ возникновенія чувствъ; продолженіе чувствъ; повтореніе ихъ . 216

§§ Стр

148. Обстоятельства обладающія спеціальною способностью нейтрализаціи чувствъ: фактическія, психическія. Виды послѣднихъ. Нейтрализующее вліяніе со стороны другихъ чувствъ: общее; особенное . . . 217

149. Нейтрализующее вліяніе другъ на друга — чувствъ, состояній возбужденія и идей 218

Квалификація чувствъ.

150. Квалификація чувствъ: естественная и искуственная. Виды естественной квалификаціи ихъ. Квалификація непереіодическая; ея условія 220

151. Періодическая квалификація чувствъ 221

Превращеніе качества чувствъ

152. Виды превращенія 222

ГЛАВА II.

Соотносительность чувствъ и дѣйствій.

153. Факты соотносительности чувствъ и дѣйствій. . . 223

ЗАВИСИМОСТЬ ЧУВСТВЪ ОТЪ ДВИЖЕНІЙ И ДѢЙСТВІЙ.

— Прямая и косвенная зависимость чувствъ отъ дѣйствій. . . . . —

154. Зависимость ощущеній отъ дѣйствій. Движенія и дѣйствія какъ прямыя и косвенныя условія ощущеній.— Чувственная реальная оцѣнка дѣйствій. 224

155 Зависимость волненій отъ дѣйствій.—Высшая реальная оцѣнка дѣйствій 225

156. Зависимость идей отъ дѣйствій.—Идеи дѣйствій. Идеи послѣдствій ихъ. — Мысленная оцѣнка дѣйствій, ея виды. 226

157. Зависимость переносныхъ и симпатическихъ чувствъ отъ дѣйствій 227

§ § *Стр.*

ЗАВИСИМОСТЬ ДВИЖЕНІЙ И ДѢЙСТВІЙ ОТЪ ВЫЗВАННЫХЪ ИМИ ЧУВСТВЪ.

158. Факты мотивированности или произвольности дѣйствій. Обстоятельства обратнаго вліянія чувствъ на вызвавшія ихъ дѣйствія 229
159. Законъ мотивацін. — Природа мотивацін.—Названіе закона мотивацін закономъ произвольности, и закономъ самосохраненія 230

Образованіе консервативныхъ направленій произвольной дѣятельности человѣка.

160. Основныя направленія произвольной дѣятельности. Главныя условія образованія консервативныхъ направленій произвольной дѣятельности. 232

Превращеніе чувствъ вызванныхъ дѣйствіями въ мотивы послѣднихъ.

161. Превращеніе чувствъ въ мотивы. Выборъ между случайными или невольными дѣйствіями. Произволъ въ границахъ самосохраненія. Виды консервативныхъ направленій произвольной дѣятельности подъ вліяніемъ ощущеній и волненій. . . . . —

ПРЕВРАЩЕНІЕ ОЩУЩЕНІЙ ВЪ МОТИВЫ ДѢЙСТВІЙ

162. Консервативно-индивидуальное направленіе произвольной дѣятельности подъ вліяніемъ ощущеній Психическая экономія движеній, подъ вліяніемъ ощущеній, преимущественно мускульныхъ 234
163. Мускульныя ощущенія какъ опредѣлители мѣры движеній. Minimum и maximum мускульной работы. Мѣра продолжительности движеній. 235
164 Психическая экономія дѣйствій внѣшняго усвоенія. Усвоеніе внѣшней силы. Готовность усвоенія. Потребность усвоенія. Зрительное и слуховое вниманіе. 237

§§ *Стр.*

165. Мѣра напряженія и продолженія актовъ усвоенія внѣшней силы 239
166. Усвоеніе вещества. Потребность усвоенія. Мѣра усвоенія — Прямое направленіе мотивации дѣйствій, вытекающей изъ ощущеній 240
167. Консервативно-родовое направленіе произвольной дѣятельности, подъ вліяніемъ ощущеній.—Экономія полового выбора. Основныя формы полового выбора. 242
168. Классъ половыхъ ощущеній. Вліяніе половыхъ ощущеній непріятнаго качества. Вліяніе половыхъ ощущеній противоположнаго качества 243
169. Психическая экономія перваго воспитанія дѣтей . . 245

ПРѢВРАЩЕНІЕ ВОЛНЕНІЙ ВЪ МОТИВЫ ДѢЙСТВІЙ

170 Значеніе волненій для сохраненія индивидуальности человѣка какъ организма. Участіе волненій въ экономіи движеній и дѣйствій внѣшняго усвоенія . . . 246
171. Психическая экономія внѣшнихъ наблюденій и опытовъ, подъ вліяніемъ волненій отрицательнаго характера 247
172. Положительное вліяніе волненій на выборъ внѣшнихъ наблюденій и опытовъ 248
173. Консервативно-личное направленіе произвольной дѣятельности, подъ вліяніемъ волненій. Чувства самостоятельности и свободы; чувства стѣсненій и насилія. 249
174. Психическая экономія активныхъ отношеній къ другимъ, подъ вліяніемъ чувствъ свободы и стѣсненія. 250
175. Экономія реактивныхъ отношеній къ другимъ. . . 252
176. Чувства насильственности реактивныхъ отношеній. Ихъ отрицательное вліяніе. Уклоненія отъ вызывающихъ ихъ внѣшнихъ дѣйствій. 253
177. Явленія борьбы, или противодѣйствія насильственнымъ дѣйствіямъ. Виды борьбы. Вліяніе чувствъ освобожденія. 254
178. Ближайшіе опредѣлители естественной мѣры самостоятельности и свободы активныхъ отношеній . . . 256

§§ Стр.
179. Естественныя границы свободы реактивныхъ отношеній. Уваженіе личности человѣка 257
180 Консервативно-родовое направленіе произвольной дѣятельности, подъ вліяніемъ волненій Половыя волненія. Ихъ вліяніе на половой выборъ 258
181. Вліяніе половыхъ волненій на постоянство половыхъ отношеній. Вліяніе волненій обезпечивающее первое воспитаніе дѣтей. . . . . —
182. Консервативно-общественное направленіе произвольной дѣятельности — Общественныя чувства. Ихъ вліяніе на развитіе общественной дѣятельности . . . 260
183. Мѣра общественной дѣятельности, подъ вліяніемъ высшихъ критическихъ чувствъ. 261

ГЛАВА III.

Соотносительность чувствъ и дѣйствій

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Мысленная мотивація дѣйствій.

184. Источникъ мысленныхъ мотивовъ. Основные порядки мысленныхъ мотивовъ. Характеръ мысленной мотиваціи 263

МЫСЛЕННЫЕ МОТИВЫ ВЪ ФОРМѢ ПРЯМОЙ АНТИЦИПАЦІИ РЕАЛЬНЫХЪ.

185 Умственная антиципація реальныхъ мотивовъ дѣйствій. Ея законы. Поводы къ дѣйствію послѣднихъ Произвольная готовность къ дѣйствіямъ. 264
186. Экономія движеній, подъ вліяніемъ антиципаціи вызываемыхъ ими мускульныхъ ощущеній 265
187. Антиципація дѣйствій внѣшняго усвоенія, полового выбора, и перваго воспитанія дѣтей 266
188. Мысленная антиципація волненій бывшихъ мотивами дѣйствій: — внѣшнихъ наблюденій и опытовъ, дѣятельныхъ отношеній къ другимъ. 268
189. Мысленная антиципація волненій управлявшихъ дѣй-

§§ Стр.

ствіями родоваго характера.—Антиципація половыхъ чувствъ. Идеи общественнаго долга. 268

190 Недостатки мысленныхъ мотивовъ въ формѣ антиципаціи реальныхъ· недостатокъ оригинальности; недостатокъ вліятельности 269

191. Достоинство мысленныхъ мотивовъ въ формѣ антиципаціи реальныхъ гарантіи соразмѣрности произвольныхъ дѣйствій 270

192. Устраненіе односторонности реальной мотивацiи дѣйствій. Высшая соразмѣрность дѣйствій. Суммарная антиципація реальныхъ мотивовъ дѣйствія. 271

193. Условія суммарной антиципаціи реальныхъ мотивовъ. Ея значеніе 272

194 Односторонность консервативно-индивидуальнаго и консервативно-родового направленій. Эгоизмъ. Ограниченіе послѣдняго съ помощью суммарной антиципаціи. Принципъ высшей соразмѣрности произвольной дѣятельности. 273

МЫСЛЕННЫЕ МОТИВЫ ВЪ ФОРМѢ ПЕРЕНЕСЕНІЯ РЕАЛЬНЫХЪ.

195 Законъ перенесенія. Переносные мотивы дѣйствій. Законы ассоціаціи какъ условія перенесенія. 274

196. Преимущества переносной мотивацiи дѣйствій. Объемъ приложенія мотивовъ по перенесенію. Характеръ переносныхъ мотивовъ 275

197. Переносные мотивы консервативно-индивидуальныхъ дѣйствій. Полезныя и вредныя дѣйствія. 276

198. Переносные мотивы осторожности и осмотрительности. Роль закона смежности . . . . . —

199. Переносные мотивы принятія лѣкарствъ. Запасы матеріальныхъ силъ и вещества. 277

200 Переносная мотивація дѣйствій сохраненія личности. Переносные мотивы имущества и вообще собственности. Уваженіе чужой собственности. 278

201. Переносная мотивація дѣйствій консервативно-родовыхъ.—Перенесеніе любви. Любовь половая и род-

§§ *Стр*

ственная. Патріотизмъ. Любовь къ родинѣ. Вліяніе обоихъ законовъ ассоціаціи. 279

МЫСЛЕННЫЕ МОТИВЫ ВЪ ФОРМѢ СИМПАТИЧЕСКАГО ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ РЕАЛЬНЫХЪ.

202. Симпатическія чувства. Умственный характеръ ихъ. Усмотрѣніе чужихъ чувствъ. 281
203. Вліяніе симпатическаго воспроизведенія чужихъ чувствъ, вызванныхъ собственными дѣйствіями. Симпатическіе мотивы дѣйствій. 282
204. Вліяніе симпатическихъ чувствъ на вызывающую ихъ активность человѣка. Симпатическая благотворительность. Симпатическая мягкость и сдержанность активныхъ отношеній 283
205. Вліяніе симпатическихъ чувствъ на вызывающія ихъ реактивныя отношенія человѣка. положительное; отрицательное. Перенесеніе симпатическихъ чувствъ. Симпатическая сдержанность отношеній реактивныхъ. Симпатическія дѣйствія уклоненія и борьбы. 285
206. Первичные и вторичные мысленные мотивы. Происхожденіе вторичныхъ мысленныхъ мотивовъ. 287

ГЛАВА IV.

Соотносительность чувствъ и дѣйствій

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Образованіе прогрессивныхъ направленій произвольной дѣятельности человѣка.

207. Начало образованія прогрессивныхъ направленій произвольной дѣятельности. 288

Основной характеръ человѣческаго прогресса.

208. Консервативный характеръ прогрессивныхъ направленій произвольной дѣятельности 289

§§ *Стр.*

КУЛЬТУРА ПРИРОДЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ЧЕЛОВѢКА.

209. Сущность культуры природы. Искуственное увеличение послѣдствій той же мѣры дѣйствій. Основные отдѣлы культуры природы. 289
210. Культура природы, охраняющая индивидуальность человѣка какъ животнаго организма. Положительныя приспособленія къ тому вещества и силъ. Отрицательныя приспособленія. 290
211. Культура природы въ цѣляхъ сохраненія человѣка какъ рода. Искуственные способы хозяйства. Искуственныя средства борьбы за существованіе. 291
212. Культура природы, охраняющая человѣка въ смыслѣ личности. Приспособленія къ защитѣ и расширенію индивидуальной психической самостоятельности и свободы человѣка. 292
213. Культура природы въ цѣляхъ сохраненія общественности людей, и особенно государственности. . . . 293

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВѢКА.

214. Существо культуры самого человѣка. Человѣкъ какъ цѣль, и средство или орудіе, собственной дѣятельности. Взаимная поддержка консервативныхъ направленій произвольной дѣятельности. Запасы психической приспособляющей силы въ формѣ свойствъ и законовъ. Отдѣлы исторической культуры самого человѣка. 294
215. Культура человѣка въ смыслѣ животнаго организма. Приспособленія его животной индивидуальности къ сохраненію его личности и рода. 295
216. Культура человѣческаго рода, въ смыслѣ высшаго класса живыхъ существъ. Образованіе обычаевъ . . 296
217. Культура личности человѣка. Приспособленія послѣдней къ сохраненію окружающей природы, и къ сохраненію самого человѣка. Образованіе культурныхъ свойствъ личности 298

§§ Стр

218. Культура общественности человѣка. Приспособленіе послѣдней къ сохраненію природы, и самого человѣка. Общественные и государственные законы благопріятные той и другой цѣли 298

Происхожденіе произвольныхъ дѣйствій приспособленія.

219. Опредѣленіе приспособительныхъ дѣйствій. Собственные и сторонніе мотивы дѣйствій. Собственныя и сторонніе цѣли дѣйствій. Приспособительный характеръ культурныхъ дѣйствій 300

220 Вторичный характеръ дѣйствій приспособленія. Причина возникновенія человѣческихъ приспособленій. Дѣйствія подчиняющія своему вліянію независимыя отъ нихъ чувства. Произвольныя приспособленія къ стороннимъ цѣлямъ. 301

РЕАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ПРИСПОСОБИТЕЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВООБЩЕ.

221. Реальные мотивы приспособленій. Положительные мотивы реальнаго характера: прямые; косвенные. Отрицательные мотивы реальнаго характера. прямые; косвенные 303

222. Мотивы приспособленій получаемые изъ ощущеній. Мотивы приспособленій, возникающіе изъ увеличенія и уменьшенія качества мускульныхъ ощущеній . 304

223 Мотивы приспособленій, возникающіе изъ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ Чувственные мотивы приспособленій родового характера . . . . . —

224. Реальные мотивы приспособленій, образующіеся изъ волненій. Приспособленія къ дѣйствіямъ консервативно-индивидуальнаго и родового характера. Приспособленія къ внѣшнимъ наблюденіямъ и опытамъ. Волненія личныя и общественныя какъ мотивы приспособленій Мотивы приспособленій получаемые изъ чувствъ красоты и собственной силы Дѣйствія увеличивающія наглядность и искренность сообщенія . 306

§§ *Стр.*

МЫСЛЕННЫЕ МОТИВЫ ПРИСПОСОБИТЕЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВООБЩЕ.

225 Источникъ мысленныхъ мотивовъ приспособленій Два порядка мысленныхъ мотивовъ приспособительныхъ дѣйствій. Основные виды первичныхъ мысленныхъ мотивовъ приспособленій. — Антиципація реальныхъ мотивовъ приспособленій Послѣдствія такой антиципаціи. Установившіяся манеры дѣйствій . . 308

226 Переносные мотивы приспособительныхъ дѣйствій. Послѣдствія перенесенія реальныхъ мотивовъ приспособленій 309

227. Симпатическое воспроизведеніе реальныхъ мотивовъ приспособительныхъ дѣйствій Симпатическія манеры активныхъ отношеній. Вторичные мысленные мотивы приспособительныхъ дѣйствій 310

228. Мотивація культурныхъ приспособленій. Приспособительный характеръ основныхъ отраслей и направленій произвольной дѣятельности. Начало культурныхъ приспособленій. . . . . —

229. Источникъ реальныхъ мотивовъ культурныхъ приспособленій. Превращеніе ихъ въ мысленные. Антиципація реальныхъ мотивовъ культурныхъ приспособленій. Перенесеніе и симпатическое воспроизведеніе тѣхъ же мотивовъ 311

МОТИВЫ КУЛЬТУРНЫХЪ ПРИСПОСОБЛЕНІЙ ПРИРОДЫ.

230. Опыты надъ окружающею природою. Приспособленія послѣднихъ, какъ источникъ культурныхъ приспособленій природы. — Приспособленія внѣшнихъ опытовъ къ движеніямъ и дѣйствіямъ усвоенія внѣшнихъ силъ 312

231 Культурныя черты приспособленій природы, и ихъ ближайшія условія.—Приспособленія внѣшнихъ опытовъ къ остальнымъ отдѣламъ произвольной дѣятельности. 313

§§ *Стр.*

МОТИВЫ КУЛЬТУРНЫХЪ ПРИСПОСОБЛЕНІЙ САМОГО ЧЕЛОВѢКА.

232. Возникновеніе культурныхъ приспособленій самого человѣка. Приспособленія консервативно-индивидуальныхъ дѣйствій Приспособленія движеній къ стороннимъ имъ цѣлямъ. Такія же приспособленія актовъ упражненія внѣшнихъ чувствъ, и дѣйствій консервативно-личнаго характера 315

233 Условія культурнаго характера приспособленій консервативно-индивидуальныхъ дѣйствій. . . . . —

— Культурныя приспособленія въ другихъ отдѣлахъ произвольной дѣятельности. 316

234 Соприкосновенные вопросы.—Противорѣчія психической экономіи человѣческихъ дѣйствій. Виды противорѣчій. Полныя противорѣчія. Неполныя противорѣчія Опредѣленіе послѣднихъ. Ихъ количество и развитіе. Индивидуальное сознаніе мотивовъ и цѣлей. 317

235. Соприкосновенные вопросы о свободѣ, личности и религіи человѣка —Опредѣленіе психической свободы человѣка. Отсутствіе внѣшнихъ и внутреннихъ насилій. Присутствіе естественныхъ членовъ психической системы. Два вида свободы человѣка низшій; высшій. 319

236. Сравнительное значеніе основныхъ цѣлей произвольной дѣятельности. Служебное значеніе тѣла человѣка, и его общественности. Значеніе развитія и культуры личности 321

237. Вліяніе закона мотивацін на религіозныя убѣжденія человѣка. Вѣра въ безсмертіе души. Вѣра въ бытіе Бога. 322

ГЛАВА V

Соотносительность мышленія и психической дѣйствительности.

238. Виды соотношеній мышленія и психической дѣйствительности 324

§§ *Стр.*

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И ОЩУЩЕНІЙ

— Зависимость идей отъ ощущеній Обратная зависимость ощущеній отъ идей Соотношенія идей и ощущеній теплоты 324

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И ВОЛНЕНІЙ.

239. Виды соотношеній идей и волненій. — Превращеніе идей въ волненія. Чувства симпатическія. 326

240 Обратное вліяніе волненій на вызвавшія ихъ идеи положительное; отрицательное. Происхожденіе непроизвольныхъ умственныхъ дѣйствій: воспоминаній, представленій, анализа; творчества 327

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И РЕАЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

241. Виды соотношенія идей и реальныхъ дѣйствій Соотношенія въ фактахъ мысленной мотивацін дѣйствій Вліяніе идей чувствъ на идеи дѣйствій 328

242. Зависимость первичныхъ идей реальныхъ дѣйствій, отъ самыхъ реальныхъ дѣйствій Переходъ идей дѣйствій въ самыя дѣйствія Два періода этого перехода. Невольное представленіе дѣйствія. Приращеніе помысла Образованіе намѣренія. Его условія. Переходъ намѣренія въ дѣло. Процессъ этого перехода. 329

СООТНОШЕНІЯ УМСТВЕННЫХЪ И РЕАЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

243 Факты соотношеній умственныхъ и реальныхъ дѣйствій. Соотношенія реальныхъ актовъ зрѣнія съ умственными операціями при помощи зрительныхъ идей 331

Зависимость умственныхъ операцій зрительнаго характера отъ реальныхъ актовъ зрѣнія.

— Черты тожества умственныхъ операцій зрительнаго характера съ реальными актами зрѣнія —Движенія

§§ *Стр.*

сопровождающія реальные акты зрѣнія, и зрительныя представленія Явленія взаимодѣйствія цвѣтовъ въ области зрѣнія, и зрительныхъ представленій. Нѣкоторые предѣлы свойственные зрительнымъ представленіямъ. Представленія *позади* себя или *за* собою. Безконечное пространство. Его представленіе съ помощью нѣкоторой умственной иллюзіи 332

244. Преобразованія реальныхъ актовъ зрѣнія, сближающія ихъ съ умственными операціями зрительнаго характера. Виды такихъ преобразованій.—Преобразованіе наблюденія линій—въ воображеніе линій. Начертанія линій, сопровождающія движеніе взгляда . . . —

245 Преобразованіе наблюденій фигуръ, зрительнаго движенія, цвѣтовъ, въ соотвѣтственные акты воображенія. 338

246 Переходъ нестереоскопическаго представленія въ стереоскопическое воображеніе. 338

Зависимость реальныхъ актовъ зрѣнія отъ умственныхъ операцій зрительнаго характера.

247. Предметы нестереоскопическаго представленія, зависящіе отъ реальныхъ актовъ зрѣнія 339

248. Тѣже предметы зависящіе отъ умственныхъ операцій зрительнаго характера 341

249 Преобразованіе нестереоскопическихъ видовъ и отраженій въ стереоскопическія 343

ОБЩІЯ СВОЙСТВА И ЗАКОНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ДУХА.

ОБЩІЯ СВОЙСТВА И ЗАКОНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ДУХА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Для опредѣленія предмета нашихъ изслѣдованій, объяснимъ кратко, что́ разумѣется здѣсь подъ именемъ *человѣческаго духа*, и какъ понимаются его *общія* свойства и законы.

Чтобъ устранить изъ вступительныхъ объясненій возможные поводы къ возраженіямъ, мы опредѣляемъ смыслъ перваго термина слѣдующимъ образомъ: *человѣческій духъ* есть тоже самое что *человѣкъ какъ духъ*, или какъ узелъ тѣхъ свойствъ, которыя открываются ему въ такъ-называемыхъ *психическихъ* фактахъ его существованія,—т. е. въ фактахъ или явленіяхъ его *сознанія*, страдательнаго и дѣятельнаго.

Поэтому, изслѣдованіе свойствъ и законовъ человѣческаго духа можетъ быть названо изученіемъ *человѣка въ его психическихъ свойствахъ и ихъ законахъ*.

Психическія свойства человѣка, вмѣстѣ съ ихъ законами, могутъ быть раздѣлены двояко: во-первыхъ, на *общія* и *частныя*, — и во-вторыхъ, на *общія* и *спеціальныя*. *Частными* мы называемъ свойства представляе-

мыя отдѣльными классами психическихъ фактовъ, и называемыя *умомъ* человѣка, *волею* и т. д.; *спеціальными*— свойства отличающія человѣка отъ животныхъ, и называемыя его *разумомъ* или *разумностью*. Изслѣдуя въ нашемъ сочиненіи *общія* свойства человѣческаго духа и ихъ законы, мы исключаемъ изъ собственнаго круга нашихъ изысканій все *спеціальное* и *частное* въ указанномъ смыслѣ, ограничиваясь тѣми свойствами какія наблюдаются во всѣхъ классахъ психическихъ фактовъ и болѣе или менѣе общи человѣку съ животными.

Къ общимъ свойствамъ человѣческаго духа принадлежатъ: *Относительность*, *Соотносительность* и *Рефлексивность*.

ПСИХИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

ПСИХИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

2. Между общими психическими свойствами человѣка, первое мѣсто принадлежитъ *психической относительности*. Въ относительности психическихъ фактовъ заключаются коренныя черты ихъ природы и исторіи.

Понятіе относительности какъ общаго свойства человѣческаго духа требуетъ опредѣленія по своему содержанію и объему.

Содержаніе понятія *относительности*, или характеристическіе признаки послѣдней, опредѣляются по противоположности съ понятіемъ *абсолютности*.

Подъ *абсолютностью* разумѣютъ въ наукѣ двѣ черты бытія и знанія отрѣшенность отъ условій или *безусловность*, и отрѣшенность отъ всякихъ границъ или *неограниченность*. Въ приложеніи къ человѣческому духу, абсолютность означаетъ обыкновенно безусловность и неограниченность нѣкоторыхъ человѣческихъ *знаній*, вмѣстѣ съ безусловностью и неограниченностью тѣхъ сторонъ психическаго бытія человѣка, которыя служатъ ихъ *органами*.

Соотвѣтственно этому, подъ относительностью, какъ противоположностью абсолютности, можно разумѣть только два свойства: *условность* и *ограниченность*.

Обращаясь къ объему понятія относительности, находимъ, что обѣ черты этого свойства—условность и ограниченность—въ научныхъ изслѣдованіяхъ о духѣ разсматриваются всего чаще какъ характеристическія черты нашихъ знаній. Съ такимъ тѣснымъ смысломъ этого термина, въ приложеніи къ человѣческому духу, нельзя согласиться по слѣдующимъ причинамъ Во-первыхъ, терминъ абсолютности прилагается, какъ мы замѣтили, не только къ человѣческому знанію, но и къ его органамъ. Во-вторыхъ, относительность человѣческихъ знаній не можетъ быть доказана, пока не доказана относительность психическихъ фактовъ могущихъ служить органами ихъ; а это не достижимо до тѣхъ поръ пока не доказана относительность всѣхъ психическихъ фактовъ вообще, или пока она не признана общимъ свойствомъ человѣческаго духа. Въ-третьихъ, анализъ психическихъ фактовъ даетъ полное основаніе разсматривать относительность какъ ихъ *общее свойство*.

Приступая къ оправданію нашего взгляда на относительность, какъ общее свойство человѣческаго духа, мы разсмотримъ оба признака этого свойства въ слѣдующемъ порядкѣ: во-первыхъ, *условность*, и во-вторыхъ, *ограниченность*.

ГЛАВА I.

ПСИХИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Виды психической условности —Раздѣленіе доказательствъ.—*Внутренняя* условность психическаго образованія человѣка.—Психическія отношенія: Страдательныя и дѣятельныя.—Мысленныя и дѣйствительныя.—Производительныя и непроизводительныя.—Потенціальныя и актуальныя —Возвратныя и прямыя.

3. Относительность есть общее свойство всей исторіи человѣческаго духа, — ея начала, продолженія и конца. Относительность ея *конца*, въ смыслѣ *достоинства* или *совершенства*, есть психическая *ограниченность* человѣка; относительность же ея *начала* и *продолженія* есть его психическая *условность*.

Сообразно съ опредѣленіемъ психической условности человѣка, мы разсмотримъ, во-первыхъ, условность *начала* психическихъ фактовъ, — иначе условность *психическаго образованія* человѣка, и во-вторыхъ, условность продолженія психическихъ фактовъ, — иначе условность *психическаго сохраненія* человѣка.

4. Доказательства условности образованія психическихъ фактовъ могутъ быть раздѣлены на три рода. Одни даются исторіею развитія отдѣльныхъ лицъ: это

именно—*внутренняя* условность психическаго образованія человѣка. Другія получаются изъ исторіи развитія человѣческихъ обществъ; это — *общественно-историческая* условность психическаго образованія человѣка. Третьи доставляются исторіею развитія человѣка какъ животнаго организма; это — *органическая* условность психическаго образованія человѣка.

ВНУТРЕННЯЯ УСЛОВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

5. Исторія развитія отдѣльныхъ лицъ показываетъ, что всѣ классы психическихъ фактовъ существованія человѣка образуются *одинъ изъ другого*. Эту-то условность образованія психическихъ фактовъ мы и называемъ *внутреннею* условностью психическаго образованія человѣка. Внутренней условности образованія избѣгаетъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, только одинъ классъ психическихъ фактовъ, — именно такъ-называемыя *ощущенія*, зависящія обыкновенно отъ причинъ *внѣшнихъ* человѣческому духу или *физическихъ*. Но какъ исходный пунктъ внутренняго развитія всѣхъ другихъ классовъ психическихъ фактовъ, ощущенія не могутъ быть вполнѣ устранены изъ нашихъ изслѣдованій внутренней условности психическаго образованія человѣка.

Внутренняя условность образованія психическихъ фактовъ открывается легче, если эти факты разсматриваются какъ факты *психическихъ отношеній* человѣка. Послѣднія могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе классы: 1, отношенія *страдательныя* и *дѣятельныя;* 2, *мысленныя* и *дѣйствительныя;* 3, *производительныя* и *непроизводи-*

тельныя; 4, *потенціальныя* и *актуальныя;* и 5, *прямыя* и *возвратныя*. Такимъ образомъ, для раскрытія внутренней условности образованія психическихъ фактовъ, обратимся къ изслѣдованію возникновенія исчисленныхъ нами классовъ психическихъ отношеній человѣка.

Психическія отношенія: — страдательныя и дѣятельныя.

6. Къ *страдательнымъ* психическимъ отношеніямъ человѣка принадлежатъ его *чувства* и *идеи*. Такъ какъ идеи входятъ въ классъ отношеній, которыя должны быть разсмотрѣны позднѣе, то мы остановимся здѣсь на *чувствахъ* человѣка.

Чувства противополагаются нами *дѣйствіямъ* или *дѣятельнымъ* отношеніямъ, какъ отношенія *страдательныя*. Страдательный характеръ чувствъ не подлежитъ сомнѣнію; вопросъ можетъ быть только о томъ имѣемъ ли мы право разсматривать эти психическіе факты какъ факты страдательныхъ психическихъ *отношеній?*—Утвердительный отвѣтъ на это дается анализомъ чувствъ. Чувства представляютъ первичную форму человѣческаго *сознанія* или суть всегда чувства *чего нибудь*, какихъ нибудь предметовъ,—слѣдовательно, страдательныя психическія отношенія къ нимъ. Что это за предметы, и каковъ характеръ психическихъ къ нимъ отношеній представляемыхъ чувствами, видно изъ качества послѣднихъ какъ *удовольствій* или *страданій*, иначе какъ чувствъ *пріятныхъ* или *непріятныхъ*. Пріятное или непріятное чувство чего нибудь есть чувство пріятности или непріятности чего нибудь,—есть простѣйшая, первичная форма

оцѣнки: слѣдовательно, чувства суть прежде всего психическія отношенія *критическаго* характера. Какъ отношенія страдательныя, чувства, далѣе, предполагаютъ впереди себя отношенія дѣятельныя, которыми они вызываются, и которыя состоятъ въ разнообразныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяніяхъ или *впечатлѣніяхъ* на составъ человѣка. Чувства представляютъ страдательный психическій отвѣтъ на этотъ дѣятельный вызовъ,—слѣдовательно, *психическую оцѣнку качества внѣшнихъ и внутреннихъ впечатлѣній.*

Отсюда видно, что никакое чувство не можетъ возникнуть безъ внѣшнихъ, физическихъ,—или безъ внутреннихъ, психическихъ вліяній на человѣка. Эта-то внѣшняя и внутренняя условность чувствъ и служитъ основаніемъ дѣленія ихъ на два порядка: — *ощущенія*, называемыя иначе внѣшними ощущеніями, внѣшними чувствами, — и *волненія,* называемыя также душевными или психическими волненіями, душевными потрясеніями, и чувствами внутренними. Ощущенія вызываются обыкновенно вліяніями внѣшнихъ вещей; волненія—впечатлѣніями производимыми на человѣка его ощущеніями, идеями и другими классами психическихъ фактовъ. Образованіе чувствъ завершается переходомъ ихъ съ однихъ предметовъ на другіе и преобразованіемъ простѣйшихъ въ болѣе сложныя.

7. *Дѣятельныя* отношенія распадаются на два порядка: — *скрытныя*, заключающіяся въ одномъ психическомъ *напряженіи*, или готовности къ дѣйствіямъ, — и *открытыя*, состоящія въ самыхъ *дѣйствіяхъ*. Первыя принадлежатъ къ классу отношеній, которыя должны быть разсмотрѣны позднѣе; поэтому мы остановимся здѣсь на однихъ *дѣйствіяхъ* человѣка.

Характеръ дѣйствій какъ психическихъ отношеній выступаетъ наглядно въ раздѣленіи ихъ на два класса,—*активныя* и *реактивныя*. Активными мы называемъ дѣйствія возбужденія и подавленія въ вещахъ—движеній, напряженій, чувствъ, идей и дѣйствій; реактивными называемъ дѣйствія вызываемыя активными и составляющія дѣятельный психическій отвѣтъ на послѣднія. Ясно, что тѣ и другія дѣйствія суть два вида дѣятельныхъ психическихъ *отношеній*.

Въ данномъ опредѣленіи активныхъ отношеній указано разнообразіе предметовъ, на которые простираются человѣческія дѣйствія. Если мы ограничимъ наше вниманіе только *ближайшими* предметами послѣднихъ, то найдемъ, что они даны исключительно въ мозгѣ человѣка и его нервахъ и мускулахъ. Ближайшими предметами человѣческихъ дѣйствій опредѣляется внѣшняя или физическая условность ихъ. Но предметы дѣйствій суть лишь среда дѣйствій; собственное содержаніе послѣднихъ получается только по отвлеченіи отъ первыхъ. Какъ психическія отношенія разсматриваемыя въ своемъ собственномъ содержаніи, дѣйствія человѣка суть ничто иное какъ *дѣйствія его чувствъ и идей* на его нервную и мускульную систему,—или вліяніе первыхъ на физическіе процессы послѣднихъ. Въ силу этого вліянія, чувства и идеи человѣка становятся *психическими дѣятелями*, ближайшимъ образомъ—въ природѣ физической, а за тѣмъ и нравственной. Этимъ опредѣляется психическая или внутренняя условность дѣйствій человѣка.

Психическія отношенія: мысленныя (идеальныя) и дѣйствительныя (реальныя).

8. Раздѣленіе психическихъ отношеній на *мысленныя* и *дѣйствительныя*, или *мышленіе* и *психическую дѣйствительность*, проходитъ по всѣмъ классамъ психическихъ фактовъ. Есть дѣйствительныя, и есть мысленныя формы—отношеній *производительныхъ*, *потенціальныхъ* и *возвратныхъ*. Но такъ какъ эти классы психическихъ отношеній должны быть подвергнуты особымъ изслѣдованіямъ, то для объясненія противоположности мысленныхъ и дѣйствительныхъ отношеній обратимся, въ настоящемъ мѣстѣ, къ классу психическихъ фактовъ, уже разсмотрѣнному нами.

Страдательныя и дѣятельныя отношенія человѣка, подобно другимъ классамъ психическихъ отношеній, раздѣляются на мысленныя и дѣйствительныя. Мысленныя отношенія страдательнаго характера называются *идеями* человѣка; мысленныя отношенія дѣятельнаго характера носятъ названіе его *умственныхъ операцій*.

Что идеи и умственныя операціи человѣка представляютъ два вида его психическихъ отношеній,—страдательныя и дѣятельныя,—это вытекаетъ изъ слѣдующаго. Идеи всегда противопоставлялись умственнымъ операціямъ, какъ состоянія страдательныя—дѣятельнымъ. Слѣдовательно вопросъ сводится къ тому: эти страдательныя и дѣятельныя состоянія человѣка въ правѣ ли мы разсматривать какъ его психическія *отношенія?* — Отвѣчаемъ утвердительно. Какъ идеи, такъ и умственныя операціи человѣка суть формы его сознанія, страдательнаго и дѣ-

ятельнаго; слѣдовательно, какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ свои *предметы*. Идеи суть страдательныя мысли о *чемъ нибудь*; умственныя операціи суть мысленныя работы надъ *чѣмъ нибудь;* слѣдовательно, идеи и умственныя операціи представляютъ *два вида мысленныхъ отношеній къ предметамъ*. Къ какимъ предметамъ,—и чѣмъ эти (мысленныя) отношенія отличаются отъ *дѣйствительныхъ:*—вотъ дальнѣйшіе вопросы о природѣ идей и умственныхъ операцій.

Если мы подвергнемъ анализу *первичныя* идеи и *первичныя* умственныя операціи,—т. е. идеи, которыя не образовались изъ другихъ идей, и операціи, которыя не образовались изъ другихъ умственныхъ операцій,—то найдемъ, что предметы этого рода *мысленныхъ* отношеній тожественны съ предметами противоположныхъ имъ *дѣйствительныхъ*. Противоположныя первичнымъ идеямъ дѣйствительныя психическія отношенія суть *чувства*, взятыя во всемъ ихъ содержаніи, собственномъ и дополнительномъ. Противоположныя первичнымъ умственнымъ операціямъ реальныя отношенія суть *реальныя дѣйствія* человѣка. Такимъ образомъ, предметы чувствъ человѣка бываютъ первыми предметами и его идей; а предметы его реальныхъ дѣйствій—первыми предметами, надъ которыми онъ работаетъ въ своемъ умѣ.

9. Но если предметы дѣйствительныхъ, и первичныхъ мысленныхъ отношеній человѣка одни и тѣже, то характеръ тѣхъ и другихъ отношеній неодинаковъ. Между тѣмъ какъ дѣйствительныя отношенія къ предметамъ суть отношенія *прямыя*,—мысленныя отношенія, какъ первичныя такъ еще болѣе вторичныя, никогда не бываютъ прямыми,—иначе всегда *косвенны*.

Косвенность мысленныхъ отношеній человѣка къ предметамъ имѣетъ для него свои невыгоды и выгоды. Какъ отношенія къ тѣмъ же самымъ предметамъ, отношенія мысленныя составляютъ нѣкоторое *повтореніе* дѣйствительныхъ идей человѣка — своеобразное повтореніе его чувствъ; умственныя операціи — такое же повтореніе его внѣшнихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, вслѣдствіе косвенности мысленныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ первичныхъ, оригинальность по предмету остается всецѣло на сторонѣ противоположныхъ имъ дѣйствительныхъ. — Съ недостаткомъ оригинальности мысленныхъ отношеній связанъ недостатокъ ихъ *интенсивности*. Только въ случаяхъ исключительныхъ, напр. болѣзни,—мысленныя отношенія къ предметамъ могутъ достигать напряженія дѣйствительныхъ; обыкновенно же первыя представляются только слабыми тѣнями послѣднихъ. Недостатокъ интенсивности мысленныхъ отношеній, простираясь на качества пріятности и непріятности идей, лишаетъ послѣднія той степени влятельности, какая свойственна противоположнымъ имъ реальнымъ удовольствіямъ и страданіямъ.

Но эти невыгоды косвеннаго характера мысленныхъ отношеній вознаграждаются своими выгодами. Тѣ же самые предметы, которые составляютъ *прямыя* условія дѣйствительныхъ отношеній человѣка, оказываются лишь *косвенными* условіями отношеній мысленныхъ. Иначе сказать, мысленныя отношенія человѣка къ предметамъ находятся въ меньшей отъ нихъ зависимости, чѣмъ его дѣйствительныя отношенія, или значительно свободнѣе послѣднихъ. Для отношеній дѣйствительныхъ требуется присутствіе ихъ предметовъ: для отношеній мысленныхъ—наличность ихъ предметовъ и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ не всегда

необходима. Эта свобода мышленія открываетъ просторъ умственному творчеству.—Недостатокъ интенсивности мысленныхъ отношеній имѣетъ также свои выгоды. Ослабленіе напряженности удовольствій и страданій въ идеяхъ является первымъ укротителемъ страстности человѣка и источникомъ нѣкоторой свободы его дѣйствій отъ подавляющаго вліянія его чувствъ. Самая нейтрализація пріятнаго и непріятнаго качества идей сообщаетъ имъ тотъ видъ безстрастія, который такъ отличаетъ собственные элементы знанія.

10. Косвеннымъ характеромъ идей и умственныхъ операцій, какъ мысленныхъ отношеній, обнаруживаются *косвенныя* условія ихъ образованія; перейдемъ теперь къ *прямымъ* условіямъ послѣдняго.

Вопросъ о прямыхъ условіяхъ возникновенія идей соотвѣтствуетъ давнему вопросу объ *источникахъ* идей. Важнѣйшее препятствіе къ рѣшенію послѣдняго вопроса заключалось въ его невѣрной постановкѣ. Спрашивали обыкновенно объ источникахъ идей *простыхъ*,—предполагая, что идеи *первичныя*, т. е. не образующіяся изъ другихъ идей, должны быть непремѣнно простыми. Предположеніе это однако не оправдывается анализомъ нашего мышленія. Есть и идеи простыя *производнаго* или *вторичнаго* происхожденія: есть и сложныя идеи, у которыхъ, не смотря на ихъ сложность, нельзя оспаривать характера первичности. Такимъ образомъ, на мѣсто давняго вопроса объ источникахъ простыхъ идей, и объ образованіи изъ нихъ идей сложныхъ, мы должны поставить новый вопросъ: *о прямыхъ условіяхъ идей первичныхъ и вторичныхъ.*

Вторичными называются здѣсь всѣ идеи вытекающія изъ другихъ идей,—слѣдовательно въ концѣ изъ такихъ, которыя сами зависятъ не отъ идей, а отъ психи-

ческой дѣйствительности. Поэтому, относительно вторичныхъ идей остается собственно одинъ вопросъ: *какъ* эти идеи образуются изъ первичныхъ. Но относительно первичныхъ существуютъ два вопроса: *какъ* и *изъ чего* образуются эти идеи.

Какъ образуются первичныя идеи,—вопросъ, для рѣшенія котораго мы не видимъ достаточно данныхъ въ настоящемъ состояніи науки. Такимъ образомъ, часть прямыхъ условій ихъ образованія остается безъ объясненія. Но для нашей цѣли,—для доказательства прямой внутренней условности первичныхъ идей, достаточно отвѣтить на второй вопросъ. изъ чего образуются всѣ первичныя идеи.

Мы имѣемъ основанія утверждать, что первичныя идеи, какъ мысленныя отношенія страдательнаго свойства, образуются изъ противоположныхъ имъ дѣйствительныхъ,— т. е. *чувствъ* человѣка, — принимая послѣднія во всемъ ихъ объемѣ и со всѣмъ ихъ содержаніемъ, собственнымъ и дополнительнымъ. Основанія эти заключаются въ слѣдующемъ. Какъ первичныя идеи человѣка, такъ и его чувства, представляютъ его страдательныя отношенія къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, первыя—косвенныя, вторыя — прямыя. Это наводитъ на мыслъ, что предметы, условливающіе прямымъ образомъ чувства человѣка, и косвенно его идеи, условливаютъ послѣднія черезъ первыя; — иначе сказать, что чувства и суть прямыя условія первичныхъ идей, или что послѣднія образуются изъ первыхъ. Это заключеніе оправдывается сравненіемъ свойствъ первичныхъ идей и чувствъ. Если тѣ и другія разсматривать отвлеченно отъ обстоятельствъ ихъ возникновенія, то едва ли можно открыть какую нибудь другую разницу между ними, кромѣ различной интенсивности или напря-

женности тѣхъ и другихъ. Сходство такъ поразительно, что заставляетъ называть первичныя идеи *чувствами въ мысляхъ* или *идеяхъ*,—*мысленными, идеальными чувствами;* и т. д.—Къ тому же заключенію мы приходимъ, разсматривая теченіе идей человѣка въ его воспоминаніяхъ. Порядокъ этого теченія идей,—современность и преемство ихъ возникновенія, съ такою точностію отражаютъ предшествующіе опыты дѣйствительныхъ отношеній человѣка, — современность и преемство его впечатлѣній или чувствъ,—что нѣтъ возможности освободиться отъ заключенія, что въ послѣднихъ и содержатся прямыя условія первыхъ, или что первыя суть только нѣкоторое *преобразованіе* послѣднихъ. Всякія недоумѣнія насчетъ такого преобразованія исчезаютъ, по мѣрѣ того какъ открываются основанія полагать, что теченіе идей въ воспоминаніяхъ есть только возвращеніе ихъ по извѣстнымъ намъ законамъ,—между тѣмъ какъ первое образованіе ихъ, по законамъ намъ неизвѣстнымъ, совершается въ минуты самыхъ впечатлѣній или чувствъ человѣка. Каждое текущее чувство такъ-сказать *помѣчается* тотчасъ же соотвѣтственною идеею; и эти-то первыя мысленныя помѣты дѣйствительныхъ отношеній человѣка и суть то, что̀ мы называемъ его *первичными* идеями.

11. Противъ нашего вывода первичныхъ идей могутъ возражать, выставляя на видъ кажущуюся скудость ихъ источника.—Въ отвѣтъ на такое возраженіе замѣтимъ, что въ чувствахъ человѣка заключаются всѣ формы его реальнаго сознанія; помимо чувствъ есть только разнообразіе идеальнаго, мысленнаго сознанія; такъ что, выводя первичныя идеи человѣка изъ его чувствъ, мы выводимъ первичныя формы мысленнаго сознанія непосредственно

изъ всѣхъ формъ сознанія дѣйствительнаго. При такомъ взглядѣ на чувства, содержаніе ихъ какъ первоисточника идей не представится скуднымъ.—Въ богатствѣ этого содержанія легко убѣдиться при обозрѣніи главнѣйшихъ классовъ нашихъ чувствъ. Съ этою цѣлью мы удержимъ извѣстное дѣленіе ихъ на два порядка *ощущенія* и *волненія*. Ощущенія даютъ *идеи ощущаемаго*. Ощущаются собственно удовольствія и страданія, вызываемыя внѣшними, непсихическими вліяніями на нервы; отсюда почерпаются *идеи* всѣхъ *болей*, всѣхъ страданій и всѣхъ тяжелыхъ и непріятныхъ состояній тѣла, равно какъ и всѣхъ пріятныхъ возбужденій его, всѣхъ *тѣлесныхъ наслажденій*. Къ этому, собственному содержанію ощущеній и получаемыхъ изъ нихъ идей присоединяется другое, дополнительное. Какъ чувства не только пріятности или непріятности внѣшнихъ вліяній, но и нѣкоторыхъ спеціальныхъ послѣдствій ихъ, ощущенія становятся пріятными и непріятными чувствами *свѣта*, *цвѣтовъ*, *звуковъ*, *запаховъ*, *вкусовъ* и т. д. Это дополнительное содержаніе ощущеній служитъ богатѣйшимъ источникомъ *идей* такъ-называемыхъ *внѣшнихъ* или *чувственныхъ качествъ*, равно какъ и идей *физическаго напряженія* и *движеній*.

Обиліе идей, получаемыхъ человѣкомъ изъ ощущеній, внушило нѣкоторымъ ученымъ надежду вывесть изъ этихъ идей всѣ остальныя, безъ помощи всякой другой психической дѣйствительности страдательнаго свойства. Предпринятыя съ этою цѣлью изслѣдованія не оправдали такой надежды; но опыты пополненія этого источника первичныхъ идей доказали, что гораздо легче подмѣтить, чѣмъ исправить недостатокъ такъ-называемаго *сенсуализма*.— Съ своей стороны, не находя другихъ формъ реальнаго

сознанія кромѣ чувствъ, мы полагаемъ, что къ ощущеніямъ человѣка, какъ источнику его первичныхъ идей, нельзя прибавить другого источника кромѣ такъ-называемыхъ его *волненій*, или чувствъ вызываемыхъ *внутренними*, психическими вліяніями на его первую систему.

Волненія даютъ идеи всего что чувствуется въ волненіяхъ. Такимъ образомъ, волненія новости, удивленія, страха, нѣжности, даютъ *идеи новаго, дивнаго, страшнаго, нѣжнаго*.—Чтобы получить понятіе о богатствѣ идей пріобрѣтаемыхъ человѣкомъ изъ этого источника, слѣдуетъ перейти отъ волненій доступныхъ общему замѣчанію, къ волненіямъ на которыя рѣдко обращается вниманіе даже спеціалистовъ въ этомъ отдѣлѣ научныхъ знаній. Таковы—волненія играющія важнѣйшую роль въ умственныхъ операціяхъ, и испытываемыя слишкомъ часто чтобы сохранить свойственное имъ первоначально качество пріятности и непріятности; это—чувства тожества и чувства разницы, со всѣми ихъ видами и подраздѣленіями. Изъ этого именно источника получаются *идеи тогоже* и *иного, одинаковаго* и *различнаго, равнаго* и *неравнаго, сходнаго* и *несходнаго, подобнаго* и *неподобнаго;* и проч.—Таковы, далѣе, волненія вызываемыя различными формами дѣйствій и психическаго напряженія. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, чувства дѣйствія и противодѣйствія, чувства свободы и стѣсненія,—откуда получаются соотвѣтственныя *идеи дѣйствій, противодѣйствій* или *препятствій, свободы, стѣсненій* Сюда же относятся и тѣ волненія, которыя въ сочетаніи съ вызывающими ихъ различными формами психическаго напряженія, носятъ названіе *хотѣній, желаній, влеченій, любви, ненависти, отвращеній*. Изъ этого класса волненій берутъ свое начало *идеи* такъ-называемыхъ *явле-*

ній воли. — Наконецъ, мы должны упомянуть и о томъ, необозримо широкомъ отдѣлѣ чувствъ, который играетъ такую важную роль въ оцѣнкѣ нашего поведенія, нашей дѣятельности и производительности. Сюда принадлежатъ эстетическія чувства *красоты, гармоніи, граціи;* и т д. Сюда относятся нравственныя чувства *долга, правды, виновности*; и т. д. Изъ этихъ различныхъ формъ живого эстетическаго и нравственнаго сознанія берутъ свое начало первичныя *идеи изящества* и *нравственности.*

Представленный нами краткій перечень основныхъ классовъ ощущеній и волненій человѣка достаточно указываетъ на богатство этого источника его первичныхъ идей.

12 Перейдемъ теперь къ прямымъ условіямъ образованія *вторичныхъ идей* человѣка. Прямая условность вторичныхъ идей видна отчасти изъ самаго названія или опредѣленія этихъ идей; потому что *вторичными* идеями называются такія которыя образуются непосредственно не изъ психической дѣйствительности, а изъ *идей,* и въ послѣднемъ анализѣ—изъ *первичныхъ* идей. Дальнѣйшимъ указаніемъ на прямыя условія образованія вторичныхъ идей можетъ служить объясненіе того, какъ эти идеи образуются изъ первичныхъ Образованіе вторичныхъ идей изъ первичныхъ заключается въ *преобразованіи* послѣднихъ, которое имѣетъ различныя формы. — первичныя идеи то разлагаются, то слагаются, то измѣняютъ свое положеніе въ ряду другихъ идей, то претерпѣваютъ превращенія, вслѣдствіе условій сочетанія, или въ соотвѣтствіе съ своими сопровожденіями, и т. д —Всякое преобразованіе идей происходитъ или въ силу тѣхъ широкихъ законовъ ихъ теченія, которые называются *законами ассоціаціи*, или вслѣдствіе *умственныхъ операцій*. Такимъ образомъ,

сложеніе идей можетъ быть достигнуто и безъ всякой умственной работы, — напр. подъ вліяніемъ чужой рѣчи, или другихъ соотвѣтственныхъ впечатлѣній, но оно же бываетъ послѣдствіемъ умственной операціи называемой *умственнымъ синтезомъ*. Точно такъ же, *превращеніе* идей можетъ быть чисто страдательною формою мышленія,— какъ это доказывается сновидѣніями; но оно же можетъ быть послѣдствіемъ умственной работы,—какъ это наблюдается напр. въ наукахъ, искуствахъ и изобрѣтеніяхъ.

13. Остается указать прямыя условія образованія *умственныхъ операцій*. Одно изъ такихъ условій открывается въ характерѣ зависимости умственныхъ операцій отъ предметовъ. Въ противоположность дѣйствіямъ реальнымъ, которыя являются въ *прямой* зависимости отъ предметовъ, умственныя операціи условлены ими только *косвенно*, какъ косвенныя отношенія къ предметамъ, — отношенія черезъ *идеи*, или въ однѣхъ *мысляхъ*, въ *умѣ*. Эта косвенная условность умственныхъ операцій указываетъ на *идеи*, какъ прямое условіе этихъ операцій. Дѣйствія надъ предметами въ идеяхъ обусловлены присутствіемъ идей, и преимущественно *теченіемъ идей по законамъ ассоціаціи*. Такими условіями умственныхъ дѣйствій служатъ на первый разъ идеи *первичныя*, въ содержаніи которыхъ отражается содержаніе нашихъ реальныхъ отношеній, нашихъ дѣйствительныхъ наблюденій и опытовъ; и только позднѣе, съ образованіемъ идей *вторичныхъ*, тоже значеніе получаютъ послѣднія.

Второе, столь же важное условіе умственныхъ операцій открывается изъ самаго опредѣленія ихъ какъ отношеній *дѣятельныхъ* или *дѣйствій*. Идеи, необходимыя для умственныхъ операцій, не составляютъ дѣйствій, хотя

бы даже были идеями дѣйствій. Умственныя операціи являются тогда, когда въ продолженіе идей, только что образовавшихся изъ реальныхъ психическихъ фактовъ, или въ теченіе идей по законамъ ассоціаціи, привходитъ элементъ дѣйствія, сообщающій этому страдательному мышленію характеръ мысленныхъ дѣйствій. Послѣднее условіе умственныхъ операцій достаточно разъяснится съ указаніемъ, во-первыхъ, на *источникъ*, во-вторыхъ, на *формы*, и въ-третьихъ, на *законы* привходящихъ дѣйствій.

Дѣйствія надъ предметами въ идеяхъ вытекаютъ изъ общаго источника всей психической дѣятельности человѣка,—изъ его чувствъ и идей, какъ удовольствій и страданій, — и суть ничто иное какъ вліяніе этихъ психическихъ фактовъ на продолженіе идей, и ихъ теченіе по законамъ ассоціаціи.—Это вліяніе не устраняетъ, а только видоизмѣняетъ работу законовъ ассоціаціи, и обнаруживается при этомъ въ двоякой формѣ —въ формѣ *содѣйствія*, и въ формѣ *противодѣйствія* теченію идей по этимъ законамъ. Послѣдствія такого вмѣшательства можно предвидѣть изъ самаго характера психическихъ дѣятелей. Чувства и идеи, дѣйствуя какъ удовольствія и страданія, или какъ отношенія *критическія* къ теченію идей по законамъ ассоціаціи, должны сообщать послѣднему тѣ черты, какія отвѣчаютъ ихъ критическому характеру.—Самый способъ вліянія идей и чувствъ отличается простотою. Содѣйствіе теченію идей ограничивается простымъ *замедленіемъ* теченія одной или многихъ идей,—замедленіемъ сообщающимъ дальнѣйшей работѣ законовъ ассоціаціи то направленіе, какое вызывается характеромъ дѣйствующихъ идей и чувствъ. Такимъ-то образомъ, идеи дѣйствій получаютъ

характеръ *представленій*, *воображенія*, *припоминаній*; — чувства сходствъ и разницъ, вызываемыя текущими идеями и ихъ преобразованіями, обусловливаютъ возникновеніе другихъ умственныхъ операцій, каковы: *сравненіе*, *различеніе*, *уподобленіе*, *обобщеніе*. — Наоборотъ, противодѣйствіе теченію идей по законамъ ассоціаціи состоитъ въ *ускореніи* его, доводящемъ текущія идеи до неразличимости. Сюда относятся тѣ умственныя операціи, которыя заключаются въ разнообразныхъ формахъ *подавленія* идей,—каковы. *исключеніе* идеи изъ ряда другихъ идей; *отвлеченіе* мысли отъ предмета, *уклоненіе* отъ думъ; насильственный *обрывъ* послѣднихъ; и т. д.—Наконецъ, по вопросу о законахъ разсматриваемаго нами вліянія чувствъ и идей слѣдуетъ прибавить, что оно подчинено между прочимъ тому широкому закону психическихъ фактовъ, который мы называемъ *закономъ произвольности*.

Психическія отношенія: производительныя и непроизводительныя.

14. Психическая производительность человѣка есть такъ-называемое его *творчество*.

Творчество человѣка раздѣляется на два главные вида. — *мысленное, идеальное*, — и *дѣйствительное, реальное*. Мысленнымъ творчествомъ мы называемъ *созиданіе* въ *умѣ* или въ *мысляхъ* чего нибудь *оригинальнаго*, — т. е. отличнаго отъ наблюдаемаго въ дѣйствительности. Къ такимъ мысленнымъ созданіямъ принадлежатъ, напр., греческіе *боги Олимпа*, *небесная музыка* пифагорейцевъ, *атомы* Демокрита, *идеи* Платона, Дантовъ *адъ;* и т. д. Мысленное творчество человѣка пред-

ставляетъ его оригинальныя мысленныя отношенія къ дѣйствительности,—отношенія отличныя отъ тѣхъ какія даны въ его *первичныхъ* идеяхъ дѣйствительности, и составляющія *преобразованія* послѣднихъ. — Всѣ оригинальныя отношенія человѣка къ дѣйствительности въ фактахъ мысленнаго творчества могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ типамъ. Это, во-первыхъ, оригинальное образованіе и преобразованіе въ умѣ *физическихъ силъ* и *пространственной, матеріальной среды* ихъ дѣйствій, во-вторыхъ, такое же оригинальное обращеніе въ мысляхъ съ дѣйствительностью *психическою*,—съ *психическими силами* природы и съ *явленіями психическаго* порядка; въ *третьихъ*, высшее преобразованіе всего физическаго и психическаго, наблюдаемое въ идеяхъ *бытія возвышающагося* какъ надъ *матеріею*, такъ и надъ *духомъ* человѣка.

Реальное творчество человѣка наблюдается въ фактахъ его *ощущеній* и *реальныхъ дѣйствій*. Сюда относятся слѣдующіе виды творчества: произведеніе міра *внѣшнихъ явленій*, т. е. произведеніе тѣхъ *особенностей* нашихъ ощущеній, которыя дѣлаются представителями *качествъ* внѣшнихъ вещей, и которыя въ своихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ даютъ *явленія напряженія*, *движенія*, *протяженія*, *разстоянія* внѣшнихъ вещей; и т. д. Міръ внѣшнихъ вещей есть прежде всего произведеніе *подчиненной* психической дѣятельности человѣка, именно той психической *реакціи*, какою онъ отвѣчаетъ на внѣшнія впечатлѣнія, одновременно съ ощущеніями послѣднихъ. Такъ-называемыя *внѣшнія явленія* суть первоначально психическія реактивныя отношенія производительнаго характера. — Второй видъ реальнаго творчества человѣка

относится не къ явленіямъ, а къ самымъ вещамъ. Это тѣ преобразованія *отношеній между вещами*, которыя открываются въ ихъ *новыхъ* отношеніяхъ къ человѣку какъ наблюдателю и психическому дѣятелю, или въ измѣненіяхъ *міра явленій*, — и которыя совершаются подъ вліяніемъ психическихъ силъ человѣка, — его чувствъ и идей, сообразно съ характеромъ послѣднихъ, какъ текущей психической оцѣнки преобразуемой дѣйствительности.—Сюда же, наконецъ, принадлежатъ всѣ виды психическаго образованія людей, достигаемаго искуственными методами *воспитанія*, *обученія*, и *самообразованія*. — Всѣ эти виды творчества представляютъ оригинальныя отношенія человѣка къ дѣйствительности—не въ мысляхъ, и на *самомъ дѣлѣ*.

Къ числу основныхъ видовъ мысленнаго и реальнаго творчества слѣдуетъ присоединить преобразованіе дѣйствительности въ простые *знаки* послѣдней, — иначе оригинальныя отношенія человѣка къ дѣйствительности посредствомъ создаваемыхъ имъ знаковъ. Психическія отношенія посредствомъ знаковъ еще болѣе *косвенны*, чѣмъ идеи, или умственныя операціи. Какъ преобразованія дѣйствительности, знаки принадлежатъ первоначально къ классу отношеній *реальныхъ;* но принимая форму идей, входятъ въ составъ отношеній *мысленныхъ*. Между разнообразными системами созданныхъ человѣкомъ знаковъ, кромѣ словъ и письменъ слѣдуетъ отмѣтить еще спеціальные знаки наукъ и искуствъ.

15. Во всѣхъ видахъ психической производительности человѣка ясно выступаетъ ея характеръ какъ суммы оригинальныхъ отношеній человѣка къ дѣйствительности, имѣющихъ своимъ источникомъ его психическія силы.

Можно ли сказать тоже самое о *произведеніяхъ* человѣческаго творчества? и если это справедливо, — чѣмъ отличаются произведенія творчества отъ самаго творчества?— Что произведенія творчества суть также отношенія, мысленныя или реальныя, въ этомъ едва ли можно усомниться всѣ произведенія творческихъ дѣйствій человѣка получаются чрезъ преобразованіе отношеній *въ* дѣйствительности или *къ* дѣйствительности. Разница же состоитъ въ томъ, что факты *творчества* представляютъ *созиданіе* новыхъ отношеній, — между тѣмъ какъ факты *произведеній* творчества представляютъ *новыя* или *вновь установленныя* отношенія, которыя, въ случаѣ своего постоянства, получаютъ значеніе *вторичныхъ законовъ* физической и психической природы, имѣющихъ свой источникъ въ творчествѣ человѣка. Такимъ образомъ, произведеніе творческой мысли, данное въ *идеалогіи* Платона, есть установленное мысленное отношеніе къ дѣйствительности, которое является вторичнымъ закономъ человѣческаго мышленія, т. е. постоянствомъ извѣстнаго сочетанія идей,— даже и тогда когда содержаніе этого произведенія принимается только къ свѣдѣнію, или не обращается въ собственное міровоззрѣніе. — Такимъ же образомъ, когда искуственнымъ воспитаніемъ сообщается воспитаннику какое нибудь желательное психическое свойство, — произведеніе будетъ состоять въ достигнутомъ *постоянствѣ* какого нибудь психическаго отношенія, или *вторичномъ законѣ* психической природы воспитанника. — Наконецъ, и въ области знакового творчества, такія произведенія какъ *языкъ*, *письмена*, представляютъ установившіяся ассоціаціи членораздѣльныхъ дѣйствій и начертаній, какъ во взаимномъ отношеніи частей ихъ состава, такъ и въ отношеніи

письменъ къ словамъ, и словъ къ мыслямъ. Эти постоянства являются *законами слова* и *письма*

16. Обращаясь къ *условіямъ* человѣческаго творчества, найдемъ, что оригинальныя психическія отношенія человѣка къ дѣйствительности суть только преобразованіе другихъ отношеній, не заключающихъ въ себѣ такой оригинальности, — преобразованіе тѣхъ страдательныхъ и дѣятельныхъ отношеній, условность которыхъ разсмотрѣна выше, т. е. *чувствъ* и *идей*, какъ онѣ даны въ своемъ первичномъ видѣ, а также *реальныхъ дѣйствій*, и *умственныхъ операцій* съ тѣмъ же первичнымъ характеромъ. Такъ что въ настоящемъ мѣстѣ мы должны указать только тѣ *дополнительныя* вліянія, которыя придаютъ психическимъ отношеніямъ творческій характеръ.— Начнемъ съ *мысленнаго* творчества. Творческое мышленіе можно раздѣлить на *страдательное* и *дѣятельное*. Страдательное мышленіе состоитъ преимущественно въ теченіи идей по законамъ ассоціаціи. Чтобы придать этому мышленію характеръ творческій, слѣдуетъ ввести въ текущія идеи такія измѣненія, которыми бы онѣ отличались отъ дѣйствительности. Это именно и достигается, прежде всего, простою работою того закона ассоціаціи, который называется *закономъ сходства*; затѣмъ сложною работою другого закона ассоціаціи, называемаго *закономъ смежности;* и наконецъ совмѣстнымъ вліяніемъ обоихъ законовъ. Это—три условія преобразованія текущихъ идей въ ассоціаціи *творческія* или *производительныя*.—Страдательное мышленіе творческаго характера становится *дѣятельнымъ* совершенно такъ же, какъ идеи становятся умственными операціями, — т. е. чрезъ внесеніе въ страдательное творчество элементовъ дѣйствія или

началъ оцѣнки, между прочимъ по закону *произвольности*.

Перейдемъ къ условіямъ *реальнаго* творчества. Произведеніе внѣшняго явленія есть работа величайшей сложности, и состоитъ первоначально въ преобразованіи нашихъ первичныхъ ощущеній — изъ чувствъ удовольствія и страданія—въ ощущенія такъ-называемыхъ внѣшнихъ качествъ, физическаго напряженія и движеній. Условіе такого преобразованія заключается, какъ мы сказали, въ реальной психической реакціи, вызываемой, вмѣстѣ съ ощущеніями,—внѣшними активными отношеніями или *впечатлѣніями*. Но возведеніе изъ этого матеріала великолѣпнаго зданія міра внѣшнихъ явленій есть послѣдствіе работы и многихъ другихъ психическихъ дѣятелей, особенно же *идей*, съ ихъ законами ассоціаціи,—и *умственныхъ операцій*.—Что касается того реальнаго творчества человѣка, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ преобразованіе внѣшняго міра, то ближайшее объясненіе его находится въ неожиданныхъ или случайныхъ послѣдствіяхъ физическаго напряженія и движеній человѣка, сопровождающихся реальнымъ преобразованіемъ *положенія* и *направленія* вещей, *раздѣленіемъ* ихъ и *соединеніемъ*, и сообщеніемъ имъ новыхъ *свойствъ*; но отдаленнымъ и болѣе могущественнымъ условіемъ этого реальнаго творчества является великое *мысленное* или *умственное* творчество человѣка, которое можетъ найти для себя выходъ въ дѣйствительность почти въ каждомъ реальномъ дѣйствіи активнаго характера, въ которомъ психическими дѣятелями являются *мысли* человѣка. — Подобнымъ же образомъ, творчество человѣка, обнаруживающееся въ искуственномъ образованіи другихъ людей, условлено пер-

воначально реальными дѣйствіями случайнаго вызова въ другихъ — чувствъ, идей, психическихъ напряженій, умственныхъ и реальныхъ дѣйствій, — сопровождающагося образованіемъ въ нихъ *свойствъ;* но вторичнымъ и самымъ могущественнымъ условіемъ служитъ и здѣсь умственное творчество человѣка.

Что касается наконецъ творчества знаковъ и въ области знаковъ, то оно зависитъ,—какъ творчество *реальное*, отъ реальныхъ дѣйствій и мысленнаго творчества; и какъ творчество *мысленное*, отъ творческихъ ассоціацій, и условій умственной дѣятельности.

Психическія отношенія: потенціальныя и актуальныя.

17. Отношенія *потенціальныя*, или въ *потенціяхъ*, суть тоже что̀ *потенціи* отношеній, и отношенія *актуальныя*, или *въ актахъ*, суть тоже что̀ *акты* отношеній. Потенціи психическихъ отношеній противополагаются психическимъ актамъ, какъ *возможность* присутствія—дѣйствительному *присутствію* или данности психическихъ фактовъ. Къ психическимъ потенціямъ принадлежатъ, во-первыхъ, *психическія способности*, и во-вторыхъ, *психическія готовности*.

Разница между указанными видами психическихъ потенцій заключается въ слѣдующемъ. Классъ психическихъ способностей обширнѣе класса готовностей того же рода; потому что существуютъ способности и ко всѣмъ формамъ психической готовности.—Далѣе, отсутствіе фактовъ психическихъ отношеній, связанное съ понятіемъ психической потенціи вообще, неодинаково для способностей и готовностей; для послѣднихъ оно ограничено отсутствіемъ

только *открытыхъ* или *явныхъ* психическихъ отношеній.— Наконецъ, вопросъ о психическихъ способностяхъ не отдѣляется отъ общаго вопроса о *психической условности*. Всѣ психическія способности человѣка могутъ быть раздѣлены на два класса,—*положительныя* и *отрицательныя*. Положительныя сводятся къ *присутствію* въ немъ *положительныхъ условій* психическихъ фактовъ; а отрицательныя — къ *отсутствію отрицательныхъ* условій тѣхъ же фактовъ,—иначе сказать къ отсутствію *препятствій* для ихъ возникновенія и развитія. Человѣкъ способенъ мыслить значитъ—въ человѣкѣ существуютъ всѣ положительныя условія фактовъ мышленія. Человѣкъ способенъ хотѣть значитъ—въ человѣкѣ есть положительныя условія фактовъ хотѣнья. Человѣкъ способенъ прощать обиды своимъ врагамъ· значитъ—факты получаемыхъ человѣкомъ обидъ не составляютъ непреодолимыхъ препятствій для обнаруженій его великодушія. Слѣдовательно, вопросъ о психическихъ способностяхъ человѣка сводится къ вопросу объ *условіяхъ* психическихъ фактовъ,—иначе къ общему вопросу о психической условности. — Такимъ образомъ, въ настоящемъ мѣстѣ намъ остается разсмотрѣть только второй видъ психическихъ потенціальныхъ отношеній,—именно *психическія готовности*.

18. Подъ психическими готовностями разумѣются здѣсь различныя формы *психическаго напряженія*,—каковы· *терпѣнье, влеченье, желанье*; и т. д. Психическія потенціи представляемыя фактами психическаго напряженія, состоятъ въ психическихъ отношеніяхъ *готовыхъ* открыться или наступить, но не наступающихъ вслѣдствіе встрѣчаемыхъ ими препятствій. Такимъ образомъ, *скрытное* (latens) *присутствіе* психическаго отношенія, и

встрѣчаемое имъ *препятствіе*, составляютъ два основные элемента всякой психической готовности. Ясно также, что оба элемента находятся въ *борьбѣ* между собою, и что одинъ изъ нихъ уравновѣшивается или перевѣшивается другимъ.

Всѣ виды психической готовности могутъ быть сведены къ двумъ —готовности отношеній *страдательныхъ*, или *чувствъ* и *идей*,—и готовности отношеній *дѣятельныхъ*, или реальныхъ и умственныхъ *дѣйствій*.

Готовность *чувствъ* наблюдается въ фактахъ *подавляемыхъ* ощущеній и волненій. — напр. ощущеній *физической боли*, волненій *страха*, *гнѣва*, *радости*; и т. д. Такіе факты психическаго напряженія носятъ названія *терпѣнья*, *мужества*, *присутствія духа*, *сдержанности;* и т. п. Въ названіяхъ такихъ фактовъ отмѣчена собственно одна сторона ихъ,—именно отрицательная, представленная вмѣшательствомъ обстоятельствъ препятствующихъ, въ той или другой мѣрѣ, развитію чувствъ; но этимъ не закрывается и положительное содержаніе тѣхъ же фактовъ,—т. е. готовыя къ развитію чувства.—Факты готовности *идей* наблюдаются между прочимъ въ нѣкоторыхъ формахъ борьбы съ своими мыслями,—напр. когда чувствуютъ близость печальныхъ или страшныхъ воспоминаній, и противодѣйствуютъ ихъ наступленію. Противодѣйствіе вмѣшательству привычныхъ, но признанныхъ несостоятельными ассоціацій идей, въ акты замѣнившихъ послѣднія новыхъ взглядовъ, можетъ представлять другой примѣръ умственнаго напряженія того же вида.

Въ противоположность готовности страдательной, готовность дѣйствій отмѣчена въ общемъ сознаніи преимущественно своею положительною стороною, т. е. сдер-

жанным*ъ* *вліяніемъ* или *дѣйствіемъ* чувствъ и идей. Сюда относятся, во-первыхъ, тѣ формы психическаго напряженія, въ которыхъ сдерживаются отношенія *реактивныя* вызываемыя чувствами, и которыя извѣстны подъ именемъ *влеченій*, *любви*, *ненависти*, *отвращеній*; и т. д. Сюда же, во-вторыхъ, принадлежатъ тѣ виды психической готовности, въ которыхъ сдерживаются отношенія *активныя*, и которые носятъ названія *позыва* или *аппетита*, *хотѣнья*, *нехотѣнья*, *желанья*; и т. д.—При этомъ мы не упускаемъ изъ виду ни различныхъ *степеней* дѣятельной готовности, называемыхъ *склонностями*, *привязанностями*, *страстями*, — ни *сложныхъ* явленій дѣятельнаго напряженія, называемыхъ *колебаньемъ*, *сомнѣньемъ*, *нерѣшимостью*, — и *выборомъ*, *рѣшимостью*, или *рѣшеньемъ*.

Анализъ психическихъ готовностей человѣка указываетъ съ достаточною опредѣленностью нѣкоторыя внутреннія условія ихъ образованія,—а именно, во-первыхъ, *скрытное присутствіе* страдательныхъ и дѣятельныхъ *отношеній*, и во-вторыхъ, *сдерживающее* ихъ *вліяніе* встрѣчаемыхъ ими внутреннихъ *препятствій*. Слѣдуетъ опредѣлить, въ чемъ заключаются эти послѣднія. Внутреннія препятствія къ раскрытію чувствъ и идей человѣка встрѣчаются, прежде всего, въ другихъ чувствахъ и идеяхъ, затѣмъ, въ его реальной и умственной дѣятельности; и наконецъ, въ законахъ всѣхъ этихъ фактовъ его существованія. Подобнымъ же образомъ, внутреннія препятствія дѣйствіямъ встрѣчаются — въ другихъ дѣйствіяхъ тѣхъ же психическихъ дѣятелей, т. е. чувствъ и идей; въ законахъ ихъ вліяній; и въ свойствахъ личности людей. — Возрастаніе дѣятельной готовности объясняется

возрастаніемъ ея положительныхъ условій; сложныя же явленія дѣятельнаго напряженія, реальнаго и умственнаго, объясняются измѣненіемъ отношеній между его условіями положительными и отрицательными, — т. е. *перевѣсомъ* однихъ надъ другими, *уравненіемъ* однихъ другимъ. и *равновѣсіемъ* тѣхъ и другихъ.

Психическія отношенія: возвратныя и прямыя.

19. Психическія отношенія человѣка бываютъ отношеніями или къ *себѣ*, или къ *другимъ*. Отношенія перваго рода мы называемъ *возвратными;* отношенія второго рода—*прямыми* Изъ этого видно, что основаніемъ дѣленія психическихъ отношеній на возвратныя и прямыя служитъ различіе не въ *характерѣ*, а въ *предметахъ* тѣхъ и другихъ отношеній. Предметомъ *возвратныхъ* психическихъ отношеній человѣка служитъ *самъ* же человѣкъ, или факты его *собственнаго* существованія.

Нѣтъ такого класса психическихъ фактовъ, которому было бы чуждо свойство возвратности Такимъ образомъ, есть возвратныя чувства, и возвратныя идеи,—иначе возвратныя *страдательныя* состоянія. *Чувства* и *идеи* человѣка возвратны, когда вызываются фактами его собственнаго существованія; — напр. когда чувства его возбуждаются, прямо или косвенно, его собственными дѣйствіями. Такимъ образомъ, ощущенія собственныхъ прикосновеній, или звуковъ своего голоса,—въ пѣньи, рѣчи, или простомъ крикѣ,—и чувство собственной славы, чести, успѣха, работы, представляютъ примѣры возвратныхъ ощущеній и волненій, или частныя формы *страдательнаго реальнаго самосознанія* человѣка,—его *самоощущенія* или

самочувствія. Съ точки зрѣнія пріятнаго качества многихъ возвратныхъ ощущеній и волненій, можно не безъ основанія говорить о различныхъ формахъ *самодовольства*.—*Идеи* человѣка получаютъ свойство возвратности, прежде всего, въ силу своей зависимости отъ его чувствъ, всѣ идеи, въ которыхъ помѣчены возвратныя чувства, должны быть возвратными идеями, т. е. идеями тѣхъ же самыхъ предметовъ которые чувствовались въ возвратныхъ чувствахъ, — напр. звуковъ своего голоса, своего успѣха, своей работы. Получаемыя изъ этого источника возвратныя идеи составляютъ первичные факты *страдательнаго мысленнаго самосознанія*, изъ которыхъ, позднѣе, вырабатывается вторичная форма того же самосознанія, заключающаяся въ *общей идеѣ себя*.—Есть, далѣе, возвратныя *дѣйствія*, реальныя и мысленныя. Всѣ дѣйствія человѣка становятся возвратными, какъ скоро сопровождаются вызовомъ или подавленіемъ въ немъ же самомъ—чувствъ, идей, готовностей или другихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, рѣчь каждаго человѣка, даже обращенная имъ къ другому, всегда имѣетъ свойство возвратности,—т. е. слушается, понимается и оцѣнивается имъ же самимъ. Вообще, при такихъ условіяхъ, каждый бываетъ первымъ *наблюдателемъ* или *свидѣтелемъ* собственныхъ дѣйствій,—т. е. вызываетъ въ себѣ своими дѣйствіями — и чувства, и идеи, и отвѣтныя или реактивныя дѣйствія. Кромѣ этихъ формъ смѣшаннаго характера, существуютъ и чистыя формы возвратной самодѣятельности,—напр. когда человѣкъ стыдитъ, или обманываетъ самого себя,—приневоливаетъ себя или вообще управляетъ собою, начертывая себѣ программу дѣйствій или правила поведенія, и слѣдуя въ своихъ дѣйствіяхъ

начертанной программѣ или правиламъ.—Съ формою возвратнаго *творчества* мы встрѣчались въ общемъ очеркѣ основныхъ видовъ человѣческаго творчества, именно въ примѣрѣ искуственнаго самообразованія. — Классъ *психическихъ готовностей* отличается свойствомъ возвратности по преимуществу. Многочисленные виды психической готовности каждаго человѣка, въ которыхъ роль отрицательныхъ условій играютъ психическіе факты его собственнаго существованія, представляютъ разнообразныя формы возвратныхъ отношеній, т. е. отношеній къ себѣ, къ собственнымъ чувствамъ, идеямъ и дѣйствіямъ. Недаромъ же нѣкоторыя изъ этихъ формъ носятъ названіе *самообладанія*. Кромѣ того, существуютъ еще чистыя формы возвратности психическаго напряженія человѣка, таковы, напримѣръ, самолюбіе каждаго человѣка, — его пристрастіе къ своимъ достоинствамъ,—привязанность къ собственной жизни,—желанье своего счастья,—жажда собственной свободы и самодѣятельности, и т. д.

Изъ этого видно, что внутренними условіями образованія возвратныхъ отношеній служатъ прежде всего прямыя психическія отношенія, и притомъ всѣхъ классовъ, — страдательныя и дѣятельныя, мысленныя и дѣйствительныя, производительныя и непроизводительныя, потенціальныя и актуальныя.

20. Такимъ образомъ, въ исторіи развитія отдѣльныхъ лицъ, представляемой первоначальнымъ образованіемъ основныхъ классовъ психическихъ фактовъ, содержатся несомнѣнныя доказательства внутренней условности послѣднихъ. Всѣ чувства человѣка, за исключеніемъ ощущеній, составляющихъ исходный пунктъ его психическаго

образованія; всѣ идеи его, вся его психическая дѣятельность и производительность, реальная и умственная; всѣ формы его психической готовности, и всѣ виды возвратности его психическихъ отношеній,—кратко, всѣ классы психическихъ фактовъ представляютъ различныя формы *внутренняго* развитія психическаго существованія человѣка, — иначе сказать, различныя направленія первоначальнаго образованія психическихъ отношеній *другъ изъ друга.*

Единственный вопросъ, на которомъ можно остановиться въ этомъ мѣстѣ, заключается въ слѣдующемъ: какъ относится къ представленной нами классификаціи психическихъ фактовъ—популярное дѣленіе ихъ на *сердце*, *умъ* и *волю*? — На это замѣтимъ, прежде всего, что популярныя названія этого рода, по своимъ значеніямъ, не представляютъ ничего такого, что̀ бы не обнималось нашею классификаціею психическихъ фактовъ. При всемъ разнообразіи ихъ значеній, мѣшающемъ введенію такихъ выраженій въ составъ точной терминологіи, названія эти, въ приложеніи къ человѣческому духу, означаютъ главнымъ образомъ три вещи во-первыхъ, *психическія способности* человѣка, или данныя въ немъ *условія* психическихъ фактовъ, во-вторыхъ, тѣ или другіе *классы* психическихъ фактовъ, и въ третьихъ, *свойства* этихъ классовъ. Такимъ образомъ, *сердце* человѣка означаетъ *способность* волненій, или условія чувствъ высшаго порядка, далѣе, *классъ* волненій,—чувства страха, гнѣва, нѣжности, и т. д.; и наконецъ, *свойства* волненій,—напр. ихъ интенсивность, выражаемую словами чувствительность и нечувствительность, и наблюдаемую въ боязливости, раздражительности,—или безстрашіи, добротѣ; и т. д.—*Умъ* че-

ловѣка означаетъ *способности* или условія идей, умственныхъ операцій, мысленнаго творчества, равно какъ и нѣкоторыхъ формъ реальныхъ дѣйствій и реальнаго творчества;—далѣе, самые *акты* умственныхъ и нѣкоторыхъ реальныхъ отношеній, и наконецъ, *свойства* этихъ актовъ,—напр. памятливость, предусмотрительность, понятливость, сообразительность, находчивость, изобрѣтательность, наблюдательность, осторожность, искуство; и т. д.—*Воля* человѣка означаетъ также, во-первыхъ, *способности* психическихъ готовностей, — въ тѣсномъ смыслѣ — однѣхъ активныхъ,—хотѣнья, нехотѣнья, желанья, и т. д.;—въ болѣе широкомъ — активныхъ и реактивныхъ вмѣстѣ,—хотѣнья, любви, ненависти, и т. д.; — и еще въ болѣе широкомъ—готовностей дѣятельныхъ и страдательныхъ,—хотѣнья, любви, терпѣнья, и проч.:—во-вторыхъ, болѣе или менѣе широкіе *классы* психическихъ готовностей; и въ-третьихъ, *свойства* наблюдаемыя въ различныхъ видахъ психическаго напряженія, — каковы, терпѣливость, привязчивость, рѣшительность и нерѣшительность; и т. д.

ГЛАВА II.

ПСИХИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

(продолженіе.)

Общественно-историческая условность психическаго образованія человѣка. — Общественность и ея исторія въ послѣднемъ анализѣ.—Общественно-историческая культура личности человѣка.—Общественная символика.—Спеціальныя формы человѣческаго духа.—Спеціальные законы человѣческаго духа.

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

21. Въ предыдущемъ очеркѣ первоначальнаго образованія психическихъ фактовъ, мы объяснили его *внутреннія* условія, открываемыя при изученіи исторіи отдѣльныхъ лицъ безъ отношенія къ исторіи человѣческихъ обществъ. Этими условіями далеко не опредѣляется вся условность психическаго образованія людей: за внутренними условіями послѣдняго скрываются — *внѣшнія*, ближайшимъ образомъ *общественныя*, заключающіяся въ общественныхъ явленіяхъ и ихъ законахъ. *Исторія общественности* людей есть главнѣйшій источникъ *культуры* ихъ *личности*.

Для раскрытія этой новой условности психическаго образованія человѣка, наблюдаемой въ общественно-исто-

рической культурѣ его личности, остановимся сначала на опредѣленіи *общественности* и ея исторіи, и затѣмъ перейдемъ къ зависящей отъ ней *культурѣ личности*

Общественность и ея исторія въ послѣднемъ анализѣ.

22. *Общественность* людей есть совокупность свойствъ такъ-называемаго *общества* людей. *Обществомъ* людей мы называемъ союзъ людей съ какою нибудь *цѣлью*, достигаемою ихъ *общими усиліями* по *установленному* ими *плану* или въ *установленномъ порядкѣ*.

Такимъ образомъ, общественность опредѣляется прежде всего *общностью цѣли* и *общностью дѣйствій* ея преслѣдованія, по *общеустановленному* или *общепринятому* плану. Отсюда, *особенныя цѣли*, преслѣдуемыя даже въ общемъ дѣлѣ,—*особенныя побужденія*, хотя бы къ достиженію общихъ цѣлей,—и наконецъ, *особенныя усилія*, или дѣйствія не вытекающія изъ общаго плана или порядка, въ преслѣдованіи не только своихъ, но и общихъ цѣлей,—служатъ первыми опредѣлителями *личности*, какъ понятія коррелятивнаго *общественности*.

Изъ этого слѣдуетъ, что *общественность* и *личность* людей суть два вида ихъ психическаго существованія, прямо противоположные другъ другу или взаимно исключающіе насколько въ немъ содержится общественности, настолько же нѣтъ личности; и наоборотъ.

23. Отмѣченная нами противоположность между личностью и общественностью людей даетъ основаніе утверждать, что оба термина въ приложеніи къ индивидуальнымъ фактамъ психическаго существованія людей не означаютъ,

въ послѣднемъ анализѣ, ничего другого кромѣ различной *условности* или *зависимости* этихъ фактовъ. Факты индивидуальныхъ психическихъ отношеній всякаго рода, насколько они зависятъ отъ извѣстныхъ *внутреннихъ* условій, — суть факты или явленія *личности*. Но тѣже факты психическихъ отношеній, насколько они зависятъ отъ извѣстныхъ *внѣшнихъ* психическихъ условій,—суть факты или явленія *общественности*.—Личность, какъ извѣстная внутренняя психическая зависимость, заключаетъ въ себѣ отрицаніе извѣстной внѣшней зависимости,—психическую *самостоятельность* человѣка живущаго въ обществѣ,—слѣдовательно, его индивидуальную психическую *свободу* относительно послѣдняго, — свободу отъ всякаго общественнаго насилія или принужденія.—Общественность, какъ извѣстная внѣшняя психическая зависимость людей, есть отрицаніе нѣкоторой доли ихъ психической самостоятельности,—есть область опредѣленной *психической связанности* ихъ, — слѣдовательно, *необходимость* нѣкоторыхъ психическихъ отношеній, или *обязательность* ихъ.—Люди суть *лица*, насколько они, составляя общества, сохраняютъ извѣстную индивидуальную психическую самостоятельность; и суть *общества*, или *члены обществъ*, насколько они находятся въ извѣстной психической зависимости другъ отъ друга.

24. Данное нами опредѣленіе общественности позволяетъ указать ея *простѣйшія условія* и *элементы*.—Всякое общество людей опирается въ своемъ возникновеніи и существованіи на какую нибудь опредѣленную цѣль,—получается ли она вслѣдствіе открытаго соглашенія, или устанавливается въ силу молчаливаго принятія. Цѣли раздѣляютъ людей на ассоціаціи *знакомства, товарищества,*

дружбы, супружества, семейства, родства; ассоціаціи *профессіональныя*, — земледѣльческія, промышленныя, торговыя, художественныя, литературныя, ученыя, педагогическія, филантропическія; ассоціаціи *религіозныя*, и наконецъ, подчиняющія себѣ всѣ предыдущія—ассоціаціи *политическія* или *государства*. — Но вопросъ можетъ итти дальше: какими психическими обстоятельствами обусловливается это соглашеніе въ цѣляхъ, и въ средствахъ ихъ достиженія,—и слѣдовательно,—въ чемъ заключаются послѣднія условія общественности?—

Такъ какъ общественность людей заключается въ извѣстнаго рода внѣшней психической зависимости ихъ другъ отъ друга: то ясно, что послѣдними условіями общественности служатъ *психическія вліянія* людей другъ на друга. Они ведутъ къ соглашенію въ цѣляхъ; они же опредѣляютъ общій планъ или порядокъ ихъ преслѣдованія, — иначе сказать, естественное *дѣленіе* общественнаго труда.

25. Психическія вліянія людей другъ на друга бываютъ или *производительныя, творческія*, или *непроизводительныя*, иначе просто *дѣятельныя*.

Дѣятельными психическими вліяніями мы называемъ дѣйствія вызова и подавленія въ другихъ людяхъ психическихъ явленій ихъ существованія, — именно чувствъ, идей, готовностей, дѣйствій; и т. д. — Органомъ такого рода вліяній служатъ движенія возбуждаемыя въ собственномъ тѣлѣ, и перемѣны производимыя ими прямо или косвенно въ тѣлѣ другихъ. Примѣры дѣятельныхъ психическихъ вліяній мы имѣемъ въ случаяхъ, когда дѣйствіями однихъ вызываются въ другихъ какія-нибудь *ощущенія*: — напр. *слуховыя*,—дѣйствіями рѣчи или крика;— *зрительныя*, — дѣйствіями показыванія;— *осязательныя*

и *мускульныя*, дѣйствіями прикосновеній, удара, и т. д.— Тѣже вліянія открываются въ примѣрахъ вызова и подавленія *волненій*, — когда *тревожатъ*, *сердятъ*, *веселятъ*, или *успокоиваютъ*, *укрощаютъ*;—въ вызовѣ и подавленіи *идей*, когда посторонніе вліянія содѣйствуютъ *припоминанію*, *предусмотрѣнію*, *догадкѣ*, или бываютъ причинами *забвенія*, *неумѣстнаго довѣрія*, *разсѣянности*;—въ вызовѣ и подавленіи психическихъ *готовностей*, когда *увлекаютъ*, *соблазняютъ*, *побуждаютъ*, или *отговариваютъ*, *приводятъ въ раздумье*, *колеблютъ;* и наконецъ, въ вызовѣ и подавленіи *дѣйствій* и *возвратныхъ* отношеній, когда *распоряжаются*, *повелѣваютъ*, *воспрещаютъ*, — когда *льстятъ*, *внушаютъ надмѣнность* или *скромность;* и т. д.

Психическими производительными или *творческими* вліяніями мы называемъ отношенія которыя *созидаютъ* въ другихъ тѣ или другіе вторичные законы ихъ психическаго существованія,—*знанія*, *навыки*, *свойства*, *способности*, — и которыя входятъ въ составъ *воспитанія* и *обученія*.

Внѣшнія психическія вліянія, дѣятельныя и производительныя, становятся условіями общественности, какъ скоро приводятъ людей къ соединенію въ общей цѣли и въ общихъ усиліяхъ къ ея достиженію.

26. Чтобъ оцѣнить вполнѣ значеніе внѣшнихъ психическихъ вліяній, слѣдуетъ замѣтить, что послѣднія не всегда бываютъ *дѣйствительными*, и никогда безусловно *полными*. Внѣшнія психическія вліянія не всегда бываютъ *дѣйствительны*,—въ томъ смыслѣ, что не всегда сопровождаются зависящими отъ нихъ психическими послѣдствіями. Есть два рода случаевъ, въ которыхъ эти вліянія оста-

ются простыми *стремленіями* къ дѣйствію и произведенію. Первые случаи, — когда въ реагéнтѣ, или человѣкѣ на котораго простирается вліяніе, нѣтъ внутреннихъ условій для внѣшняго въ немъ дѣйствія и произведенія,— или, какъ говорятъ, нѣтъ *способностей* къ воспріятію посторонняго вліянія. Примѣры такихъ случаевъ недѣйствительности внѣшнихъ психическихъ вліяній можно наблюдать въ обращеніи—людей взрослыхъ съ дѣтьми, знающихъ съ невѣждами, здоровыхъ съ больными.—Второй родъ случаевъ, — когда внѣшнія психическія дѣйствія встрѣчаютъ въ реагéнтѣ *отрицательныя* внутреннія условія,—*противодѣйствіе*, или *борьбу* противъ себя. Такая борьба бываетъ не только *прямою*,—т. е. противъ самихъ внѣшнихъ вліяній,—но и *косвенною*, т е. противъ ихъ психическихъ послѣдствій, — противъ вызываемыхъ ими волненій, идей, психической готовности; и т. д. Въ обоихъ видахъ противодѣйствія или борьбы, внѣшнія психическія вліянія могутъ остаться безъ соотвѣтствующихъ психическихъ послѣдствій.

Внѣшнія психическія вліянія, оказывающіяся дѣйствительными, бываютъ или *неполными*, или *относительно-полными*. Они бываютъ *неполными*, когда присоединяются къ дѣйствующимъ *внутреннимъ*, и заявляютъ свое присутствіе какимъ нибудь видоизмѣненіемъ ихъ послѣдствій. Когда состояніе *нерѣшимости* разрѣшается вслѣдствіе чужого поощренія или предостереженія, и мысль о дѣйствіи осуществляется или оставляется,—оба явленія будутъ послѣдствіями условій не только *внѣшнихъ*, но и *внутреннихъ*; слѣдовательно, внѣшнее психическое вліяніе въ обоихъ случаяхъ будетъ *неполнымъ*.—Внѣшнія психическія вліянія бываютъ *относительно-полными*, когда не

встрѣчаютъ въ реагéнтѣ *содѣйствія* со стороны внутреннихъ условій. Отсутствіе содѣйствія со стороны внутреннихъ условій означаетъ отсутствіе—не самыхъ условій,—такъ какъ безъ этого внѣшнее вліяніе осталось бы недѣйствительнымъ,—а только той *комбинаціи* этихъ условій, которая дѣлаетъ ихъ *причиною* какого нибудь психическаго послѣдствія. Слѣдовательно, *относительно-полнымъ* внѣшнимъ психическимъ вліяніемъ мы называемъ то, въ силу котораго въ реагéнтѣ слагается комбинація внутреннихъ условій, неизбѣжно сопровождающаяся извѣстнымъ психическимъ послѣдствіемъ. Такимъ образомъ, дѣйствія прекращенныя только вслѣдствіе угрозы со стороны другихъ, будутъ примѣромъ относительно-полнаго внѣшняго психическаго вліянія,—хотя послѣдствіе его не достижимо безъ помощи собственныхъ наблюденій и идей реагента.

27. Внѣшнія психическія вліянія оказываются послѣдними условіями общественности, но сами первоначально не входятъ въ ея сферу, или бываютъ явленіями личности. Элементами общественности эти вліянія становятся только тогда, когда дѣлаются явленіями внѣшней психической зависимости людей другъ отъ друга, связывающей ихъ въ одинъ союзъ или въ одно общество.

Обращаясь къ послѣднимъ элементамъ общественности, находимъ, что они распадаются на два класса,—*страдательные* и *дѣятельные*.

Страдательные элементы общественности заключаются въ тѣхъ *чувствахъ* и *идеяхъ* людей, которыя опредѣляются въ своемъ характерѣ ихъ принадлежностью къ обществамъ,—иначе сказать, находятся въ прямой или косвенной связи съ цѣлями послѣднихъ, и успѣхами въ ихъ преслѣдованіи. Такимъ образомъ, волненія *страха*

за самое существованіе своего общества,—*радость* возбуждаемая успѣхами общественнаго дѣла,—*гнѣвъ* по поводу оскорбительныхъ сужденій о достоинствѣ членовъ своего общества,—чувство *свободы* своего общества отъ гнета со стороны другихъ обществъ или лицъ,—свободы религіозной, политической, и т д.,—всѣ такія чувства имѣютъ характеръ общественный, или составляютъ страдательные элементы общественности.—Такими же элементами являются, далѣе, всѣ явленія *мышленія* людей, отражающія —*цѣли* составляемыхъ ими обществъ; *порядокъ* ихъ достиженія, опредѣляемыя такимъ порядкомъ *обязанности*, *правила* обезпечивающія ихъ исполненіе; *вѣрованія* подкрѣпляющія правила, и т. д.

Къ страдательнымъ элементамъ общественности относятся также факты *пассивной психической готовности*, вызываемые тою же зависимостью отъ цѣлей и средствъ общества,—напр., факты *терпѣнья, мужества*, обусловленные опасеніями неудачи общественнаго дѣла,—факты тяжелаго *умственнаго напряженія*, поддерживаемаго мыслью объ успѣхахъ общества;—и наконецъ, сюда же принадлежатъ общественныя явленія *пассивной возвратности*,—идеи *себя* какъ члена обществъ,—чувства общественной *славы, чести;* и т. д.

28. *Дѣятельные* элементы общественности могутъ быть раздѣлены на два класса: *активные* и *реактивные*. Соотносительностью этихъ двухъ видовъ элементовъ общественности опредѣляется главнымъ образомъ *порядокъ* раздѣленія общественнаго труда, и вмѣстѣ съ этимъ порядокъ *общественныхъ отношеній*.

Къ *активнымъ* элементамъ общественности относятся явленія простой *активности*, *активной производитель-*

ности и *готовности*, обусловленныя цѣлью общества и составляющія установленныя прямыя или косвенныя средства къ ея достиженію,—иначе сказать, обусловленныя общественными чувствами, идеями и другими видами общественной пассивности. Сюда принадлежатъ общественныя дѣйствія *вызова* и *подавленія* въ другихъ—чувствъ, идей, готовностей, дѣйствій, и т. д.;—напр., общественныя явленія *угрозы* или *устрашенія*, *ободренія* или *успокоенія;* общественныя явленія *передачи*, *извѣщенія*, *поощренія*, *побужденія*, *приказанія*, *воспрещенія*, *управленія;* общественныя явленія *воспитанія*, *обученія*, *образованія;* общественныя явленія *предположеній*, *обдумыванія*, *колебаній*, *рѣшеній;* и т. д.

Къ *реактивнымъ* элементамъ общественности принадлежатъ обусловленныя подобно предыдущимъ явленія простой *реакціи*, *реактивной производительности*, *готовности* и *возвратности* —напр., общественныя явленія *сопротивленія*, *борьбы*, *уступки*, *согласія*, *исполненія*, *служенія*, *одобренія*, *обвиненія*, *оправданія;* общественныя явленія *матеріальной производительности;* общественныя явленія *любви*, *ненависти*, *зависти*, *ревности*, —наконецъ, *самомнѣнія*, *самодовольства*, *самолюбія;* и т. д.

29. Послѣдними условіями и элементами общественности вполнѣ опредѣляется природа ея *явленій* и *законовъ*.

Общественность людей означаетъ ихъ *психическую зависимость* другъ отъ друга, наблюдаемую въ ихъ *обществахъ*, или связывающую людей въ *общества*. Явленія общественности или называемой этимъ именемъ психической зависимости суть *общественныя* или *соціальныя явленія*, въ строгомъ смыслѣ этого выраженія. Законы

общественности или ея явленій, суть *общественные* или *соціальные законы* въ собственномъ смыслѣ.

Эти опредѣленія общественности, ея явленій и законовъ, позволяютъ выдѣлить изъ чистой или собственной сферы ея все то что, въ виду нѣкоторыхъ удобствъ изслѣдованія или изложенія, нерѣдко вводится въ нее, но не принадлежитъ къ ея составу. Очевидно, что общественность и личность людей, раздѣляя поле ихъ индивидуальнаго психическаго существованія на двѣ соотносительныя другъ другу области, не обнимаютъ всѣхъ фактовъ этого существованія Такимъ дѣленіемъ не захватываются, во-первыхъ, нѣкоторые факты *внутренней* зависимости индивидуальныхъ психическихъ отношеній, — именно обусловливающіе собою явленія личности и слѣдовательно выходящіе изъ ихъ предѣловъ; во-вторыхъ, нѣкоторые факты *внѣшней* зависимости,—а именно, зависимости психическихъ отношеній отъ внѣшнихъ психическихъ вліяній или дѣйствій — чисто личнаго характера; и въ-третьихъ, психическіе факты *органической* или *матеріальной* условности существованія людей. Всѣ эти факты психической зависимости или условности человѣка, какъ не имѣющіе характера ни личности, ни общественности, мы называемъ *нейтральными* психическими фактами. Такимъ образомъ, *родовыя* явленія *психическаго темперамента* людей, зависящія отъ свойствъ обитаемой ими матеріальной среды, и слѣдовательно, въ концѣ, отъ *органическихъ* условій ихъ психическаго существованія, не могутъ быть причислены къ собственной области общественныхъ или соціальныхъ явленій человѣческаго быта; и законы управляющіе такими родовыми явленіями, не принадлежатъ къ соціальнымъ въ строгомъ смыслѣ.

Не всѣ явленія происходящія въ обществѣ людей суть непремѣнно общественныя явленія. Люди живущіе въ обществѣ, живутъ не только психически, но и физически, физическіе факты ихъ существованія управляются физическими законами и выходятъ вмѣстѣ съ послѣдними изъ сферы общественности Такимъ образомъ, наблюдаемыя въ обществахъ людей органическія явленія *рожденій, болѣзней, смерти*, и т. д., — хотя и вводятся въ кругъ предметовъ соціальной статистики, тѣмъ не менѣе не принадлежатъ къ собственной сферѣ общественности. Правда, что такія явленія не избѣгаютъ вліяній общественности и ея законовъ; правда и то, что эти вліянія вводятъ нѣкоторыя отмѣны въ теченіе разсматриваемыхъ явленій или въ дѣйствія управляющихъ ими физическихъ или органическихъ законовъ, но такія отмѣны соціальнаго происхожденія не уничтожаютъ физической или органической природы—ни этихъ явленій, ни ихъ законовъ.

Отдѣляя явленія общественности отъ явленій личныхъ и нейтральныхъ, мы имѣемъ въ виду исключительно тотъ или другой родъ условности или зависимости индивидуальныхъ фактовъ психическаго существованія людей. Но условія однихъ и тѣхъ же психическихъ фактовъ бываютъ часто разнородны внутреннія встрѣчаются съ внѣшними, физическія или органическія съ общественными. Поэтому, въ самыхъ психическихъ фактахъ нѣтъ рѣзкихъ границъ между явленіями личными, общественными и нейтральными явленія личныя сливаются съ общественными; явленія общественныя—съ личными; тѣ и другія осложняются въ своемъ характерѣ вліяніями нейтральными. Но это сліяніе личныхъ, общественныхъ и нейтральныхъ явленій въ однихъ и тѣхъ же фактахъ индивидуальнаго психиче-

скаго существованія людей не позволяетъ забывать ни собственной сферы *личности*, ни чистой сферы *общественности*, ни чисто *нейтральныхъ*, равно какъ и *физическихъ* явленій въ бытѣ человѣческаго общества.

30. Чтобъ опредѣлить еще точнѣе природу общественныхъ явленій, укажемъ на ихъ отношенія къ такъ-называемымъ *коллективнымъ* фактамъ психическаго существованія людей.

Коллективность явленій индивидуальнаго психическаго существованія людей нельзя смѣшивать съ ихъ *общественностью*. Одинаковыя психическія явленія, наблюдаемыя въ обществѣ людей, бываютъ *общественными*, когда бываютъ явленіями общественности, или общественной зависимости ихъ другъ отъ друга. Такимъ образомъ, сходныя *чувства*, овладѣвающія *массами* людей въ виду успѣховъ исполняемаго ими общественнаго дѣла, представляютъ явленія *общественныя*. Но коллективныя психическія явленія бываютъ также и чисто *личными* и *нейтральными*. Такимъ образомъ, сходныя показанія свидѣтелей по тому же дѣлу, представляя явленіе коллективное, сохраняютъ въ то же время характеръ чисто *личнаго* дѣла каждаго изъ свидѣтелей, если между этими показаніями не существовало внѣшней связи въ смыслѣ общественной зависимости. Коллективныя психическія явленія бываютъ и *нейтральными*,—напр. дѣломъ чисто *физическихъ* условій. Такую нейтральность могутъ имѣть явленія сходныхъ ощущеній *цвѣтовъ*, *звуковъ*, *запаховъ*, *тепла*, *тяжести*, — получаемыхъ членами общества отъ однихъ и тѣхъ же физическихъ причинъ. Итакъ, коллективность психическихъ явленій существованія людей не составляетъ общественности этихъ явленій. Психическое явленіе не

нуждается въ коллективности, чтобы быть общественнымъ: факты *одинокіе* могутъ быть точно также общественными, какъ и факты коллективные, — и всегда бываютъ такими, какъ скоро бываютъ фактами общественной зависимости людей.

31. *Законы общественныхъ явленій* можно раздѣлить на *первичные* и *вторичные*. Первичными законами чисто общественныхъ отношеній, какъ психическихъ фактовъ, мы называемъ законы ихъ образованія и сохраненія, къ которымъ относятся—какъ общіе законы человѣческаго духа, — напр. *законъ произвольности, законы ассоціаціи*,—такъ и частные законы различныхъ отдѣловъ психическихъ фактовъ, — *чувствъ, мышленія, умственнаго творчества*; и т. д.

Вторичными законами общественности называемъ *установившіяся постоянства* самыхъ общественныхъ явленій,—постоянства общественныхъ отношеній *вліянія* и *зависимости*, *господства* и *подчиненія*, *психической активности* — и *психической пассивности* и *реактивности*.—Вторичные законы общественности не слѣдуетъ смѣшивать съ *идеями* такихъ законовъ, — являются ли эти идеи въ формѣ общественнаго мнѣнія, законодательства, или науки. Идеи вторичныхъ законовъ первоначально отражаютъ существующіе вторичные законы,—напр. въ видѣ *обычаевъ*; но улучшаясь подъ вліяніемъ личной наблюдательности надъ преходящими общественными фактами лучшаго достоинства, и подъ вліяніемъ личнаго умственнаго творчества, онѣ способны, въ свою очередь, имѣть вліяніе на усовершенствованіе существующихъ законовъ.

Признаками установившихся вторичныхъ законовъ общественности являются *историческія формы* общественности, сохраняющіяся при смѣнѣ ея индивидуальныхъ представителей,—*традиціонныя* формы всякаго рода человѣческихъ ассоціацій.—Специальными признаками установившихся вторичныхъ законовъ политической общественности, — иначе *гражданственности* или *государственности*, являются такъ-называемыя *общественныя положенія* людей, ихъ гражданскія *связи*, прямыя и косвенныя, простыя и сложныя, односторонніе и обоюдныя, — и наконецъ весь такъ-называемый *государственный порядокъ*,—постоянство государственныхъ учрежденій и законодательства, при смѣнѣ ихъ индивидуальныхъ органовъ или представителей.

32. *Исторія общественности* людей сводится, въ послѣднемъ анализѣ, къ преобразованіямъ и отмѣнамъ ея вторичныхъ законовъ. Первичные законы остаются *неизмѣнными* или *вѣчными* законами психическаго существованія людей; вторичные же *измѣняются* и вовсе *отмѣняются*. Причины преобразованія и отмѣны установившихся общественныхъ отношеній заключаются частію въ измѣненіяхъ или отмѣнѣ *положительныхъ* условій этихъ отношеній, частію во встрѣчаемыхъ ими *препятствіяхъ*. Въ числѣ положительныхъ и отрицательныхъ условій общественности людей стоитъ на первомъ мѣстѣ ихъ собственная личность. Отсюда, измѣненія личныхъ отношеній отражаются на общественныхъ, и способствуютъ отмѣнѣ или преобразованію ихъ вторичныхъ законовъ. Развитіе личности и ея борьба съ общественностью являются, поэтому, важнѣйшимъ условіемъ *культуры* *общественн-*

ности во всѣхъ ея историческихъ формахъ. Къ преобразованіямъ общественности, составляющимъ уступку человѣческой личности, относятся, между прочимъ,. тѣ *смѣшанныя* явленія психическихъ отношеній, въ которыхъ общественная зависимость людей совмѣщена съ ихъ индивидуальною *свободою*,—свободою дѣятельности, творчества и возвратныхъ отношеній,—и къ которымъ ведутъ факты *соглашеній, условій, договоровъ, убѣжденій, выбора*; и т. д.

Опредѣливши общественность людей и ея исторію, перейдемъ къ доказательству того, что послѣдняя есть главнѣйшій *источникъ культуры* человѣческой *личности*.

Общественно-историческая культура личности человѣка.

33. Явленія личности, какъ замѣчено выше, имѣютъ свои *внутреннія* условія, выходящія изъ предѣловъ личности. Такія условія даны въ *общихъ формахъ* и *общихъ законахъ* человѣческаго духа. Поэтому, преобразованіе общихъ формъ и законовъ человѣческаго духа должно вести къ преобразованію самой личности человѣка, и слѣдовательно, культура тѣхъ же формъ и законовъ — къ *культурѣ* его личности.

Между всѣми видами культуры общихъ формъ и законовъ духа, первое мѣсто принадлежитъ тому который наблюдается въ образованіи *спеціальныхъ формъ* и *законовъ* человѣческаго духа. Спеціальными формами и спеціальными законами человѣческаго духа мы называемъ формы и законы психическихъ отношеній, отличающіе человѣка отъ животныхъ и извѣстныя также подъ именемъ *высшихъ, разумныхъ, гуманныхъ*.

Спеціальныя формы и законы человѣческаго духа, составляющіе высшій видъ культуры личности человѣка, обязаны своимъ происхожденіемъ *исторіи* его *общественности*.—Мы сказали, что развитіе личности, и ея борьба съ вторичными законами общественности, ведутъ къ отмѣнѣ и преобразованію такихъ законовъ которые находятся въ противорѣчіи съ требованіями личности. Съ другой стороны, развитіе общественности человѣка, и ея борьба съ его личностью, ведутъ къ культурѣ личности, согласно съ принципомъ сохраненія общественности,—культурѣ, достигаемой именно образованіемъ спеціальныхъ формъ и законовъ человѣческаго духа. Потому что всѣ спеціальныя формы и законы человѣческаго духа, не смотря на величайшую разницу между ними, поразительно сходны въ одной чертѣ всѣ они благопріятствуютъ общественности или устроены по принципу ея сохраненія.

Процессъ образованія спеціальныхъ формъ и законовъ человѣческаго духа связанъ съ преобразованіемъ вторичныхъ законовъ общественности, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ развитію *символизма* въ области общественныхъ явленій. Поэтому, чтобы прослѣдить зависимость высшей культуры личности человѣка отъ исторіи его общественности, обратимся, сначала, къ *общественной символикѣ*, а затѣмъ перейдемъ къ связанному съ нею, образованію *спеціальныхъ формъ* и *спеціальныхъ законовъ* человѣческаго духа.

Общественная символика.

34. Область общественныхъ явленій исполнена символизма, и количество символическихъ дѣйствій человѣка

возрастаетъ съ успѣхами его общественности. *Символическими* дѣйствіями мы называемъ внѣшнія психическія отношенія, имѣющія характеръ простыхъ *знаковъ* подлинныхъ дѣйствій, и напоминающія послѣднія по *ассоціаціямъ* сходства и смежности. Есть весьма широкая область общественныхъ явленій, которая состоитъ почти изъ одной символики; мы разумѣемъ общественныя явленія *гаданій*, *колдовства, нашептываній*, *заклинаній*; и т. д. Символическія дѣйствія такого рода имѣютъ характеръ традицій, но весьма мало распространены. Между тѣмъ, есть символизмъ другого рода, менѣе бросающійся въ глаза, но болѣе распространенный,—символическія дѣйствія въ *обычаяхъ*,—встрѣчи, гостепріимства, договоровъ, завѣщаній,—въ *обрядахъ* — при рожденіяхъ, бракахъ, погребеніяхъ,—въ *играхъ*; и т. д. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что нѣтъ такого явленія, зрѣлой общественности, которое не носило бы на себѣ нѣкоторыхъ слѣдовъ символизма. Область общераспространенной символики значительно увеличится, если мы обратимъ вниманіе на безконечное разнообразіе *произведеній* символическаго характера. Самымъ богатымъ и чистымъ примѣромъ общественной символики служитъ *человѣческій языкъ*. Языкъ человѣка не только символизовалъ общія формы общественныхъ отношеній, но и помогъ образованію нѣкоторыхъ спеціальныхъ формъ общественной дѣятельности человѣка, которыя не могли бы имѣть мѣста при отсутствіи этого рода символики. Къ такимъ формамъ общественной дѣятельности принадлежатъ, во-первыхъ, многія *символическія* дѣйствія *активнаго* характера,— т. е. дѣйствія вызова и подавленія въ другихъ — какихъ нибудь психическихъ отношеній: — напр. идей, — когда *сказываютъ*,

излагаютъ, напоминаютъ, предсказываютъ; — чувствъ, когда *угрожаютъ, льстятъ, стыдятъ*;—дѣйствій, когда *совѣтуютъ, просятъ, указываютъ, повелѣваютъ, запрещаютъ, обязываютъ*,— или *манятъ, зовутъ*, — или *спрашиваютъ, убѣждаютъ, доказываютъ*; и т. д.; во-вторыхъ, многія символическія дѣйствія *реактивнаго* характера,—напр. когда *отвѣчаютъ, противорѣчатъ, изъявляютъ согласіе, обѣщаютъ*,—или *кланяются, благодарятъ*,—или *судятъ, хвалятъ, порицаютъ, обвиняютъ*; и т. д.

35. Всѣ символическія дѣйствія могутъ быть раздѣлены на два порядка,—*первичныя* и *вторичныя*. *Вторичными* мы называемъ символы образующіеся изъ какихъ нибудь другихъ символовъ, путемъ разложенія послѣднихъ, или превращенія, или соединенія, или измѣненія въ ихъ положеніи, и т. д. *Первичными* называемъ символы образующіеся изъ дѣйствій, которыя сами не имѣютъ символическаго характера. Первичныя символическія дѣйствія могутъ происходить, *во-первыхъ*, вслѣдствіе измѣненій въ *предметѣ* общественныхъ отношеній. Такимъ образомъ, многія символическія дѣйствія въ языческихъ обрядахъ погребенія умершихъ могли произойти изъ установившихся живыхъ отношеній *встрѣчи, гостепріимства, увеселеній, напутствій* и т. д.,—какъ, напр., поклоненіе покойникамъ; предложеніе имъ, въ теченіи нѣкотораго времени и въ томъ или другомъ мѣстѣ, пищи и питья; положеніе въ гробъ съ покойникомъ пищи, монетъ; сожженіе вмѣстѣ съ нимъ его женъ, воиновъ и любимыхъ животныхъ. — *Во-вторыхъ*, вслѣдствіе перемѣнъ въ самыхъ общественныхъ *дѣятеляхъ*. Такимъ образомъ, весьма распространенный у дикихъ племенъ обрядъ символическаго похи-

щенія женъ могъ образоваться изъ дѣйствительнаго или существовавшаго обычая, вслѣдствіе простой перемѣны въ *нравахъ* и *понятіяхъ* этихъ племенъ.—*Въ-третьихъ*, вслѣдствіе *подражаній* существующимъ общественнымъ явленіямъ, — такъ произошли многія дѣтскія игры. *Въ-четвертыхъ*, вслѣдствіе *традиціоннаго* характера общественныхъ отношеній, открывающаго широкую дверь символизму, при утраченномъ сознаніи ихъ подлинныхъ мотивовъ или цѣлей. *Въ-пятыхъ*, вслѣдствіе важныхъ *измѣненій* въ *характерѣ* общественныхъ явленій. Къ числу такихъ измѣненій слѣдуетъ отнести обращеніе общественныхъ явленій во вторичные законы общественности; потому что составляющія эти законы ассоціаціи общественныхъ отношеній могутъ продолжать свое существованіе при значительныхъ измѣненіяхъ ихъ предыдущихъ членовъ, т. е. отношеній *вліянія*,—и даже при совершенномъ *замѣщеніи* ихъ какими нибудь ихъ сопровожденіями. Такимъ именно способомъ образовались первичные символы *человѣческаго языка*,—что̀ доказывается какъ извѣстною *исторіею* послѣднихъ, такъ и ихъ *анализомъ*.

36. Языкъ человѣка состоитъ изъ трехъ различныхъ системъ символическихъ дѣйствій и произведеній: *мимики* или символическихъ *тѣлодвиженій*; символическихъ *звуковъ*, нечленораздѣльныхъ и членораздѣльныхъ; и наконецъ, символическихъ *изображеній* или *начертаній*. Хотя исторія начертательнаго языка, отъ живописнаго и гіероглифическаго до письменнаго, не вполнѣ извѣстна,—тѣмъ не менѣе безспорно, что языкъ начертаній явился замѣстителемъ языка словъ.—Есть много фактовъ, доказывающихъ, что языкъ словъ явился, съ своей стороны, замѣстителемъ болѣе ранняго языка — мимики и нечленораздѣльныхъ звуковъ.

На это указываютъ, во-первыхъ, нѣкоторыя стороны членораздѣльной рѣчи, совпадающія съ соотвѣтственными сторонами мимики и сопровождающихъ ее нечленораздѣльныхъ звуковъ,—напр въ *протяженіяхъ* и *сокращеніяхъ* звуковъ членораздѣльной рѣчи; въ *возвышеніяхъ* и *пониженіяхъ* голоса при сказываніи предложеній. Къ такому заключенію приводитъ, во-вторыхъ, культура тѣхъ дикихъ племенъ, у которыхъ языкъ мимики остается пока господствующимъ, — какъ у индѣйцевъ сѣверной америки, различныя племена которыхъ говорятъ различными языками словъ, и поддерживаютъ взаимныя сношенія отлично выработаннымъ языкомъ мимики; — Бушменовъ, Арапаговъ, которые затрудняются объясняться въ темнотѣ, вслѣдствіе преобладанія у нихъ мимики надъ членораздѣльною рѣчью.—Съ этимъ заключеніемъ совпадаетъ, наконецъ, наблюденіе, что высоко развитые языки словъ проходятъ три стадіи образованія, — являясь на первой изъ нихъ языкомъ *корней* составляющихъ ихъ словъ; на второй — языкомъ *агрегацій* такихъ корней, безъ всякаго ихъ развитія; и только на третьей — языкомъ словъ *развитыхъ* отъ корней и мѣняющихъ свои окончанія въ составѣ предложеній. Членораздѣльный *языкъ корней* близко подходитъ къ идеѣ нечленораздѣльныхъ звуковъ сопровождавшихъ первобытную мимику, а его образованіе изъ этихъ звуковъ, и преобразованіе въ языкъ развитыхъ и гибкихъ словъ, составляютъ достаточное объясненіе для соотвѣтственной отмѣны употребленія другой, и главнѣйшей части первобытной рѣчи,—именно мимики.

Такое замѣщеніе одной системы языка другою вполнѣ соотвѣтствуетъ указанному нами, пятому способу происхожденія символическихъ дѣйствій.

37. Къ тому же заключенію приводитъ и анализъ символовъ человѣческой рѣчи.—Каждый символъ рѣчи представляетъ какое нибудь символическое *дѣйствіе* или *вліяніе*,—какой нибудь *предыдущій* членъ въ общественныхъ ассоціаціяхъ психическихъ фактовъ, или въ составѣ вторичныхъ законовъ общественности. Такіе символическіе члены общественныхъ отношеній могли явиться впервые только какъ замѣстители несимволическихъ. Всѣ символическія дѣйствія рѣчи суть отношенія *косвенныя*, сопровождающіяся тѣми же послѣдствіями, какъ и прямыя, т. е. несимволическія Такое тожество послѣдствій при столь различныхъ условіяхъ, какъ подлинныя *дѣйствія* и одни *знаки* ихъ, не объяснимо безъ постепеннаго замѣщенія первыхъ послѣдними, и безъ предварительныхъ общественныхъ ассоціацій замѣщаемыхъ дѣйствій съ ихъ послѣдствіями, или безъ установившихся вторичныхъ законовъ общественности.—Постоянство символовъ рѣчи, уживающееся съ ихъ традиціоннымъ характеромъ, оправдываетъ такое заключеніе. Какъ преобразованія вторичныхъ законовъ общественныхъ отношеній, символы рѣчи должны быть, конечно, и сами *вторичными законами* общественности.

Спеціальныя формы человѣческаго духа.

38. *Спеціальныя*, иначе *высшія, разумныя, гуманныя*, формы человѣческаго духа получаются изъ общихъ формъ психическаго существованія человѣка, вслѣдствіе культуры послѣднихъ согласно съ принципомъ сохраненія общественности, и съ помощью главнымъ образомъ общественной символики.

Въ силу внутренней условности всѣхъ классовъ психическихъ фактовъ, существенное преобразованіе одного класса, занимающаго между другими основное положеніе, должно повлечь за собою соотвѣтственное преобразованіе и всѣхъ остальныхъ. Основными психическими фактами, оказываются, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, факты отношеній *реальныхъ*. Реальныя психическія отношенія, именно *дѣятельныя*, или *дѣйствія*, подвергаются существенному преобразованію при переходѣ общественныхъ отношеній изъ несимволическихъ въ символическія. Поэтому, вмѣстѣ съ развитіемъ символизма въ области общественныхъ отношеній должны произойти существенныя перемѣны во всѣхъ классахъ психическихъ фактовъ. Такія перемѣны и наблюдаются въ образованіи спеціальныхъ или высшихъ формъ—его психическихъ способностей, его мышленія, чувствительности, реальной дѣятельности, творчества, психической готовности и, наконецъ, психическихъ возвратныхъ отношеній.

39. Высшія способности человѣческаго духа. —Всѣ *способности* человѣческаго духа можно раздѣлить на *первичныя* и *вторичныя*. *Первичными* мы называемъ условія *произведенія* психическихъ фактовъ; а *вторичными*—условія ихъ *воспроизведенія*, заключающіяся въ тѣхъ же самыхъ фактахъ и въ подчиненіи ихъ законамъ ассоціаціи. Такимъ образомъ, область вторичныхъ способностей человѣческаго духа открывается съ первыми фактами психическаго существованія человѣка, и расширяется съ каждымъ новымъ фактомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ новыми, именно символическими *актами* психическихъ отношеній должны образоваться и новыя психиче-

скія *потенціи*, — именно *вторичныя* способности *символическихъ* отношеній, между которыми—способности *рѣчи* или *слова* занимаютъ самое видное мѣсто. Первичныя способности человѣка къ слову лежатъ въ его общественности,—общественныхъ явленіяхъ и ихъ законахъ; *вторичныя* способности къ символикѣ этого рода, — именно способности къ сохраненію и традиціи слова, лежатъ въ самыхъ фактахъ слова и воспроизводительной работѣ законовъ ассоціаціи. — Способности слова всегда причислялись къ *высшимъ* способностямъ человѣка и къ кореннымъ чертамъ его *разумности*. Но высшія способности людей не ограничиваются однѣми способностями слова или вообще символическихъ отношеній,—потому что создаются съ каждымъ новымъ фактомъ высшаго или разумнаго порядка, и слѣдовательно соотвѣтствуютъ спеціальнымъ или культурнымъ формамъ человѣческаго духа во всѣхъ отдѣлахъ его существованія, начиная съ мышленія человѣка, и оканчивая его психическими возвратными отношеніями.

40. Культурныя формы человѣческаго мышленія.—Историческая культура человѣческаго *мышленія* простирается на оба главные порядка мысленныхъ отношеній,—т. е. на мысленныя *страдательныя* и мысленныя *дѣятельныя* отношенія,—*идеи*, и *умственныя операціи*.

Для дѣйствительности внѣшнихъ психическихъ вліяній,—слѣдовательно, для самаго возникновенія фактовъ общественности, требуются, какъ мы видѣли, внутреннія условія со стороны реагента,—*способности* къ *воспринятію* такихъ вліяній. Эти условія, съ тою полнотою и

съ тѣми качествами, какія дѣлаютъ человѣка совершеннѣйшимъ органомъ общественности, даются впервые въ *спеціальныхъ* формахъ его страдательнаго мышленія, т. е. *идей* и ихъ *ассоціацій*.

Спеціальныя формы страдательнаго мышленія получаются, во-первыхъ, вслѣдствіе преобразованія готовыхъ ассоціацій психическихъ фактовъ въ такъ-называемыя *всеобщія* или *универсальныя понятія*; и во-вторыхъ, вслѣдствіе образованія *новыхъ* классовъ *идей*.

Всеобщими или универсальными *понятіями* мы называемъ понятія общія всѣмъ людямъ. Всеобщія понятія бываютъ обыкновенно *общими* въ смыслѣ логическомъ, т. е. понятіями *классовъ* вещей; но эта логическая черта *общности* понятій не есть необходимый признакъ ихъ *всеобщности* всеобщія понятія могутъ быть и *частными* и *единичными*.

Универсальныя понятія суть общія всѣмъ людямъ *ассоціаціи идей* съ *символами* или *знаками*. Образованіе первичныхъ универсальныхъ понятій идетъ въ одно время съ образованіемъ первичныхъ символовъ; при замѣщеніи одного символа другимъ, образованное понятіе не измѣняется, т. е. остается ассоціацией тѣхъ же идей съ новымъ символомъ или знакомъ. Такимъ образомъ, при переводѣ неизвѣстныхъ словъ, старыя понятія соединяются съ новыми словами.

Первичныя понятія, связанныя съ первичными символическими дѣйствіями, были простымъ преобразованіемъ готовыхъ ассоціацій. При установившейся общественности, до начала символическихъ отношеній, внѣшнія дѣйствія вызывали въ реагéнтахъ антиципацію ихъ послѣдствій, заключавшуюся въ идеяхъ этихъ послѣдствій. Но какъ

только отношенія несимволическія стали переходить въ символы, антиципація послѣдствій стала принимать форму *пониманія символовъ* или *знаковъ*. Такимъ образомъ, прежняя ассоціація идей съ дѣйствіями замѣстилась ассоціаціею тѣхъ же идей съ знаками.

Понятія людей, связанныя съ знаками, напр. *словами*, составляютъ спеціальный органъ внѣшняго психическаго вліянія:—органъ до того покорный, что реагентъ почти не чувствуетъ, какъ другіе пользуются его психическимъ аппаратомъ, обращаясь къ нему съ рѣчью;—и до того тонкій, что, при помощи его, говорящій или пишущій способенъ сдѣлать свое психическое существованіе какъ бы предметомъ *непосредственнаго наблюденія* для слушателей или читателей. Такимъ образомъ, понятія, составляющія культурную форму человѣческаго мышленія, являются могущественнѣйшимъ органомъ общественныхъ отношеній.

41. Новые классы идей культурнаго происхожденія получаются изъ двухъ спеціальныхъ источниковъ: во-первыхъ, изъ *символовъ* и *понятій*, и во-вторыхъ, изъ всѣхъ *высшихъ* формъ психической *дѣйствительности*. Каждое символическое дѣйствіе, какъ реальное, должно сопровождаться своею *идеею*. Такимъ образомъ, существуетъ обширный классъ идей *знаковъ*, которыя представляютъ еще болѣе косвенныя отношенія къ предметамъ, чѣмъ идеи означаемыхъ дѣйствій. Подобно тому, какъ знаки можно разсматривать отвлеченно отъ связанныхъ съ ними понятій,—понятія могутъ быть разсматриваемы отвлеченно отъ знаковъ, какъ система универсальныхъ умственныхъ навыковъ, доступныхъ наблюденіямъ, сравненіямъ и всякаго рода умственной обработкѣ;—что слу-

житъ въ свою очередь источникомъ новыхъ, чисто гуманныхъ идей,—именно идей *понятій*.—Наиболѣе отмѣченъ въ общемъ сознаніи классъ разумныхъ идеи получаемыхъ изъ всѣхъ высшихъ формъ психической дѣйствительности, т. е. высшихъ чувствъ человѣка, чисто гуманной или разумной дѣятельности; и т. д. — Общественное значеніе указанныхъ нами новыхъ классовъ идей не подлежитъ сомнѣнію. Идеи, почерпаемыя изъ знаковъ и понятій, составляютъ новое усовершенствованіе органа общественныхъ отношеній, даннаго въ понятіяхъ, идеи же высшей психической дѣйствительности должны по своему характеру соотвѣтствовать послѣдней, проникнутой всецѣло началомъ сохраненія общественности.

42. Культура *умственныхъ операцій* сообщаетъ человѣку богатыя и тонкія способности *внѣшняго психическаго вліянія*, и дѣлаетъ его могучею общественною силою. — Культура умственныхъ операцій совершается двумя путями·—образованіемъ *новыхъ спеціальныхъ* формъ дѣятельнаго мышленія, и преобразованіемъ *общихъ* формъ въ *спеціальныя*.

Одна изъ величайшихъ услугъ, оказываемыхъ человѣческому мышленію универсальными понятіями въ ихъ связи съ общественною символикою, заключается въ создаваемой ими способности человѣка *перелагать* ассоціаціи идей, не имѣющихъ характера понятій,—въ *ассоціаціи понятій*, сопровождаемыя ассоціаціями тѣхъ знаковъ, съ которыми они связаны. Такое переложеніе даетъ средства передавать другимъ факты собственныхъ ассоціацій идей, безъ замѣтной съ ихъ стороны умственной работы. Это переложеніе ассоціацій идей на ассоціаціи понятій и знаковъ называютъ *сужденіями* и *предложеніями*,—смотря

потому, имѣютъ ли болѣе въ виду получаемую такимъ путемъ ассоціацію понятій,—или ассоціацію знаковъ, напр. словъ. Перелагаемыя ассоціации бываютъ сначала конкретны, или отражаютъ факты *единичные*; отсюда, и сужденія или предложенія бываютъ сначала также *единичны*,—но, по мѣрѣ сравненія сходныхъ единицъ въ вещахъ и явленіяхъ, преобразуются въ *общія*,—*общія описанія* и *наведенія*. Общія предложенія дѣлаются, въ свою очередь, исходными пунктами *дедукцій*.

43. Преобразованіе общихъ формъ умственныхъ операцій въ спеціальныя совершается двоякимъ путемъ: во-первыхъ, введеніемъ новыхъ *предметовъ* умственныхъ операцій, и во-вторыхъ, нѣкоторымъ измѣненіемъ ихъ *характера*.

Вслѣдствіе образованія новыхъ классовъ идей являются новые предметы умственныхъ операцій, сообщающіе имъ высшія или спеціальныя формы. Эти новые предметы распадаются такимъ образомъ на три класса: во-первыхъ, *идеи знаковъ*, которыя даютъ матеріалъ для умственныхъ работъ *филологіи*, чистой *математики* и т. д.; во-вторыхъ, *идеи понятій*, служащія органами ихъ *дефиниціи* или *опредѣленій*, равно какъ и ихъ *логическаго развитія*, и составляющія матеріалъ для многихъ отдѣловъ *логики*, *гносеологіи* и такъ-называемой *метафизики*; и въ-третьихъ, идеи *высшей*, чисто гуманной *чувствительности*, *дѣятельности* и т. д.,—или *идеи высшаго совершенства* человѣка, составлявшія собственное содержаніе философіи Сократа.

Подъ вліяніемъ новыхъ идей,—идей знаковъ, понятій и человѣческаго совершенства, всѣ умственныя операціи претерпѣваютъ нѣкоторое измѣненіе въ своемъ ха-

рактеръ Для примѣра остановимся на двухъ общихъ формахъ дѣятельнаго мышленія,—*представленіи* и *наблюденіи*.—Представленія получаютъ новыя или спеціальныя формы, какъ представленія вещей и явленій—не въ ихъ идеяхъ, а въ ихъ *знакахъ*, или даже въ *идеяхъ знаковъ*. Представляющій можетъ, въ послѣднемъ случаѣ, ограничиваться до времени сокращеннымъ, легко обозрѣваемымъ *міромъ знаковъ*, и только въ случаѣ нужды переходить отъ знаковъ къ вещамъ, точно также, онъ можетъ обходиться простымъ знакомъ или схемою, при недостаткѣ желаемаго или ожидаемаго знанія.—Тоже и съ наблюденіемъ. Вмѣстѣ съ знаками, понятіями и ихъ идеями, образуется новый видъ наблюденія,—наблюденіе *умственное*, подлѣ такъ-называемаго *внутренняго*, и *внѣшняго*. Умственное наблюденіе и умственная экспериментація имѣютъ много формъ —они могутъ быть *чисто умственными*,—какъ работа съ числами и другими математическими знаками въ умѣ; — могутъ также происходить съ помощью реальныхъ знаковъ,—какъ наблюденія геометровъ надъ чертежами, или такъ-называемый *литературный опытъ* Обширныя наблюденія *космографическія* и *историческія* принадлежатъ обыкновенно къ числу умственныхъ, исполняемыхъ съ помощью знаковъ, понятій и связанныхъ съ ними идей.

44. Гуманныя формы человѣческой чувствительности. — Культура человѣческой чувствительности обнаруживается двумя послѣдствіями: во-первыхъ, образованіемъ *новыхъ* спеціальныхъ формъ чувствительности, и во-вторыхъ, преобразованіемъ *общихъ* формъ въ спеціальныя.

Къ новымъ, чисто гуманнымъ формамъ чувствительности человѣка относятся слѣдующія чувства, во-первыхъ, *симпатическія*, и во-вторыхъ, *высшія критическія*.

Симпатическія чувства въ высшей степени благопріятны общественности. Въ чувствахъ симпатіи человѣкъ выходитъ изъ области личныхъ чувствъ, въ область чувствъ и интересовъ окружающаго его общества, симпатія есть сочувствіе чужому счастью и несчастью, чужой радости и горю, чужимъ удовольствіямъ и страданіямъ, симпатизующій живетъ чужими психическими состояніями и проникнуть *доброжелательствомъ* или *добротою*,—этимъ неизмѣннымъ спутникомъ симпатіи.—Симпатическія чувства всегда признавались однимъ изъ отличій человѣка отъ звѣря, ихъ интенсивностью и особенно широтою человѣкъ образованный рѣзко отдѣляется отъ дикаря.—Развитіе симпатическихъ чувствъ стоитъ въ зависимости отъ развитія общественной символики и понятій. Языкъ и понятія составляютъ органъ *наблюденія* чужихъ психическихъ состояній, являющихся неизбѣжнымъ условіемъ симпатическихъ чувствъ. Этимъ объясняется отчасти различная живость симпатическихъ чувствъ сопровождающихъ семенную и родственную любовь, чувства дружбы и товарищества, патріотизма и филантропіи. Какъ далеко можетъ итти симпатическое воспроизведеніе чужихъ психическихъ состояній, показываетъ *сцена*,—эта воспитательница симпатическихъ чувствъ.

45. Всякое чувство, будетъ ли оно ощущеніемъ или волненіемъ, составляетъ фактъ *оцѣнки* или *критики* вліяній; слѣдовательно, критическими элементами не обдѣлено ни одно чувствующее существо. Но есть высшая критика, свойственная только человѣку, какъ послѣдствіе

его исторической культуры, и прежде всего, культуры его чувствительности. Къ высшимъ критическимъ чувствамъ, источникамъ высшихъ критическихъ идей, принадлежатъ, во-первыхъ, высшія *эстетическія* чувства,—каковы чувства высшей художественной *красоты* и чувства *смѣха*; во-вторыхъ, высшія *теоретическія* чувства—*истины* и *лжи*; и въ-третьихъ, высшія *практическія*,—каковы чувства правды, долга, нравственности и т. д. Высшія чувства красоты, и чувства смѣха, чувства истины и лжи, правды и неправды, и т. д., суть чувства эстетической, теоретической и практической *сообразности* или *несообразности*, вызываемыя сравненіями опирающимися на символы и понятія.

Къ нѣкоторымъ красотамъ природы,—напр формъ, цвѣтовъ и звуковъ, чувствительны и животныя. Но красота *символа*, высшая художественная красота доступна однимъ людямъ. Чувства красоты играютъ весьма наглядную роль въ союзахъ любви и супружества, лежащихъ въ основѣ гражданскаго быта людей, и могли быть первыми учителями нравственности и правды. чувства смѣха, составляющія контрастъ чувствамъ красоты, служатъ до сихъ поръ богатѣйшимъ источникомъ отрицательной критики общественности и личности людей. Между тѣмъ несомнѣнно, что въ человѣкѣ впечатлительность къ красотамъ и безобразіямъ природы развивается подъ вліяніемъ художественнаго вкуса, или въ зависимости отъ успѣховъ изящныхъ искуствъ —Произведенія такихъ изящныхъ искуствъ, какъ *живопись*, *ваяніе*, *зодчество*, *музыка*, представляютъ другой органъ внѣшняго психическаго вліянія и внѣшней зависимости, подлѣ человѣческаго слова и помимо слова и *понятій*,—органъ,

данный въ *конкретныхъ* символахъ зрительнаго и слухового класса. *Поэзія* есть искуство достигать художественной символики сочетаній идей, пользуясь матеріаломъ словъ и понятій, поэзія подражаетъ не только природѣ, но и другимъ искуствамъ.

46. Къ *чувствамъ истины* принадлежатъ чувства: *правдоподобнаго* и *неправдоподобнаго, вѣроятнаго* и *невѣроятнаго*, *возможнаго* и *невозможнаго*, *неизбѣжнаго* или *необходимаго*, *вѣрнаго* и *невѣрнаго*. Чувства истины суть чувства сообразности или несообразности предложеній или сужденій съ универсальными понятіями, и обобщеніями представляющими извѣстные законы природы. Изъ этого видно, что чувства истины суть послѣдствія исторической культуры человѣческаго мышленія, и въ своихъ указаніяхъ не идутъ дальше того, что̀ лежитъ въ нхъ основаніи. Общественное значеніе этихъ чувствъ не трудно оцѣнить, принимая во вниманіе общественныя опасности связанныя съ *обманами* всякаго рода и *заблужденіями*.

Зависимость высшихъ практическихъ чувствъ человѣка отъ исторіи его общественности выступаетъ съ особенною наглядностью въ чувствахъ *правды* и *неправды*.—Чувства *правды* и *неправды* суть чувства сообразности и несообразности психическихъ отношеній съ *вторичными законами* общественныхъ явленій, или съ *идеями* такихъ законовъ, данными въ народномъ мнѣніи, законодательствѣ, наукѣ. Какъ было указано прежде, такія идеи первоначально бываютъ отраженіемъ дѣйствительности,—т. е. вторичныхъ законовъ существующей общественности, — но, по указаніямъ лучшихъ явленій послѣдней, постепенно переходятъ въ антиципацію ея будущихъ или желательныхъ фазисовъ развитія, составляющихъ ея *практическіе*

идеалы.—Чувства законности и незаконности суть чувства общественныя по преимуществу; это—*субъективная кодификація* вторичныхъ законовъ общественности, направленная противъ уклоненій отъ нихъ, или работающая по принципу ихъ сохраненія и улучшенія.

47. Преобразованіе *общихъ* формъ чувствительности въ *специальныя* происходитъ, во-первыхъ, вслѣдствіе замѣщенія общихъ условій чувствъ—спеціальными. Такимъ образомъ, общія чувства *страха, гнѣва, удивленія, нѣжности, успѣха, цѣнности* и т. д., получаютъ высшій или гуманный характеръ, когда вызываются рѣчью или другими символическими дѣйствіями,—напр. воспрещенія, повелѣнія, одобренія, порицанія,—когда возбуждаются произведеніями человѣческаго искуства, или внушаются сравненіями спеціальной цѣны, достоинства, и т. д. Чѣмъ обширнѣе спеціальныя условія возбужденія волненій, тѣмъ шире способности внѣшняго психическаго вліянія,—тѣмъ богаче условія общественности.—Преобразованіе общихъ чувствъ касается, во-вторыхъ, самаго *развитія* ихъ, когда обнаруженія общихъ волненій *страха, гнѣва, нѣжности*, и т д., получаютъ *мѣру*, отвѣчающую симпатическимъ и высшимъ критическимъ чувствамъ и идеямъ, и открывающуюся не только въ *укрощеніи* однихъ чувствъ и *воспламененіи* другихъ, но и въ совершенномъ *подавленіи* или *исключеніи* нѣкоторыхъ волненій, въ различныхъ опредѣленныхъ обстоятельствахъ Общественное значеніе такой культуры общихъ чувствъ вполнѣ очевидно.

48. Разумныя формы реальной дѣятельности, творчества и психической готовности.—Культура

человѣческаго мышленія и чувствительности сообщаетъ разумныя формы *реальной дѣятельности* человѣка, его *творчеству* и *психической готовности*.

Историческая культура *реальной дѣятельности* человѣка выражается двумя послѣдствіями во-первыхъ, образованіемъ *новыхъ* спеціальныхъ формъ реальной дѣятельности, и во-вторыхъ, преобразованіемъ *общихъ* формъ въ спеціальныя. Новыя формы реальной дѣятельности человѣка берутъ свое начало изъ новыхъ источниковъ его реальныхъ отношеній, — а именно, его *симпатическихъ* и *высшихъ критическихъ* чувствъ и идей. Дѣятельность *филантропическая* и другіе виды труда, основанные преимущественно на чувствахъ симпатіи, свойственны только человѣку, дѣятельность вызываемая чувствами и идеями *истины*, *законности*, *справедливости*, принадлежитъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ отличій человѣка отъ животнаго. Общественное значеніе этихъ гуманныхъ формъ человѣческой дѣятельности совершенно очевидно.

Общія формы реальной дѣятельности человѣка преобразуются въ спеціальныя подъ вліяніемъ тѣхъ же чувствъ и идей. Какъ выдающуюся черту такого преобразованія слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, всеобъемлющее вліяніе чувствъ и идей *красоты*. Всѣ движенія, всѣ дѣйствія человѣка носятъ отпечатокъ историческаго стремленія къ изяществу. — Вслѣдствіе *мѣры* или *мѣрности* вліянія чувствъ, образующейся въ силу высшей оцѣнки дѣйствій, въ человѣкѣ вырабатывается между прочимъ такъ-называемый *тактъ* дѣятельности, — эта способность къ импровизаціи дѣйствій соотвѣтственно обстоятельствамъ *мѣста*, *времени* и *характера* дѣяте-

лей. —Сюда же относятся и тѣ особенности человѣческой дѣятельности, которыя сообщаются ей новыми, культурными формами умственныхъ операцій, и которыя такъ замѣтны въ высокой *цѣлесообразности* и *постоянствѣ* человѣческихъ дѣйствій.—Всѣ эти преобразованія реальной дѣятельности, придающія общественнымъ отношеніямъ характеръ *изящества, вѣжливости, приличія, тонкости* и *надежности*, увеличиваютъ притягательныя стороны общественности

49 *Творчество* человѣка, вслѣдствіе его исторической культуры, пріобрѣтаетъ *новыя*, гуманныя формы. Это—всѣ *символическія* формы творчества, — *словесныя, письменныя* или *литературныя*, и символика *изящныхъ* искуствъ, стоящая рядомъ съ произведеніями слова и письменъ. Произведенія чисто словесныя заключаются въ такъ - называемой *народной* словесности, — народныхъ *былинахъ*, *сказкахъ*, *пѣсняхъ*, *загадкахъ*, *пословицахъ*; и т. д.—Къ произведеніямъ письменнымъ принадлежатъ *дѣловая письменность*, *законодательство*, *исторія*, *наука* и такъ-называемая *изящная литература*,—письменныя произведенія *поэзіи* и изящной *прозы*.—Къ изящнымъ произведеніямъ не словеснаго и литературнаго, но также символическаго характера, принадлежатъ произведенія такихъ искуствъ, какъ *живопись, ваяніе, зодчество, музыка*.—Символика *сцены* представляетъ обыкновенно сочетанія различныхъ изящныхъ искуствъ.

Подъ вліяніемъ специальныхъ формъ мышленія, чувствительности, реальной дѣятельности и символическихъ формъ творчества, общія формы послѣдняго получаютъ также высшую печать. Особенную заслугу въ этомъ отношеніи имѣетъ наука, съ ея разнообразными практиче-

скими дисциплинами. Она сообщаетъ высшій характеръ ремесламъ и всѣмъ полезнымъ искуствамъ, она создаетъ такія искуства, какъ *педагогія, политика, медицина;* и т. д.—Общественное значеніе спеціальныхъ формъ человѣческаго творчества такъ очевидно, что работа ученаго, поэта или историка—только *для себя* кажется чѣмъ-то неестественымъ, еще нагляднѣе общественныя цѣли такихъ отраслей творчества, какъ законодательство, педагогія, политика; и т. д.

50 Историческая культура *психической готовности* человѣка сопровождается точно также двумя послѣдствіями образованіемъ *новыхъ* спеціальныхъ формъ готовности человѣка, и преобразованіемъ *общихъ* формъ въ спеціальныя. Новыя высшія формы психическаго напряженія или скрытой энергіи человѣка образуются изъ новыхъ, высшихъ формъ его дѣятельности и творчества. Высшія формы умственныхъ операцій и умственнаго творчества создаютъ новую область психическихъ готовностей *теоретическаго* рода,—теоретическія *стремленія, склонности, вкусы, направленія, привязанности, убѣжденія,—борьбу* воззрѣній и убѣжденій, и. т. д.—Высшая область новыхъ готовностей *практическаго* рода образуется изъ высшихъ формъ реальной дѣятельности и творчества человѣка Сюда принадлежатъ, напр., всѣ виды *доброжелательства;*—стремленія къ *правдѣ*, и *нравственное мужество* въ исполненіи своихъ *обязанностей;—порывы* и *склонности* къ высшему реальному творчеству, и т. д. — Подъ вліяніемъ высшихъ формъ мышленія, чувствъ, дѣйствій и творчества, равно какъ и самой психической готовности, общія формы ея также получаютъ свой высшій, разум-

ный отпечатокъ, какъ это наблюдается въ *терпѣньи* ради высшихъ цѣлей, въ *красотѣ* явленій человѣческой *любви* и *дружбы*; въ *порядочности* человѣческихъ *аппетитовъ;* въ раздѣльной и обобщенной формѣ человѣческихъ *мотивовъ*,—какъ скоро послѣдніе выступаютъ въ видѣ *правилъ*, или *общихъ предложеній*; и т д.—Общественное значеніе спеціальныхъ формъ психической готовности доказывается самымъ ихъ происхожденіемъ, а также прямымъ анализомъ такихъ формъ готовности, какъ *доброжелательство*, любовь къ *правдѣ* и къ *долгу*, *сдержанность аппетитовъ;* и т. д

51. Высшія формы психической возвратности —Подобно другимъ классамъ психическихъ фактовъ, *возвратныя* психическія отношенія не свободны отъ исторической культуры, обнаруживающейся опять двояко образованіемъ *новыхъ* спеціальныхъ формъ психической возвратности, и преобразованіемъ ея *общихъ* формъ въ спеціальныя.

Образованіе новыхъ формъ возвратности происходитъ во всѣхъ классахъ психическихъ отношеній, — *страдательныхъ*, *дѣятельныхъ*, *производительныхъ* и *потенціальныхъ*. — Новыя формы *страдательныхъ* возвратныхъ отношеній находятся и въ классѣ *идей*, и въ классѣ *чувствъ*. Къ общимъ идеямъ *себя* и *своего* прибавляется новый классъ возвратныхъ идей, свойственныхъ только человѣку, — идеи себя какъ существа *высшаго*, *разумнаго*, обладающаго, сравнительно съ животными, высшими *формами* психическаго существованія, и подлежащаго высшимъ, разумнымъ *законамъ*. — Къ общимъ формамъ возвратной чувствительности человѣка

присоединяются новыя возвратныя чувства—*симпатическія* и *высшія критическія*. Есть симпатіи человѣка къ самому себѣ. Каждый человѣкъ, способный входить въ положеніе другихъ, наблюдающихъ его собственный психическій бытъ, способенъ сочувствовать самому себѣ. Есть *жалость* къ самому себѣ, вызываемая при подобныхъ условіяхъ собственнымъ горемъ или бѣдствіемъ.—Далѣе, человѣкъ создаетъ себѣ *идеалы* существованія, сравненіе съ которыми обычныхъ явленій его жизни вызываетъ въ немъ новый родъ симпатическихъ чувствъ къ самому себѣ. Такова—*міровая* скорбь, вызываемая несовершенствами людского существованія.—Между высшими критическими чувствами возвратнаго порядка выдаются особенно два *возвратное* чувство *истины*,—чувство сообразности и несообразности собственныхъ утвержденій и отрицаній съ своими наблюденіями, понятіями и знаніями;—и *возвратное* чувство *законности*,—чувство сообразности и несообразности своихъ намѣреній и дѣйствій съ собственными понятіями и убѣжденіями относительно *долга* и *справедливости*. Повидимому, это послѣднее чувство разумѣется по преимуществу подъ именемъ *совѣсти*, или *собственной совѣсти*.

Новыя формы *дѣятельныхъ* возвратныхъ отношеній наблюдаются, между прочимъ, во всѣхъ *символическихъ* формахъ возвратной дѣятельности,—когда человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою, называя себя именами и мѣстоименіями,—*стыдитъ* себя, *ободряетъ; напоминаетъ* себѣ. *побуждаетъ* себя, *обязываетъ; споритъ* съ собою, *доказываетъ* себѣ или *опровергаетъ* себя; *объясняетъ* себѣ, *критикуетъ* себя, *ободряетъ*, *оправдываетъ*, или *осуждаетъ*, *обвиняетъ*, и т д.—Какъ напримѣръ выс-

шаго возвратнаго *творчества*, можно указать на всѣ опыты *самообразованія*, вызываемые идеями человѣческаго достоинства и совершенства. Примѣрами новыхъ формъ возвратной *готовности* служатъ стремленія человѣка ко всему *высшему*, *разумному*, *чуланному*,—жажда лучшей, *совершеннѣйшей* жизни, — готовность на всѣ *подвиги* ради *высшихъ цѣлей*; и т. д.

Къ высшимъ формамъ психической возвратности, получающимъ происхожденіе чрезъ преобразованіе ея общихъ формъ, принадлежатъ, напр., *понятія* человѣка о себѣ и о своемъ, образующіяся изъ общихъ идей себя и своего, вмѣстѣ съ развитіемъ относящейся сюда общественной символики. Такимъ же образомъ и всѣ другія общія формы психической возвратности получаютъ высшій отпечатокъ. Напр., *самонаблюденіе*, вслѣдствіе символизма возвратныхъ отношеній, получаетъ особенную ясность и раздѣльность; *самообладаніе* и *самоуправленіе*—новыя, высшія побужденія и цѣли, *самолюбіе*, *самомнѣніе*, *самоувѣренность* пріобрѣтаютъ надлежащую мѣру; и т. д

Высшія формы психической возвратности не только не расходятся съ началомъ сохраненія общественности, но во многихъ случаяхъ прямо благопріятствуютъ ему. Нравственная и умственная чуткость ко внутреннимъ противорѣчіямъ, данная въ возвратныхъ чувствахъ истины и законности, составляетъ основаніе *контроля* человѣка надъ самимъ собою, въ высшей степени благопріятнаго общественности. Интересамъ общественности покровительствуютъ также—и этотъ высшій взглядъ человѣка на свое достоинство, и эти высшія цѣли возвратной дѣятельности, и эта мѣра самолюбія и самомнѣнія. Кратко сказать, общественно-историческая культура общихъ формъ

человѣческаго духа, и слѣдовательно личности человѣка, завершается только культурою его возвратныхъ психическихъ отношеній.

СПЕЦІАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ДУХА

52. *Спеціальными*, иначе *высшими*, *гуманными*, *раціональными* или *разумными* мы называемъ тѣ законы природы человѣка, которые составляютъ ея отличіе отъ природы животныхъ, и дѣйствіе которыхъ открывается только съ исторіею культуры человѣка.

Спеціальные законы человѣческаго духа могутъ быть раздѣлены на два порядка,—*первичные* и *вторичные*. Къ *первичнымъ* относятся законы *образованія* тѣхъ *явленій*, въ которыхъ представлены спеціальныя или высшія формы человѣческаго духа, къ вторичнымъ же — *постоянства* этихъ явленій, устанавливающіяся по законамъ ассоціаціи. Такимъ образомъ, къ первичнымъ спеціальнымъ законамъ человѣческаго духа принадлежатъ, напр., законы образованія *понятій*, *сужденій* или *предложеній*, и умозаключеній въ формѣ *общихъ наведеній* и *силлогизмовъ*; — законы образованія чувствъ *симпатическихъ* и *высшихъ критическихъ*;—законы образованія *символическихъ* и другихъ дѣйствій высшаго порядка; — законы *творчества — научнаго, поэтическаго, художественнаго*;—законы образованія *высшихъ стремленій* человѣка, равно какъ и всѣхъ высшихъ первичныхъ *способностей* человѣческаго духа.—Къ *вторичнымъ* спеціальнымъ законамъ принадлежитъ установившійся *высшій*, *разумный* порядокъ психическаго существованія человѣка, обезпеченный образованіемъ *вторичныхъ* высшихъ способностей духа, и открывающійся въ отвѣчающихъ этимъ потенціямъ выс-

шихъ психическихъ *актахъ*. Сюда принадлежатъ *постоянства* въ человѣкѣ симпатій къ людямъ, чувствъ законности, дѣйствій справедливости; и т. д.

53. *Идеи* вторичныхъ высшихъ законовъ, или образцовыхъ явленій высшаго порядка, бываютъ *отраженіемъ* дѣйствительности, или ея *антиципаціею*. Въ послѣднемъ случаѣ, предметы такихъ идей называются *высшими идеалами* человѣческаго духа или личности; самыя же идеи, являясь въ формѣ *предложеній*, получаютъ видъ *нормъ*, *правилъ*, *человѣческихъ законовъ* психическаго существованія людей.

Сравнительное несовершенство психическаго существованія, дающее мѣсто идеаламъ, зависитъ отъ недостатка *положительныхъ*,—и присутствія *отрицательныхъ*, условій психическаго развитія человѣка. Такимъ образомъ, несовершенство *симпатическихъ* чувствъ можетъ зависѣть и отъ несовершенства *мышленія*, и отъ присутствія чувствъ и расположеній препятствующихъ симпатіямъ,—напр., *гнѣва*, *мести*, *зависти*, *ревности*, и т. д. *Дикость* необразованныхъ людей отличается недостаточностью положительныхъ условій высшаго развитія личности; *испорченность* людей образованныхъ характеризуется также массою условій отрицательныхъ, или препятствій ему, лежащихъ весьма часто въ недостаткахъ общественности

Обращаясь къ *фактамъ* осуществленія идеаловъ, найдемъ, что порядокъ ихъ осуществленія совпадаетъ со степенями *производности* культуры человѣческой личности. Такимъ образомъ, лучшей культуры достигали всегда способности *рѣчи* и *мышленія*, особенно универсальныхъ понятій; слабѣе представлена въ образованномъ

человѣчествѣ культура *новыхъ* формъ человѣческаго духа, прямо или косвенно зависящихъ отъ *мышленія*, и еще слабѣе—культура *общихъ* формъ психическаго существованія, или сообщеніе послѣднимъ высшаго характера.

Осуществленіе идеаловъ имѣетъ двѣ главныя ступени. Первую представляетъ образованіе *вторичныхъ способностей* къ высшимъ *актамъ* психическаго существованія, — или образованіе твердыхъ *навыковъ* высшаго порядка. Вторую ступень составляетъ преобразованіе навыковъ въ *свойства самой природы* человѣка, или образованіе новыхъ *врожденныхъ* способностей высшаго порядка

54. Въ заключеніе, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о народномъ употребленіи термина *разумъ*. Слово *разумъ* имѣетъ въ обыкновенной рѣчи много значеній, весьма различныхъ по объему захватываемой ими области высшаго психическаго существованія человѣка. Разумъ означаетъ здѣсь —то, во-первыхъ, одну изъ высшихъ способностей мышленія, — именно способность умозаключеній въ формѣ *силлогизмовъ*, то, во-вторыхъ, всѣ высшія *способности мышленія*, съ соотвѣтственными имъ *актами* мышленія и ихъ *законами*, то, въ третьихъ, всѣ вообще *высшія* психическія *способности* человѣка, особенно же способности *рѣчи*, высшія способности *мышленія*, *чувства*, *творчества*, и т. д., то, въ-четвертыхъ, всѣ культурныя условія человѣческой личности, — т. е. всѣ *специальныя формы* и *специальные законы* человѣческаго духа, то, въ-пятыхъ, всѣ *высшія свойства* человѣческой личности, со всѣми ихъ *внутренними* условіями *высшаго* или *культурнаго* порядка

55 Доказательства органической условности психическаго образованія человѣка могутъ быть изложены съ большимъ удобствомъ въ связи съ изслѣдованіями условности *психическаго сохраненія* человѣка, поэтому мы оставляемъ ихъ до слѣдующей главы, въ которой будетъ разсмотрѣнъ нами этотъ второй видъ психической условности человѣка

ГЛАВА III

ПСИХИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

(продолженіе)

Условность психическаго *сохраненія* человѣка —Тожество личности — Превращенія личности — Разрѣшенія личности. — Органическая условность психическаго образованія человѣка. — Отношенія матеріи и духа, какъ явленій, вопросъ объ ихъ *нефеноменальной* сущности.

УСЛОВНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАГО СОХРАНЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

56 Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли условность *образованія* психическихъ фактовъ существованія человѣка, въ настоящей — разсмотримъ условность ихъ *продолженія* или *сохраненія*.

Продолженіе или сохраненіе психическихъ фактовъ существованія людей особенно выдается въ явленіяхъ ихъ *личности*,—именно, въ *сохраненіи* каждымъ *собственной личности* въ теченіи жизни.

Сохраненіе личности означаетъ *постоянство* или *неизмѣнность* личности, сложившейся или образовавшейся извѣстнымъ образомъ. Постоянство личности людей издавна обращало на себя вниманіе изслѣдователей духа, по своему контрасту съ *преемственностью* всѣхъ его

явленій, или съ его непрерывными измѣненіями представляющимися въ смѣнѣ этихъ явленій. Нѣкоторые наблюдатели явленій личности, занятые смѣною психическихъ фактовъ, пришли къ убѣжденію, что постоянство или, выражаясь принятымъ терминомъ, *тожество* личности людей, ограничивается одною *идеею* такого тожества, свойственною каждому человѣку,—идеею въ высшей степени важною, но не отвѣчающею дѣлу или дѣйствительности. Между тѣмъ, другіе авторы настаивали на *реальности* этой идеи; и эта настойчивость ихъ находитъ свое оправданіе въ самыхъ фактахъ личности, показывающихъ, что мысль человѣка о тожествѣ собственной личности есть только идеальная вершина ея реальнаго образованія и реальнаго сохраненія,—идеальное выраженіе реальнаго постоянства всѣхъ *формъ* образовавшейся личности,—или психическихъ явленій представляющихъ эти формы.

57. Условность сохраненія или тожества личности людей можетъ быть выведена изъ условности ея *образованья*. Если образованіе условно, то и продолженіе также условно; потому что продолженіе безъ условій—того что произошло вслѣдствіе условій, было бы дѣйствіемъ безъ причины. Съ своей стороны, доказанная условность сохраненія личности можетъ служить подтвержденіемъ условности ея образованія.

Чтобы сказанное нами не оставляло недоразумѣній, замѣтимъ, что, хотя условность продолженія и вытекаетъ изъ условности происхожденія,—изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобъ условія продолженія были непремѣнно тожественны съ условіями происхожденія; достаточно, чтобы первыя были только *эквивалентны* или *равносильны* по-

слѣднимъ. Объяснимъ это слѣдующимъ примѣромъ. Положимъ, что виды на какое нибудь пріобрѣтеніе, вызвавшіе какую нибудь рѣшимость, исчезли передъ началомъ дѣйствія; повлечетъ ли за собою это обстоятельство исчезновеніе самой рѣшимости?—Конечно нѣтъ, если найдутся другіе, равносильные первымъ, стимулы дѣйствія.—Первоначальныя условія происхожденія явленій очень часто закрываются подобными *замѣщеніями*,—а также *сложеніями* и *преобразованіями*, напр., вслѣдствіе *сокращенія* пройденныхъ стадій развитія, *сліянія* раздѣльныхъ и *раздѣленія* слитныхъ, и т. д.

Такимъ образомъ, первоначальныя условія образованія личности могутъ быть замѣщены или замѣнены другими, эквивалентными имъ,—безъ всякаго вреда для ея сохраненія или тожества. Но отъ такой замѣны однихъ условій другими, условный характеръ тожества личности людей нисколько не измѣняется.

58. Условность сохраненія человѣческой личности вытекаетъ, далѣе, изъ самой *природы* этого *сохраненія*. Продолженіе психическихъ фактовъ существованія человѣка, представляемое наилучшимъ образомъ сохраненіемъ его личности, есть *постоянство* этихъ фактовъ, наблюдаемое въ самой смѣнѣ ихъ. Спрашивается, въ чемъ состоитъ постоянство смѣняющихся психическихъ явленій?—Въ томъ, что явленія разъ вызванныя, при тѣхъ же или равносильныхъ имъ обстоятельствахъ возвращаются вновь, т. е. *повторяются*; но повторяются съ такимъ *однообразіемъ*, что мы называемъ эти повторяющіяся явленія—не сходными или одинаковыми или *такими же*, а *тѣми же*. *Тожество* ихъ есть, однако, не болѣе какъ крайняя степень ихъ *сходства*,—сходство явленій инди-

видуально различныхъ, и принадлежащихъ различнымъ моментамъ психической жизни человѣка.

Такимъ образомъ, тожество личности человѣка, включая сюда всѣ рѣшительно явленія личности, т. е. не исключая и высшихъ идеальныхъ,—какова, напр., идея собственнаго личнаго тожества,—есть только *однообразіе*, *крайнее сходство* преемственно повторяющихся явленій личности. Эти крайне сходныя черты повторяющихся явленій личности и суть существенныя черты ея *устройства* или *конституціи*. *Тожество* личности людей, и *устройство* ихъ личности выражаютъ, такимъ образомъ, одни и тѣже факты, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Сохраненіе личности людей, которое сводится, такимъ образомъ, къ повторенію явленій личности, не мыслимо безъ повторенія вызвавшихъ ихъ впервые, или равносильныхъ имъ условій

59. Это заключеніе оправдывается изученіемъ условій человѣческой личности, именно ея *законовъ* Всѣ законы личности можно раздѣлить на *первичные*,—законы ея *образованія*, и *вторичные*,—законы ея *продолженія*,—постоянства ея *явленій*, или представляемыхъ ими *формъ* личности. Вторичные законы личности суть произведеніе первичныхъ законовъ ея, преимущественно *законовъ ассоціаціи*, заступающихъ мѣсто всѣхъ другихъ законовъ ея происхожденія. Такимъ образомъ, постоянство явленій личности, иначе *тожество* личности, имѣетъ несомнѣнно свои условія,—именно всего ближе въ дѣйствіяхъ законовъ ассоціаціи, являющихся *эквивалентами* всѣхъ другихъ первоначальныхъ законовъ происхожденія психическихъ явленій. Законы ассоціаціи, особенно такъ-называемый законъ *смежности*, имѣютъ свойство давать мѣсто

повторенію разъ возникшихъ психическихъ явленій, въ отсутствіе вызвавшихъ ихъ оригинальныхъ условій По закону смежности, съ каждымъ повтореніемъ психическаго факта возрастаетъ способность къ точному воспроизведенію повторяемаго факта, или *навыкъ* къ послѣднему, который, по своей твердости, становится *второю природою* человѣка или, говоря точнѣе, *вторичнымъ закономъ* его психическаго существованія. Такимъ образомъ, все устройство личности людей, не въ своемъ возникновеніи и развитіи, а въ своемъ *продолженіи*, *неизмѣнности*,—или какъ постоянная величина, которую можно безошибочно вводить въ свои вычисленія или соображенія, есть собственное дѣло законовъ ассоціаціи, именно закона смежности, какъ закона точнаго возобновленія данной психической дѣйствительности. Разнообразіе условій, при которыхъ возникаетъ и развивается каждое явленіе личности, достаточно объясняетъ различіе личности въ людяхъ, а дѣйствіе законовъ ассоціаціи объясняетъ вполнѣ постоянство этихъ явленій, иначе существованіе вторичныхъ законовъ личности,—кратко, *тожество* послѣдней.

60. Наглядныя доказательства условности психическаго сохраненія человѣка, именно тожества его личности, представляютъ всѣ случаи, въ которыхъ наблюдаются *уклоненія* отъ этой обыкновенной нормы психическаго существованія людей. Такъ какъ тожество личности людей есть другое названіе для *вторичныхъ законовъ* личности, а послѣдніе, въ концѣ, суть произведеніе законовъ ассоціаціи. то ясно, что сохраненіе личности обусловлено всѣмъ, чѣмъ обусловлены дѣйствія законовъ ассоціаціи; и что, слѣдовательно, иныя перемѣны въ этихъ условіяхъ могутъ повести къ такимъ измѣненіямъ личности, кото-

рыя будутъ нарушеніемъ и даже разрушеніемъ ея сложившагося устройства. Такъ какъ подобныя перемѣны рѣдки, то и не обращаютъ на себя надлежащаго вниманія. Но онѣ есть это именно всѣ случаи *превращенія* и *разрѣшенія* первоначальнаго устройства личности.

Превращенія личности.

61. Превращенія личности человѣка не составляютъ вообще чего нибудь анормальнаго. Тожество личности, какъ отрицаніе ея превращеній, есть тожество только зрѣлой, *образовавшейся* личности. Простой наблюдатель развитія личности смутно чувствуетъ то что̀ открываетъ тонкій анализъ психолога,—а именно, что полное развитіе личности достигается длиннымъ рядомъ психическихъ превращеній. Такимъ образомъ, высшія чувства человѣка какъ лица, именуемыя *волненіями*, образуются путемъ превращенія, между прочимъ, его *ощущеній* или низшихъ чувствъ, и *идей*, такимъ же путемъ почерпаются—личныя *идеи* изъ личныхъ *чувствъ*; личныя *готовности* — изъ личныхъ *чувствъ*, *идей* и *дѣйствій*. Тоже и съ культурными формами личности. Общія формы личности превращаются въ специальныя вслѣдствіе образованія новыхъ, спеціальныхъ формъ психическаго существованія человѣка; а эти послѣднія образуются одна изъ другой такимъ же путемъ превращеній, какъ и его общія формы, примыкая къ величайшему изъ всѣхъ превращеній психическихъ фактовъ,—превращенію прямыхъ психическихъ отношеній въ *символическія*. — Такимъ образомъ, естественная и культурная личность человѣка достигаетъ своей зрѣлости путемъ многочисленныхъ превращеній. Постоянна, тожественна

только личность образовавшаяся,—и опять, насколько она образовалась. Потому что, даже въ періодъ личной зрѣлости человѣка, рядомъ съ извѣстнымъ тожествомъ личности продолжаются нѣкоторыя превращенія ея. Никто не рѣшится утверждать, чтобъ образованіе личности человѣка оканчивалось непремѣнно въ какой нибудь опредѣленный возрастъ его жизни, —чтобы, наприм., оканчивался когда-нибудь для всякаго лица тотъ процессъ превращенія общихъ формъ личности въ спеціальныя, который бываетъ послѣдствіемъ культуры внутреннихъ условій личности.

Итакъ, тожество личности людей, какъ отрицаніе ея превращеній, означаетъ сохраненіе только того что окончательно образовалось въ ней,—или всѣхъ *формъ* ея достигшихъ зрѣлости. Между тѣмъ, факты даютъ намъ право утверждать, что даже и эти формы,—формы вполнѣ зрѣлой или образовавшейся личности, не застрахованы отъ превращеній, какъ скоро условія этихъ формъ, ихъ характера или индивидуальныхъ свойствъ, подвергаются измѣненіямъ.

62. Превращенія образовавшейся личности наступаютъ, *во-первыхъ*, съ нѣкоторыми измѣненіями *внутреннихъ* условій психическаго существованія человѣка. Личность есть опредѣленное, индивидуальное послѣдствіе опредѣленной суммы условій или причинъ, данныхъ въ психическихъ фактахъ собственнаго существованія каждаго человѣка. Очевидно, что съ измѣненіемъ этихъ условій, должно измѣниться и ихъ послѣдствіе; не удивительно, далѣе, что такія измѣненія послѣдняго, т. е. личности человѣка или ея сложившихся формъ, могутъ доходить и доходятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до превращенія этихъ

формъ. Факты показываютъ, что нѣтъ такой формы личности, которая бы не могла подвергнуться превращенію при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ ея внутреннихъ условій превращеніямъ подвергаются личныя формы какъ *чувствъ*, такъ и *идей*,—какъ *дѣйствій* и *творчества*, такъ и психическихъ *готовностей* и *способностей*.

Возьмемъ, для примѣра, одну изъ формъ личной *чувствительности*, именно форму *страха*. Чувства страха, или впечатлительность къ этому волненію, различны у различныхъ лицъ одни весьма мало поддаются этимъ волненіямъ, у другихъ они и часты и сильны. Первымъ приписывается *смѣлость;* послѣднимъ—*робость, боязливость, трусость*. Какимъ бы постоянствомъ не отличалась смѣлость лицъ смѣлыхъ, и робость лицъ робкихъ, постоянство это условно, и длится только до тѣхъ поръ, пока продолжаются эти условія. Такія условія бываютъ и чисто внутренними. Личная смѣлость людей объясняется въ иныхъ случаяхъ *свободою* отъ нѣкоторыхъ суевѣрій, въ другихъ—она зависитъ отъ непрерывныхъ *успѣховъ* въ какой нибудь отрасли дѣятельности; въ третьихъ—отъ физической или умственной *силы;* и т. д. Уничтожьте эти внутреннія условія личной смѣлости,—и вы тотчасъ же получите превращеніе личной впечатлительности къ страху. Человѣкъ сдѣлавшійся суевѣрнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ сдѣлаться и робкимъ въ соотвѣтственныхъ обстоятельствахъ. Смѣлость нажитая рядомъ успѣховъ, теряется отъ послѣдующаго ряда неудачъ, смѣлость зависящая отъ чувства силы, исчезаетъ съ утратою послѣдней.—Тоже прилагается и къ другимъ формамъ личной чувствительности человѣка,—*гнѣву, смѣху, стыду, симпатіи* и т. д. Раздражительность и кротость, ве-

селость и угрюмость, стыдливость и наглость, жалостливость и жестокость, какъ бы ни казались постоянными въ характерѣ лица, постоянны только при постоянствѣ ихъ условій. Мнѣніе о безусловной прочности такихъ свойствъ личности есть одинъ изъ вредныхъ предразсудковъ. онъ отнимаетъ средства къ воспитанію лучшихъ свойствъ человѣческаго сердца, и внушаетъ безпечность къ ихъ охраненію.

63. Что сказано о чувствахъ человѣка, то прилагается и къ *дѣйствіямъ* его. Всѣ формы личной дѣятельности способны превращаться съ перемѣною внутреннихъ условій. Есть формы личной дѣятельности, свойства которыхъ, по своей непрочности, не получили, на языкѣ людей, никакого общаго названія. Таковы личныя свойства дѣйствій вызывающихъ въ другихъ волненія и готовности,—свойства, которыя отмѣчаютъ, называя лицъ *дивными, страшными, завидными, милыми, увлекательными*; и т. д. Но такою же условностью постоянства отличаются и тѣ формы личныхъ дѣйствій, свойства которыхъ обозначаются обыкновенно именемъ личнаго *нрава* или *нравовъ*; къ такимъ свойствамъ принадлежатъ личное *упорство* и *уступчивость*, душевная *твердость* и *мягкость*, *усердіе* и *нерадивость*, *игривость* и *степенность*, а также *покорность*, *рабольпство*, *почтительность*, *благодарность*; и т. д. Личное *упорство*, напр., исчезаетъ подъ вліяніемъ чувствъ *жалости*, идей *приличія*, *долга*; и т. д.

Тѣ же замѣчанія прилагаются и къ личнымъ формамъ *мышленія*, *творчества*, *готовностей*, *способностей* и *возвратныхъ отношеній*. Личная *предусмотрительность* и *осторожность* теряются отъ сильной любви и привя-

занностей; личная *памятливость* утрачивается отъ недостатка упражненія тѣхъ или другихъ психическихъ способностей, привычныя *манеры* научнаго и художественнаго творчества измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ геніальныхъ наблюденій и идей, личная *сдержанность*, вытекающая изъ отрицательнаго вліянія какихъ-нибудь чувствъ и идей, исчезаетъ съ утратою этихъ чувствъ и съ исчезновеніемъ этихъ идей; личная *рѣшительность*, бывшая плодомъ господства какихъ-нибудь живыхъ побужденій, теряется, какъ скоро послѣднія утрачиваютъ свою живость, или когда къ этимъ побужденіямъ прибавляются какія-нибудь новыя расходящіяся съ ними; и т. д

64. Превращенія образовавшейся личности наступаютъ, *во-вторыхъ*, съ перемѣнами *общественными*, какъ скоро послѣднія вызываютъ измѣненія во внутреннихъ условіяхъ личнаго существованія людей. Такимъ образомъ замѣчено, что многія свойства лицъ исчезаютъ и появляются съ перемѣною ихъ общественнаго положенія, исчезаютъ тѣ личныя свойства, которыя косвенно поддерживались ихъ прежнимъ общественнымъ положеніемъ,— и появляются другія, или какъ отрицаніе прежнихъ свойствъ, или какъ слѣдствіе новыхъ условій, открывшихся съ новымъ общественнымъ положеніемъ. Пословица *honores mutant mores* отмѣтила такія превращенія личныхъ свойствъ, съ переходомъ людей на высшее положеніе въ обществѣ. Обобщеніе представляемое этою пословицею, не противорѣчитъ фактамъ, но недостаточно широко; такія перемѣны касаются, во-первыхъ, не однихъ только *нравовъ*, но и другихъ свойствъ личности,—т. е. свойствъ его мышленія, творчества, способностей, готовностей и

возвратныхъ отношеній, во-вторыхъ, такія превращенія вызываются не только общественнымъ *возвышеніемъ*, но и общественнымъ *паденіемъ* людей.—Другою причиною превращеній личности бываютъ глубокія измѣненія въ *общественной средѣ* лицъ, или въ тѣхъ общественныхъ ассоціаціяхъ, къ которымъ они принадлежатъ, — въ *семействахъ*, *родствѣ*, *знакомствахъ*, *корпораціяхъ*, *государствѣ*. Утраты *мужа*, *жены*, *родителей*, *дѣтей*, *друзей*, *товарищей*, государственныя событія,—*реформы* и *перевороты*, — способны производить потрясенія самыхъ основъ личности, измѣняя коренным образомъ личныя свойства людей.

65. Самыя рѣзкія превращенія личности происходятъ, *въ-третьихъ*, съ измѣненіями *физическихъ* условій личнаго существованія людей. Физическія *бѣдствія* человѣка, какъ *голодъ*, *моръ*, *пожары*, *наводненія*; *болѣзни* соматическія и психическія; преждевременное *истощеніе* и *старчество*, — все это способно вызывать глубокія превращенія человѣческой личности, совершенно измѣняя ея сложившіяся формы. Доказано опытомъ, что народныя бѣдствія *голода* и *мора* легко уничтожаютъ въ человѣкѣ чувство личной *нѣжности* и *симпатіи*; иныя *болѣзни* дѣлаютъ лицо кроткое *злымъ*, *раздражительнымъ*,—лицо твердое *слабымъ*, *мягкимъ*,—лицо довѣрчивое *подозрительнымъ*, лицо скромное—*притязательнымъ*; преждевременное *истощеніе* отличается потерею чувствъ *нѣжности*, упадкомъ личной *энергіи*, *мрачнымъ взглядомъ* на жизнь. *Старчество* и *душевныя болѣзни* производятъ еще болѣе важныя послѣдствія превращеніе личности бываетъ здѣсь болѣе или менѣе *общимъ*, захватывая по временамъ всѣ безъ исключенія ея сложившіяся формы. Къ мысли

объ общемъ или полномъ превращеніи личности подаютъ поводъ наблюденія надъ измѣненіями чисто *психическихъ* условій личнаго существованія. На такого рода наблюденіяхъ опирается вѣра въ полное преобразованіе личности людей, подъ вліяніемъ важныхъ внутреннихъ и общественныхъ перемѣнъ, — которая такъ обща поэтамъ и романистамъ. Та же вѣра проникаетъ благочестивыя сказанія о великихъ представителяхъ *святости*, вышедшихъ изъ людей крайне порочныхъ и преступныхъ,— равно какъ и обычныя представленія о *развращеніи* людей, иногда слѣдующемъ за ихъ гуманнымъ воспитаніемъ.—Но факты *физическихъ* измѣненій въ существованіи людей не оставляютъ никакого сомнѣнія въ возможности такихъ общихъ или полныхъ превращеній. Поразительные случаи *одичанія* людей, вслѣдствіе глубокихъ потрясеній ихъ личнаго и общественнаго быта, въ періоды народныхъ бѣдствій и при другихъ обстоятельствахъ, приводятъ къ мысли о процессѣ *обратномъ* культурѣ личности человѣка. Эта мысль находитъ свое подтвержденіе въ явленіяхъ отличающихъ глубокую старость большинства людей. Но она становится почти убѣжденіемъ, при видѣ тѣхъ полныхъ превращеній, которыя производятся такъ-называемыми душевными болѣзнями. Душевныя болѣзни способны охватить въ одно и тоже время не только всѣ культурныя, но и всѣ общія формы личности, начиная съ чувствъ и мышленія, и оканчивая возвратными отношеніями. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ реально перестаетъ быть *тою же* личностью, подвергаясь превращеніямъ во всѣхъ ея формахъ, и это новое положеніе дѣла свидѣтельствуется его собственнымъ сознаніемъ, когда онъ воображаетъ себя какимъ нибудь другимъ лицомъ или существомъ.

Разрѣшеніе личности.

66. Тожество личности, или постоянство ея формъ, есть неизмѣнность не только ихъ *свойствъ*, но и *сосуществованія*. Тѣже свойства формъ личности, при томъ же порядкѣ ихъ сосуществованія: — таково раздѣльное понятіе *тожества* человѣческой личности. Сосуществованіе формъ личности, подъ именемъ *связи* всѣхъ явленій личности, или *единства* личности, отдѣлялось нѣкоторыми писателями отъ тожества личности, какъ вещь параллельная послѣднему. Не трудно однако замѣтить всю неосновательность такого раздѣленія и сопоставленія *единства* и *тожества* личности. Тожество личности не можетъ означать ничего другого кромѣ постоянства или неизмѣнности ея формъ, и именно ихъ свойствъ, и ихъ сосуществованія или, если угодно, ихъ *связи*, *единства*. Единство личности подчинено, такимъ образомъ, понятію тожества личности, какъ болѣе общему или широкому, и должно входить въ составъ изслѣдованій послѣдняго. Поэтому, отъ разсмотрѣнія одного изъ видовъ тожества личности, т. е. тожества свойствъ ея зрѣлыхъ формъ, перейдемъ къ другому виду, — къ тожеству *сосуществованія* этихъ формъ, или *единства* личности.

67. Постоянство сосуществованія формъ личности, или ихъ единства, означаетъ, что каждая изъ формъ человѣческой личности неизмѣнно сосуществуетъ со всѣми другими ея формами, общими и спеціальными. А это значитъ, что ни одна изъ формъ личности не можетъ быть представлена какимъ нибудь явленіемъ или фактомъ, такъ чтобы при этомъ не могли быть представлены подобнымъ же образомъ и всѣ другія формы. Слѣ-

довательно, смыслъ постоянства сосуществованія формъ личности есть, въ концѣ, тотъ, что со всякою ея формою неизмѣнно, но *потенціально* сосуществуютъ и всѣ другія ея формы.

Это тожество личности также условно, какъ и предыдущее. Прежде всего, опять замѣтимъ, что нельзя утверждать постоянства потенціальнаго сосуществованія формъ личности, еще не образовавшейся Потому что подъ *потенціями личности*, въ широкомъ смыслѣ этого термина, можно разумѣть только два порядка психическихъ фактовъ,—психическія *готовности*, и психическія *способности*. Въ томъ и другомъ случаѣ разумѣется присутствіе нѣкоторыхъ *непосредственныхъ* условій или производителей явленій личности. Очевидно, что въ различные моменты образованія личности многія ея формы не существуютъ даже потенціально, и что онѣ образуются постепенно и медленно даже въ самыхъ потенціяхъ. Психическая подготовка кого нибудь къ чему нибудь — не означаетъ часто ничего другого кромѣ образованія въ немъ психическихъ потенцій какихъ нибудь желательныхъ психическихъ явленій или формъ. Такимъ образомъ, раньше извѣстнаго возраста, въ дитяти отсутствуютъ самыя способности къ такимъ психическимъ явленіямъ, какъ *понятія* или *силлогизмы*, чувства *жалости* или *приличія*, идеи *долга* или *справедливости*, и т. д.—Слѣдовательно, утверждая постоянство сосуществованія формъ личности, приходится имѣть въ виду только личность *образовавшуюся*,—и опять, *насколько* она образовалась. Потому что нельзя съ увѣренностью сказать, когда оканчивается для всѣхъ людей процессъ образованія ихъ личности, а слѣдовательно и всѣхъ потенцій ея общихъ и культурныхъ

формъ; а пока этотъ процессъ не кончился, пока образуются самыя способности, нѣтъ основаній говорить о постоянствѣ потенціальнаго сосуществованія всѣхъ формъ личности.—Но мы имѣемъ основанія утверждать, что даже образовавшіяся формы личности не отличаются безусловнымъ постоянствомъ своего сосуществованія. Такія основанія мы находимъ въ фактахъ *разрѣшеній* этого сосуществованія.

68. Случаи *частнаго* разрѣшенія личности представляются въ примѣрахъ *утраты* однѣхъ формъ ея, при сохраненіи другихъ, — утраты полной или неполной, съ соотвѣтствешною ей утратою самыхъ способностей. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ утрачивается способность *слова*, вполнѣ или только въ нѣкоторыхъ ея видахъ; въ другихъ болѣзняхъ теряется вся *чувствительность* въ ея высшихъ или *культурныхъ* отдѣлахъ,—каковы чувства *стыда*, чувства *справедливости*; въ нѣкоторыхъ исчезаетъ способность къ цѣлымъ отдѣламъ *дѣятельности* и *творчества;* и т. д. — Душевныя болѣзни представляютъ частые случаи болѣе или менѣе *общаго* разрѣшенія личности. Признаки многихъ видовъ *умопомѣшательства* заключаются въ распаденіи всѣхъ формъ личности, въ разрѣшеніи всѣхъ произведеній законовъ ассоціаціи и въ случайной, пестрой смѣси разорванныхъ, а прежде цѣлыхъ, ассоціацій. Слушая рѣчь иного умопомѣшаннаго, вы чувствуете тотъ страшный безпорядокъ, въ который ввергнуты всѣ явленія личности, представлявшія нѣкогда ея индивидуальныя формы въ такихъ твердыхъ взаимныхъ сочетаніяхъ. Между многочисленными примѣрами разрѣшенія личности есть одинъ, отличающійся особенною наглядностью это распаденіе лица *два*, и на

три. Больной признаетъ въ себѣ не одно лицо, а двухъ. или трехъ, въ различныхъ, часто враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Строго говоря, подобный симптомъ психической болѣзни есть искаженіе *возвратныхъ* идеальныхъ отношеній, а именно, распаденіе идеи себя на двѣ или на три части, быть можетъ, соотвѣтственно тремъ основнымъ взглядамъ человѣка на самого себя какъ *аге́нта*, какъ *реціе́нта*, и какъ *наблюдателя*.

69. Разсмотрѣвши условность психическаго *сохраненія* человѣка, мы должны возвратиться еще разъ къ условности его психическаго *образованія*. Очевидно, во-первыхъ, что доказанная нами условность сохраненія служитъ рѣшительною *повторкою* условности образованія. Во-вторыхъ, доказательства условности сохраненія заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, новый рядъ доказательствъ условности образованія, не затронутый нами въ предыдущихъ главахъ; сюда именно относятся всѣ *біологическія* условія психическаго образованія человѣка, называемыя еще чаще *физическими*, въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ нами *психическихъ*, внутреннихъ и общественныхъ. Физическія условія психическаго образованія человѣка суть большею частію условія *косвенныя*, слѣдовательно закрытыя условіями *прямыми*, или *внутренними*. Но они есть; это доказывается *физическими* условіями психическаго *сохраненія* человѣка. Въ фактахъ физической условности психическаго сохраненія человѣка, явленія психическія занимаютъ мѣсто *послѣдствій*, а явленія физическія— мѣсто *причинъ*. Самое естественное объясненіе такого отношенія состоитъ въ томъ, что эти физическія причины *сохраненія* психическихъ фактовъ суть причины и *про-*

исхожденія ихъ, или по крайней мѣрѣ *эквивалентны* такимъ причинамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, физическая условность психическаго образованія человѣка очевидна. Подтвержденіемъ такого заключенія служатъ, съ одной стороны, основная роль *ощущеній* въ исторіи психическаго образованія человѣка,—такъ какъ ощущенія являются первичнымъ источникомъ его дѣйствій, волненій и идей,—съ другой, прямая зависимость внѣшнихъ чувствъ отъ устройства ихъ органовъ, нервной системы и мозга.— Наконецъ, къ тому же заключенію приводятъ наблюденія надъ уклоненіями отъ нормальнаго развитія нервной системы и мозга, порождающими *идіотство* или *глупость*;— широкія наблюденія надъ процессомъ психическаго существованія *животныхъ*, параллельнымъ прогрессивному развитію ихъ мозга и нервной системы, —равно какъ и вѣроятное участіе человѣка въ этой прогрессивной исторіи живыхъ существъ на нашей планетѣ.

70. Настойчивое раскрытіе органической условности психическихъ фактовъ, или зависимости духа отъ матеріи, никогда не пользовалось сочувствіемъ большинства людей; это объясняется, между прочимъ, самымъ *характеромъ* нѣкоторыхъ ученій о такой *условности* или зависимости.

По мнѣнію, весьма распространенному между естествоиспытателями, матерія есть начало *дѣятельное* въ природѣ, а духъ нѣчто *страдательное*; матерія, съ ея атомами и силами, есть *производитель* всѣхъ явленій со всѣми ихъ законами, въ томъ числѣ и явленій психическихъ или того что̀ люди называютъ *духомъ*,—а духъ есть одно изъ многихъ *произведеній* матеріи.

Большинство людей, не отрицая органической или матеріальной условности психическихъ фактовъ, упорно сопротивляется такого рода обобщенію многихъ естествоиспытателей, сомнѣваясь въ вѣрности предполагаемаго ими распредѣленія ролей между матеріей и духомъ,—въ исключительной *дѣятельности* матеріи и рѣшительной *пассивности* духа. Такое мнѣніе не отвѣчаетъ нашимъ суммарнымъ впечатлѣніямъ, получаемымъ отъ явленій физическихъ или матеріальныхъ, и психическихъ или духовныхъ. Если матерія и духъ находятъ у людей различную оцѣнку, — матерія цѣнится сравнительно низко, а духъ сравнительно высоко то это вытекаетъ главнымъ образомъ изъ убѣжденія, что матеріи свойственно быть матеріаломъ и орудіемъ, а духу — властію, дѣятелемъ и образователемъ. Такія впечатлѣнія можно бы безъ дальнѣйшаго признать и ошибочными, если бъ они не находили поддержку въ данныхъ научнаго анализа. Взглядъ на исключительную дѣятельность матеріи рѣшительно противорѣчитъ господству фактовъ психическихъ надъ фактами физическими, наблюдаемому въ многочисленныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и производительности, въ которыхъ порядокъ физическихъ явленій получаетъ видъ отвѣчающій идеальной работѣ и чувствамъ человѣка. Еще менѣе такой взглядъ мирится съ господствомъ духа въ области самого духа, съ устрояемымъ имъ порядкомъ общественности, съ видами человѣческаго законодательства, и съ научнымъ установленіемъ нормъ не только психической дѣятельности и производительности, но и физическаго развитія. Безъ сомнѣнія, подобные факты и заставили многихъ древнихъ и новыхъ философовъ отказывать матеріи во всякой дѣятельности, приписывая ее исключительно *духу* или *уму*.

71. То же сомнѣніе вызывается и тѣмъ утвержденіемъ, будто матерія есть *производитель* духа, а духъ есть *произведеніе* матеріи, и будто всѣ законы природы суть въ строгомъ смыслѣ законы матеріи, и никогда—духа. Безспорно, есть факты располагающіе къ такого рода заключеніямъ, но есть также и другіе, которые расходятся съ ними и ведутъ къ заключеніямъ противоположнымъ Къ фактамъ такого рода принадлежатъ, между прочимъ, во-первыхъ, факты образованія *вторичныхъ* законовъ духа, т. е. его чувствъ, дѣйствій и т. д., въ силу первичныхъ законовъ ассоціаціи и подъ вліяніемъ *психической оцѣнки* самаго качества психическихъ фактовъ; и во-вторыхъ, преобразованіе этихъ вторичныхъ законовъ духа, или навыковъ, въ *наслѣдственныя* предрасположенія, или *прирожденные* законы психическаго существованія. Переходъ навыковъ изъ пріобрѣтенныхъ въ наслѣдственные защищается многими авторитетами, а это означаетъ переходъ вторичныхъ законовъ духа—въ неизмѣнные законы органической матеріи. Такой переходъ даетъ право предполагать, что всѣ законы органической матеріи, законы ея устройства и функцій, могли быть первопачально вторичными законами образующагося духа. А такъ какъ послѣдніе—происхожденія *критическаго* или чисто *духовнаго*, то этимъ самымъ дается право на утвержденіе, что законы органической матеріи суть первоначально законы духа,—или что духъ есть собственная причина всѣхъ установившихся органическихъ явленій, или собственный производитель органическаго вещества. — Такъ какъ, далѣе, границы между органическимъ и неорганическимъ условны то это заключеніе допускаетъ болѣе широкое обобщеніе, отдающее вообще матерію во власть духа. И

такое обобщеніе будетъ вполнѣ согласно съ извѣстными фактами власти человѣческаго духа надъ матеріею окружающей человѣка органической и неорганической среды.

Такимъ образомъ, есть факты, способные внушить сомнѣніе въ исключительной дѣятельности и производительности матеріи, и даже вести къ заключеніямъ противоположнымъ. Въ виду тѣхъ и другихъ фактовъ, позволительно думать, что условность духа и матеріи есть *обоюдная* или *взаимная;* что первоначальная роль дѣятеля принадлежитъ скорѣе духу, и что матерія, первоначально и въ цѣломъ, играетъ роль только его *органа.*

72. Оцѣнивая мнѣнія объ отношеніяхъ между матеріею и духомъ, мы повидимому вращаемся въ кругѣ вопросовъ о самомъ «существѣ» духа и матеріи. На дѣлѣ это не такъ; подъ *матеріею*, о которой до сихъ поръ говорилось, разумѣлись только *матеріальныя явленія:* точно также, и подъ *духомъ* разумѣлись одни *психическія явленія*. Вопросъ объ отношеніяхъ матеріальныхъ и психическихъ явленій можетъ быть рѣшаемъ независимо отъ вопросовъ о «существѣ» матеріи и духа, объ ихъ *нефеноменальной* сущности, или о томъ, что такое духъ и матерія «сами въ себѣ».

Изъ этого однако очевидно, что вопросы о матеріи и духѣ какъ *явленіяхъ*, еще не затрогиваютъ вопросовъ объ ихъ нефеноменальномъ существѣ, и то или другое рѣшеніе первыхъ не составляетъ никакого *предрѣшенія* послѣднихъ. Условность человѣческаго духа въ смыслѣ психическихъ явленій, или съ феноменальной точки зрѣнія, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но такъ ли все это и на *самомъ дѣлѣ*, какъ является намъ; дѣйстви-

тельно ли индивидуальный духъ человѣка начинаетъ существовать только съ первымъ психическимъ явленіемъ индивидуальнаго существованія человѣка, и разрушается съ послѣдними явленіями этого рода въ процессѣ его смерти —это вопросы, которые отнюдь не предрѣшаются феноменологіею духа,—вопросы величайшей практической важности, по своей связи съ жаждою лучшей, совершеннѣйшей жизни, свойственной культурному человѣку, и съ вопросами объ отвѣтственности человѣка передъ Высшимъ Судомъ.

На эти вопросы *вѣра* и *религія* образованнаго человѣчества всегда давала свои отвѣты, далеко расходящіеся съ внушеніями простыхъ явленій духа и матеріи. Что касается *науки*, то ея отношенія къ этимъ вопросамъ очерчиваются ученіемъ о той *относительности* психическихъ фактовъ существованія человѣка, которую называютъ *ограниченностью человѣческаго духа*.

ГЛАВА IV.

ПСИХИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Психическая ограниченность человѣка какъ слѣдствіе условій его психическаго развитія. — *отрицательныхъ; положительныхъ.* — *Мѣра* психическаго развитія. Ограниченность человѣческаго *знанія*, прямого и косвеннаго.

73. Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли относительность *начала* и *продолженія* исторіи человѣческаго духа; теперь разсмотримъ относительность ея *конца*, въ смыслѣ доступнаго человѣку *совершенства*. Этотъ видъ психической относительности мы называемъ *психическою ограниченностью человѣка*.

Психическая ограниченность человѣка или относительность доступнаго ему совершенства означаетъ существованіе *предѣловъ* психическаго *развитія*, *непреодолимыхъ* для человѣка по самой его *природѣ*.

Психическая ограниченность человѣка есть прямое послѣдствіе доказанной нами впереди его *психической условности*.

Въ *условіяхъ* возникновенія и развитія психическихъ фактовъ существованія человѣка должны, очевидно, лежать и самые *предѣлы* этого развитія,—предѣлы, отрѣшеніе отъ которыхъ также невозможно, какъ невозможно

дѣйствіе безъ причины.—Предѣлы психическаго развитія человѣка лежатъ, во-первыхъ, въ *отрицательныхъ* условіяхъ этого развитія и, во-вторыхъ, въ *положительныхъ*.

ПСИХИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧЕЛОВѢКА КАКЪ СЛѢДСТВІЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХЪ УСЛОВІЙ ЕГО ПСИХИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ.

74. Развитіе каждаго класса психическихъ фактовъ опредѣляется двумя порядками условій,—*положительныхъ* и *отрицательныхъ*. Положительными мы называемъ *причины* развитія; отрицательными — *препятствія* послѣднему. Положительными опредѣляется *успѣхъ* развитія каждаго класса психическихъ фактовъ; отрицательными—его *мѣра*, иначе *соразмѣрность*, *пропорціональность*. Эта мѣра развитія и есть тотъ непреодолимый предѣлъ психическаго совершенства человѣка, который лежитъ въ отрицательныхъ условіяхъ послѣдняго.

Мѣра психическаго развитія опредѣляется дѣйствіями его отрицательныхъ условій. А это значитъ, что психическое развитіе вызываетъ дѣйствія отрицательныхъ условій,—слѣдовательно, приходитъ въ мѣру или достигаетъ устойчивости, сдѣлавши сначала лишній шагъ впередъ и потомъ отступая назадъ, до тѣхъ поръ пока это отступленіе не выводитъ его окончательно изъ-подъ вліянія отрицательныхъ условій.

Такъ какъ психическое равновѣсіе, или устойчивая ступень психическаго развитія получается послѣ шага впередъ, отъ котораго приходится отступать назадъ. то понятно, какимъ образомъ мы узнаемъ непреодолимость предѣловъ лежащихъ въ отрицательныхъ условіяхъ развитія.

Отступленіе назадъ, на ступень развитія уже пройденную, даетъ намъ опытъ и идею дальнѣйшаго или *высшаго* развитія, на которомъ мы не въ состояніи удержаться. Ступень развитія, достигаемая вслѣдствіе условій положительныхъ и не оспариваемая болѣе условіями отрицательными, остается *естественною мѣрою* развитія, или *естественнымъ*, непреодолимымъ *предѣломъ* послѣдняго, не взирая на случайныя уклоненія отъ него. Потому что рѣчь идетъ о предѣлахъ психическихъ совершенствъ человѣка, или совершенства его психическихъ *свойствъ*,—того что носитъ характеръ *постоянства*, или входитъ въ самое *устройство* психическаго существованія человѣка.

75. Есть различные виды отрицательныхъ условій психическаго развитія человѣка, такими условіями могутъ быть и *общественность* и *внѣшняя природа*. Какъ бы впрочемъ ни были велики такого рода препятствія, едва ли можно доказать, чтобъ они были непреодолимы для человѣка. Отрицательныя условія психическаго развитія человѣка, непреодолимость которыхъ можетъ быть поставлена внѣ всякаго сомнѣнія, заключаются въ самой *природѣ* его,—въ тѣхъ же самыхъ психическихъ фактахъ, которые служатъ и положительными условіями этого развитія. Психическіе факты существованія человѣка состоятъ въ одно и тоже время и *причинами* своего развитія, и *препятствіями* къ нему. Развитіе каждаго класса психическихъ фактовъ терпимо остальными классами только до извѣстной ступени. Какъ скоро развитіе идетъ дальше этой ступени, оно встрѣчаетъ отпоръ или противодѣйствіе со стороны одного или многихъ или всѣхъ остальныхъ классовъ. Эти чисто внутреннія препятствія психическому развитію человѣка дальше извѣстной ступе-

ни,—препятствія лежащія въ самомъ устройствѣ психическаго существованія людей, или въ ихъ психической природѣ, очевидно, непреодолимы по самой ихъ *природѣ*. Безъ сомнѣнія, для различныхъ личностей, для одной и той же — въ различное время или при различныхъ обстоятельствахъ, такіе предѣлы внутренняго развитія могутъ быть различны, но существованіе тѣхъ или другихъ также неизбѣжно, какъ неизбѣженъ антагонизмъ между различными классами психическихъ фактовъ. Въ предѣлахъ развитія, устанавливаемыхъ этимъ антагонизмомъ психическихъ фактовъ, лежитъ та *мѣра* или *пропорція* психическаго развитія, которая составляетъ самый широкій *идеалъ* послѣдняго.

76. Что развитіе личности имѣетъ свой предѣлъ въ отрицательныхъ условіяхъ, это доказывается анализомъ *естественныхъ свойствъ* всѣхъ классовъ психическихъ фактовъ существованія человѣка,—его *чувствъ*, *мышленія*, *дѣятельности*, *творчества*, отношеній *потенціальныхъ* и *возвратныхъ*.

Обращаясь къ чувствамъ человѣка, остановимся, прежде всего, на томъ свойствѣ внѣшнихъ ощущеній, которое называется ихъ *тонкостью* или *остротою*.

Тонкость внѣшнихъ чувствъ человѣка никогда не считалась удовлетворительною въ цѣляхъ знанія. Такая оцѣнка поддерживается сравненіемъ ихъ съ внѣшними чувствами животныхъ, изъ которыхъ многія превосходятъ человѣка тонкостью или остротою своихъ ощущеній зрѣнія, слуха и обонянія. Такимъ образомъ, существуетъ нѣкоторый предѣлъ тонкости человѣческихъ чувствъ. Наблюденія надъ случайнымъ развитіемъ у людей чувствъ слуха и осязанія позволяютъ намъ утверждать, что извѣст-

ный предѣлъ тонкости внѣшнихъ чувствъ человѣка составляетъ ея *естественную мѣру*, устанавливаемую отрицательными условіями развитія внѣшнихъ чувствъ, заключающимися, между прочимъ, въ другихъ классахъ психическихъ фактовъ, особенно въ тѣхъ тяжолыхъ, мучительныхъ *волненіяхъ*, которыя вызываются случайнымъ изощреніемъ ихъ далѣе извѣстнаго предѣла. Объ одномъ рядѣ такого рода наблюденій, именно надъ развитіемъ чувства *слуха*, мы упоминали въ статьѣ подъ заглавіемъ. *Субъективные тоны* (помѣщенной нами въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1862 годъ). Въ этой статьѣ рѣчь идетъ о томъ что̀ *Гельмгольцъ*, въ сочиненіи Die Lehre über die Tonempfindungen, изданномъ въ 1863 г., назвалъ *Uebertöne* и *Nebentone*. Наблюденія надъ этими дополнительными «или побочными» тонами каждаго звука производились мною въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Первыя замѣчанія были сдѣланы надъ звуками рояли; при случайномъ сильномъ ударѣ одной клавиши—въ совершенно тихой залѣ, я замѣтилъ какой-то другой тонъ, звучащій рядомъ съ тономъ клавиши, весьма слабый и по высотѣ напоминающій верхнюю октаву этого тона. Это замѣчаніе послужило поводомъ къ моимъ дальнѣйшимъ наблюденіямъ надъ побочными тонами звуковъ рояли. Съ продолженіемъ опытовъ, я началъ различать быстро и отчетливо серебристыя звуковыя сопровожденія тоновъ клавишъ, и это позволило мнѣ составить помѣщенную въ указанной статьѣ «Таблицу» такихъ сопровожденій. Моя впечатлительность къ этого рода звукамъ достигла такого развитія, что я могъ различать цѣлыхъ двѣ системы звуковыхъ сопровожденій тоновъ рояли,—одну, систему сопровождающихъ аккордовъ, и другую, систему сопровождающихъ диссонан-

совъ. Отъ наблюденій надъ тонами рояли я перешелъ къ наблюденіямъ надъ звуками человѣческаго голоса, и сталъ различать весьма отчетливо музыкальныя сопровожденія послѣднихъ, отъ голоса перешелъ, далѣе, къ звукамъ металлическихъ ложекъ, къ звукамъ колокольчиковъ, тарелокъ, стакановъ; и т. д. Кончилось тѣмъ, что каждый звукъ, издаваемый какимъ бы то ни было предметомъ, являлся мнѣ въ массѣ сопровожденій, иногда весьма рѣзкихъ, и спутанныхъ. Все это стало вызывать во мнѣ безпокойство и внушать опасенія; я боялся, что я не перестану слышать эту дикую путаницу отвсюду получаемыхъ и перекрещивающихся звуковыхъ сопровожденій; они раздражали и мучили меня. Я старался не слышать ихъ и прекратилъ наконецъ свои наблюденія надъ ними; но и послѣ этого успокоился не скоро, такъ какъ пріобрѣтенная тонкость слуха исчезла не вдругъ.—Другой примѣръ въ томъ же родѣ представили мнѣ мои наблюденія надъ *осязательною* чувствительностью слизистыхъ оболочекъ гортани Рядъ наблюденій привелъ меня къ заключенію, что рѣчь произносимая вслухъ, и рѣчь произносимая про себя, въ *мысли*, по природѣ одно и тоже,—сочетанія звуковъ издаваемыхъ органомъ слова, и слышимыхъ въ послѣднемъ случаѣ при помощи канала соединяющаго полость гортани съ полостью уха. Противъ такого заключенія представляется возраженіе въ фактахъ отсутствія въ послѣдней рѣчи тѣхъ движеній языка, которыми условливается первая, или слышимая для другихъ. Наблюденія съ помощью зрѣнія показали, что въ мыслимой рѣчи, движенія языка замѣщены движеніями язычка, его опущеніями и поднятіями,—при чемъ первыя соединены съ прикосновеніями къ слизистой стѣнкѣ гортани. Меня занималъ вопросъ,

почему я не чувствую обыкновенно такихъ прикосновеній язычка—въ процессѣ мысленной или умственной рѣчи. Я сталъ обращать вниманіе на этотъ предметъ, и послѣ нѣкотораго времени началъ чувствовать ряды прикосновеній или постукиваній въ стѣнку гортани, производимыхъ язычкомъ Эти ощущенія, съ теченіемъ времени, стали такъ отчетливы, что походили на впечатлѣнія щекотанья производимаго посторонпимъ тѣломъ введеннымъ въ полость гортани, и сопровождались тѣмъ же непріятнымъ чувствомъ тошноты Нужны были опять нѣкоторыя усилія, чтобы возвратиться къ прежней ступени осязательной чувствительности въ этомъ отдѣлѣ слизистыхъ оболочекъ.

Эти, и нѣкоторые другіе, опыты съ внѣшними ощущеніями приводятъ къ убѣжденію, что развитіе тонкости внѣшнихъ чувствъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ способно отравить всѣ удовольствія жизни и довести до умопомѣшательства; что обычный предѣлъ ихъ тонкости есть естественная мѣра ихъ развитія, уклоненія отъ которой не могутъ быть продолжительны, по своей несогласимости съ другими классами психическихъ фактовъ. Такимъ образомъ, есть всѣ основанія думать, что вслѣдствіе положительныхъ условій развитія внѣшнихъ чувствъ человѣка, тонкость ихъ могла бы достигать такихъ ступеней, о которыхъ мы узнаемъ только по нѣкоторымъ случайностямъ ея развитія, но вслѣдствіе условій отрицательныхъ, послѣднее имѣетъ предѣлъ—отвѣчающій болѣе практическимъ и эстетическимъ цѣлямъ человѣка, чѣмъ его стремленіямъ къ знанію.

Анализъ того свойства человѣка, которое называютъ *сдержанностью*, доказываетъ ту же истину относительно *волненій*. Сдержанность распадается на два порядка. сдер-

жанность въ *чувствахъ* и вообще страдательныхъ отношеніяхъ, и сдержанность въ *дѣйствіяхъ*. Сдержанность въ чувствахъ простирается какъ на ощущенія, такъ въ особенности на волненія, напр. *страха, гнѣва;* и т д. Сдержанность въ волненіяхъ признается необходимою принадлежностью высокаго образованія человѣка; она можетъ быть однимъ изъ нравственныхъ совершенствъ лица. Между тѣмъ сдержанность въ волненіяхъ, какъ показываетъ анализъ этого свойства, заключается въ извѣстной *мѣрѣ* или *соразмѣрности* ихъ развитія, опредѣляемой тѣми препятствіями, какія оно встрѣчаетъ частію въ средѣ самыхъ волненій, частію въ другихъ порядкахъ психическихъ фактовъ.—

77. Перейдемъ къ *мышленію*, и остановимся на одномъ изъ величайшихъ его достоинствъ, называемомъ *оригинальностью* ума, и *талантомъ умственнаго творчества*. Совершенство этого свойства личности совпадаетъ не съ вершиною оригинальнаго развитія идей, а съ нѣкоторыми ступенями ниже ея, опредѣляемыми отрицательными условіями умственнаго творчества. Съ вершинами оригинальныхъ идеальныхъ развитій мы встрѣчаемся въ умственныхъ явленіяхъ весьма различныхъ по своему характеру и практическому значенію,—въ явленіяхъ *грезъ*, *мечтаній*, въ явленіяхъ нѣкоторыхъ *видѣній* и *созерцаній*, въ явленіяхъ всѣхъ образовъ дѣйствительности, мало напоминающихъ послѣднюю, или совсѣмъ расходящихся съ ея указаніями. Стремленіе къ такимъ развитіямъ идей лежитъ въ свойствахъ того закона ассоціаціи идей, который называютъ закономъ *сходства*, — въ стремленіи послѣдняго къ преобразованіямъ дѣйствительности въ представляющихъ ее идеяхъ,—стремленіи встрѣчающемъ

могучую поддержку въ той массѣ живыхъ и сладостныхъ волненій, которыми такъ часто сопровождается умственное творчество. При такихъ положительныхъ условіяхъ, оригинальность мышленія человѣка не имѣла бы границъ, если бъ онѣ не предписывались ей условіями отрицательными, заключающимися главнымъ образомъ въ *реальной дѣятельности* человѣка. Если человѣкъ. въ здравомъ состояніи, сдерживаетъ порывы къ развитію идей, если онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы не давать полной воли творческимъ ассоціаціямъ своихъ мыслей; если онъ считаетъ необходимымъ свѣрять свои идеи съ дѣйствительностью, и дѣлаетъ не только остановки, но и повороты назадъ, въ ходѣ развитія своихъ идей то этимъ онъ обязанъ преимущественно своимъ *практическимъ* нуждамъ,—потребности жить и дѣйствовать въ области реальности, предохраняя себя отъ опасностей и бѣдствій связанныхъ съ невниманіемъ къ ея порядкамъ и къ ея положенію во всякую минуту своего существованія

Прямое и косвенное подтвержденіе этого взгляда мы находимъ во всѣхъ видахъ высшаго умственнаго творчества. Творчество въ области *науки,* имѣющее цѣлью *знаніе*, было первоначально весьма далеко отъ тѣхъ предѣловъ развитія идей, въ которыхъ оно достижимо; но постепенно стало пріобрѣтать тотъ характеръ совершенства, который состоитъ въ научной *точности* или *положительности*, т. е. строгомъ соотвѣтствіи даннымъ анализа дѣйствительности или ея законовъ, и съ которымъ преслѣдуются преимущественно *практическія* цѣли,—господство человѣка надъ природою.—Тоже замѣчаніе прилагается и къ творчеству *поэтическому*. Въ младенчествѣ народовъ, фантазіи поэтовъ не знаютъ тѣхъ границъ сво-

его развитія, какія встрѣчаются ими въ періодъ народной возмужалости, когда создаются теоріи *подражанія* искуства *природѣ*, или соотвѣтствующее имъ *реалистическое* направленіе въ искуствѣ, вызываемое новыми практическими потребностями, съ которыми не мирится излишняя мечтательность прежней поэзіи.—Наконецъ, тоже заключеніе оправдывается косвенно и на творчествѣ *религіозномъ*. Идеи религіи представляютъ вещи въ мірѣ весьма несходно съ тѣмъ что можно узнать съ помощью наблюденій и опытовъ надъ ними, и однако нѣтъ другихъ идей, которыя человѣчество отстаивало бы съ такою твердостью. Причина заключается въ томъ, что эти идеи отвѣчаютъ высшимъ *практическимъ* стремленіямъ человѣка, — стремленіямъ жить гражданиномъ лучшаго міра, и жить жизнью неконечающеюся. Справедливость этого взгляда на идеи религій—оправдывается самымъ содержаніемъ ихъ. Религіи, которыхъ держалось и держится человѣчество, представляютъ различныя формы религіознаго *оптимизма;* религіозный *пессимизмъ* можетъ быть случайностью болѣзненнаго развитія одного или немногихъ лицъ, но никогда не сдѣлается религіей народа или человѣчества, какъ противорѣчащій его высшимъ практическимъ потребностямъ.

78. То же замѣчаніе прилагается къ свойствамъ *реальной дѣятельности, психической готовности* и *возвратныхъ отношеній*. Возьмемъ для примѣра два свойства *реальныхъ* психическихъ отношеній, или *нрава*,—именно *мягкость* и *твердость*. Совершенство этихъ психическихъ свойствъ человѣка заключается не въ ихъ *наивысшемъ*, а въ ихъ *соразмѣрномъ* развитіи,—что опредѣляется отрицательными условіями послѣдняго, данными преимуще-

ственно въ *практическомъ умѣ* человѣка. Крайнее развитіе мягкости реальныхъ дѣйствій или права представляетъ отсутствіе всякаго сопротивленія вліяніямъ со стороны, а это обстоятельство сопряжено съ многими опасностями. Отсюда, хотя крайне развитая мягкость и можетъ иногда нравиться съ эстетической точки зрѣнія.—она не одобряется съ практической, отсюда, далѣе, такая крайняя мягкость не встрѣчается въ числѣ прочныхъ качествъ личности человѣка.—Тоже и съ *твердостью* нрава. Одинъ изъ видовъ крайняго или наивысшаго развитія твердости представляется въ такъ-называемомъ *упрямствѣ* или *упорствѣ*,—качествѣ, неодобряемомъ нашимъ умомъ, или встрѣчающемъ противодѣйствіе своему образованію въ предусматриваемыхъ опасностяхъ другого рода, заключающихся въ недоступности постороннему вліянію даже и въ такихъ случаяхъ, когда послѣднее можетъ быть единственнымъ выходомъ изъ затрудненій или изъ бѣдъ.—Такимъ образомъ, и то и другое свойство реальной дѣятельности человѣка достигаютъ своего совершенства на нѣкоторыхъ среднихъ ступеняхъ развитія, допускаемыхъ практическимъ умомъ человѣка.—Подобное замѣчаніе прилагается и къ свойствамъ *психической готовности* человѣка, напр., его *рѣшительности*. Рѣшительность считается однимъ изъ достоинствъ воли человѣка. совершенство котораго лежитъ въ нѣкоторой срединѣ между *нерѣшительностью*, и такими свойствами какъ *опрометчивость*, *торопливость*, *легкомысліе*,—которыя представляютъ крайнее развитіе рѣшительности. Рѣшительность безъ опрометчивости и другихъ подобныхъ недостатковъ характера человѣка,—отличающая обыкновенно большинство зрѣлыхъ лицъ, достигается присутствіемъ

сильныхъ мотивовъ или побужденій, ограничиваемыхъ *опытностью*, *проницательностью*, *предусмотрительностью* и другими достоинствами ума, рождающими осторожность въ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ. — Тоже, наконецъ, прилагается и къ свойствамъ *возвратныхъ отношеній*. Увѣренность человѣка въ своихъ силахъ, средствахъ и достоинствахъ, есть одно изъ свойствъ психической возвратности, наивысшее или крайнее развитіе котораго, представляемое *крайнею самоувѣренностью*, вовсе не считается его совершенствомъ, какъ расходящееся съ потребностями правильныхъ отношеній и угрожающее опасностями благосостоянію и самой жизни лица. Такимъ образомъ, крайняя самоувѣренность встрѣчаетъ препятствія своему развитію, прежде всего, въ практическихъ свойствахъ или достоинствахъ человѣческаго ума.

79 До сихъ поръ мы избирали примѣры изъ области *общихъ* формъ психическаго существованія человѣка. Развитіе психическихъ свойствъ, болѣе или менѣе общихъ человѣку съ животными, ограничивается отрицательными условіями, которыя оно встрѣчаетъ частію въ *общихъ*, частію въ *специальныхъ* или *культурныхъ* формахъ психическаго существованія человѣка. Всякое развитіе той или другой общей формы личности, встрѣчающее препятствіе со стороны ея другихъ формъ, общихъ или специальныхъ, не можетъ удержаться въ устройствѣ культурной личности человѣка.—Но такой же предѣлъ развитія встрѣчаютъ и свойства высшихъ или спеціальныхъ формъ человѣческаго духа. Совершенство всѣхъ высшихъ явленій личности заключается не въ *наивысшемъ*, а въ *наилучшемъ* ихъ развитіи, которое опредѣляется его отри-

цательными условіями, и заключается въ *соразмѣрности* или пропорціональности. На это слѣдуетъ обращать вниманіе моралистовъ и педагоговъ, которые въ дѣлѣ развитія личности такъ часто смѣшиваютъ *наилучшее* съ *наивысшимъ*, и принимая послѣднее за первое, придаютъ теоріямъ и практикѣ то крайнее направленіе, которое такъ мало согласуется съ требованіями отрицательнаго характера, заявляемыми со стороны какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ формъ личности. Для примѣра, возьмемъ одно изъ спеціальныхъ или отличительныхъ психическихъ свойствъ человѣка, именно его *чувствительность* къ *долгу*. Спрашивается: совершенство этой чувствительности совпадаетъ ли съ ея *наивысшимъ*, иначе *крайнимъ*, развитіемъ во всѣхъ ея формахъ?—Мы имѣемъ основанія отвѣчать на это отрицательно; *наилучшимъ* и здѣсь будетъ не *наивысшее*, а *соразмѣрное*, *пропорціональное*. Это можно доказать съ различныхъ точекъ зрѣнія; мы остановимся на томъ непреодолимомъ препятствіи крайнему развитію чувствительности къ долгу, которое заключается въ *необходимости дѣйствія*. Чувствительность къ долгу имѣетъ столько же видовъ, какъ и самый долгъ или законъ. Но законъ бываетъ реальный, положительный, — и идеальный, иначе простыя идеи закона, которыя могутъ быть лучше самаго закона; долгъ бываетъ государственнымъ, и частнымъ, — родственнымъ, семейнымъ, супружескимъ, родительскимъ; и т. д. Наивысшее развитіе чувствительности къ долгу заключало бы въ себѣ такое развитіе всѣхъ безъ исключенія ея формъ; но одинаковое развитіе всѣхъ формъ впечатлительности къ долгу угрожало бы самой способности дѣйствій по долгу. Дѣйствія требуемыя долгомъ, какъ и всѣ другія, не могутъ

состояться при *равенствѣ* несогласныхъ или противорѣчивыхъ мотивовъ къ нимъ. Слѣдовательно, при всякомъ столкновеніи между собою различныхъ видовъ долга, дѣятельность по долгу не имѣла бы мѣста, если бы всѣ формы чувствительности къ нему были развиты одинаково, и давали равносильные мотивы или побужденія. Человѣкъ, съ крайнимъ развитіемъ всѣхъ видовъ и формъ нравственной впечатлительности, долженъ оказаться въ безвыходномъ состояніи полной нерѣшимости и бездѣйствія, при всякомъ столкновеніи своихъ нравственныхъ обязанностей; а такіе случаи весьма нерѣдки. Такимъ образомъ, чтобы воспитать въ человѣкѣ *дѣятеля* по долгу, слѣдуетъ держаться системы, преслѣдующей не наивысшее, а наилучшее, т. е. *соразмѣрное* развитіе всей впечатлительности человѣка къ долгу.

Итакъ, есть психическая ограниченность человѣка, неизбѣжная для него по самой его природѣ, и заключающаяся въ тѣхъ предѣлахъ его психическаго развитія, которые лежатъ въ отрицательныхъ условіяхъ послѣдняго, данныхъ въ самыхъ фактахъ психическаго существованія человѣка.

80. Хотя каждая форма психическихъ фактовъ человѣческаго существованія имѣетъ свой предѣлъ развитія, или свою мѣру послѣдняго, лежащую въ его отрицательныхъ условіяхъ,—это не препятствуетъ тому, чтобы нѣкоторыя формы, сохраняя свою ограниченность или пропорціональность, представляли *различныя ступени* однороднаго развитія, — ступени, въ которыхъ границы одной формы косвенно *отрицаются* другою или другими. Та-

кимъ образомъ, *поэзія* есть косвенное отрицаніе границъ *науки; религія* является отрицаніемъ границъ — не только науки, но и поэзіи.—Другое торжество надъ психическою ограниченностью человѣка, вытекающею изъ отрицательныхъ условій его развитія, представляетъ *искусство*. Искуство позволяетъ человѣку, удерживая естественную мѣру развитія психическихъ свойствъ или способностей, *искуственно* переступать эту естественную границу, не встрѣчая къ тому никакихъ препятствій. Искуство человѣка торжествуетъ надъ естественною ограниченностью его *внѣшнихъ чувствъ*, снабжая его искуственными орудіями *зрѣнія, слуха, осязанія, мускульныхъ ощущеній* и т. д. Ограниченность *памяти* находитъ свое отрицаніе въ системѣ искуственныхъ знаковъ; ограниченности человѣческаго слова помогаютъ произведенія искуствъ *пластическихъ* и *музыки;* естественная ограниченность личной опытности въ дѣлахъ *общественныхъ* находитъ свое отрицаніе въ *гласности*, *драматической поэзіи, романѣ*; ограниченности нравственнаго чувства помогаютъ *правила*, въ формѣ пословицъ, изданныхъ законовъ, предложеній науки; и т. д. Искуство человѣка помогаетъ здѣсь его природѣ; и въ этой роли его, въ этихъ его успѣхахъ, въ этомъ отрицаніи естественной ограниченности психической природы человѣка, вытекающей изъ отрицательныхъ условій его развитія, заключается немаловажная доля того *прогресса*, который наблюдается въ исторіи человѣческой культуры.

ПСИХИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЧЕЛОВѢКА КАКЪ СЛѢДСТВІЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХЪ УСЛОВІЙ ЕГО ПСИХИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ.

81. Сюда относится *ограниченность человѣческаго знанія*.

Съ точки зрѣнія отношеній сознанія къ его предмету, *знаніе* представляетъ совершеннѣйшую форму сознанія. Реальнымъ формамъ сознанія, или *чувствамъ*, не достаетъ той ясности и раздѣльности, какія свойственны знанію; чувства ближе къ дѣйствительности, но страдаютъ темнотою и сбивчивостью. Знаніе принадлежитъ къ *идеальнымъ* формамъ сознанія, и превосходитъ всѣ остальныя *очевидностью* соотвѣтствія своихъ идей ихъ предметамъ или дѣйствительности. Въ этомъ заключается весьма важная разница между идеями *знанія*. и идеями *религіи* или *вѣры*. Вѣра есть ожиданіе очевидности; знаніе есть обладаніе ею. Такимъ образомъ, знаніе человѣка совершеннѣе другихъ формъ его сознанія.

Но совершенство знаній человѣка имѣетъ также свои *предѣлы*, и притомъ рѣшительно непреодолимые для него. Такіе предѣлы человѣческаго знанія лежатъ въ *положительныхъ условіяхъ* развитія этой совершеннѣйшей формы его сознанія.

Къ положительнымъ условіямъ знанія относятся и *природа физическая*, и *общественность*, и собственная *личность* человѣка. Трудно указать на какія нибудь несовершенства человѣческаго знанія, которыя бы зависѣли отъ физическихъ и общественныхъ условій положительнаго

характера, и были непреодолимы для усилій человѣка.— Недостатки знанія, которые зависятъ отъ психической ограниченности, вытекающей изъ отрицательныхъ условій развитія человѣка, устраняются вмѣстѣ съ торжествомъ его искуства надъ этою ограниченностью его природы. Такимъ именно путемъ, при сравнительно незначительной тонкости внѣшнихъ чувствъ, внѣшнія наблюденія человѣка достигаютъ того изумительнаго совершенства, которое такъ много содѣйствуетъ прогрессу физическихъ знаній и совершенно чуждо природѣ животныхъ.

Но есть другія несовершенства человѣческаго знанія, которыя зависятъ отъ несовершенства его *положительныхъ* условій, и непреодолимость которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Эти несовершенства знанія связаны съ недостатками обусловливающихъ его *формъ сознанія*,— недостатками, лежащими не въ отрицательныхъ условіяхъ развитія этихъ формъ, а въ самой *природѣ* ихъ,— слѣдовательно, опять въ самой *психической природѣ* человѣка. Въ непреодолимости этихъ новыхъ предѣловъ психическаго совершенства человѣка мы убѣждаемся путемъ *умственнаго опыта*. Въ нашемъ мышленіи о вещахъ мы идемъ дальше тѣхъ естественныхъ границъ, которыя лежатъ для знанія въ его внутреннихъ условіяхъ; мы *переступаемъ* эти границы не только въ *вопросахъ*, но и въ *отвѣтахъ*,—переступаемъ въ нашихъ глубокихъ думахъ, въ поэзіи и въ религіи. Но оцѣнивая такого рода отвѣты съ точки зрѣнія качествъ знанія, мы находимъ, что имъ недостаетъ нѣкоторыхъ положительныхъ условій, чтобъ быть *знаніями*. Мы не можемъ отказаться отъ этихъ вопросовъ; мы сочувствуемъ нѣкоторымъ отвѣтамъ на послѣдніе· мы надѣемся, мы *вѣримъ*,—но мы не *знаемъ*.

Ограниченность человѣческаго знанія открывается въ двухъ видахъ—какъ ограниченность *прямого*, — и какъ ограниченность *косвеннаго* знанія. *Прямое* знаніе человѣка, по самой природѣ его, ограничено одними *психическими отношеніями* ни *вещей*, которымъ принадлежатъ эти отношенія, ни какихъ нибудь другихъ отношеній кромѣ психическихъ, — человѣкъ прямымъ образомъ не знаетъ и знать не можетъ. — *Косвенное* знаніе человѣка ограничено однимъ *присутствіемъ вещей* въ фактахъ психическихъ отношеній, и *присутствіемъ* отношеній *непсихическихъ*,—такъ-называемыхъ *физическихъ* или *матеріальныхъ*,—въ сочетаніи съ психическими.

Ограниченность прямого знанія.

82. *Прямымъ*, *непосредственнымъ* знаніемъ называются тѣ формы идеальнаго сознанія, которыхъ соотвѣтствіе ихъ предметамъ очевидно изъ *наблюденій*. Слѣдовательно, границы прямого знанія совпадаютъ съ границами наблюденія. — Теперь спрашивается. что подлежитъ наблюденію человѣка? — Въ собственномъ или строгомъ смыслѣ, наблюденію человѣка подлежатъ только его собственныя *психическія отношенія*, — т. е. его идеи, и психическая дѣйствительность его чувствъ, дѣйствій, произведеній, готовностей и возвратныхъ отношеній. Наблюденіе принадлежитъ къ числу *умственныхъ* операцій человѣка; а всѣ умственныя операціи суть *косвенныя* отношенія къ вещамъ, обусловливаемыя идеями и всѣми реальными психическими отношеніями. Эти условія наблюденія суть вмѣстѣ и единственные непосредственные предметы послѣдняго. Такъ какъ наблюденіе человѣка не про-

стирается дальше психическихъ отношеній; и такъ какъ прямое знаніе опредѣляется наблюденіемъ, или не выходитъ изъ границъ послѣдняго: то ясно, что и прямое знаніе человѣка ограничено, по предмету, одними *психическими отношеніями*. Иначе сказать, такъ-называемыя *физическія отношенія*, и *вещи* которымъ принадлежатъ тѣ и другія отношенія, не могутъ быть предметомъ прямого знанія, какъ не могутъ быть предметомъ наблюденій.

83. Послѣднее утвержденіе расходится съ популярными понятіями о наблюденіи и съ относящеюся сюда научной терминологіей. Принято раздѣлять наблюденія на *внутреннія* и *внѣшнія*,—разумѣя подъ *внѣшними*—наблюденія вещей и отношеній *физическихъ*, *матеріальныхъ*. — Не смотря на всю обычность такого дѣленія и такихъ выраженій, неточность и нефилософичность ихъ очевидна. *Наблюденій внѣшнихъ* въ строгомъ смыслѣ не существуетъ есть *внѣшніе опыты*, *внѣшнія дѣйствія* человѣка, сопровождающіяся перемѣнами въ его наблюденіяхъ; такія *наблюденія*, по связи ихъ съ внѣшними дѣйствіями, называютъ также *внѣшними*: названіе весьма удобное для выдѣленія этого рода наблюденій изъ круга остальныхъ, — но совершенно неточное. При всей связи съ внѣшними опытами человѣка, наблюденія его остаются всегда, по своему предмету, актами внутренними, т. е. ограничены тѣмъ что̀ дано въ психическихъ отношеніяхъ человѣка отношенія физическія, и вещи которымъ они принадлежатъ, не наблюдаются,—слѣдовательно, познаются *косвенно*.—Въ послѣднемъ мы убѣждаемся и *характеромъ* нашего знанія физическихъ отношеній и вещей, и *анализомъ* того пути, которымъ мы пріобрѣтаемъ это знаніе.

Наше знаніе физическихъ отношеній и вещей есть не *положительное*, а *отрицательное*, пріобрѣтаемое путемъ умственной элиминаціи, оканчивающейся исключеніемъ тѣхъ и другихъ изъ круга психическихъ отношеній.

Присутствіе *отношеній физическихъ* въ сочетаніи съ психическими познается косвенно, съ помощью умственнаго анализа нѣкоторыхъ видовъ страдательнаго и дѣятельнаго сознанія, именно такъ называемыхъ *ощущеній* и *реальныхъ дѣйствій*.

Ощущенія суть чувства отношеній, которыя никогда не перестаютъ быть *активнымъ объектомъ* ихъ какъ отношеній *пассивныхъ*,—иначе составляютъ ихъ неизмѣнную *противоположность;* и такъ какъ въ тоже самое время, эти объективныя отношенія не вытекаютъ изъ какихъ бы то ни было психическихъ вліяній или дѣйствій, то этимъ самымъ они выдѣляются вообще изъ круга психическихъ отношеній, какъ отношенія *непсихическія* или *физическія*.

Всѣ реальныя *дѣйствія* суть дѣйствія чувствъ и идей на какіе-то предметы, которые не могутъ быть причислены къ психическимъ, или исключаются изъ числа послѣднихъ. Реальныя дѣйствія вызываютъ *противодѣйствія*, не вытекающія изъ какихъ бы то ни было психическихъ фактовъ. То что̀ называютъ *сопротивленіемъ* со стороны собственнаго и другихъ тѣлъ, человѣкъ не можетъ признать за противодѣйствіе своихъ чувствъ и идей, нисколько при этомъ не обнаруживаемое ими. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ другихъ порядкомъ непсихическихъ или физическихъ отношеній, — съ отношеніями *реактивными*.

Такъ какъ отношенія непсихическія, активныя и реактивныя, находятся въ сочетаніяхъ съ психическими,

именно какъ *предметы* послѣднихъ: то можно не безъ основанія называть ихъ вообще *объективными*, для отличія отъ психическихъ отношеній, какъ *субъективныхъ*.

Итакъ, очевидно, что объ отношеніяхъ непсихическихъ или объективныхъ мы узнаемъ косвенно, при помощи *элиминаціи* или *исключенія* ихъ изъ числа психическихъ или субъективныхъ.

84. Что сказано о *физическихъ отношеніяхъ*, то прилагается и къ *вещамъ* присущимъ въ фактахъ этихъ отношеній и называемымъ также *физическими* или *матеріальными*. Если присутствіе физическихъ отношеній, активныхъ и реактивныхъ, т. е. физическихъ *причинъ* и физическихъ *препятствій* познается лишь косвенно то этимъ самымъ доказывается косвенный характеръ нашего знанія присутствія физическихъ *агентовъ* и *реагентовъ*, или физическихъ, матеріальныхъ *вещей*, въ фактахъ физическихъ отношеній.

Присутствіе или данность физическихъ или матеріальныхъ вещей, въ фактахъ физическихъ отношеній, не могутъ быть познаны человѣкомъ *раньше* этихъ отношеній. И такъ какъ знаніе присутствія матеріальныхъ вещей свойственно и *животнымъ*, не обладающимъ способностями общихъ понятій и предложеній, то очевидно, что умственныя явленія необходимыя для пріобрѣтенія этого знанія должны быть чужды спеціальнаго характера, или должны представлять нѣкоторыя общія формы мышленія Замѣщеніе этихъ явленій умозаключеніями въ видѣ общихъ наведеній, или дедукцій изъ общихъ предложеній, можетъ разъяснять тотъ путь какимъ получается знаніе о существованіи внѣшнихъ вещей въ дѣтствѣ людей и животныхъ, но не можетъ ничего прибавить къ силѣ этихъ ран-

нихъ убѣжденій.—Обращаясь къ анализу этого пути, замѣтимъ, что все что̀ отличаетъ физическія или матеріальныя вещи отъ физическихъ или матеріальныхъ отношеній активнаго или реактивнаго характера, — иначе сказать, отъ матеріальныхъ *условій* нашихъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій, — условій положительныхъ и отрицательныхъ,—заключается впачалѣ въ *неизмѣнности сосуществованія* этихъ *условій*, и открывающихся въ нихъ *свойствъ* или *потенцій*. Такимъ образомъ къ знанію существованія матеріальныхъ вещей ведетъ знаніе *порядка* матеріальныхъ отношеній, именно *сосуществованія физическихъ дѣйствій* (actiones) и *реакцій*, и его *неизмѣнности* или постоянства. Сосуществованіе физическихъ отношеній познается изъ фактовъ простого существованія этихъ отношеній. Сосуществованіе данныхъ въ физическихъ отношеніяхъ *свойствъ* или *потенцій* познается изъ сосуществованія тѣхъ же отношеній, неизмѣнность сосуществованія свойствъ — изъ характера ихъ сосуществованія. При этомъ продолжается тотъ же процессъ умственнаго исключенія; *свойства, потенціи* отношеній не то что̀ *отношенія;* сосуществованіе свойствъ или потенцій болѣе чѣмъ простыя свойства или потенціи, *неизмѣнность* этого сосуществованія болѣе чѣмъ простое сосуществованіе — Но есть разница въ самой неизмѣнности сосуществованія. Есть свойства неизмѣнно сосуществующія съ другими, вслѣдствіе своей внутренней *связи* съ послѣдними или *зависимости* отъ нихъ; и есть такія, которыя существуютъ вмѣстѣ, но не обнаруживаютъ никакой подобной, т. е. внутренней, связи. Слѣдовательно, связь такихъ свойствъ, открывающаяся въ ихъ сосуществованіи, должна лежать *внѣ* этихъ свойствъ или быть незави-

симою отъ нихъ. Такимъ образомъ исключается нѣчто изъ самыхъ физическихъ свойствъ, какъ отличное отъ нихъ. Къ такому исключенію понуждаетъ характеръ этихъ свойствъ какъ *потенцій*. Физическія свойства, какъ неизмѣнныя *потенціи* или *возможности* отношеній не могутъ быть отожествляемы съ тою дѣйствительностью, которой онѣ принадлежатъ.—Такимъ-то образомъ, длиннымъ рядомъ исключеній, дающимъ отрицательные результаты, человѣкъ приходитъ къ знанію того, что̀ обладаетъ матеріальными свойствами, но само не есть такія свойства,—къ знанію *матеріальныхъ вещей* или просто *матеріи*. — Понятно, что *сосуществованіе* матеріальныхъ вещей, и зависимость однѣхъ отъ другихъ познаются еще позднѣе, т. е. послѣ простого ихъ существованія. Слѣдовательно, ассоціаціи внѣшнихъ вещей устанавливаются позднѣе ассоціацій физическихъ отношеній и ихъ свойствъ; но, какъ связь этихъ раннихъ ассоціацій, ассоціаціи вещей являются господствующими въ сознаніи зрѣлаго человѣка. Человѣкъ сознаетъ себя живущимъ въ мірѣ вещей. Культура этого сознанія представляется въ фактахъ человѣческаго *слова*: языкъ человѣка есть символика *вещей*; въ понятіяхъ человѣка очерчены *вещи* и *отношенія вещей*.

85. Перейдемъ къ *духу* людей, или къ вещамъ духовнымъ. Есть основаніе думать, что у человѣка знаніе *вещей* духовныхъ позже знанія вещей матеріальныхъ, что *психическія* отношенія являются первоначально въ его сознаніи сопровожденіемъ его *физическаго* состава, его *тѣла* и вообще вещей *матеріальныхъ*; этимъ можно объяснить матеріалистическій характеръ народныхъ воззрѣній выразившихся въ названіяхъ человѣческой *души* и *духа*. Факты этого рода заставляютъ думать, что сознаніе ве-

щей духовныхъ, какъ отдѣльныхъ отъ тѣлъ или вещей матеріальныхъ, есть произведеніе нѣкоторой культуры человѣка. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы подобное сознаніе было свойственно животнымъ; только человѣкъ можетъ сознавать себя вещью *духовною* или *духовно-тѣлесною*; а это даетъ основаніе считать такую спеціальную форму его сознанія дѣломъ его исторической культуры. Знаніе вещей духовныхъ не можетъ быть прямымъ, не смотря на то, что психическія отношенія и представляемыя ими психическія свойства познаются прямымъ образомъ. Отношенія вещей—не самыя вещи; психическія свойства не означаютъ ничего другого кромѣ *постоянства* психическихъ отношеній. Обращаясь къ психическимъ свойствамъ, мы находимъ, что эти свойства суть постоянныя *потенціи* психическихъ актовъ. Потенціальный характеръ психическихъ свойствъ ведетъ къ отдѣленію отъ нихъ нѣкоторой реальности служащей имъ въ одно и тоже время источникомъ или *началомъ*, и *связью*. Къ такимъ заключеніямъ должны были привести сравненія состояній *сна* и *бодрствованія* человѣка, изъ которыхъ первое представляетъ чисто *потенціальное*, а второе — *актуальное* существованіе его личности. Потенціальное существованіе личности въ состояніяхъ сна, доказываемое ея актуальнымъ существованіемъ въ состояніяхъ бодрствованія, заставляетъ отдѣлить отъ психическихъ потенцій—тѣ вещи, которымъ онѣ принадлежатъ и которыя, по отношеніямъ ведущимъ къ элиминаціи ихъ существованія, называются *психическими*, *духовными*, *душами* и *духомъ* людей. Такимъ образомъ, духъ человѣка, какъ *вещь* или *существо*, не есть предметъ его прямого знанія.

Ограниченность косвеннаго знанія.

86. Изъ предыдущаго видно, что наше знаніе *физическихъ отношеній*, и *вещей* матеріальныхъ и духовныхъ, есть знаніе косвенное. Спрашивается теперь. какъ далеко идетъ это косвенное знаніе? Насколько оно обширнѣе прямого?—Дѣлая анализъ нашихъ косвенныхъ знаній, находимъ, что они заключены въ нѣкоторыхъ естественныхъ предѣлахъ, непреодолимыхъ для человѣка по самой природѣ положительныхъ условій косвеннаго знанія; а именно, ограничены, по предмету, *присутствіемъ неизвѣстныхъ* непсихическихъ или физическихъ *отношеній*, и *присутствіемъ неизвѣстныхъ вещей*, которымъ принадлежатъ физическія и психическія отношенія.

Обратимся къ непсихическимъ, или такъ-называемымъ *физическимъ* иначе *матеріальнымъ*, *отношеніямъ*. Эти отношенія отыскиваются въ сочетаніи съ психическими или субъективными, какъ предметъ послѣднихъ, или какъ отношенія объективныя; они оказываются, далѣе, то активными, именно въ фактахъ ощущеній,—то реактивными, именно въ фактахъ реальныхъ дѣйствій. Притомъ, въ фактахъ ощущеній они отмѣчены нѣкоторыми сопровождающими ихъ и косвенно зависимыми отъ нихъ психическими произведеніями, составляющими основаніе для дѣленія нашихъ ощущеній на различные классы, — ощущенія зрительныя, слуховыя, осязательныя; и т. д. Такія психическія помѣты объективныхъ или физическихъ отношеній имѣютъ извѣстное постоянство, какъ относительно ощущеній, такъ и другъ друга; это позволяетъ руководствоваться ими въ фактахъ реальныхъ дѣйствій, связывая

объективную активность съ реактивностью, и примѣты первой перенося на послѣднюю,—иначе сказать, разсматривая объекты дѣйствующіе—какъ одно съ противодѣйствующими, или надѣляя *сопротивляющееся—цвѣтомъ*, *звукомъ*, *вкусомъ*, *теплотою*; и т. д. Но при всѣхъ этихъ перенесеніяхъ и сочетаніяхъ субъективнаго характера, наше знаніе объективныхъ отношеній не идетъ далѣе ихъ *присутствія* въ фактахъ нашихъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій. Мы знаемъ, что такія отношенія *есть;* но *что́* такое они есть, — какія свойства вещей раскрываются въ ихъ физическихъ дѣйствіяхъ и противодѣйствіяхъ,—этого мы не знаемъ и знать не можемъ. *Ощущая*, мы чувствуемъ какія-то отношенія къ намъ, то пріятныя, то непріятныя, сопровождающіяся нерѣдко какими-то психическими помѣтами или знаками ихъ; но что такое эти отношенія помимо нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ, и помимо сопровождающей ихъ психической символики,—это остается неизвѣстнымъ.—Тоже и съ реальными дѣйствіями. Исключая противодѣйствія изъ круга психическихъ дѣйствій, мы приходимъ къ знанію *присутствія* посторонняго вліянія; но самое противодѣйствіе мы узнаемъ первоначально также какъ и дѣйствія,—*чувствомъ* противодѣйствія, парализующаго вліяніе или дѣйствія нашихъ же чувствъ и идей. Это доказываетъ существованіе объективныхъ отношеній, какъ отрицательныхъ условій нашихъ психическихъ дѣйствій; но въ чемъ состоятъ эти отношенія помимо нашего чувства ихъ, это опять остается неизвѣстнымъ.

87. Факты физическихъ или матеріальныхъ отношеній, открываемые въ фактахъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій, доказываютъ *присутствіе* вещей, какъ факты от-

ношеній принадлежащихъ вещамъ. Перенося названіе этихъ отношеній на самыя вещи, мы называемъ и послѣднія *непсихическими*, *недуховными*, или *физическими*, *матеріальными*. Но въ положительныхъ названіяхъ этихъ вещей сообщается не больше, чѣмъ въ отрицательныхъ. Вещи физическія, матеріальныя, означаютъ вещи непсихическія, недуховныя. Не зная, въ чемъ состоятъ физическія, матеріальныя *отношенія*, мы ничего не можемъ сказать о *свойствахъ* физическихъ или матеріальныхъ вещей, разсматривая ихъ помимо субъективныхъ сопровожденій ихъ отношеній. Объективныя отношенія оказываются то положительными, то отрицательными условіями субъективныхъ отношеній, то причинами послѣднихъ, то препятствіями для нихъ. Часто на природѣ послѣдствій отражаются природа или свойства причинъ. Такимъ образомъ, можно думать, что и въ данномъ случаѣ, объективныя причины походятъ на свои субъективныя послѣдствія. Но эти послѣдствія неодинаковы. во-первыхъ, *ощущенія* или *чувства*, и во-вторыхъ, соединенныя съ ними *знаки* или *символы* объективныхъ отношеній. Спрашивается; на что должны походить эти отношенія? На *чувства*?—Но чувства—отношенія страдательныя; а физическія отношенія суть отношенія *дѣятельныя*, активныя и реактивныя.—На психическія *произведенія* или *символы*? — Тогда мы должны были бы думать, что физическія вещи не только имѣютъ *способности* или *свойства* вызывать ощущенія *цвѣтовъ*, *звуковъ*, и т. д., но что онѣ сами *окрашены* помимо глаза, и звучатъ помимо уха; а этого не утверждаетъ и *физика*, сводя ближайшія физическія причины цвѣтовъ, звуковъ, и т. д., къ *движеніямъ* матеріальныхъ вещей. Такимъ образомъ, есть свои возраженія весьма

вѣскія противъ уподобленія матеріальныхъ вещей и отношеній чувствамъ и психическимъ произведеніямъ. Притомъ же, логически мы не лишены права утверждать и наоборотъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ дѣйствія не походятъ на свои причины; что субъективныя послѣдствія объективныхъ отношеній также отличаются отъ послѣднихъ. какъ понятіе отличается отъ звуковъ, съ которыми оно связано въ словѣ. Слѣдовательно, психическая зависимость отъ физическихъ условій подаетъ поводы къ различнымъ мнѣніямъ о природѣ физическихъ вещей, или матеріи; но она не даетъ знать ничего кромѣ *присутствія* этихъ вещей въ фактахъ физическихъ отношеній.

88. Обратимся, наконецъ, къ *вещамъ духовнымъ*, или къ духу людей. *Косвенное* знаніе и здѣсь не идетъ дальше *присутствія* ихъ въ фактахъ психическихъ отношеній; но наше знаніе психическихъ отношеній существенно отличается отъ знанія физическихъ. Послѣднія мы узнаемъ косвенно, изслѣдуя и изучая ихъ по руководству нашихъ чувствъ и представляющей ихъ психической символики; первыя — узнаемъ непосредственно. Психическія отношенія суть единственная *дѣйствительность*, подлежащая нашимъ наблюденіямъ. Въ фактахъ психическихъ открыта человѣку часть мірового бытія ускользающая отъ его наблюденій въ другихъ частяхъ. Поэтому, въ фактахъ психическихъ, какъ части дѣйствительности, мы открываемъ и свойства *дѣйствительныя*, т. е. принадлежащія самымъ *вещамъ*, которыя мы называемъ, поэтому, вещами *психическими*, *духовными*, *духомъ* людей. Чувствительность, мышленіе, дѣятельность, творчество, личность,—все это свойства духовныхъ вещей, или свойства людей какъ вещей духовныхъ. Наше знаніе

духовныхъ вещей расширяется въ томъ смыслѣ, что мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что царство духа не ограничено однимъ человѣческимъ родомъ, хотя и нигдѣ не стоитъ на такой высотѣ Такимъ образомъ. разсматривая въ цѣломъ объемъ нашего знанія о вещахъ духовныхъ, мы найдемъ безконечное преимущество послѣдняго передъ знаніемъ вещей матеріальныхъ Но разсматривая отдѣльно содержаніе нашего *косвеннаго* знанія о духѣ, находимъ, что оно не идетъ далѣе присутствія *какой-то* вещи въ фактахъ психическихъ отношеній, — *какой-то* вещи чувствующей, мыслящей, дѣйствующей, производительной, разумной. *Что́* такое духъ человѣка, разсматриваемый отдѣльно отъ этихъ свойствъ, или представляющихъ ихъ психическихъ фактовъ,—этого мы не знаемъ и знать не можемъ. Мы не въ состояніи рѣшить отличаются ли вещи мыслящія отъ вещей которыя мы признаемъ немыслящими.—именно физическихъ, матеріальныхъ; вещи признаваемыя немыслящими не суть ли на самомъ дѣлѣ мыслящія, или не могутъ ли сдѣлаться такими при какихъ нибудь условіяхъ? Словомъ, мы знаемъ духъ человѣка какъ вещь мыслящую при извѣстныхъ намъ условіяхъ его жизни но не можемъ рѣшить, какъ существовалъ или будетъ существовать тотъ же духъ при другихъ условіяхъ,—не знаемъ, такія свойства его, какъ мышленіе, принадлежатъ ли ему при всякихъ условіяхъ его существованія, или только при нѣкоторыхъ? Необходимо ли для нихъ продолженіе извѣстныхъ условій жизни человѣка,—или они могутъ сохраняться при какихъ нибудь замѣщеніяхъ этихъ условій другими, эквивалентными имъ?— Всѣ такіе вопросы не находятъ отвѣта ни въ нашихъ прямыхъ, ни въ нашихъ косвенныхъ знаніяхъ о духѣ чело-

вѣка. А изъ этого видно, что наше знаніе духа человѣка не идетъ далѣе *существованія* нѣкоторой называемой этимъ именемъ *вещи*, и далѣе тѣхъ *свойствъ* которыя принадлежатъ ей при опредѣленныхъ, физическихъ и общественныхъ, условіяхъ жизни человѣка.

89. Отсюда видно, что косвенное знаніе человѣка, какъ бы оно ни было широко въ кругѣ предметовъ подлежащихъ наблюденіямъ, и какъ бы ни удалялось отъ своихъ началъ или исходныхъ пунктовъ, никогда не пойдетъ далѣе *отрицательныхъ* заключеній, выдѣляющихъ простые факты присутствія нѣкоторыхъ физическихъ отношеній, и нѣкоторыхъ физическихъ и духовныхъ вещей; въ своихъ положительныхъ опредѣленіяхъ, какъ эти отношенія, такъ и вещи, остаются внѣ захвата косвеннаго знанія, ограничивающагося, поэтому, символическою и условною характеристикою ихъ по даннымъ знанія прямого.—Спрашивается: чѣмъ обусловлена, въ концѣ, эта ограниченность косвеннаго знанія?

Мы видѣли, что границы знаній прямыхъ совпадаютъ съ предѣлами условливающихъ ихъ *наблюденій* Очевидность истинности или соотвѣтствія идей прямыхъ знаній ихъ предметамъ, достигается повѣркою послѣдняго путемъ наблюденій. Что касается знаній косвенныхъ, то здѣсь очевидность соотвѣтствія идей ихъ предметамъ достигается путемъ *умозаключеній*. Границы косвенныхъ знаній опредѣляются предѣлами *очевидной* истинности или *доказательности* умозаключеній. Обращаясь къ умозаключеніямъ, находимъ, что ихъ доказательность или очевидность можетъ быть только двоякаго рода: такъ-называемая *логическая* или *діалектическая*, и такъ-называемая *реальная*. Разсмотримъ предѣлы той и другой.

90. Предѣлы логической или діалектической очевидности умозаключеній человѣка.

Эти предѣлы лежатъ въ границахъ того вида наблюденій, который составляетъ одно изъ послѣдствій культуры человѣческаго мышленія и названъ нами *умственнымъ наблюденіемъ*. Умственное наблюденіе образуется вмѣстѣ со *знаками*,—каковы, напр., *слова*, *цифры*, *математическія фигуры*, *алгебраическіе знаки*,—и связанными съ ними понятіями и вообще идеями. Логическая очевидность умозаключеній не единственная въ этомъ родѣ. есть другая очевидность логическаго характера,—именно, *предложеній*. Предложенія логически очевидныя сами по себѣ, или независимо отъ другихъ предложеній, суть *прямыя* или непосредственныя знанія; каковы, напр., предложенія, что $1=1$, или $1+1=2$, или что *человѣкъ есть существо чувствующее* Соотвѣтствіе идей, данныхъ въ такого рода предложеніяхъ, повѣряется съ помощью умственнаго наблюденія ихъ отношеній. Такъ какъ знаки имѣютъ свои идеи, то ихъ можно наблюдать и сравнивать и въ ихъ *идеяхъ* или мысляхъ, — и въ дѣйствительности, напр., въ *чертежахъ* фигуръ, въ *начертаніяхъ* цифръ или алгебраическихъ знаковъ; характеръ наблюденія отъ этого не измѣняется. оно остается *умственнымъ наблюденіемъ*, и въ обоихъ случаяхъ даетъ *прямое* или *непосредственное* знаніе, какъ скоро имъ опредѣляется отношеніе двухъ знаковъ безъ помощи *третьяго* или *третьихъ*.

Отъ логической очевидности предложеній переходя къ такой же очевидности умозаключеній или дедукцій, найдемъ, что послѣдняя также не можетъ выйти изъ границъ умственнаго наблюденія. Логическая очевидность умоза-

ключеній есть очевидность предложеній, устанавливаемая съ помощью другихъ предложеній, — слѣдовательно, очевидность *косвенныхъ* знаній. Примѣрами очевидно истинныхъ умозаключеній могутъ быть слѣдующія $A=C$; потому что $A=B$, а $B=C$; или *Люди—существа чувствующія*; *ребенокъ—человѣкъ*, слѣдовательно, *чувствуетъ*. Условія очевидности логической дедукціи могутъ быть выполнены, въ концѣ, только съ помощью умственнаго наблюденія, напр., непзмѣнности или измѣненія отношеній между знаками, при замѣнѣ одного изъ двухъ *третьимъ*. Такимъ образомъ, очевидно, что отношеніе равенства не измѣняется, какъ скоро въ предложеніи $A=B$, знакъ B замѣщается знакомъ C, такъ какъ $B=C$; или, въ предложеніи *человѣкъ—существо чувствующее*, отношеніе подчиненія термина подлежащаго термину сказуемаго не измѣняется, съ замѣщеніемъ термина *человѣкъ* терминомъ *ребенокъ*, такъ какъ терминъ ребенокъ подчиненъ термину человѣкъ. Замѣщеніе одного знака другимъ есть *умственное дѣйствіе*, или *умственный опытъ* надъ знаками, который остается умственнымъ и тогда, когда имѣемъ дѣло съ знаками въ ихъ идеяхъ или въ мысляхъ,— и тогда, когда работаемъ надъ реальными знаками, напр. чертежами которые пишемъ на бумагѣ, или цифрами которыя пишемъ на доскѣ. Очевидность постоянства или измѣненія отношеній при такихъ замѣщеніяхъ есть дѣло умственнаго усмотрѣнія, только не прямого, а *косвеннаго*. Замѣщая въ предложеніи $A=B$, знакъ B знакомъ C, мы косвенно усматриваемъ, что отношеніе равенства, замѣченное или найденное между A и B, не измѣняется, когда B замѣщается равнымъ ему C;—или что $A=C$. Такимъ же образомъ, усматривая, что

ребенокъ входитъ, по объему, въ классъ людей, а люди входятъ въ классъ существъ чувствующихъ, мы косвенно замѣчаемъ, что ребенокъ входитъ въ классъ существъ чувствующихъ. — Итакъ очевидность логической дедукціи или діалектики опредѣляется, въ концѣ, умственнымъ наблюденіемъ, или не выходитъ изъ *границъ* послѣдняго, и не можетъ итти далѣе *знаковъ* и связанныхъ съ ними *понятій* и *идей*. — Такъ какъ въ значеніяхъ другихъ знаковъ никогда не претендовали итти дальше того, что дается значеніями словъ, или понятіями *общими* всѣмъ людямъ. то ясно, что предѣлы логической очевидности умозаключеній относительно вещей не могутъ заходить за границы того, что̀ дается человѣку во *всеобщихъ понятіяхъ* вещей и отношеній.

91. Но спрашивается *границы* понятій подлежатъ ли опредѣленіямъ? — Безъ сомнѣнія. Въ нѣкоторой степени онѣ опредѣляются общею *классификаціею* понятій. Всѣ понятія могутъ быть раздѣлены на *положительныя*,—понятія *дѣйствительности*, и *критическія*,—понятія *цѣнности* или *достоинства* дѣйствительности. Обращаясь къ понятіямъ положительнымъ, или дѣйствительности, найдемъ, что они дѣлятся на понятія *вещей* или *существъ*, и понятія ихъ *отношеній*. — *Вещи* или *существа* дѣлятся на *духовныя*,—*духъ* людей и животныхъ,—и *матеріальныя*, органическія и неорганическія.—*Отношенія* дѣлятся на *психическія* и *физическія*. *Психическія* на *страдательныя* и *дѣятельныя*, *мысленныя* и *реальныя*, *производительныя* и *непроизводительныя*, *потенціальныя* и *актуальныя*, *возвратныя* и *прямыя*, *личныя* и *общественныя*, *общія* и *спеціальныя*, *символическія* и *несимволическія*. — Отношенія *физическія* дѣлятся на

активныя и *реактивныя*, *непроизводительныя* и *производительныя*, *потенціальныя* и *актуальныя*.—Къ понятіямъ отношеній принадлежатъ, далѣе, понятія ихъ *дѣйствительности*, — со степенями *силы*, *объема* и *кратности*,—и *недѣйствительности*; понятія *порядка* отношеній,—*мѣста*, *времени*; *произведеній* отношеній,—естественныхъ, искуственныхъ; *свойствъ* отношеній,—*физическихъ*, *психическихъ*; и наконецъ, понятія *предѣловъ* отношеній.—Къ понятіямъ *критическимъ* относятся понятія *добра* или *блага*, со всѣми его *родами* и *степенями*.—Имѣемъ твердыя основанія думать, что эта классификація общихъ понятій не страдаетъ пробѣлами. Обращаясь къ этой таблицѣ человѣческихъ понятій, найдемъ, что заключенныя въ нихъ знанія не идутъ дальше указанныхъ нами границъ. Есть, прежде всего, понятія о *вещахъ* или *существахъ*; но что же узнается изъ этихъ понятій? — Во-первыхъ, что *есть* существа; во-вторыхъ, что существа бываютъ *духовныя* и *матеріальныя*; въ-третьихъ, что существа духовныя *чувствуютъ*, *мыслятъ*; и т. д.; что матеріальныя *сопротивляются*, *окрашены* и т. д.; и ничего болѣе.—Тоже и съ понятіями *отношеній*. Изъ нихъ мы узнаемъ, во-первыхъ, что *есть* отношенія вещей; во-вторыхъ, что они бываютъ *психическія* и *физическія*; что психическія бываютъ *страдательными* и *дѣятельными*, *мысленными* и *реальными*, и т. д.; а матеріальныя *дѣятельными*, *производительными* и *потенціальными*; и опять ничего болѣе. Ясно, что понятія, насколько они даютъ *опредѣленныя* знанія, не идутъ далѣе извѣстныхъ психическихъ отношеній, и существованія отношеній непсихическихъ, равно какъ и вещей. И это объясняется самымъ источникомъ понятій. Логическая де-

дукція *не даетъ* понятій, а только пользуется данными или готовыми, слѣдовательно, источникъ понятій или въ знаніяхъ прямыхъ, или въ умозаключеніяхъ *реальнаго* характера,—и предѣлы ихъ не могутъ выходить изъ предѣловъ этихъ знаній и этихъ умозаключеній. Предѣлы прямыхъ знаній мы уже видѣли. Перейдемъ теперь къ предѣламъ *реальной* доказательности или очевидности человѣческихъ умозаключеній.

92. Предѣлы реальной очевидности умозаключеній человѣка.

Реальною очевидностью называется та, которая почерпается не въ смыслѣ знаковъ вещей и отношеній, а въ изслѣдованіяхъ самыхъ вещей и ихъ отношеній. Реальная очевидность также двоякаго рода —*предложеній*, и *умозаключеній*. Реальная очевидность предложеній совпадаетъ съ очевидностью прямыхъ *реальныхъ знаній*. Такую очевидность имѣютъ всѣ знанія опирающіяся на наблюденія въ строгомъ смыслѣ, или наблюденія называемыя *внутреннимъ*. Другую очевидность имѣютъ знанія повѣряемыя *внѣшнимъ опытомъ*, съ которымъ непосредственно связаны тѣ или другія перемѣны въ нашихъ ощущеніяхъ, и который даетъ поводъ называть относящіяся къ этимъ перемѣнамъ наблюденія *внѣшними*.

Реальная очевидность нашихъ умозаключеній не выходитъ изъ круга нашихъ *наблюденій*, *внутреннихъ* и *внѣшнихъ*. Всѣ реальныя умозаключенія, имѣющія характеръ очевидности, могутъ быть раздѣлены на два порядка: *наведенія* и *реальную дедукцію*. Наведеніемъ называется вообще заключеніе отъ частныхъ случаевъ или предложеній къ истинности общаго предложенія, и отъ менѣе общихъ предложеній къ болѣе общему. Такое умозаклю-

ченіе получаетъ очевидность только тогда, когда отвѣчаетъ требованіямъ нѣкоторыхъ правилъ, которыя всѣ сводятся, въ концѣ, къ установленію строгихъ *законовъ* природы путемъ исключенія случайностей и вообще *путемъ наблюденія* реальныхъ отношеній при искуственно отыскиваемыхъ или созидаемыхъ обстоятельствахъ.

Что касается, далѣе, реальной дедукціи, или реальной очевидности нашихъ умозаключеній отъ общаго къ частному и отъ общаго къ равно или менѣе общему, то эта очевидность зависитъ отъ двухъ условій: во-первыхъ, реальной очевидности тѣхъ общихъ *предложеній*, съ помощью которыхъ устанавливается истинность предложеній частныхъ и равно или менѣе общихъ; и во-вторыхъ, *реальной повѣрки* заключеній. Предложенія могущія быть основаніемъ реальной дедукціи, должны заключать въ себѣ какія нибудь законы природы, открытые путемъ наведенія или умственныхъ операцій индуктивнаго характера. — Реальная повѣрка заключеній можетъ быть дана только какими нибудь прямыми знаніями реальнаго характера. Такимъ образомъ ясно, что очевидность реальной дедукціи не можетъ выйти изъ границъ внутреннихъ и внѣшнихъ наблюденій.

Принимая во вниманіе, что такъ-называемыя внѣшнія наблюденія суть сами видоизмѣненія внутреннихъ, и отмѣчаютъ нѣкоторыя перемѣны, ничего не говоря объ ихъ непосредственныхъ причинахъ, — легко согласиться, что реальныя умозаключенія опирающіяся на эти наблюденія, не въ состояніи вывесть изъ границъ косвеннаго знанія простого *присутствія* нѣкоторыхъ *внѣшнихъ отношеній*, въ фактахъ внѣшнихъ ощущеній и реальныхъ дѣйствій,—и *существованія* нѣкоторыхъ *внѣшнихъ ве-*

щей, находящихся въ этихъ отношеніяхъ.—Ясно также, что реальныя умозаключенія опирающіяся на внутреннія наблюденія, не въ состояніи вывесть изъ границъ косвеннаго знанія простого существованія нѣкоторыхъ *вещей*, называемыхъ *психическими*, или *духомъ*

Изъ этого слѣдуетъ, что указанные нами предѣлы человѣческаго знанія обусловлены, въ концѣ, предѣлами нашихъ *наблюденій*, — *умственныхъ*, *внутреннихъ*, и *внѣшнихъ*.

93. Ограниченность человѣческой науки.—Все сказанное нами относительно ограниченности человѣческаго знанія, прилагается не только къ популярному, но и къ научному знанію. Прогрессъ науки совершается въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ которыхъ остается знаніе популярное. Косвенныя популярныя знанія пріобрѣтены тѣмъ же путемъ, какъ и научныя,—тѣми же наведеніями и дедукціями съ характеромъ очевидной истинности, недостатки популярнаго знанія заключаются только въ его *поверхностности*, *традиціонности*, и въ соединеніи съ многочисленными *заблужденіями*. — Тоже доказывается самою формою *науки*, представляемой системою *предложеній*. Предложенія суть переложенія всѣхъ ассоціацій идей на языкъ общихъ понятій. Очевидно, что такое переложеніе было бы неосуществимо, если бъ элементы всѣхъ научныхъ знаній не были представлены въ общихъ понятіяхъ людей. А это доказываетъ, съ своей стороны, что научныя знанія никогда не могутъ выйти за предѣлы общихъ понятій, ограниченность которыхъ мы уже видѣли.

94. Разница въ знаніи духа и матеріи.— Эту разницу всего лучше можно опредѣлить, обращаясь къ употребительнымъ терминамъ *явленія* вещей и ихъ *сущность*. Обыкновенно говорятъ, что въ наукѣ мы должны ограничить свои задачи изученіемъ *явленій вещей*, или изученіемъ *вещей* изъ ихъ *явленій*, потому что сущность вещей недоступна знанію человѣка Такъ именно выражаются въ изслѣдованіяхъ *методологическаго* характера, желая опредѣлить единственно вѣрный путь научныхъ изысканій,—т. е. обращая вниманіе на факты психическихъ и физическихъ отношеній, и убѣждая въ безплодности всѣхъ стремленій къ знанію того, чего нельзя узнать изъ этихъ фактовъ ни прямо ни косвенно. Будемъ изучать матерію такъ, какъ она является намъ,—какъ *сопротивляющуюся, окрашенную, теплую, пахучую*; и т. д. Будемъ изучать и духъ въ тѣхъ свойствахъ, какія открываются въ фактахъ психическихъ отношеній, — какъ духъ *чувствующій, мыслящій, разумный;* и т. д Будемъ изучать свойства матеріи и духа въ *формахъ* и *законахъ* физическихъ и психическихъ отношеній; но это все что мы можемъ узнать объ нихъ; этимъ ограничено все знаніе человѣка.—Говоря о матеріи и духѣ, трудно въ общихъ чертахъ лучше выразить правила ихъ научнаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, людямъ ищущимъ въ этихъ выраженіяхъ не методологическихъ указаній, а самой догмы о духѣ и матеріи, — эти правила внушаютъ массу недоумѣній, которыя они надѣются разрѣшить, изслѣдуя вещи вопреки этимъ правиламъ. Между тѣмъ, недоумѣнія эти рѣшаются простымъ признаніемъ, что хотя въ методахъ изученія духа и матеріи есть извѣстное *тожество*, въ знаніи того и другой есть *существенная разница*, кото

рая предполагается при самомъ началѣ научныхъ изслѣдованій, какъ результатъ перваго отдѣленія духа отъ матеріи, служащаго основаніемъ для позднѣишаго отдѣленія науки о духѣ отъ науки о матеріи. Разницу эту можно опредѣлить обращаясь къ смыслу терминовъ. *явленія* вещей, и *сущность* вещей. Терминъ *явленія* означаетъ не одно и тоже—въ приложеніи къ духу и къ матеріи. *Явленія духа* суть явленія его свойствъ,—обнаруженіе того что̀ принадлежитъ ему въ *дѣйствительности*, хотя и *условно*. *Явленія матеріи* суть только *знаки* или *символы* неизвѣстныхъ отношеній и вещей. Отсюда слѣдуетъ, что и противоположность явленій,—т. е. *сущность* вещей, означаетъ не одно и тоже для духа и матеріи. Невѣдомая *сущность матеріи* обнимаетъ собою и *сущность* (essentiam) въ тѣсномъ смыслѣ слова,—т. е. существенныя свойства матеріи, какъ причины ощущеній;—и то что̀ называется матеріальною *субстанціею* или *субстратомъ*,—т. е. чему принадлежатъ эти существенныя свойства или эта сущность.—Невѣдомая же сущность духа означаетъ, во-первыхъ, всѣ *свойства* которыя могутъ принадлежать духу при другихъ условіяхъ; и во-вторыхъ, *субстанцію* всѣхъ вообще свойствъ духа, при всѣхъ условіяхъ его существованія.—Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что хотя наше знаніе духа и матеріи одинаково имѣетъ границы, тѣмъ не менѣе наше знаніе духа *реальнѣе* знанія матеріи. въ фактахъ духа мы встрѣчаемся съ условною дѣйствительностью, которая закрыта отъ насъ въ фактахъ природы матеріальной.

ГЛАВА V.

ТЕОРІИ ПСИХИЧЕСКОЙ АБСОЛЮТНОСТИ ЧЕЛОВѢКА.

Опредѣленіе психической абсолютности. Теоріи *абсолютныхъ органовъ знанія* Предполагаемыя безусловныя *начала* Предполагаемыя безусловныя *идеи* Предполагаемыя безусловныя *способности.*

95. Для косвеннаго оправданія ученія о психической относительности человѣка, обратимся къ прямому разбору теорій его *психической абсолютности.*

Какъ противоположность разсматриваемой нами психической относительности, *психическая абсолютность* человѣка принимается нами въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, въ смыслѣ *психической безусловности* или отрѣшенности отъ условій, и во-вторыхъ, въ смыслѣ *психической неограниченности* или отрѣшенности отъ предѣловъ психическаго совершенства.

Мнѣнія о психической безусловности человѣка господствуютъ преимущественно въ теоріяхъ *абсолютныхъ органовъ* человѣческаго *знанія.* Мнѣнія о психической неограниченности человѣка господствуютъ въ особенности въ *системахъ абсолютнаго знанія*, предлагаемыхъ въ такъ-называемой *метафизикѣ.*—Поэтому, разбирая теоріи пси-

хической абсолютности человѣка, обратимся, во-первыхъ, къ теоріямъ *абсолютныхъ органовъ знанія*, и во-вторыхъ, къ *системамъ абсолютнаго знанія*.

ТЕОРІИ АБСОЛЮТНЫХЪ ОРГАНОВЪ ЗНАНІЯ.

96. Ученіе объ *относительности* всѣхъ *средствъ*, *орудій*, или *органовъ* человѣческаго знанія, въ своей научной строгости, явилось позднѣе теоріи *абсолютности*, или *безусловности*, *нѣкоторыхъ* между ними, занимающихъ, поэтому, первое или высшее мѣсто между всѣми остальными.

Подъ *абсолютностью* или *безусловностью* нѣкоторыхъ средствъ человѣческаго знанія разумѣется *независимость* ихъ отъ *фактовъ исторіи* человѣческаго духа или отъ исторіи психическаго образованія человѣка. По ученію защитниковъ абсолютныхъ средствъ знанія, есть элементы психическаго существованія человѣка, которые не могутъ быть объяснены или выведены изъ какихъ бы то ни было фактовъ этого существованія,—или которымъ свойственно всегда быть *причинами*, *условіями* психическихъ фактовъ, и никогда—ихъ *послѣдствіями*. Кратко сказать, приверженцы абсолютности нѣкоторыхъ органовъ знанія утверждаютъ, что существуютъ психическіе элементы, бытіе которыхъ предваряетъ всякую исторію психическаго развитія человѣка, или которые всецѣло чужды *историческаго* характера.

Абсолютные органы человѣческаго знанія предполагаются въ *безусловныхъ началахъ*, *безусловныхъ идеяхъ*, и *безусловныхъ способностяхъ* человѣка.

Предполагаемыя безусловныя начала.

97. Безусловныя *начала* знанія называются у представителей ихъ защиты—*безусловными истинами*, иначе истинами *врожденными* человѣку, *начертанными* въ его умѣ или въ сердцѣ рукою его Создателя; истинами человѣческаго *ръзума*, *разумными* или *рациональными;* истинами *умозрительными*, *спекулятивными*, *трансцендентными*; истинами *общаго* или *здраваго* смысла, *первичными убѣжденіями* всѣхъ людей. *основными законами* человѣческаго духа, *прирожденными инстинктами* ума, *первыми*, и *послѣдними*, *началами* знанія, и т. д

Ученые трудившіеся надъ установленіемъ *признаковъ*, отличающихъ *безусловныя начала* знанія, находятъ эти признаки въ слѣдующемъ во-первыхъ, въ *первичности, пріорности* (priоritas) безусловныхъ началъ, какъ *предшествующихъ* всѣмъ фактамъ исторіи человѣческаго духа, во-вторыхъ, въ *независимости* (independentia) тѣхъ же началъ отъ всѣхъ *опытовъ* психическаго существованія человѣка, — иначе въ ихъ *невыводимости* изъ фактовъ исторіи человѣческаго духа,—*непроизводности, простотѣ* или *несложности*, сравнительно со всѣми явленіями психическихъ отношеній; въ-третьихъ, въ *необходимости* (necessitas) безусловныхъ началъ для руководства человѣка, — для направленія его мышленія и дѣятельности; въ-четвертыхъ, во *всеобщности* (universalitas) тѣхъ же началъ знанія, какъ свойственныхъ всѣмъ людямъ безъ исключенія; въ-пятыхъ, въ ихъ *достовѣрности* (certitudo) очевидной истинности,—что свидѣтельствуется, въ-шестыхъ, *общимъ согласіемъ* (assensus universalis) людей въ

ихъ истинности,—иначе признаніемъ послѣдней безъ *замедленія* и *колебаній*, тотчасъ какъ только они бываютъ высказаны.

98. Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ теорій безусловныхъ началъ знанія, руководствуясь указываемыми признаками послѣднихъ, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Не лишнимъ считаемъ сказать, что высшіе практическіе интересы человѣка повидимому находятъ свою поддержку какъ въ теоріяхъ *абсолютистовъ*, такъ и въ теоріяхъ *релятивистовъ;* потому что та и другая сторона убѣждена, что ея теоріи наиболѣе благопріятны этимъ интересамъ. Абсолютисты думаютъ, что существованіе безусловныхъ началъ знанія, идущаго за предѣлы всякихъ опытовъ и наблюденій, благопріятствуетъ *вѣрѣ* въ Бога и въ безсмертіе человѣческихъ душъ, если только не дѣлаетъ ее *излишнею*, при замѣщеніи ея абсолютнымъ знаніемъ.—Релятивисты, напротивъ, убѣждены, что претензія абсолютистовъ замѣщать вѣру знаніемъ, вслѣдствіе ея полной несостоятельности, можетъ привести только къ одному послѣдствію, — къ ослабленію авторитета вѣры. Релятивисты думаютъ, что назначая наукѣ извѣстныя границы, они оставляютъ неприкосновенною область религіозной вѣры и, слѣдовательно, оберегаютъ высшіе практическіе интересы человѣка отъ всякихъ покушеній со стороны *мнимаго* знанія,—т. е. со стороны претензій на абсолютное знаніе и абсолютныя средства знанія.—Чтобы сохранить безпристрастіе къ практическому значенію тѣхъ и другихъ теорій, мы ограничимся въ оцѣнкѣ первыхъ соображеніями исключительно теоретическаго или научнаго характера.

99. Между научными основаніями недовѣрія къ теоріямъ безусловныхъ началъ знанія, первое мѣсто занимаетъ *формальная* сторона этихъ теорій,—именно нѣкоторая *несообразность* послѣднихъ, замѣчаемая раньше повѣрки ихъ тѣми данными психологическаго анализа, которыя кажутся ихъ опорою. Такая несообразность чувствуется, прежде всего, въ самомъ названіи нѣкоторыхъ началъ *абсолютными* или *безусловными* —Какъ независимыя отъ всякихъ условій, данныхъ въ исторіи человѣческаго духа, они должны представлять собою тотъ *составъ* послѣдняго, который не образуется изъ фактовъ его исторіи,—составъ свойственный ему отъ *вѣчности*, или съ того момента какъ онъ выходитъ изъ рукъ Творца, и остающійся *неизмѣннымъ* при всѣхъ измѣненіяхъ изъ которыхъ слагается исторія образованія другого, *фактическаго* состава человѣческаго духа. Какъ соединить существованіе этихъ двухъ психическихъ составовъ человѣка одного—*неизмѣннаго*, *необразующагося*, а другого—*образующагося*, *измѣняющагося?*—Это затрудненіе пытаются разрѣшить слѣдующимъ образомъ душа человѣка, говорятъ, по самой *сущности* своей (essentia sev natura) не есть tabula rasa, исписываемая человѣкомъ въ извѣстной постепенности, а есть скорѣе *закрытая* книга. Безусловныя начала или истины лежатъ въ духѣ скрытно, пока не вызываются наружу фактами его исторіи,—подобно тому какъ жилки мрамора бываютъ скрыты, пока онъ не отполированъ. Это скрытное положеніе въ духѣ безусловныхъ истинъ означаетъ не то, чтобъ онъ, по существу своему, обладалъ только *способностями* къ нимъ,—а напротивъ то, что эта начала или истины *предобразованы* (praeformatae) въ немъ, раньше его историче-

скаго образованія.—Эти объясненія сохраняютъ нѣкоторое остроуміе, пока мы забываемъ, что имѣя дѣло съ началами, мы имѣемъ дѣло съ *комбинаціями идей* и *понятій*; а комбинаціи идей и понятій представляютъ всегда комбинаціи нѣкоторыхъ *идеальныхъ отношеній* человѣка къ дѣйствительности, — потенціальныхъ, или актуальныхъ. Между тѣмъ, согласно съ приведенными объясненіями, въ *предобразованныхъ* безусловныхъ началахъ или истинахъ мы имѣемъ *идеальныя отношенія* къ предметамъ, которыя не въ правѣ назвать ни *потенціальными*, ни *актуальными*. Спрашивается что же это за отношенія?—Ясно, что защитники *безусловныхъ началъ* знанія не въ состояніи сообщить своему термину никакого опредѣленнаго смысла.

100. Другія несообразности формальнаго свойства заключаются въ *неопредѣленности* и *сбивчивости* указаній на самыя *безусловныя начала*. Едва ли можно назвать двухъ выдающихся представителей этого рода теорій, которые бы вполнѣ соглашались между собою въ классификаціи безусловныхъ началъ. Одни ограничиваютъ таблицу безусловныхъ началъ нѣкоторыми истинами *логики* и *морали*. Къ безусловнымъ началамъ логики относятъ, напр., такъ-называемыя *формальныя* начала мышленія,— какъ *начало тожества*, начало *противорѣчія*; сюда же относятъ и такъ-называемыя аксіомы *наведенія*, — каковы, напр., предложенія: «въ природѣ существуетъ порядокъ или однообразіе»; «всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину»; и т. д. — Къ безусловнымъ началамъ морали относятъ истины бытія Бога, безсмертія души, свободы воли,—и предписанія въ родѣ слѣдующаго: «дѣлай другимъ то чего ты самъ хочешь отъ другихъ»; и проч. — Иные къ истинамъ логики и морали прибавляютъ такъ-называемыя ак-

сіомы *геометріи*,—каковы предложенія «цѣлое больше своей части», «суммы равныхъ количествъ также равны между собою», «параллельныя линіи не могутъ заключать пространства», и т. д. Другіе къ истинамъ логики, морали и геометріи, прибавляютъ нѣкоторыя предложенія философіи духа, — каковы напр.: «есть во мнѣ нѣчто такое, что̀ я называю моимъ умомъ или духомъ, и другое что̀ не есть этотъ умъ или духъ и что̀ я называю моимъ тѣломъ», «мой духъ производитъ движеніе въ моемъ тѣлѣ»; и т. д.—Иные ко всему этому прибавляютъ еще нѣкоторыя предложенія *эстетики, грамматики, физики, механики;* и т. д.—Такое разногласіе въ указаніяхъ безусловныхъ началъ располагаетъ думать, что таблицы этихъ началъ составлялись авторами произвольно, подъ вліяніемъ предразсудка,—и что въ число такихъ началъ вводились всѣ предложенія, которыя оказывались *основными* въ той или другой наукѣ.

101. Обращаясь, затѣмъ, къ указываемымъ признакамъ безусловныхъ началъ, вполнѣ убѣждаемся въ вѣрности подозрѣній, вызываемыхъ формальными недостатками этихъ теорій Что существованіе безусловныхъ началъ знанія есть ученый предразсудокъ, это доказывается, прежде всего, взаимнымъ логическимъ отношеніемъ ихъ указываемыхъ признаковъ Разсматривая послѣдніе, мы убѣждаемся, что они получены не путемъ изученія свойствъ какихъ нибудь дѣйствительно безусловныхъ началъ, а путемъ простого *предположенія безусловности* нѣкоторыхъ *началъ* знанія. Потому что изъ предположенной безусловности какихъ бы то ни было началъ вытекаютъ, какъ прямыя или косвенныя послѣдствія, и всѣ остальные указываемые признаки безусловныхъ началъ. Въ самомъ дѣлѣ, начала *безуслов-*

ныя, — т. е *отрѣшенныя* отъ условій данныхъ въ *исторіи* духа, — должны быть *раньше* всякихъ психическихъ фактовъ. Такимъ образомъ, *независимость* безусловныхъ началъ есть синонимъ ихъ *безусловности; пріорность* или *первичность* ихъ есть *положительное* имя того свойства, на которое указываютъ *отрицательныя* имена безусловности или независимости. Начала *безусловныя*, или *независимыя* отъ фактовъ, означаютъ начала принадлежащія духу раньше всѣхъ фактовъ его исторіи, или *первичныя* сравнительно съ послѣдними Слѣдовательно, выставлять первичность и независимость признаками безусловныхъ началъ есть почти тоже самое, что дѣлать признакомъ безусловныхъ началъ ихъ *безусловность*. Итакъ, для знакомства съ пріорностью и независимостью безусловныхъ началъ нѣтъ надобности итти далѣе простого смысла термина безусловность. — Что касается признака *необходимости*, какъ онъ понимается въ этихъ теоріяхъ, то очевидно, что онъ выведенъ изъ названія безусловныхъ истинъ *началами*, если только не представляетъ простой синонимъ этого имени. Безусловныя начала суть начала *знанія*, а затѣмъ и *дѣятельности*,—т. е. положительныя или отрицательныя *условія* того и другой,—слѣдовательно, истины, въ которыхъ знаніе и дѣятельность человѣка также нуждаются, какъ нуждается каждое дѣйствіе или послѣдствіе въ своей причинѣ. Быть *началомъ*, *условіемъ* знанія значитъ быть *необходимостью* для самыхъ *фактовъ* знанія. Такимъ образомъ, безусловныя *начала* суть тоже что истины безусловныя и *необходимыя*. Иначе сказать, признакъ *необходимости* безусловныхъ началъ получается путемъ простого анализа смысла термина *начала*. — Признакъ

всеобщности или *универсальности* получается изъ признака *необходимости*. Невозможно, чтобы кто нибудь могъ обойтись безъ этихъ началъ, если они *необходимы*: истины необходимыя должны быть универсальными или всеобщими.—Остаются два признака безусловныхъ началъ, съ трудомъ отдѣляемые другъ отъ друга,—*достовѣрность* ихъ и *характеръ общаго признанія* ихъ истинности,—т. е. отсутствіе *сомнѣній* въ ихъ истинности или *колебаній* въ ея признаніи. Оба признака кажутся на первый взглядъ взятыми прямо изъ фактовъ умственнаго согласія, встрѣчаемаго у всѣхъ людей; на самомъ дѣлѣ, оба выведены изъ предыдущихъ признаковъ. Безусловныя *начала* всякаго знанія должны быть *достовѣрными*, потому что всякая *повѣрка* ихъ истинности нуждается сама въ ихъ *достовѣрности*. Итакъ, съ необходимостью безусловныхъ началъ связана ихъ достовѣрность, а съ достовѣрностью ихъ соединяется указанный *характеръ* признанія ихъ истинности. Потому что *достовѣрность* означаетъ *несомнѣнную истинность* а этой черты безусловныя начала не могли бы имѣть, если бы нѣкоторые люди *колебались* въ признаніи ихъ истинности, или *сомнѣвались* въ послѣдней.

Мы убѣждены, что указываемыя признаки безусловныхъ началъ представляютъ именно опыты подобной *логической дедукціи* ихъ изъ значенія сложнаго термина. *безусловныя начала*. Отсюда—недостатки этихъ признаковъ. Первые два,—пріорность и независимость, какъ составляющіе самую безусловность, не могутъ входить въ число ея *признаковъ*, а четыре послѣдніе,—т. е. необходимость, универсальность, достовѣрность и безспорность,—связанные съ терминомъ или понятіемъ *начала*, не имѣ-

ютъ логической связи съ терминомъ или понятіемъ *безусловности;* слѣдовательно, отнюдь не доказываютъ послѣдней.—Рѣшительныя доказательства реальной безпочвенности этихъ признаковъ даетъ прямой анализъ двухъ порядковъ истинъ,—тѣхъ которыя признаются *условными*, и тѣхъ которыя считаются *безусловными*. Обращаясь къ прямому анализу тѣхъ и другихъ истинъ, мы ставимъ слѣдующіе два вопроса. Во-первыхъ: правда ли, что тѣ истины, которыя защитниками безусловныхъ началъ знанія считаются *условными*, чужды характера *необходимости*, *универсальности*, *достовѣрности* и *безспорности*? — Правда ли, во-вторыхъ, что другія истины, которыя тѣми же учеными выдѣляются изъ массы условныхъ истинъ, какъ *безусловныя*,—дѣйствительно безусловны,—т. е. *не зависятъ* отъ исторіи психическаго образованія человѣка или *предваряютъ* своимъ существованіемъ всѣ опыты человѣческаго духа?—

102. Отвѣчая на поставленные вопросы, обратимся прежде всего къ предразсудку относительно характера условныхъ истинъ.—Привыкши слышать, что необходимость, универсальность, достовѣрность и безспорность суть признаки началъ *безусловныхъ*, и убѣдившись въ условности всѣхъ истинъ, многіе полагаютъ, что этимъ самымъ доказывается, что истинъ необходимыхъ, универсальныхъ, достовѣрныхъ и безспорныхъ, не существуетъ вовсе. Ложность такого мнѣнія доказывается тѣмъ, что, на дѣлѣ, истинамъ *условнымъ* ничто не мѣшаетъ имѣть характеръ и *необходимости*, и *универсальности*, и *достовѣрности*, и *безспорности*. Разсмотримъ, по порядку, эти четыре признака предполагаемыхъ безусловныхъ началъ.

Необходимость.—Утверждаютъ, что необходимость есть признакъ безусловности, — слѣдовательно, чужда условнымъ истинамъ.—Такое заключеніе было бы правильно, если бы посылка его отличалась основательностью, но данныя анализа убѣждаютъ въ противномъ. Что̀ разумѣется подъ *необходимостью*, принадлежитъ истинамъ условнымъ не менѣе тѣхъ, которыя считаются безусловными. Подъ *необходимостью* истинъ, какъ признакомъ ихъ безусловности, разумѣютъ необходимость ихъ для знанія и дѣятельности. Спрашивается какія истины необходимѣе для этой цѣли?—тѣ ли, которыя считаются безусловными,—или тѣ, которыя признаются условными?—Къ истинамъ безусловнымъ, за немногими исключеніями, относятъ нѣкоторыя *общія* предложенія, къ истинамъ условнымъ—всѣ остальныя *общія* предложенія, почти всѣ *единичныя* и всѣ рѣшительно *частныя*. Между единичными предложеніями съ характеромъ безусловности встрѣчаются только тѣ, подлежащимъ которыхъ служитъ имя *Бога* или *Божества*. Такимъ образомъ, защитникамъ необходимости какъ признака однихъ безусловныхъ началъ, слѣдовало бы доказать, что предложенія *общія*, изъ которыхъ обыкновенно составляются таблицы этихъ началъ, необходимѣе всей массы единичныхъ и частныхъ, исключаемыхъ изъ числа безусловныхъ истинъ. Но этого-то именно и нельзя доказать. Въ большинствѣ случаевъ человѣкъ мыслитъ и дѣйствуетъ, не руководствуясь общими предложеніями: думаетъ, напр., что его хлѣбъ—не камень, а чужое горе—тоже горе, не руководствуясь знаменитыми началами мышленія. «Что̀ есть, то есть»; и «невозможно чтобы то что̀ есть, въ тоже время не было»; такимъ же образомъ, онъ *караетъ* и *милуетъ*, не справ-

ляясь съ предложеніями, что «*человѣкъ свободенъ*», или что «*его духъ производитъ движенія въ его тѣлѣ*». Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ можетъ обойтись безъ общихъ предложеній; но можетъ ли такъ разсуждать и дѣйствовать, не наблюдая *тѣла*, *камня*, — не вызываемый на *кару* какимъ нибудь случаемъ *оскорбленія* или другого подобнаго дѣйствія,—и на *милость*—какими нибудь убѣжденіями, *просьбами*, — что выражается на словахъ единичными предложеніями?—Общія предложенія преобладаютъ въ наукѣ, но нельзя сказать, чтобъ они были для науки необходимѣе частныхъ. Общія предложенія необходимы для дѣлаемыхъ изъ нихъ *заключеній*, какъ условія послѣднихъ; но точно также единичныя и частныя предложенія необходимы для *общихъ предложеній*, какъ условія этихъ предложеній.—Къ этому слѣдуетъ прибавить, что указанный нами смыслъ термина *необходимости* безусловныхъ истинъ принадлежитъ болѣе раннимъ писателямъ объ этомъ предметѣ; позднѣе, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, необходимость нѣкоторыхъ истинъ понята въ смыслѣ ихъ *достовѣрности* или *очевидной истинности*,—о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

103. Всеобщность или универсальность.—Тѣже замѣчанія прилагаются и къ этому признаку. Въ таблицахъ безусловныхъ началъ встрѣчаются такія истины, относительно всеобщности которыхъ можно усомниться съ перваго взгляда. Мы не будемъ упоминать о такихъ началахъ, какъ *бытіе Бога*, *безсмертіе души*, — хотя имѣемъ всѣ основанія думать, что эти истины не извѣстны на низшей ступени культуры человѣка, точно также какъ онѣ не извѣстны *дѣтямъ* въ первую пору ихъ раз-

витія. Мы спросимъ только есть ли реальныя основанія утверждать, чтобы такія истины, какъ: «цѣлое больше своей части»; «суммы равныхъ количествъ равны»; «всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину», были свойственны уму всѣхъ людей безъ исключенія или составляли всеобщее знаніе? — Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Къ такому отрицанію приводитъ уже то замѣчаніе, что эти и другія такъ-называемыя безусловныя начала стоятъ во главѣ всѣхъ обобщеній науки; трудно думать, чтобы такія истины были извѣстны многимъ кромѣ ученыхъ и научно-образованныхъ. — Значеніе этого отрицанія не можетъ быть ослаблено ссылкою на факты общаго мышленія и общей дѣятельности, сообразные съ требованіями разсматриваемыхъ началъ. Необходимо различать *законы*, и *идеи законовъ*, выражаемыя въ такъ-называемыхъ началахъ. Идеи законовъ мышленія и дѣятельности позже самыхъ законовъ, и на первый разъ бываютъ только отраженіемъ послѣднихъ. Поэтому, факты мышленія и дѣятельности людей, разсматриваемые со стороны, могутъ находиться въ соотвѣтствіи съ нѣкоторыми началами или идеями законовъ, въ то время какъ эти начала еще совершенно чужды ихъ сознанію. Такимъ образомъ, факты соотвѣтствія нѣкоторымъ началамъ, наблюдаемые въ мышленіи и дѣятельности всѣхъ людей, не могутъ доказывать универсальности этихъ началъ.—Съ другой стороны, можно указать на массу истинъ признаваемыхъ условными, универсальности которыхъ нельзя оспаривать, по крайней мѣрѣ для тѣхъ возрастовъ, которые наступаютъ съ образованіемъ и употребленіемъ слова. Сюда относятся многочисленныя истины касающіяся состава человѣка и его тѣлесныхъ потребностей, явленій физической природы и

общественности,—супружества, семейства, власти, и т. д. Что человѣку нужна пища, нуженъ сонъ, — это истины условныя, но конечно болѣе распространенныя, чѣмъ напр. та истина, что «суммы равныхъ количествъ равны».

104. Достовѣрность. — Подъ достовѣрностью разумѣютъ *очевидную истинность*.—Представители теоріи безусловныхъ началъ считаютъ достовѣрность признакомъ истинъ безусловныхъ.—Что истинность многихъ предложеній вводимыхъ въ число безусловныхъ началъ очевидна, — противъ этого нельзя спорить. Предложенія. «что есть, то есть»; «цѣлое больше своей части», должны быть причислены къ истинамъ очевиднымъ. Но спрашивается: всѣ ли перечисляемыя безусловныя начала обладаютъ такою очевидностью? Можно ли утверждать, что существованіе духа человѣка, какъ субстанціи отличной отъ его тѣла, также очевидно какъ предложеніе «что есть, то есть»?—Можно ли, далѣе, такія начала, какъ бытіе Бога, безсмертіе души, причислять вообще къ истинамъ *очевиднымъ?*—Если, съ одной стороны, нельзя утверждать, чтобъ очевидность принадлежала всѣмъ началамъ признаваемымъ безусловными,—то, съ другой, нельзя доказать, чтобъ она была чужда всѣмъ истинамъ относимымъ къ числу условныхъ. Множество общихъ, частныхъ и единичныхъ предложеній, причисляемыхъ къ истинамъ условнымъ защитниками безусловныхъ началъ, тѣмъ не менѣе также очевидны по своей истинности, какъ и предложеніе. «что есть, то есть». Таковы, напр., предложенія. «камень есть камень»; «животное есть животное»; «человѣкъ есть человѣкъ». Возражаютъ, что послѣднія предложенія заимствуютъ свою очевидность отъ предыдущаго:

«*что есть, то есть*». Чтобы повѣрить, что очевидность послѣднихъ предложеній есть заимствованная, необходимо допустить, что предложеніе «что есть, то есть», не уступаетъ имъ въ своей очевидности, или даже превосходитъ ихъ въ этомъ свойствѣ. Но такъ ли это? Дѣйствительно ли предложеніе «что есть, то есть», столько же или еще болѣе очевидно для большинства людей, чѣмъ предложенія. «камень есть камень», и т. д.?—Почему не думать наоборотъ, что предложеніе *что есть то есть*, заимствуетъ свою очевидность отъ предложеній, съ которыми оно сравнивается нами?—Или почему не допустить, что и то и другія предложенія обязаны свойствомъ своей очевидности какому нибудь высшему закону умственныхъ явленій?

105. Общее согласіе или безспорность.—Защитники безусловныхъ началъ утверждаютъ, что всякій соглашается съ ними, какъ только они бываютъ высказаны никакого *раздумья, колебаній, спора*.—Нѣтъ сомнѣнія, что многія начала причисляемыя къ безусловнымъ способны вызывать такого рода признаніе. Кажется невѣроятнымъ, чтобы кто нибудь не изъявилъ своего согласія на предложенія «что есть, то есть»; «цѣлое больше своей части». «нѣтъ дѣйствія безъ причины», и т. д. На дѣлѣ, такому согласію есть свои границы. для немедленнаго признанія очевидной истинности первыхъ двухъ предложеній необходимъ предварительный навыкъ къ отвлеченнымъ понятіямъ, изъ которыхъ состоятъ эти предложенія, а для такого же согласія на послѣднее—требуется ученость или образованность высокой степени. Еще больше требованій для согласія на предложенія менѣе очевидныя, къ числу которыхъ относятся особенно начала практиче-

скаго рода, именно, правила дѣйствія. Предложеніе «дѣлай другимъ то, чего ты самъ желаешь отъ другихъ» не способно вызывать сразу общее согласіе,—какъ и всякое другое правило дѣятельности. Причина заключается въ томъ, что истинность правилъ дѣятельности становится очевидною только по усмотрѣніи ихъ *основаній* Тамъ гдѣ недостаетъ этого условія, нельзя ожидать немедленнаго согласія съ этими истинами. — Въ то время какъ многія истины признаваемыя безусловными, не всегда и не вдругъ вызываютъ въ людяхъ согласіе съ собою, многія истины считаемыя условными несомнѣнно обладаютъ этою способностью въ высшей степени. Предложенія: *камень есть камень*, или *человѣкъ не камень*; *птицы летаютъ*, а *рыбы плаваютъ въ водѣ*, и т. п.,—также быстро, если еще не быстрѣе, могутъ вызвать согласіе съ собою, какъ и предложенія *что есть*, *то есть*, или *невозможно*, *чтобы то что есть*, *въ тоже время не было*

Итакъ, разсмотрѣнные нами признаки,—именно, *необходимость*, *универсальность*, *достовѣрность* и *безспорность*, могутъ принадлежать истинамъ признаваемымъ условными и, слѣдовательно, не могутъ служить доказательствомъ *безусловности* какихъ бы то ни было истинъ, предложеній или началъ.

106. Обратимся ко второму вопросу: такъ-называемыя *безусловныя* начала дѣйствительно ли *безусловны*,—т. е. *не зависятъ* отъ фактовъ исторіи духа, или *предваряютъ* своимъ существованіемъ въ немъ всѣ явленія его образованія? Придавая этимъ вопросамъ болѣе точную форму, мы должны спросить начала выдаваемыя за безусловныя дѣствительно ли *не образуются*, прямо или косвенно,

подобно всѣмъ другимъ формамъ мысленнаго сознанія человѣка, изъ формъ его сознанія реальнаго? Дѣйствительно ли эти начала не имѣютъ своего *генезиса*, своей исторіи *возникновенія* и *развитія*?—

Всѣ такъ-называемыя безусловныя начала суть *предложенія*, и почти всѣ — *общія* предложенія. Такимъ образомъ, безусловность началъ до тѣхъ поръ остается не доказанною, пока не будетъ доказана безусловность составляющихъ ихъ *идей* или *понятій*. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли утверждать, что то или другое предложеніе не зависитъ отъ фактовъ исторіи духа, или существовало въ немъ раньше всѣхъ явленій исторіи его образованія, — если анализъ этихъ предложеній обнаруживаетъ несомнѣнные слѣды историческаго происхожденія ихъ состава? Если понятія составляющія предложеніе *произошли* или *образовались* изъ тѣхъ или другихъ элементовъ сознанія, имѣющихъ несомнѣнную исторію своего происхожденія,—можемъ ли мы утверждать, что составляемое ими предложеніе не произошло, или не образовалось изъ элементовъ данныхъ исторіею человѣческаго духа? Если понятія составляющія какое нибудь начало условны,— можетъ ли послѣднее быть *безусловнымъ*? — Такимъ образомъ, пока не доказана безусловность идей составляющихъ начала, безусловность самыхъ началъ также не доказана; и наоборотъ, какъ скоро доказана условность идей или понятій составляющихъ такъ-называемыя безусловныя начала,—условность послѣднихъ будетъ также очевидна. Отсюда видно, что вопросъ о предполагаемыхъ безусловныхъ началахъ сводится, въ послѣднемъ анализѣ, къ вопросу о *безусловности* составляющихъ ихъ *идей* или *понятій*.

Предполагаемыя безусловныя идеи.

107. Обладаетъ ли человѣческое мышленіе *безусловными идеями* или *понятіями*? Есть ли такія исключенія изъ общей *условности* всѣхъ психическихъ фактовъ?—

Защитники безусловныхъ *началъ* не отказываются отъ безусловности нѣкоторыхъ *идей*. Доказательства ихъ сводятся къ слѣдующему. Прежде всего, считая доказаннымъ существованіе безусловныхъ началъ, они заключаютъ отсюда къ существованію безусловныхъ идей. Если есть, разсуждаютъ они, безусловныя начала или предложенія, то должны быть и безусловныя идеи или понятія, такъ какъ предложенія слагаются изъ понятій. — Очевидно, что эта аргументація теряетъ всякую силу, какъ скоро дознано, что доказательства существованія безусловныхъ началъ лишены всякой основательности.

Другія доказательства безусловности нѣкоторыхъ идей даются будто бы психологическимъ анализомъ, показывающимъ, во-первыхъ, что нѣкоторыя идеи или понятія не поддаются никакому *разложенію*, какъ *простѣйшіе элементы* человѣческаго сознанія, и во-вторыхъ, что тѣже идеи или понятія обнаруживаютъ рѣшительное *несходство* со всѣми опытами духа, или фактами его исторіи.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ доказательствъ, замѣтимъ, что они являются здѣсь скорѣе для украшенія теоріи, или для избѣжанія упрековъ въ невниманіи къ даннымъ психологическаго анализа. Таблицы безусловныхъ идей, представляемыя ихъ защитниками, показываютъ ясно, что мнѣніе о безусловности тѣхъ или другихъ идей слагалось раньше всякаго психологическаго

анализа ихъ, подъ вліяніемъ предположенныхъ безусловныхъ началъ. Потому что въ таблицахъ безусловныхъ идей мы встрѣчаемъ только тѣ идеи, изъ которыхъ слагаются такъ-называемыя безусловныя начала, или которыя находятся съ съ ними въ наглядномъ родствѣ. Къ безусловнымъ идеямъ относятся обыкновенно слѣдующія во-первыхъ, нѣкоторыя идеи логики и морали, какъ-то. *бытіе, тожество, измѣненіе, существо, свойство, причина, дѣйствіе,* и т. д., *Божество, безсмертіе, время, вѣчность, свобода, долгъ, правда;* и проч.; во-вторыхъ, идеи геометріи и вообще математики: *пространство, протяженіе, линіи, плоскости, количество, цѣлое, часть, единица, множество*; и т. д.; въ-третьихъ, нѣкоторыя идеи философіи духа и природы матеріальной *я, духъ, другія лица* кромѣ меня, *внѣшній міръ, тѣла, матерія, движеніе;* и т. д. Изъ этого видно, что безусловныя идеи отыскивались по безусловнымъ началамъ; это подтверждается и наблюденіемъ надъ умственнымъ характеромъ представителей теорій безусловныхъ идей. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что ни одинъ изъ ученыхъ, прославившихся талантомъ психологическаго анализа, не защищалъ безусловности какихъ бы то ни было человѣческихъ идей; знаменитѣйшіе представители теорій безусловныхъ идей относились недовѣрчиво къ средствамъ психологическаго анализа и полагались преимущественно на силу діалектики или дедукціи логической. Между защитниками безусловныхъ идей, на психологическій анализъ ссылаются писатели не первой величины, хотя и послѣдніе не скрываютъ при этомъ своей холодности къ его успѣхамъ. Поэтому, ихъ утвержденія, что тѣ или другія идеи не поддаются разложенію или не выводятся изъ фактовъ исторіи духа и

его опытовъ,—или голословны, или заключаютъ въ себѣ какія нибудь двусмыслія, или основаны на самыхъ грубыхъ понятіяхъ объ опытахъ человѣческаго духа, или о психическихъ фактахъ.

108. «Есть идеи или понятія не поддающіяся *разложенію* на какіе нибудь факты исторіи духа, или его опыты; а это доказываетъ независимость такихъ идей отъ этихъ фактовъ или опытовъ,—иначе ихъ *безусловность*».— Подобное разсужденіе считается весьма солиднымъ у представителей теорій безусловныхъ идей; а между тѣмъ ни одна часть его не отличается твердостью. Позволительно спросить какъ далеко намѣрены итти защитники безусловности нѣкоторыхъ идей въ своемъ ученіи объ ихъ *неразложимости*? — Есть идеи, которыя признаются ими безусловными и которыя, между тѣмъ, согласно съ ихъ собственными разсужденіями, не неразложимы,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой своей долѣ,—на факты исторіи человѣческаго духа. Такимъ образомъ, когда эти ученые утверждаютъ, что *преемство*, съ какимъ бы то ни было видомъ постоянства, еще не составляетъ *причинной связи*,—они вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ, что первое нельзя исключить изъ послѣдней, т. е. изъ состава идей или понятій *причины* и *дѣйствія;* а это доказываетъ, что идеи причины и дѣйствія, даже съ точки зрѣнія защитниковъ ихъ безусловности, допускаютъ нѣкоторый анализъ ихъ на данныя психическихъ опытовъ человѣка.— Но если эти идеи подлежатъ анализу въ нѣкоторой долѣ своего содержанія, — есть ли основаніе думать, что онѣ не подлежатъ ему и въ остальныхъ?—Неуспѣхи анализа никогда не могутъ служить показателями его истинныхъ границъ; средства научнаго анализа подлежатъ постепен-

ному усовершенствованію; что не удавалось одному поколѣнію, то достигается или можетъ быть достигнуто другимъ. — Послѣднее замѣчаніе прилагается и ко всѣмъ прочимъ идеямъ считаемымъ безусловными. *неразложенность* ихъ не есть доказательство ихъ *неразложимости*.

«Что безусловныя идеи не только не разлагаются на опыты духа, но и неразложимы на послѣдніе,—это», утверждаютъ, «доказывается рѣшительнымъ *несходствомъ* первыхъ съ послѣдними».—На это мы замѣтимъ, прежде всего, что это несходство, судя по содержанію такихъ идей, какъ *причина* и *дѣйствіе*, не такъ рѣшительно, какъ это хотятъ представить; а во-вторыхъ, если бъ оно и дѣйствительно было рѣшительнымъ или полнымъ, — это отнюдь не исключало бы возможности генетической связи такихъ идей съ фактами исторіи духа. Психическіе факты образуются путемъ не только простого *сложенія*, но и длиннаго ряда *преобразованій*. При такихъ условіяхъ происхожденія этихъ фактовъ, нельзя требовать, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя разсматриваются какъ послѣдствія другихъ, непремѣнно походили на свои причины.

108. Такимъ образомъ, защитники теорій безусловныхъ идей не имѣютъ, какъ мы видимъ, никакихъ уважительныхъ основаній для своего мнѣнія,—т. е. для исключенія нѣкоторыхъ идей или понятій изъ массы другихъ психическихъ фактовъ, условный характеръ которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и былъ подробно разсмотрѣнъ нами въ предыдущихъ главахъ.—Въ настоящемъ мѣстѣ мы позволимъ себѣ поставить на видъ только тѣ затрудненія, которыя должны испытывать приверженцы разсматриваемыхъ теорій. Не имѣя смѣлости утверждать, что такъ-называемыя безусловныя идеи вступаютъ въ ис-

торію духа безъ всякой вызывающей ихъ на то причины, лежащей въ фактахъ этой исторіи, они ограничиваются объясненіемъ, что духъ человѣка вступаетъ въ историческое пользованіе такими идеями вслѣдствіе соотвѣтственныхъ *поводовъ*, данныхъ въ его *опытахъ*. Такимъ образомъ, факты исторіи духа или его опыты играютъ роль вызывающихъ поводовъ.—Что же такое поводы? Если мы будемъ разсматривать послѣдніе какъ *условія* явленія этихъ идей то гдѣ же тогда ихъ *безусловность?* — А если поводы не суть условія то пусть укажутъ, какой смыслъ можетъ быть приданъ этому термину?—Второе затрудненіе скрывается въ характерѣ безусловныхъ *понятій*. Понятія, въ своемъ существованіи, не мыслимы безъ *словъ* или вообще какихъ нибудь *знаковъ*; а слова, или другіе знаки, суть факты исторіи человѣческаго духа. Какъ эту очевидную зависимость человѣческихъ понятій отъ опытовъ духа примирить съ теоріею ихъ безусловности?— Нельзя сказать, что здѣсь дѣло идетъ только о безусловныхъ *идеяхъ*, а не о *понятіяхъ* въ строгомъ смыслѣ. Безусловныя идеи выводятся ихъ защитниками изъ существованія безусловныхъ *началъ*, или *предложеній*; а какія предложенія могутъ быть безъ понятій въ строгомъ смыслѣ?—Третье затрудненіе лежитъ въ общемъ характерѣ такъ-называемыхъ безусловныхъ идей. Каждая идея, каждое понятіе—*фактъ*, *психическій фактъ*, идеи называемыя безусловными не могутъ быть исключены изъ общей массы психическихъ фактовъ, какъ фактическія идеальныя отношенія человѣка, занимающія свое мѣсто въ составѣ другихъ психическихъ отношеній, идеальныхъ и реальныхъ. Спрашивается. какъ могутъ нѣкоторые психическіе факты, или опыты духа, не зависѣть ни отъ ка-

кихъ другихъ фактовъ или опытовъ его? Что поддерживаетъ ихъ въ связи съ одними фактами и не дозволяетъ вступать въ связь съ другими? Что вводитъ порядокъ въ фактическое положеніе безусловныхъ идей въ духѣ человѣка?—

Послѣднее затрудненіе далеко не маловажно, потому что выходъ изъ него одинъ. признаніе *безусловныхъ способностей* къ такого же рода *идеямъ* и *началамъ*; но это требуетъ значительной передѣлки всей теоріи безусловныхъ началъ, какъ это мы и находимъ у представителей ученій объ *абсолютныхъ способностяхъ*.

Предполагаемыя безусловныя способности.

110. Подъ *безусловными способностями* разумѣются потенціи идей и началъ, не данныя въ психическихъ фактахъ или не образующіяся въ теченіи исторіи духа, а присущія ему раньше всѣхъ фактовъ его исторіи,—слѣдовательно, независимыя отъ нихъ.

Теоріи безусловныхъ способностей человѣческаго духа представляются въ *двухъ* видахъ обработки. Первый видъ представляютъ теоріи *независимой отъ опыта производительности*, или теоріи такъ-называемаго *чистаго творчества* духа. Защитники этихъ теорій утверждаютъ существованіе въ духѣ человѣка безусловныхъ способностей къ *идеямъ*, *началамъ*, *умозаключеніямъ* и *наукѣ*. Такія способности носятъ названіе и *трансцендентальныхъ*; идеи и начала, получаемыя изъ нихъ, хотя и остаются независимыми отъ опытовъ духа, но не предполагаются происходящими вообще раньше всякой исторіи его. *Безусловныя способности*—вотъ что присуще или должно быть присуще человѣку по самой сущности его духа; что

же касается произведеній этихъ способностей, то нѣтъ надобности предполагать ихъ присутствіе въ духѣ раньше психическихъ фактовъ или опытовъ они могутъ быть современны тѣмъ которымъ сообщаютъ свой характеръ, и позднѣе другихъ къ которымъ не имѣютъ такого отношенія. Безусловность этихъ произведеній не есть ихъ *пріорность*, какъ въ разсмотрѣнныхъ нами теоріяхъ безусловныхъ началъ,—а ихъ *апріорность*, или происхожденіе *a priori*, т. е. отъ *безусловныхъ способностей*.

Теоріи безусловныхъ способностей къ *чистой производительности* не имѣютъ въ свое оправданіе никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ ссылки на доказанное будто бы существованіе безусловныхъ *началъ* и *идей*. Но такъ какъ существованіе тѣхъ и другихъ не только не доказано, но и опровергается данными психологическаго анализа то очевидно, что теоріи безусловныхъ способностей, представленныя въ такомъ видѣ, лишены всякаго научнаго основанія.

111. Есть другой, болѣе новый видъ теорій безусловныхъ способностей,—а именно, когда послѣднія понимаются какъ способности къ независимой отъ опытовъ духа *идеализаціи* послѣднихъ.—Отличіе теорій этого вида отъ предыдущихъ заключается въ томъ, что онѣ не допускаютъ *чистой производительности* духа и *чистыхъ произведеній его*, — т. е. чистыхъ идей и началъ; — по этимъ теоріямъ, матеріалъ каждаго умственнаго произвенія, или элементы его, всегда состоятъ изъ какихъ нибудь опытовъ духа; но *способъ сочетанія* ихъ зависитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ особенныхъ, именно *безусловныхъ*, способностей къ тому: послѣднія сообщаютъ свой характеръ матеріалу опытовъ духа путемъ *прямого*

дѣйствія, или безъ помощи безусловныхъ идей и началъ. Сообщеніе этого характера опытамъ духа и есть то, что̀ называется ихъ *идеализаціею*

Существованіе *безусловныхъ способностей* къ *идеализаціи опыта* доказываютъ, во-первыхъ, особеннымъ, будто бы невыводимымъ изъ опытовъ духа, *свойствомъ* нѣкоторыхъ *идей*, и во-вторыхъ, характеромъ или *способомъ* нашего *убѣжденія* въ нѣкоторыхъ *истинахъ*. — Есть, говорятъ, идеи столь совершенныя, что опыты духа никогда не въ состояніи внушить ихъ. Къ такимъ *образцовымъ* идеямъ принадлежатъ, напр., геометрическія идеи *точки*, *линіи*, *поверхности*, — нравственныя идеи *долга*, *правды*, *добродѣтели*, и пр — Далѣе, въ истинности нѣкоторыхъ предложеній, напр. геометрическихъ аксіомъ, мы убѣждаемся съ помощью одного *мышленія*, не прибѣгая ни къ какимъ опытамъ; послѣдніе, произведенные съ цѣлью оправданія, напр , какихъ нибудь геометрическихъ теоремъ, ничего не могутъ прибавить къ силѣ нашего убѣжденія въ ихъ истинности. На двухъ треугольныхъ вещахъ, посредствомъ нѣкоторыхъ снарядовъ, можно конечно попытать повѣрить то или другое условіе равенства треугольниковъ, но могутъ ли такіе опыты прибавить что нибудь къ нашей увѣренности въ томъ путемъ одного мышленія?

112. Обратимся къ *первому* изъ доказательствъ. Что есть *образцовыя* идеи (*модели*, *экземпляры*, *идеалы*),— это не подлежитъ сомнѣнію; но чтобы такія идеи были произведеніемъ безусловныхъ способностей или не зависѣли отъ опытовъ духа, — это ничѣмъ не доказывается *образцовость* идей не можетъ служить доказательствомъ вліянія на опытъ, вытекающаго изъ источника отличнаго

отъ фактовъ исторіи человѣческаго духа или его развитія. Происхожденіе образцовыхъ *идей* можетъ быть поясненo примѣрами происхожденія образцовыхъ *истинъ* или *предложеній*,—напр *грамматики*, *реторики*, *піитики*; и т. д. Правила реторики принадлежатъ къ числу истинъ образцовыхъ,—т. е. такихъ которыя должны служить моделями для составленія и сочетаній другихъ предложеній, но этою *образцовостью* они обязаны *опытности* человѣка въ дѣлѣ рѣчи и его *вкусу*,—иначе, нѣкоторымъ *впечатлѣніямъ* вызываемымъ рѣчью, и *наблюденіямъ* надъ зависимостью ихъ отъ тѣхъ или другихъ свойствъ послѣдней,—а не какимъ нибудь безусловнымъ способностямъ человѣка къ правиламъ реторики. — Тоже и съ образцовыми *идеями;* идеи образцовыхъ *періодовъ рѣчи*, образцовыхъ *украшеній* ея, — идеи образцовыхъ *формъ* поэзіи,—*поэмы*, *драмы*, *сатиры*,—и т. д.,—всѣ эти идеи суть плодъ опытности людей, — плодъ изученія лучшихъ произведеній *прозы* и *поэзіи* — Тоже самое прилагается къ образцовымъ предложеніямъ и идеямъ *морали*. Исторія происхожденія и преобразованія нравственныхъ сентенцій и идей отчасти извѣстна изъ памятниковъ народной словесности и изъ исторіи литературы.—А если, въ указанныхъ нами областяхъ науки, образцовыя идеи опыта возникаютъ несомнѣнно изъ самыхъ опытовъ духа то имѣемъ ли мы право утверждать, что образцовыя идеи *геометріи* обязаны своимъ происхожденіемъ не опытности духа и его критической способности, образующейся изъ той же опытности, — а какимъ то особеннымъ безусловнымъ способностямъ къ геометріи?—

113. Перейдемъ ко *второму* доказательству. Что въ нѣкоторыхъ истинахъ, напр. геометріи, мы можемъ убѣж-

даться съ помощью одного мышленія, или не прибѣгая къ пособію впѣшняго опыта,—это опять совершенно вѣрно. Вѣрно и то, что такой опытъ часто не могъ бы прибавить ничего къ силѣ нашего убѣжденія. Но чтобъ это доказывало способность человѣка убѣждаться въ чемъ нибудь независимо отъ опыта вообще, — это рѣшительно опровергается данными психологическаго анализа. Убѣжденіе съ помощью одного мышленія, повторяемъ, не есть доказательство умственной независимости отъ опыта, и существованія безусловныхъ способностей. Во всякой опытъ надъ сложною вещью и сложнымъ случаемъ входитъ доля убѣжденія съ помощью одного мышленія. Такимъ образомъ, всякій разъ, когда стороны вещи или случая не могутъ подлежать сравненію реальному, онѣ сравниваются или вполнѣ или отчасти въ однѣхъ идеяхъ; но слагающіяся при этомъ убѣжденія, относительно напр. *объема*, *разстоянія* или *положенія* вещей, никто не называетъ независимыми отъ опыта. Всѣ широкія наблюденія космологическія и историческія даютъ убѣжденія получаемыя, въ концѣ, путемъ сравненія въ однѣхъ идеяхъ; это однако не доказываетъ независимости такихъ убѣжденій отъ опытовъ духа. Всякая умственная работа представляетъ рядъ опытовъ духа, которые могутъ простираться только на однѣ идеи вещей или ихъ знаковъ; таковы чисто умственныя работы по *логикѣ*, *грамматикѣ*, *геометріи*, *ариѳметикѣ*, *алгебрѣ*, вообще *чистой математикѣ*. Но это не доказываетъ ни того, чтобъ идеи въ которыхъ наблюдаются и сравниваются вещи или ихъ знаки, не были плодомъ реальныхъ опытовъ духа,—ни того, чтобы наблюденія и сравненія въ умѣ отличались отъ наблюденій и сравненій реальныхъ производимыхъ надъ реаль-

ми вещами и ихъ реальными знаками. Наблюдающія и сравнивающія способности человѣка тамъ и здѣсь одинѣ и тѣже, разница въ однихъ предметахъ наблюденій и сравненій. — Утвержденіе независимости отъ опыта—нашей способности убѣждаться съ помощью одного мышленія можетъ быть послѣдствіемъ простого недоразумѣнія, — такъ какъ защитники этой теоріи разумѣютъ подъ опытомъ духа повидимому только одинъ *внѣшній*, *физическій* опытъ и такъ-называемое *внѣшнее наблюденіе;* между тѣмъ какъ противники ихъ, руководствуясь указаніями психологическаго анализа, принимаютъ слово опытъ въ широкомъ смыслѣ,—т. е. въ смыслѣ экспериментаціи *физической* и *умственной*, въ смыслѣ наблюденій *умственныхъ*, *внутреннихъ* и *внѣшнихъ* и, наконецъ, въ смыслѣ всякаго факта входящаго въ *исторію развитія* человѣческаго духа.

Такимъ образомъ, оба доказательства теоріи безусловныхъ способностей къ идеализаціи опыта лишены научнаго значенія; а вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ всякое основаніе и это раздѣленіе способностей человѣка на способности къ опыту, и способности къ его идеализаціи. Въ опытахъ человѣческаго духа, въ исторіи его постепеннаго развитія въ силу общественныхъ условій, лежитъ основаніе всей культуры духа, со всѣми ея образцовыми формами или идеалами.

ГЛАВА VI.

ТЕОРІИ ПСИХИЧЕСКОЙ АБСОЛЮТНОСТИ ЧЕЛОВѢКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Метафизическія системы *абсолютнаго знанія*: практицизмъ; феноменализмъ, реализмъ; идеализмъ. Относительныя цѣли метафизическихъ изслѣдованій.—Религіозная культура человѣка —Метафизическія изслѣдованія научнаго характера. — Метафизика какъ критика.—Метафизика какъ методика.

СИСТЕМЫ АБСОЛЮТНАГО ЗНАНІЯ ПРЕДЛАГАЕМЫЯ ВЪ ТАКЪ-НАЗЫВАЕМОЙ МЕТАФИЗИКѢ.

114. *Абсолютнымъ* называютъ знаніе, во-первыхъ, *безусловное*, — т. е. почерпаемое изъ тѣхъ источниковъ, которые признаются независимыми отъ опытовъ человѣческаго духа и разсмотрѣны нами въ предыдущей главѣ, подъ именемъ безусловныхъ началъ, безусловныхъ идей и безусловныхъ способностей,—и во-вторыхъ, знаніе *неограниченное* или, по крайней мѣрѣ, идущее *далѣе* тѣхъ границъ, какія свойственны человѣческой *наукѣ* и религіозной *вѣрѣ*. Наукѣ свойственна относительность,—т. е. условность и ограниченность начало и конецъ науки—умственный и физическій *опытъ*, и умственное, внутреннее и внѣшнее *наблюденіе*; при всѣхъ обобщеніяхъ, при

всей широтѣ доступной ей косвенной очевидности, наука въ своихъ *утвержденіяхъ* не можетъ выти изъ опредѣленныхъ границъ доступнаго человѣку *опыта* и *наблюденія*. Знаніе же *абсолютное* описывается его защитниками какъ выходящее, въ *утвердительномъ* смыслѣ, изъ *предѣловъ* всякаго *опыта* и всякаго *наблюденія*. Выступая за предѣлы науки, абсолютное знаніе должно встрѣчаться съ религіозною *вѣрою*, переступающею въ своихъ идеяхъ границы науки, но оно идетъ и дальше вѣры,—во-первыхъ, какъ *знаніе*, и во-вторыхъ, по своему *объему* и особенно *характеру* между тѣмъ какъ вѣра, по мнѣнію величайшихъ защитниковъ абсолютнаго знанія, довольствуется однимъ *религіознымъ символомъ*.—абсолютное знаніе имѣетъ дѣло съ самыми *вещами*

Защита абсолютнаго знанія сводится, съ одной стороны, къ ссылкамъ на существованіе абсолютныхъ *органовъ* или *средствъ* знанія, а съ другой. къ указаніямъ на *характеръ* системъ абсолютнаго знанія, предлагаемыхъ въ системахъ такъ-называемой *метафизики*. Такъ какъ существованіе абсолютныхъ органовъ знанія ничѣмъ не доказано, то и существованіе самаго абсолютнаго знанія становится невѣроятнымъ потому что нельзя думать, чтобы при отсутствіи абсолютныхъ средствъ знанія, или со средствами опыта и наблюденій, и съ *опирающимися* на нихъ умозаключеніями, можно было достигнуть знаній *независимыхъ* отъ нихъ, и ведущихъ далѣе всего что ими открывается. — Вѣрность этого разсужденія оправдывается разборомъ самыхъ *метафизическихъ системъ абсолютнаго знанія*.

Метафизическія системы абсолютнаго знанія.

115. Всѣ метафизическія системы абсолютнаго знанія могутъ быть раздѣлены, по своимъ характеристическимъ признакамъ, на слѣдующія четыре группы: во-первыхъ, системы *метафизическаго практицизма;* во-вторыхъ, системы *метафизическаго феноменализма*, въ-третьихъ, системы метафизическаго *реализма*; и въ-четвертыхъ, системы *метафизическаго идеализма.*

Системы метафизическаго практицизма.—Такія системы метафизики предъявляютъ притязаніе на самую скромную долю абсолютнаго знанія. Абсолютное знаніе ограничивается въ нихъ предѣлами *нравственности* и *права*,—слѣдовательно, психическихъ отношеній человѣка. существо вещей и отношеній физическихъ исключается ими изъ области абсолютнаго знанія. Абсолютность знанія—долга и права—ограничена здѣсь его *безусловностью*, т. е. независимостью отъ фактовъ исторіи человѣческаго духа, или его опытовъ и наблюденій. Метафизическій практицизмъ претендуетъ итти дальше науки въ рѣшеніи вопросовъ нравственности и права,—замѣняя положительное или *условное* знаніе *спеціальныхъ законовъ* человѣческаго духа въ области нравственности и права—знаніемъ безусловнымъ или *метафизикою нравовъ* и *права*. Но онъ не претендуетъ итти дальше вѣры,—не претендуетъ на знаніе *бытія Бога* и *безсмертія души*,—заявляя впрочемъ, что нравственная потребность человѣка въ томъ и другомъ беретъ свое начало не въ фактахъ психическаго развитія человѣка, а въ его *абсолютной* практической *спо-*

собности, въ его *чистомъ* отъ всякаго историческаго или опытнаго элемента *практическомъ разумѣ*.

Такъ какъ притязанія метафизическихъ системъ такого рода не идутъ далѣе той абсолютности человѣческаго знанія, какую оно могло бы имѣть при существованіи *абсолютныхъ способностей* человѣческаго духа. то опроверженіемъ такой метафизики служитъ простая ссылка но полную бездоказательность теорій абсолютныхъ способностей, обнаруженную нами въ предыдущей главѣ. Поэтому, не останавливаясь на системѣ метафизическаго практицизма, перейдемъ къ другимъ, представляющимъ полнѣе претензіи защитниковъ абсолютнаго знанія.

116. Системы метафизическаго феноменализма.—Метафизическія системы этого рода принимаютъ заключенія психологическаго анализа, что въ знаніи матеріальныхъ вещей мы не идемъ дальше *символовъ* какихъ-то вещей,—а въ знаніи *духа* дальше того, что̀ дается исторіею его *развитія*, подъ вліяніемъ *внѣшнихъ*,—физическихъ и общественныхъ, — и *внутреннихъ* условій, но измѣняютъ эти заключенія въ томъ смыслѣ, что явленія матеріальныя и явленія духовныя принимаютъ за явленія или *откровенія* одного мірового Начала обладающаго духовной сущностью. Такимъ образомъ, въ системахъ метафизическаго феноменализма мы видимъ шагъ впередъ, сравнительно съ системами практицизма. Онѣ не отступаютъ отъ того порядка явленій, какой извѣстенъ наукѣ.—таже *символика* вещей матеріальныхъ; таже *исторія развитія* духа;— но они придаютъ этому порядку недоступныя наукѣ черты, когда утверждаютъ, что законы матеріальныхъ и духовныхъ явленій суть законы сущс-

ствованія самого Божества. Поэтому, системы метафизическаго феноменализма мы можемъ назвать системами *перенесенія* свойствъ и законовъ физическихъ и психическихъ явленій существованія человѣка и окружающей его природы — на Божество. Назовемъ ли мы при этомъ Божество — *верховною Природою*, *абсолютнымъ* «Я», *абсолютнымъ Разумомъ*, или *абсолютною Идеею*,—сущность этого рода метафизики нисколько отъ того не измѣняется.

Обращаясь къ разбору системъ феноменализма, находимъ, что понятія физическихъ и психическихъ явленій даны имъ *наукою*, а идея Божества, или Существа абсолютнаго—*вѣрою* или *религіею*. Феноменализму принадлежитъ только своеобразный способъ сочетанія первыхъ понятій съ послѣднею идеею,—а именно, отожествленіе Бога съ наблюдаемымъ міромъ явленій, предлагаемое въ формѣ *абсолютнаго знанія*. Системы метафизическаго феноменализма надѣются доставить намъ знаніе вещей, которыхъ человѣкъ касается въ религіи вѣрою и которыя не могутъ быть предметомъ научныхъ рѣшеній — знаніе не только *бытія* матеріальныхъ вещей, но и самой матеріальной *субстанціи* и ея *сущности*,—не только *бытія* духа какъ вещи, но и самой *субстанціи* духа, со всею ея *сущностью*. Потому что эти системы считаютъ несомнѣннымъ, что субстанція и сущность матеріи и духа суть то верховное Существо, которое составляетъ предметъ религіозной вѣры, — т. е. субстанція и сущность Божества.

Такъ какъ утвержденія этого рода расходятся съ лучшими формами религіозной вѣры и не имѣютъ опоры въ наукѣ,—то спрашивается на чемъ основана увѣренность въ ихъ несомнѣнной истинности?—Главное основаніе, на

которомъ въ концѣ держится метафизическій феноменализмъ, заключается въ ссылкахъ на особенную, *безусловную способность* знанія. Но существованіе безусловныхъ способностей есть, какъ мы видѣли, вещь не доказанная; а для объясненія содержанія метафизическаго феноменализма нѣтъ никакой надобности въ подобной гипотезѣ. Сущность метафизическаго феноменализма заключается въ *перенесеніи* на Божество—свойствъ явленій, со всѣми законами ихъ исторіи; для этой умственной операціи достаточно такъ-называемыхъ *законовъ ассоціаціи*, къ числу которыхъ принадлежитъ между прочимъ и *законъ перенесенія*. Но въ данномъ случаѣ такое дѣйствіе законовъ ассоціаціи не имѣетъ научнаго оправданія; поэтому, утверждаемое тожество Бога и міра явленій есть не знаніе, а недоказанное *мнѣніе*, и притомъ мало благопріятное *религіозной вѣрѣ* человѣка и значительно расходящееся съ нѣкоторыми данными *науки*. Съ идеею Божества, какъ единой Субстанціи въ основѣ всѣхъ явленій, физическихъ и духовныхъ, — Субстанціи, существованіе которой наилучшимъ образомъ представлено исторіею психическаго развитія человѣка, — трудно согласить идеи *Провидѣнія*, *безсмертія* души человѣка и его нравственной отвѣтственности передъ *Высшимъ Судомъ;* а безъ такихъ идей возможно ли существованіе религіозной вѣры? Религіозная вѣра людей, по самому существу своему, есть *оптимизмъ;* — пессимизмъ никогда не выходилъ изъ области метафизической теоріи, но какой оптимизмъ возможенъ безъ идей Промысла, безсмертія души и высшей нравственной отвѣтственности?—Системы метафизическаго феноменализма не примиримы, далѣе, и съ наукою, по узкости и мелочности ихъ воззрѣній. Предѣлы на учнаго зна-

нія не дозволяютъ утверждать, чтобы въ извѣстныхъ намъ явленіяхъ матеріи даны были всѣ возможныя формы явленій этого рода, или чтобы въ явленіяхъ духа открывалась вся сущность духа. Поэтому, принимать извѣстныя намъ явленія матеріи и духа, какъ единственно возможные способы существованія, и вводить за тѣмъ въ узкія рамки такого существованія само Божество—противно духу науки.

117. Системы метафизическаго реализма.—Сюда относятся тѣ системы, которыя надѣются познать *субстанцію* и *сущность* вещей по руководству *явленій*, опредѣляя однѣ вещи по другимъ. Такимъ образомъ, сюда принадлежатъ, во-первыхъ, системы *матеріализма*, опредѣляющія *духъ*, по данному въ явленіяхъ и свойствахъ *матеріи*; и во-вторыхъ, системы *спиритуализма*, опредѣляющія вещи *матеріальныя* по данному въ явленіяхъ и свойствахъ *духа*.

Системы матеріализма. — Матеріализмъ представляетъ одну изъ самыхъ раннихъ и наиболѣе распространенныхъ метафизикъ. Въ пору своего умственнаго дѣтства, человѣкъ всегда является матеріалистомъ въ своихъ представленіяхъ о душѣ. Это мы наблюдаемъ въ раннихъ системахъ религіи и философіи духа; это замѣчаемъ въ современныхъ воззрѣніяхъ низшихъ классовъ образованныхъ народовъ; это, наконецъ, доказывается естественнымъ характеромъ дѣтскихъ понятій о томъ же предметѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ первую пору своего развитія матеріализмъ вполнѣ уживается съ религіозною вѣрою, чего обыкновенно не случается позднѣе, когда

матеріалистическія міровоззрѣнія принимаютъ форму ученыхъ системъ. Сущность метафизики заключающейся въ подобныхъ системахъ сводится къ слѣдующему. Явленія матеріальныя, съ порядкомъ ихъ существованія или *законами*, и съ тѣми *свойствами*, какія открываются путемъ ихъ наблюденія и изученія, не суть *знаки* или *символы* неизвѣстныхъ отношеній или дѣйствій неизвѣстныхъ причинъ или дѣятелей,—а суть *явленія* или обнаруженія *свойствъ* принадлежащихъ самымъ *вещамъ* называемымъ *физическими* или *матеріальными*. Такимъ образомъ, то что̀ называютъ явленіемъ *движенія* вещей не есть символъ неизвѣстныхъ отношеній къ вещамъ, или въ вещахъ которыя также остаются неизвѣстными, — а есть реальное отношеніе къ вещамъ или вещей, которымъ принадлежитъ свойство *протяженія* точно также, какъ принадлежатъ *дѣйствія*. Кратко сказать, всѣ психическія произведенія сопровождающія ощущенія человѣка принимаются здѣсь за показателей соотвѣтствующихъ свойствъ матеріи. Такое принятіе психическаго за физическое составляетъ исходный пунктъ всякой метафизики матеріализма. Дальнѣйшее развитіе послѣдней оканчивается утвержденіемъ, что *субстанція матеріи* или явленій физическихъ есть вмѣстѣ субстанція и явленій психическихъ или *духа;* такъ что явленія психическія и физическія суть явленія одного и того же мірового матеріальнаго субстрата.—Принимая знаки матеріальнаго существованія за самое существованіе, и наблюдая разрушеніе образующихся явленій, системы матеріализма приходятъ къ отрицанію безсмертія души и, по свойству своихъ основныхъ положеній, не могутъ допустить другого Бога кромѣ матеріи, понимаемой указаннымъ образомъ. Изъ этого видно, что

системы матеріализма всего враждебнѣе религіозной вѣрѣ человѣка и, слѣдовательно, его высшимъ чувствамъ и стремленіямъ Но очевидно также, что эта метафизика далеко расходится и съ указаніями науки, рѣшая вопросы о самой субстанціи матеріальныхъ вещей и ея сущности, равно какъ и о субстанціи и сущности духа, — рѣшая простыми утвержденіями, что субстанція матеріи, по своимъ свойствамъ, не отличается отъ того чѣмъ она представляется духу человѣка, и что эта субстанція есть общій субстратъ всѣхъ явленій, матеріальныхъ и духовныхъ.

Защитники матеріализма выдаютъ его метафизику за несомнѣнныя истины, спрашивается на какомъ основаніи?— Матеріалисты не претендуютъ на какую нибудь безусловную способность знанія, а между тѣмъ ученіе ихъ представляетъ своеобразную претензію на *знаніе абсолютное*,—знаніе проникающее въ самое существо матеріи и духа. Итакъ, что же даетъ имъ право на ихъ утвержденія?—Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ матеріалисты ссылаются обыкновенно на *естествознаніе* или *философію природы*.—Правда, что естественныя науки изучаютъ явленія матеріи какъ самыя вещи,—и едва ли иначе могутъ поступать, но это не даетъ права забывать данныя высшаго философскаго знанія, — того что предлагается въ *философіи духа*, въ ея ученіи о предѣлахъ *всякаго* человѣческаго знанія и человѣческой *науки* вообще. А это ученіе не дозволяетъ смѣшенія матеріальныхъ *явленій* съ матеріальными *вещами*, и понятой такъ грубо матеріи— съ субстанціею духа. Можно безъ преувеличенія сказать, что матеріализмъ представляетъ такого рода метафизику, въ которой вся реальность выводится, въ концѣ, изъ однихъ символовъ или знаковъ какой-то реальности;—иначе

сказать, вся метафизика матеріализма основана на нѣкоторыхъ умственныхъ иллюзіяхъ разоблачаемыхъ философіею духа, но часто ускользающихъ отъ вниманія естествоиспытателей. Такимъ образомъ, въ системахъ матеріализма мы не имѣемъ никакого реальнаго знанія.

118. *Системы спиритуализма.*—Въ первую пору своего развитія, системы спиритуализма ограничиваются тѣмъ, что признаютъ *духовныя вещи* или *субстанціи* чуждыми всякой сложности, и обладающими тѣми самыми *свойствами,* какія мы находимъ въ извѣстныхъ намъ психическихъ фактахъ; но, въ окончательномъ развитіи, приходятъ къ заключенію, что духовныя вещи, и ихъ отношенія другъ къ другу, и суть то что скрывается подъ символами отношеній и вещей, называемыхъ *физическими* или *матеріальными*! Такъ какъ термины *физическій* и *матеріальный* означаютъ тоже что *непсихическій*: то выходитъ, что, съ точки зрѣнія спиритуалистовъ, вещи признаваемыя *непсихическими* суть на дѣлѣ *психическія*, и отношенія признаваемыя *непсихическими* – на дѣлѣ также *психическія*,—только не внутреннія, а *внѣшнія*,—заключающіяся во внѣшнихъ *вліяніяхъ*—то положительнаго, то отрицательнаго характера. Такимъ образомъ, для метафизики спиритуализма, реальное бытіе принадлежитъ только вещамъ духовнымъ, а *матерія* есть одна *символика* внѣшнихъ психическихъ вліяній,—иначе сказать, реально—или какъ вещь отличная отъ вещей духовныхъ—не существуетъ. Держась такого начала, спиритуализмъ не можетъ допустить матеріальныхъ аттрибутовъ Божества, и опредѣляетъ верховное Существо какъ *Духъ*, какъ *Разумъ*, какъ *Лицо* или *Личность*. Такія опредѣленія Бо-

жества вполнѣ согласуются съ основными идеями религіи,—напр. идеями *Провидѣнія* и *божественнаго Суда* надъ человѣкомъ; а простота или несложность духовныхъ субстанцій вполнѣ гармонируетъ съ религіозною идеею *безсмертія* человѣческой души.

Такимъ образомъ, метафизика спиритуализма весьма благопріятна религіозной вѣрѣ людей, и имѣетъ еще то великое преимущество предъ матеріализмомъ, что согласуется болѣе и съ данными науки изъ знаковъ физическихъ отношеній метафизика спиритуализма не дѣлаетъ самыхъ отношеній, изъ знаковъ вещей не дѣлаетъ самыхъ вещей, въ объясненіе всей реальности она беретъ свойства психическія, которымъ нельзя отказать въ условной реальности. По всѣмъ этимъ причинамъ, метафизика спиритуализма занимаетъ высокое мѣсто между произведеніями человѣческаго духа. Но спрашивается можно ли признать ее системою *знанія?*—Опять, нѣтъ. Метафизика спиритуализма идетъ дальше науки, дальше всего что можетъ быть предметомъ научнаго знанія,—когда дѣлаетъ свои приговоры относительно существа духа и матеріи, утверждая простоту духовныхъ субстанцій и признавая послѣднія субстратомъ явленій матеріальныхъ. Правда, что нѣкоторыя изъ этихъ утвержденій гармонируютъ съ религіозною вѣрою. но вѣра не можетъ сообщить имъ характера знанія.—На чемъ, въ концѣ, опирается спиритуализмъ? — На нѣкоторыхъ *аналогіяхъ* и *контрастахъ*. Духъ и матерія противоположны другъ другу: матерія *протяженна*, а духъ *непротяженъ;*—какъ протяженная, матерія *дѣлима* или *сложна*, — а духъ, какъ непротяженный, долженъ быть *недѣлимъ* или *несложенъ*, *простъ*.— Таковъ контрастъ, на которомъ опирается спиритуалисти-

ческое ученіе о простотѣ души. Но спрашивается что разумѣется въ данномъ случаѣ подъ *матеріею*,—*явленія*, или *самыя вещи?*—Вещи, по той же метафизикѣ, могутъ быть всѣ *духовны*, и слѣдовательно, несложны, а матерію какъ явленіе можно ли противополагать духу какъ вещи?—Далѣе, физическія отношенія и физическія вещи ускользаютъ отъ нашего изученія мы наблюдаемъ только символы присутствія этихъ вещей и ихъ отношеній, а эти наблюденія не позволяютъ намъ проникнуть природу этихъ отношеній и существо этихъ вещей.—Но есть, говорятъ спиритуалисты, другого рода наблюденія, обращенныя къ самой дѣйствительности,—именно *внутреннія;* они позволяютъ судить о свойствахъ *реальныхъ*, именно психическихъ; почему не думать, что субстанціи обладающія психическими,—слѣдовательно, реальными свойствами, и суть единственная реальность, — и что матеріальныя явленія представляютъ систему символовъ внѣшнихъ психическихъ отношеній?—Думать по аналогіи, конечно, позволительно; но мнѣнія опирающіяся на такое основаніе могутъ ли имѣть очевидность знанія?—Конечно, нѣтъ, аналогія способна возбуждать вопросы, но сама не рѣшаетъ ихъ.—Въ концѣ, не лишнимъ считаемъ замѣтить, что и метафизика спиритуализма не чужда нѣкоторой узкости, вслѣдствіе встрѣчаемаго въ ней отожествленія сущности человѣческаго духа съ его извѣстными намъ свойствами; узкость такого взгляда становится еще чувствительнѣе, когда въ тѣхъ же свойствахъ видятъ сущность и самого Божества.—Такимъ образомъ, и въ метафизикѣ спиритуализма мы находимъ не систему знаній, а систему *мнѣній*, которыя имѣютъ свои достоинства, но не чужды и многихъ недостатковъ.

119. Системы метафизическаго идеализма.—Сюда принадлежатъ тѣ системы, которыя надѣются постигнуть существо всѣхъ вещей, изучая характеръ человѣческихъ *идей*, или собственно *понятій*,—и полагая производительнымъ началомъ всѣхъ вещей не какія нибудь новыя *вещи*, а единственно *идеи* или понятія, — систему или міръ творческихъ идей или понятій. Идеи играютъ здѣсь ту же роль, которая въ иныхъ системахъ принадлежитъ Божеству. Смыслъ идеалистической метафизики можно объяснить, обращая вниманіе на наше собственное творчество: идея, напр., *статуи* можетъ быть разсматриваема какъ ея образующее начало, хотя образовательная способность ея обнаруживается на мраморѣ не прямо, а косвенно,—въ работѣ надъ мраморомъ художника руководимаго этой идеею. Допустимъ, что идея не нуждается для своей реализаціи въ постороннемъ содѣйствіи или обладаетъ безусловною способностью творчества, допустимъ, далѣе, что она реализуется не въ одномъ какомъ нибудь экземплярѣ, а въ безконечномъ множествѣ ихъ; допустимъ, наконецъ, что существуетъ не одна такая идея, а цѣлая система идей,—цѣлый *идеальный міръ*, осуществляющійся въ другомъ мірѣ,—*реальномъ* и *феноменальномъ*.—и мы получимъ общее объясненіе смысла метафизики идеализма.

Итакъ, въ системахъ идеализма міръ *вещей* является осуществленіемъ міра *идей*: послѣдній оказывается опорою или *субстратомъ* перваго, и онъ же составляетъ его *сущность*. Изъ этого видно, что метафизика идеализма идетъ далеко за границы знанія доступнаго наукѣ. Спрашивается на чемъ опираются ея смѣлыя утвержденія?— Лучшіе представители этой метафизики ссылаются глав-

нымъ образомъ на двѣ вещи,—на *діалектику*, и на *опытъ* или заключенія, къ которымъ даютъ поводъ внѣшнія наблюденія. — Діалектическая или логическая дедукція изъ понятій составляетъ основной способъ доказыванія описанной роли идей но діалектика, какъ мы видѣли, не идетъ дальше значенія терминовъ; а значеніе терминовъ устанавливается не діалектикою, а обращеніемъ съ вещами и изученіемъ ихъ свойствъ, съ помощью отвлеченія и реальныхъ умозаключеній. Такимъ образомъ, діалектика не можетъ вести далѣе того, къ чему приводятъ реальныя умозаключенія. А эти послѣдніе способны ли дать какое нибудь несомнѣнное знаніе относительно той же роли идей? — Утверждаютъ, что для человѣческаго опыта постоянно существуютъ только *роды* и *виды* вещей; а это будто бы доказываетъ, что собственно существуютъ только идеи или понятія вещей. — Съ такимъ умозаключеніемъ нельзя согласиться противъ посылки его можно съ не меньшею основательностью утверждать, что роды и виды—понятія человѣка, и объективно существуютъ только вещи единичныя; а противъ заключенія слѣдуетъ сказать, что содержаніемъ данной посылки объясняется существованіе понятій субъективныхъ или человѣческихъ, но не доказывается существованіе такихъ, которыя можно было бы признать и сущностью всѣхъ вещей. — Изъ этого видно, что метафизика идеализма, подобно другимъ метафизическимъ системамъ не имѣетъ прочныхъ основаній, и представляетъ собою не систему знаній, а собраніе мнѣній, которыя притомъ не легко согласить—ни съ данными науки, ни съ данными религіозной вѣры, потому что въ мірѣ общихъ идей или понятій не легко дать мѣсто ни Провидѣнію, ни вѣчности индивидуальнаго существованія человѣческой души.

120 Мы не считаемъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе метафизическихъ системъ сложнаго характера, — системъ, въ которыхъ, напр., идеализмъ соединяется со спиритуализмомъ, реализмъ является сочетаніемъ спиритуализма съ матеріализмомъ; феноменализмъ—соединеніемъ идеализма съ матеріализмомъ; и т. д.—Сравнительно съ разсмотрѣнными нами простѣйшими типами метафизики, сложныя метафизическія системы не заключаютъ въ себѣ ничего существенно новаго и, слѣдовательно, также лишены права называться системами знанія.

Разсматривая вмѣстѣ всѣ заключенія добытыя нами въ предшествующихъ изслѣдованіяхъ, мы можемъ выразить ихъ кратко слѣдующимъ образомъ. *Относительность* есть общее свойство всѣхъ психическихъ фактовъ существованія человѣка, заключающееся, съ одной стороны, въ условности ихъ образованія и сохраненія, а съ другой, въ ограниченности достижимаго ими совершенства. Психическая ограниченность человѣка зависитъ отъ условій его психическаго развитія, отрицательныхъ и положительныхъ отрицательныя опредѣляютъ *міру* психическаго развитія человѣка, а положительныя—кругъ доступныхъ ему совершеннѣйшихъ формъ сознанія или, говоря привычнымъ языкомъ, *границы человѣческаго знанія*.— Эти заключенія предшествующихъ изслѣдованій расходятся съ извѣстными ученіями объ абсолютныхъ органахъ знанія, дозволяющихъ построеніе системъ абсолютнаго знанія.—Обращаясь къ разбору этихъ ученій, мы нашли, что указываемыя основанія къ принятію безусловныхъ органовъ знанія не имѣютъ никакой прочности и заключаются, главнымъ образомъ, въ недоразумѣніяхъ относительно

характера условныхъ истинъ, и *предѣловъ* опыта и наблюденія. Этотъ выводъ, оправдывающій заключенія нашихъ изслѣдованій психической относительности, подтверждается самымъ разборомъ системъ претендующихъ на абсолютное знаніе, и предлагаемыхъ въ системахъ такъ-называемой метафизики. Мы видѣли, что системы метафизики, въ предложеніяхъ не взятыхъ изъ науки, не заключаютъ въ себѣ ничего другого кромѣ *мнѣній*, то совпадающихъ съ идеями вѣры и науки, то расходящихся съ ними.

121. Представляя краткій очеркъ полученныхъ нами заключеній, мы хотимъ поставить на видъ, что наши изслѣдованія психической относительности не оканчиваются вмѣстѣ съ обнаруженіемъ несостоятельности метафизики въ ея претензіяхъ на абсолютное знаніе; потому что самый вопросъ о метафизикѣ этимъ еще не исчерпывается. Несомнѣнно, что метафизическія изслѣдованія о субстанціяхъ и сущностяхъ вещей неспособны привести къ *знанію* и, слѣдовательно, метафизика, въ смыслѣ системы абсолютнаго знанія, невозможна. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что *метафизическія изслѣдованія не нужны*, и должны быть разъ навсегда исключены изъ числа умственныхъ работъ человѣка?—

Писатели, разоблачавшіе несостоятельность претензій метафизики, отвѣчали на этотъ вопросъ обыкновенно утвердительно. Такъ какъ абсолютное знаніе, составляющее цѣль метафизическихъ изслѣдованій, не достижимо, то и самыя изслѣдованія этого рода, по ихъ мнѣнію, не могутъ быть ничѣмъ другимъ какъ только напрасною тратою времени и умственныхъ силъ.—Держась такого мнѣнія, нѣкоторые ученые сдѣлали попытки вос-

пользоваться терминомъ *метафизика*, какъ оставшимся безъ значенія,—для наименованія тѣхъ или другихъ отдѣловъ *науки*, т. е. знанія *относительнаго*,—отдѣловъ, не имѣющихъ ничего общаго съ метафизическими вопросами о субстанціяхъ и сущностяхъ вещей. Такимъ образомъ, одинъ изъ величайшихъ писателей новаго времени назвалъ именемъ метафизики ту часть философіи природы, которая имѣетъ своимъ предметомъ *формы* вещей, т. е. условія ихъ свойствъ, изучаемыя помощью *наведенія* и, слѣдовательно, не выходящія изъ предѣловъ опыта и наблюденій; другой писатель назвалъ тѣмъ же именемъ ученіе объ *общихъ терминахъ* или *понятіяхъ*, основанное на ихъ научномъ или положительномъ анализѣ, третій—индуктивную философію человѣческаго духа; четвертый—общія начала *психологіи* и *соціологіи;* и т. д.

Мы полагаемъ, что этотъ отрицательный взглядъ на значеніе метафизическихъ изслѣдованій въ собственномъ смыслѣ, не вытекаетъ изъ факта осужденія ихъ несостоятельныхъ претензій. Правда, что эти изслѣдованія не достигаютъ предположенной ими цѣли, — *знанія* вещей въ ихъ субстанціяхъ и сущностяхъ, но не достигаютъ ли они какихъ нибудь *другихъ цѣлей*, которыя дѣлаютъ такого рода изслѣдованія умственною *потребностью* человѣка? —На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ утвердительно. Есть важныя *цѣли* метафизическихъ изслѣдованій *помимо* недоступнаго человѣку *абсолютнаго знанія* вещей; и этихъ цѣлей они могутъ достигать, не отказываясь отъ своего *предмета*, хотя въ тоже время сохраняя характеръ строгой *научности* или *относительности*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ, во-первыхъ, *относи-*

тельныя цѣли метафизическихъ изслѣдованій; и во-вторыхъ, *научный* характеръ ихъ въ преслѣдованіи относительныхъ цѣлей.

Относительныя цѣли метафизическихъ изслѣдованій

122. Къ такимъ цѣлямъ мы относимъ установленіе и поддержаніе *связи* и *гармоніи* между *религіозною вѣрою* и *наукою*.

Составляя элементы сознанія человѣка, вѣра и наука не имѣютъ весьма часто никакой замѣтной взаимной связи, и даже находятся въ отношеніи взаимнаго разлада и противорѣчія. *Отчужденность* между вѣрою и наукою можетъ быть послѣдствіемъ или общей безсвязности сознанія человѣка, отличающей періодъ его психической незрѣлости, — или же умственной сдержанности, которая такъ обыкновенна въ періодъ его умственной зрѣлости. Умственная сдержанность бываетъ, съ своей стороны, послѣдствіемъ какихъ нибудь отрицательныхъ условій развитія мышленія, которыя могутъ лежать, между прочимъ. въ раздѣльномъ сознаніи предѣловъ человѣческой науки и собственной области религіозной вѣры. Въ послѣднемъ случаѣ, представители науки часто останавливаются предъ вопросами о сокровенномъ существѣ вещей, предоставляя рѣшеніе такихъ вопросовъ представителямъ вѣры и подчиняя свое мнѣніе объ этомъ предметѣ ихъ авторитету;—съ своей стороны, послѣдніе избѣгаютъ выходить изъ собственнаго круга ученій вѣры, предоставляя разработку остальныхъ предметовъ человѣческой мысли представителямъ науки.

Разладъ или взаимное противорѣчіе между вѣрою и наукою можетъ наступить только въ томъ случаѣ, когда представители вѣры и науки встрѣчаются на общей почвѣ изслѣдованій — когда люди науки выходятъ за предѣлы предоставленные человѣческому знанію, составляя *гипотезы* относительно сверхопытныхъ вещей; — а представители вѣры пытаются сообщить ея идеямъ *форму* науки, и пользуются предложеніями первой для рѣшенія вопросовъ послѣдней, разрѣшаемыхъ, въ концѣ, только на основахъ опыта и наблюденій. Такъ какъ гипотезы представителей науки примыкаютъ къ какимъ нибудь даннымъ науки,—а религіозныя рѣшенія научныхъ задачъ — къ предложеніямъ вѣры то не удивительно, что, при встрѣчѣ изысканій того и другого рода на общей почвѣ предмета, или при разрѣшеніи однихъ и тѣхъ же вопросовъ представителями науки и представителями вѣры, взгляды первыхъ и послѣднихъ расходятся между собою —Тоже самое случается, когда научная форма идей религіозной вѣры, заимствуемая обыкновенно изъ современныхъ ей произведеній науки, оказывается въ противорѣчіи съ формальными требованіями послѣдней.

123. Отчужденность между вѣрою и наукою, естественная въ извѣстную пору умственнаго развитія человѣка, не можетъ быть признана *достоинствомъ* его сознанія, какъ всякая умственная безсвязность, отъ какихъ бы причинъ она ни зависѣла. Что отчужденіе между вѣрою и наукою не соотвѣтствуетъ мѣрѣ доступнаго человѣку умственнаго совершенства, это доказывается исторіею длиннаго ряда опытовъ сближенія обѣихъ формъ человѣческаго сознанія, — опытовъ представляемыхъ системами метафизики и пользующихся, въ извѣстныхъ предѣлахъ,

величайшимъ уваженіемъ образованнаго человѣчества. — слѣдовательно, удовлетворяющихъ общей *потребности* людей въ извѣстную пору ихъ умственной зрѣлости.

Если отчужденность между вѣрою и наукою составляетъ недостатокъ умственнаго развитія человѣка, то разладъ между тою и другою бываетъ для него источникомъ многихъ бѣдствій,—какъ личныхъ, такъ и общественныхъ —Разладъ вѣры и науки ведетъ къ ихъ взаимной *борьбѣ*, въ которой вѣра становится препятствіемъ развитію науки, а наука помѣхою для процвѣтанія вѣры. Душевная борьба всегда тяжела для человѣка; борьба же, вызываемая разладомъ между его вѣрою и наукою, бываетъ тѣмъ бѣдственнѣе, что касается самаго строя психическаго существованія человѣка, и можетъ оканчиваться полнымъ разстройствомъ его умственныхъ силъ. — Бѣдственныя послѣдствія такого разлада наблюдаются и въ обществѣ, когда борющіеся факты умственной жизни представлены лицами, и взаимное отношеніе первыхъ выражается борьбою послѣднихъ,—именно, представителей вѣры съ представителями науки. Борьба эта, сначала чисто умственная или словесная и литературная, легко принимаетъ позднѣе другую форму,—форму насилія свободѣ, имуществу и жизни людей,—далѣе чего нельзя итти въ развитіи человѣческаго бѣдствія.

124. Изъ этого видно, что отчужденность между вѣрою и наукою не отвѣчаетъ умственной потребности образованнаго человѣчества, а разладъ между ними можетъ быть источникомъ многихъ бѣдствій для него. Устраненіе этой отчужденности и этого разлада составляетъ, поэтому, не маловажную цѣль человѣческой дѣятельности; но какимъ образомъ можно достигнуть этой цѣли?

Есть мнѣніе, что разсматриваемая цѣль можетъ быть достигнута одними успѣхами науки. Раздвоеніе человѣческаго сознанія, представляемое отчужденностью и разладомъ науки и вѣры, есть будто бы переходная ступень, отъ исключительнаго господства вѣры, къ исключительному господству науки. Наука, говорятъ, должна *замѣстить* вѣру, и этимъ будетъ возстановлено то единство сознанія, которое такъ необходимо для обезпеченія умственной гармоніи человѣка.

Такъ какъ наука, взятая въ ея строгихъ предѣлахъ, не встрѣчается съ предметами религіозной вѣры, и не въ состояніи дать объ нихъ того или другого достовѣрнаго сужденія то очевидно, что подобное замѣщеніе вѣры наукою означаетъ не то преобразованіе вѣры въ знаніе, къ которому стремились метафизики,—а простое *вытѣсненіе* вѣры, какъ отжившей формы человѣческаго сознанія.

Вытѣсненіе вѣры съ успѣхами науки — таково, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предстоящее разрѣшеніе затрудненій, связанныхъ съ ихъ взаимнымъ отчужденіемъ и разладомъ. Мнѣніе это вытекаетъ изъ убѣжденія, что религіозная вѣра человѣка коренится въ нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ или *предразсудкахъ* относительно *явленій* вещей, — предразсудкахъ несовмѣстимыхъ съ умноженіемъ и распространеніемъ научныхъ знаній. Религіозная вѣра, утверждаютъ, есть антиципація *знанія* явленій, которая неизбѣжна на низшихъ ступеняхъ умственной культуры человѣка, но должна исчезнуть съ пріобрѣтеніемъ самаго знанія,— слѣдовательно, съ успѣхами науки.

Такъ какъ представители этого мнѣнія обыкновенно не претендуютъ на абсолютное знаніе, — иначе сказать, признаютъ границы человѣческой науки. то весь вопросъ

сводится къ научному опредѣленію основаній и существа религіозной вѣры человѣка.—Итакъ, что такое религіозная вѣра человѣка? Есть ли это, дѣйствительно, какая-нибудь смѣсь *предразсудковъ* относительно *свойствъ* и *законовъ явленій*, долженствующая съ теченіемъ времени уступить свое мѣсто *системѣ знанія* этихъ свойствъ и законовъ? — Для рѣшенія этого вопроса, обратимся къ изслѣдованію основаній *религіозной культуры* человѣка.

РЕЛИГІОЗНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВѢКА

125. Первымъ источникомъ религіозной культуры человѣка служатъ—не его общественность, даже не личность,—а *внѣшняя природа* въ которой поставленъ человѣкъ или, лучше сказать, *великій міръ* въ которомъ течетъ его личное и общественное существованіе. Потому что основныя религіозныя формы психическихъ отношеній человѣка берутъ свое начало въ его *космическихъ впечатлѣніяхъ*.

Космическими впечатлѣніями человѣка мы называемъ его *страдательныя* психическія отношенія, *неограниченныя* по своимъ *предметамъ*, или по вызывающимъ ихъ причинамъ. Космическія впечатлѣнія являются такимъ образомъ противоположностью впечатлѣніямъ другого объема, вызываемымъ ограниченными группами явленій.— Космическія впечатлѣнія не составляютъ особеннаго класса между другими классами впечатлѣній человѣка, а образуются, при нѣкоторыхъ условіяхъ, изъ всѣхъ классовъ его впечатлѣній. Чтобы представить нагляднѣе образованіе космическихъ впечатлѣній, слѣдуетъ, прежде всего, указать на ихъ составъ. Космическія впечатлѣнія состоятъ

изъ двухъ главныхъ элементовъ во-первыхъ *космическихъ чувствъ* или *волненій* человѣка и, во-вторыхъ, *космическихъ созерцаній (мировоззрѣній)* его, вызываемыхъ непосредственно этими чувствами.

126. Космическія чувства человѣка.—Космическія волненія человѣка образуются подъ вліяніемъ обстоятельствъ двоякаго рода нѣкоторыхъ текущихъ *впечатлѣній*, и нѣкоторыхъ текущихъ *идей* или ихъ *ассоціацій*. Всякое волненіе можетъ получить характеръ космическій, какъ скоро вызывающая его группа явленій сопровождается массою другихъ явленій, отнимающею у ней характеръ ограниченности. Такимъ образомъ, волненія *страха* вызываемыя звуками, легко принимаютъ космическій характеръ, какъ скоро звуки, отличающіеся пугающими особенностями, сопровождаются, напр., впечатлѣніями надвигающейся и закрывающей небо тучи,—впечатлѣніями всюду бушующей бури, вьюги, все обрушивающаго землетрясенія или потопа, — или впечатлѣніями непроглядной, всюду распространенной темноты ночи, сумрака необозримыхъ лѣсовъ, горныхъ пропастей и водяныхъ безднъ, и т. д. — Такимъ же образомъ, *радостныя* чувства вызываемыя появленіемъ солнца могутъ принимать характеръ космическій, вслѣдствіе того что явленіе солнца сопровождается его видимымъ движеніемъ въ безграничномъ пространствѣ, въ близкомъ или отдаленномъ сопутствіи другихъ небесныхъ свѣтилъ,—и впечатлѣніями разливаемыхъ имъ въ пространствѣ неба — свѣта, теплоты и жизни, растительной и животной. —Волненія человѣка способны получать тотъ же космическій характеръ и подъ вліяніемъ идей или, точнѣе, ассоціацій идей по *сходству*

и *смежности*. Чувства *успѣха* и *неудачи*, испытанныя при многоразличныхъ обстоятельствахъ и въ различныхъ направленіяхъ дѣятельности, легко принимаютъ характеръ космическихъ чувствъ, — чувствъ сокрытыхъ всюду преградъ, или таинственныхъ содѣйствій,—космической *вражды*, и космической *дружбы* или *покровительства* —Чувство *ужаса*, вызываемое мгновенною смертью человѣка, можетъ сдѣлаться космическимъ, если подобная смерть происходитъ отъ причинъ способныхъ возбуждать космическія чувства,—напримѣръ, отъ солнечнаго удара, или молніи.

Всѣ космическія чувства могутъ быть раздѣлены на два порядка *низшія* и *высшія*. Космическими чувствами *низшаго* порядка мы называемъ тѣ космическія волненія, которыя являются преобразованіемъ чувствъ общихъ человѣку съ животными,—слѣдовательно, космическія чувства *удивленія*, *страха*, *гнѣва*, *силы*, *свободы*, *успѣха*, *нѣжности*, *радости*, *печали*, и т. д.—Космическими чувствами высшаго порядка мы называемъ космическія волненія образующіяся изъ *спеціальныхъ* или *гуманныхъ* чувствъ человѣка—чувствъ *симпатическихъ* и *высшихъ критическихъ*.—Чувства симпатическія получаютъ космическій характеръ, когда состраданіе къ другимъ и къ себѣ переходитъ въ сострадательное отношеніе къ несовершенствамъ и бѣдствіямъ людской жизни, вытекающее изъ идей жизни лучшей, распространенной въ мірѣ. — Такой же космическій характеръ получаютъ высшія критическія чувства, какъ скоро, напр., эстетическія волненія переходятъ въ чувство *красоты природы* или *міра;*—теоретическія чувства преобразуются въ чувства *космическихъ истинъ*, а чувства законности переходятъ въ чувства космическаго законодательства или *космической правды*.

127. Патетическія міровоззрѣнія человѣка.— Съ космическими чувствами человѣка связаны нѣкоторыя міровоззрѣнія, какъ ихъ ближайшія послѣдствія, эти міровоззрѣнія мы называемъ *патетическими*.

Въ космическихъ чувствахъ даны чувства *космическихъ дѣйствій* или *вліяній*; въ патетическихъ воззрѣніяхъ на міръ даны *созерцанія* такихъ дѣйствій или вліяній со всѣми ихъ сопровожденіями. Этихъ созерцаній нельзя смѣшивать—ни съ тѣми впечатлѣніями, ни съ тѣми идеями, которыя бываютъ причинами космическихъ волненій. Патетическое міровоззрѣніе получается тогда, когда взглядъ на міръ, данный въ тѣхъ впечатлѣніяхъ или идеяхъ, получаетъ новую окраску отъ вызваннаго ими чувства. Впечатлѣнія окрашиваются приливающими къ нимъ и сливающимися съ ними идеями; идеи окрашиваются вслѣдствіе преобразованія претерпѣваемаго ими подъ вліяніемъ ими же вызваннаго чувства, и вслѣдствіе прилива новыхъ идей, по вызову того же чувства

Патетическое преобразованіе міровоззрѣнія можетъ быть объяснено вліяніемъ чувствъ не имѣющихъ космическаго характера. Всякой разъ, какъ только какое нибудь волненіе человѣка достигаетъ особенной интенсивности или силы, его вліяніе на идеи получаетъ особенный характеръ оно въ высшей степени благопріятствуетъ ассоціаціямъ идей гармонирующихъ съ нимъ, и стремится къ подавленію другихъ, не имѣющихъ съ тѣми никакой связи или противоположныхъ имъ. Всѣмъ извѣстно, какъ отражаются *страхъ*, *гнѣвъ*, *нѣжность*, *чувство красоты*, и т. д., на всемъ мышленіи людей, какъ эти волненія, испытываемыя въ сильной степени, овладѣваютъ умомъ человѣка, допуская лишь тѣ ассоціаціи

идей которыя согласуются съ ихъ дѣятельнымъ вліяніемъ. — Тоже самое прилагается и къ космическимъ чувствамъ человѣка, поражающимъ его въ сильной степени. Космическое чувство ужаса притягиваетъ къ возбуждающимъ его впечатлѣніямъ или идеямъ всю массу страшныхъ опытовъ и мыслей пережитыхъ раньше, и сообщаетъ вызывающимъ эти впечатлѣнія и идеи вліяніямъ новыя ужасающія черты, закрывая въ тоже время обстоятельства не согласныя съ послѣдними.—Точно такъ же, космическое чувство *красоты*, вызываемое какими нибудь массами впечатлѣній или идей, способно украсить въ глазахъ человѣка весь міръ, закрывая отъ него все не гармонирующее съ этимъ чувствомъ.—Такимъ образомъ, каждое космическое чувство, достигающее извѣстной степени напряженія, получаетъ такъ-сказать свою идеальную атмосферу, появляющуюся съ его развитіемъ, и исчезающую съ его исчезновеніемъ. Подъ вліяніемъ смѣняющихся космическихъ чувствъ, міръ представляется человѣку въ двухъ видахъ—обыкновенномъ и чрезвычайномъ, и человѣкъ получаетъ возможность, въ одно и тоже время, жить въ двоякомъ мірѣ —въ мірѣ текущихъ ощущеній и отвѣчающихъ имъ идей, — и въ мірѣ созерцаній, въ которыхъ онъ не властенъ или которыми поражается его умъ подъ вліяніемъ космическихъ чувствъ.

Патетическія міровоззрѣнія человѣка переходятъ въ *поэтическія* и *религіозныя*.

128. Поэтическія міровоззрѣнія человѣка. — Въ патетическихъ міровоззрѣніяхъ человѣка, соотвѣтствующихъ высшей степени напряженія космическихъ чувствъ, мышленіе человѣка подавлено его чувствами;

обычное теченіе идей по законамъ ассоціаціи. подъ контролемъ умственныхъ операцій, прервано; раздѣльности впечатлѣній и идей, сообщаемой этимъ контролемъ, не существуетъ; послѣ почти мгновеннаго умственнаго потрясенія, испытаннаго вслѣдствіе сильнаго чувства, самое теченіе идей какъ бы прерывается на время. Но такія умственныя состоянія продолжаются лишь до тѣхъ поръ, пока чувства сохраняютъ свою силу; съ ослабленіемъ космическихъ чувствъ, мало-по-малу возстанавливается обычный характеръ пассивнаго мышленія Переходъ къ обычному пассивному сознанію отъ патетическихъ міровоззрѣній составляютъ тѣ преобразованія послѣднихъ, которыя даются нѣкоторыми дополненіями къ нимъ, дозволяемыми возстанавливающеюся свободою теченія идей и умственныхъ операцій. Къ такимъ преобразованіямъ патетическихъ міровоззрѣній относятся міровоззрѣнія *поэтическія* и *религіозныя*.

Въ *поэтическихъ* міровоззрѣніяхъ открывается великое *перемѣщеніе* идей изъ однихъ ассоціацій въ другія, еще болѣе измѣняющее тотъ видъ дѣйствительности, какой получается ею въ міровоззрѣніяхъ патетическихъ. Въ силу такого перемѣщенія, составныя части патетическаго воззрѣнія на міръ получаютъ совершенно оригинальныя черты, все кажущееся чуждымъ жизни, оживаетъ; вещи признаваемыя неодушевленными получаютъ чувства и мысль; существа не признаваемыя разумными, получаютъ даръ слова и человѣческія способности понятій и сужденій. Наоборотъ, люди превращаются въ животныхъ, растенія и неорганическія массы. Если бъ этотъ процессъ поэтическаго преобразованія патетическихъ міровоззрѣній мы пожелали обозначить терминомъ логическимъ, то ска-

зали бы, что выдающаяся черта поэтическаго мировоззрѣнія заключается въ отрицаніи привычной классификаціи вещей, или въ разрѣшеніи тайны космическихъ дѣйствій или вліяній посредствомъ сближенія въ мысляхъ всего раздѣленнаго въ людскихъ понятіяхъ.—Вслѣдствіе преобразованія патетическихъ мировоззрѣній, на мѣстѣ патетическихъ видовъ дѣйствительности—являются міры поэтическіе, въ которыхъ человѣкъ занимаетъ обыкновенно невысокое мѣсто, и въ которомъ все возвышенное, великое, бываетъ часто помѣщено за окраинами растительнаго и животнаго царства, въ массивныхъ неорганическихъ явленіяхъ земли и неба.

129. Религіозныя міросозерцанія человѣка. — Собственнымъ предметомъ *религіозныхъ* мировоззрѣній служитъ Единая Безпредѣльная Реальность, какъ основаніе всего ограниченнаго, вещей и явленій.

Умственный переходъ отъ *явленій* къ *сущности* вещей объясняется, прежде всего, сложностью идей человѣка. Человѣческія идеи дѣйствительности суть идеи не *явленій*, въ научномъ смыслѣ этого слова,—а *вещей* и ихъ *явленій*. Поэтому, переходъ отъ явленій къ самымъ вещамъ, и остановка на вещахъ отвлеченно отъ явленій, есть простое дѣйствіе законовъ ассоціаціи. Нефеноменальная реальность, которой достигаетъ идеальное сознаніе человѣка, отвлекаясь отъ всѣхъ ограниченій конечнаго,—не можетъ оставаться съ предикатами *неограниченности* и *множественности*, и поэтому превращается въ *безграничную* и *единую*. Все отличіе безграничности отъ неограниченности заключается въ томъ, что неограниченность *явленія* или *мышленія* переходитъ въ неограниченность единаго

нефеноменальнаго *существованія*.—Религіозное міровоззрѣніе, въ своемъ признаніи Единой Безпредѣльной Реальности, какъ основы всего конечнаго, становится источникомъ дальнѣйшей религіозной культуры человѣка,—т. е. *чувствъ, идей, дѣйствій, готовностей, творчества* и *возвратныхъ отношеній*.

130. Религіозныя чувства и идеи человѣка.—Космическія чувства человѣка, сопровождающіяся религіознымъ міросозерцаніемъ, становятся чувствами Единой Безпредѣльной сверхчувственной Реальности,—иначе сказать, получаютъ характеръ *чувствъ религіозныхъ*. Такимъ образомъ, и религіозныя чувства, какъ преобразованіе космическихъ, не составляютъ особеннаго класса между другими классами человѣческихъ волненій, а образуются изъ всякаго порядка чувствъ, какъ скоро послѣднія становятся чувствами предмета религіозныхъ міровоззрѣній человѣка. Отсюда, религіозныя чувства заключаютъ въ своемъ составѣ и религіозное *удивленіе* и религіозный *страхъ*, и религіозныя чувства *силы, успѣха, нѣжности, радости, печали*, и т. д., — равно какъ и религіозныя чувства *симпатическаго* характера, религіозныя чувства *красоты, долга, правды*; и т. д.

Религіозныя чувства человѣка составляютъ богатѣйшій источникъ его *религіозныхъ идей*. Религіозныя волненія чуть чувства Безконечной незримой Реальности,—безконечныхъ незримыхъ отношеній къ человѣку и окружающей его видимой дѣйствительности. Такимъ образомъ, каждое религіозное чувство даетъ свою религіозную идею,—напр. идею безконечной *Силы*, безконечной *Власти*, безконечнаго *Блага*, *Добра*, безконечной *Ми-*

лости, безпредѣльной *Красоты*, безпредѣльной *Святости*, *Правды*, и т. д. Между тѣмъ религіозное міросозерцаніе даетъ идею той же Безконечной Реальности какъ *Существа*, Которому принадлежатъ всѣ безконечныя отношенія, или открывающіяся въ нихъ свойства безконечной *Силы*, *Власти*, *Блага*; и т. д.

131 Религіозныя дѣйствія, готовности и возвратныя психическія отношенія.—Религіозныя чувства и идеи человѣка, при извѣстной степени интенсивности, не могутъ не имѣть своихъ дѣйствій или вліяній на отношенія человѣка; это становится источникомъ *религіозныхъ* или *священныхъ дѣйствій* человѣка. Религіозныя дѣйствія человѣка можно раздѣлить на *реальныя* и *умственныя*. Реальныя дѣятельныя отношенія человѣка къ предмету его религіознаго міровоззрѣнія имѣютъ характеръ *символическій* и соотвѣтствующій характеру вызывающихъ ихъ чувствъ и идей; къ такимъ дѣятельнымъ отношеніямъ принадлежатъ дѣйствія символическаго *почитанія*, *поклоненія*, *благословенія*, *благодаренія*, *мольбы*, *прославленія*, *умилостивленія;* и т. д. Умственными религіозными дѣйствіями мы называемъ исполненіе тѣхъ же отношеній въ умѣ или въ мысляхъ,—*умственныя* формы почитанія, поклоненія, мольбы; и проч.

Присутствіе религіозныхъ идей и чувствъ бываетъ отрицательнымъ условіемъ развитія другихъ чувствъ и идей, или началомъ религіозныхъ формъ психической пассивной готовности человѣка,—*религіознаго воздержанія*, *мужества*, *терпѣнья;* и т. д. Съ другой стороны, разнообразныя обстоятельства, становясь отрицательными

условіями религіозныхъ дѣйствій создаютъ религіозныя формы его дѣятельной готовности, къ которымъ принадлежатъ, съ одной стороны, *религіозныя цѣли*, *намѣренія*, *желанія*, *склонности*, и т. д.,—съ другой религіозныя *ожиданія*, *надежда*, *вѣра*. Религіозная вѣра человѣка есть, въ одно и тоже время, увѣренность въ реальности или *истинности* религіознаго міросозерцанія и получаемыхъ изъ него, прямо и косвенно, идей,—и увѣренность въ *дѣйствительности* священныхъ дѣйствій, реальныхъ и умственныхъ.

Есть, наконецъ, выдающіяся религіозныя формы *возвратныхъ* психическихъ отношеній человѣка. Есть религіозный взглядъ человѣка на самого себя, какъ твореніе Божіе, состоящее подъ Его промысломъ, и предназначенное къ бесмертному существованію. Есть религіозныя формы человѣческой *совѣсти*, съ которыми связаны религіозныя чувства *грѣха* и религіозныя дѣйствія *покаянія* и *подвиговъ* самоисправленія и самоулучшенія

132. Къ изслѣдованію религіозной культуры человѣка мы обратились вслѣдствіе заявленнаго нѣкоторыми мнѣнія, что религіозная вѣра человѣка, какъ нѣкоторая смѣсь недоразумѣній относительно свойствъ и законовъ *явленій*, должна исчезнуть вмѣстѣ съ ихъ изученіемъ или съ успѣхами науки. Изъ представленнаго нами очерка религіозной культуры человѣка видно, что это мнѣніе само основано на недоразумѣніи; потому что вѣра человѣка имѣетъ своимъ предметомъ не *явленія*, а нѣчто *нефеноменальное*, нѣкоторое Безконечное сверхчувственное *Бытіе*, какъ основаніе всякаго конечнаго существованія и всѣхъ явленій. А такъ какъ наука не въ состо-

яніи пролить свѣтъ на этотъ предметъ религіозной вѣры человѣка, то ясно, что успѣхи ея, конечно въ изученіи *явленій*, не могутъ касаться собственной области вѣры и, слѣдовательно, не могутъ сопровождаться знаніями способными *замѣстить* религіозныя вѣрованія человѣка.

Такимъ образомъ, важный вопросъ о средствахъ *сближенія* религіозной вѣры человѣка и науки, и *примиренія* разногласій въ мнѣніяхъ ихъ представителей, не устраняется.

133. Такія средства едва ли могутъ быть найдены помимо *метафизическихъ* изслѣдованій *научнаго* характера,—т. е. изслѣдованій, имѣющихъ своимъ предметомъ субстанціальность и сущность вещей, но преслѣдующихъ при этомъ одно условное или относительное знаніе.—Это вытекаетъ изъ самаго характера искомаго сближенія и примиренія вѣры и науки. Границы науки—предѣлы опыта и наблюденій;—область вѣры—сверхъопытная реальность. При такихъ условіяхъ, сближеніе между наукою и вѣрою не можетъ быть достигнуто измѣненіемъ самаго характера вѣры или науки. Нельзя требовать научной или *положительной* вѣры; такъ какъ научность означаетъ всегда *очевидность*, а очевидность исключаетъ вѣру, или есть знаніе. Нельзя, поэтому, и наоборотъ, требовать *вѣрующей* науки; вѣра есть недостатокъ знанія, слѣдовательно—науки. Такимъ образомъ, сближеніе между вѣрою и наукою при помощи измѣненія ихъ отличительнаго характера есть требованіе несообразное. При такихъ обстоятельствахъ, для его осуществленія трудно придумать какой нибудь другой способъ, кромѣ того, который представляется введеніемъ *третьей* или *средней* формы идеальнаго сознанія, — т. е. введеніемъ *метафизическихъ* изслѣдованій *научнаго* характера.

Метафизическія изслѣдованія научнаго характера

134. Спрашивается могутъ ли метафизическія изслѣдованія имѣть научный характеръ?—Безъ сомнѣнія, если эти изслѣдованія будутъ отвѣчать слѣдующимъ условіямъ.

Наука имѣетъ свои предѣлы, строго очерченные и совпадающіе съ границами прямой и косвенной очевидности. За этими предѣлами начинается область реальнаго существованія, относительно которой наука не можетъ давать никакихъ приговоровъ, не имѣя для этого въ своемъ содержаніи или въ своихъ истинахъ—никакихъ данныхъ. Это—вся область существованія нефеноменальнаго, область субстанціальности и сущности вещей, область Безконечной сверхъопытной Реальности. Относительно всѣхъ этихъ вещей умственныя операціи имѣющія научный характеръ не могутъ дать не только ничего *достовѣрнаго* или *очевиднаго*, но и ничего *вѣроятнаго* или *правдоподобнаго*, потому что даже для вѣроятностей нужны свои данныя, каковыхъ не имѣется въ разсматриваемомъ нами случаѣ.

Этимъ опредѣляются отрицательныя черты научности метафизическихъ изслѣдованій. Чтобы быть научными, метафизическія изслѣдованія должны быть чужды притязаній сообщить своимъ заключеніямъ *достовѣрность* не заимствованную изъ науки, или *вѣроятность* не почерпнутую въ источникахъ религіозной вѣры человѣка. А это достижимо лишь тогда, когда метафизическія изслѣдованія, принимая своими положительными условіями въ одно и тоже время и науку и вѣру, ограничатся разъясненіемъ

ихъ *компетенціи*, для ихъ взаимнаго примиренія, — и наилучшихъ *способовъ мышленія* въ цѣляхъ ихъ взаимнаго сближенія;—иначе сказать, когда метафизика, вмѣсто того чтобы быть догматикой, какою она остается въ смыслѣ системы абсолютнаго знанія,—явится, во-первыхъ, *критикою* и, во-вторыхъ, *методикою* Этимъ опредѣляются положительныя черты научнаго характера метафизическихъ изслѣдованій.

135. Метафизика какъ критика. — Такъ какъ научныя метафизическія изслѣдованія не могутъ быть самостоятельными, или независимыми отъ вѣры и науки, и имѣютъ въ нихъ свой критерій то начала метафизики какъ критики могутъ быть сведены къ слѣдующимъ правиламъ.

Теоріи представителей науки, выходящія по предметамъ изъ предѣловъ возможной очевидности, иначе касающіяся вещей сверхопытныхъ, не могутъ имѣть характера не только достовѣрности, но и вѣроятности,—если только послѣдняя не заимствуется ими изъ данныхъ религіозной вѣры,—слѣдовательно, не могутъ быть признаны возраженіями противъ религіозной вѣры человѣка, въ случаѣ ихъ разногласія съ нею. Долгъ метафизической критики разоблачать трансцендентный характеръ такихъ ученій, если они претендуютъ на научное знаніе.

Предложенія и умозаключенія, въ которыхъ выражены идеи вѣры, подлежатъ логической оцѣнкѣ, и должны быть признаны формально несостоятельными, какъ скоро расходятся съ началами діалектики или формальной логики.—Метафизическая критика логической состоятельности предложеній и умозаключеній религіозныхъ ученій не касается вѣрности религіозныхъ идей съ реальной точки

зрѣнія; иначе сказать, метафизическая критика, опровергая нелогическую обработку религіозныхъ идей, не составляетъ возраженія противъ самыхъ идей вѣры или религіи.

Предложенія или утвержденія представителей религіозной вѣры относительно предметовъ входящихъ въ сферу науки, — т. е. относительно свойствъ и законовъ явленій, — противорѣчащія предложеніямъ или истинамъ науки, должны быть признаваемы ложными.

136. Метафизика какъ методика. — Всѣ науки могутъ быть раздѣлены на два великіе отдѣла во-первыхъ, науки о *природѣ* вещей, изучаемой по ихъ *явленіямъ*; и во-вторыхъ, науки о лучшихъ *способахъ* человѣческой *дѣятельности* и *творчества*. Первый отдѣлъ назывался у древнихъ *физикою*, въ широкомъ смыслѣ этого слова,— какъ ученіе о природѣ вещей матеріальныхъ и духовныхъ,—и могъ бы быть названъ въ наше время *феноменологіею*, или *теоретическою философіею*. Сюда относятся *физика*, въ современномъ смыслѣ слова,—*химія*, *біологія*,—въ смыслѣ анатоміи и физіологіи растеній и животныхъ; *психологія*, въ смыслѣ ученія о феноменальныхъ свойствахъ и законахъ духа; и *соціологія*, въ смыслѣ ученія о свойствахъ и законахъ общественныхъ явленій.—Второй отдѣлъ мы назвали бы *методикою*, иначе *практическою* или *критическою* философіею. Кругъ наукъ методическихъ такъ же обширенъ, какъ обширна область человѣческой дѣятельности и человѣческаго творчества. Сюда относятся дисциплины всѣхъ *искусствъ*, не исключая и изящныхъ; научныя теоріи *нравственности, права, — педагогія* и *практическая политика*; научныя теоріи методовъ умственной дѣятельности, какъ *математика*, *ло-*

стая механика, *логика*; сюда же относится и *метафизика*, въ смыслѣ *методики*.

137. Метафизика какъ методика можетъ содѣйствовать сближенію вѣры и науки, изыскивая *методы мыслимости сверхопытныхъ вещей*, согласно съ основаніями науки и религіозной вѣры, и съ требованіями діалектики.

Такъ какъ послѣднимъ критеріемъ метафизики какъ методики являются, съ одной стороны, наука и вѣра, а съ другой, правила діалектики: то всякая метафизическая система противорѣчащая основаніямъ науки и вѣры, или правиламъ формальной логики, не удовлетворяетъ основной задачѣ метафизической методики, — сближенію науки и религіозной вѣры.

Такъ какъ, далѣе, всѣ находимые методы мышленія сверхопытныхъ вещей не избѣгаютъ въ концѣ внутреннихъ противорѣчій то послѣдняя задача, какую можетъ преслѣдовать метафизика какъ наука, заключается въ опредѣленіи *предѣловъ* мыслимости сверхопытныхъ вещей, при различныхъ методахъ метафизическаго мышленія,—и слѣдовательно, сравнительныхъ *степеней* такой мыслимости и сравнительнаго *достоинства* такихъ методовъ, въ цѣляхъ сближенія вѣры и науки.—Поэтому, цѣлью метафизической методики служитъ—не полное, а лишь *возможно-полное*, освобожденіе метафизическаго мышленія отъ внутреннихъ противорѣчій, при согласіи послѣдняго съ наукою и религіозною вѣрою людей.

138. Оцѣнивая извѣстныя метафизическія системы съ точки зрѣнія потребностей метафизической методики, мы найдемъ. во-первыхъ, что увлеченіе метафизиковъ *діалектическимъ* методомъ, или разсчетъ на исключительное

руководство формальной логики, оправдывается самымъ характеромъ метафизики, не имѣющей никакого самостоятельнаго реальнаго критерія, или опирающейся на вѣру, науку и правила діалектики, и во-вторыхъ, что съ устраненіемъ изъ этихъ системъ всего чуждаго научности, почти всегда находится остатокъ, болѣе или менѣе удовлетворяющій цѣлямъ метафизической методики и, слѣдовательно, почтенный съ научной точки зрѣнія.

139. Лучшіе образцы методовъ сближенія вѣры, и науки или знанія, съ помощьюметафизическихъразсужденій, представляютъ, по нашему мнѣнію, такъ-называемыя въ метафизикѣ *доказательства бытія Бога* и *безсмертія души*. Съ научной точки зрѣнія, это не доказательства, и отдѣленныя отъ науки и вѣры, они не способны дать ничего не только достовѣрнаго, но и вѣроятнаго; но разсматриваемыя какъ методы мыслимости сверхопытныхъ вещей, сближающіе знаніе и вѣру, эти «доказательства» достойны человѣческаго генія и въ высокой степени удовлетворяютъ цѣлямъ метафизики какъ методики.

ПСИХИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

ПСИХИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

140. *Психическою Соотносительностью* или *коррелятивностью психическихъ фактовъ* мы называемъ наблюдаемую въ психическихъ преемствахъ *обратную зависимость* предыдущихъ членовъ отъ послѣдующихъ.

Такимъ образомъ, соотносительность ощущеній съ волненіями означаетъ, что прямая зависимость волненій отъ ощущеній имѣетъ свою параллель въ обратной зависимости ощущеній отъ волненій.

Дѣйствія находятся въ соотношеніи съ чувствами, это значитъ, что первыя находятся въ обратной зависимости отъ послѣднихъ.

Понятія причины и дѣйствія или послѣдствія взаимно коррелятивны, это значитъ, что эти понятія состоятъ въ обратной зависимости другъ отъ друга.

Такъ какъ обратная зависимость психическихъ фактовъ предполагаетъ прямую, наблюдаемую въ условности психическаго образованія и сохраненія человѣка то ясно, что психическая соотносительность находится въ неразрывной связи съ однимъ изъ видовъ психической относительности.

Соотносительность есть общее свойство всѣхъ классовъ психическихъ фактовъ — *чувствъ*, *дѣйствій*, *мышленія*, *производительности*, *психической гопювности* и *психической возвратности*.

ГЛАВА I.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЧУВСТВЪ.

Соотносительность ощущеній и волненій — Соотносительность чувствъ съ точки зрѣнія ихъ качества.—Нейтрализація чувствъ.—Квалификація чувствъ.—Превращеніе качества чувствъ

141. Соотносительность чувствъ можно наблюдать во-первыхъ, въ соотношеніи ощущеній и волненій; и во-вторыхъ, въ соотношеніи чувствъ съ точки зрѣнія ихъ качества.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ОЩУЩЕНІЙ И ВОЛНЕНІЙ.

Въ очеркѣ исторіи психическаго образованія человѣка, мы отмѣтили (§ 6) зависимость его волненій или чувствъ высшаго порядка, отъ его ощущеній или чувствъ низшихъ. Встрѣча ощущеній съ другими ощущеніями или съ идеями, въ порядкѣ современности или преемства, весьма часто сопровождается душевными волненіями или потрясеніями. Зависимость волненій отъ ощущеній наглядна въ чувствахъ *красоты*, чувствахъ *новости* и *удивленія*, чувствахъ *сходства* и *разницы*, *свободы*, *стѣсненія*, чувствахъ *страха*, *нѣжности*; и т. д. Такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, современныя ощущенія то-

новъ вызываютъ чувства *гармоніи*, а ощущенія преемственныя—чувства *мелодіи*

Обратная зависимость ощущеній отъ волненій доказывается слѣдующими фактами. во-первыхъ, *преобразованіемъ* ощущеній подъ вліяніемъ современныхъ имъ волненій и, во-вторыхъ, *происхожденіемъ* первыхъ вслѣдствіе послѣднихъ.

142. Преобразованіе ощущеній подъ вліяніемъ волненій. — Вліянія волненій, преобразующія ощущенія, можно раздѣлить на *непосредственныя*, или безъ вмѣшательства идей, — и *косвенныя*, или черезъ *идеи* иначе мышленіе. Подъ вліяніями перваго рода, текущія ощущенія могутъ измѣняться такъ-сказать въ своемъ тонѣ, получая нѣкоторый страстный отпечатокъ, соотвѣтственно природѣ волненія. Замѣчено, что радость способна представлять наблюдаемые предметы въ какомъ-то особенно ясномъ или свѣтломъ видѣ; между тѣмъ какъ печаль легко покрываетъ ихъ какимъ-то туманомъ или мракомъ. Ясно, что радость усиливаетъ, а печаль угнетаетъ зрительныя ощущенія свѣта. — Косвенныя вліянія волненій на ощущенія замѣчаются въ *иллюзіяхъ* или обманахъ чувствъ, и *галлюцинаціяхъ* или видѣніяхъ. Иллюзіи состоятъ въ искаженіяхъ ощущаемой дѣйствительности, которыя у людей здоровыхъ случаются именно въ минуты сильныхъ волненій. Такимъ образомъ, запоздавшему въ лѣсу и пораженному страхомъ путнику, завыванья вѣтра могутъ показаться жалобными криками, деревья—великанами, животныя—чудовищами; и т. д.—Въ галлюцинаціяхъ—идеи бываютъ содержаніемъ самыхъ ощущеній, а предметы идей—предметами какъ бы внѣшнихъ

наблюденій. Галлюцинаціи служатъ симптомомъ нѣкоторыхъ видовъ умопомѣшательства; но могутъ быть и у людей физически и душевно здоровыхъ, въ минуты сильныхъ душевныхъ потрясеній. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, преступники имѣли видѣнія будущихъ казней; воины — прошлыхъ ужасовъ войны; суевѣрные — злыхъ духовъ, обращавшихся къ нимъ съ бранью;—мать слышала плачъ своихъ умершихъ дѣтей, и влюбленный—голосъ своей отсутствующей подруги.

143. Происхожденіе ощущеній вслѣдствіе волненій.—Волненія не только измѣняютъ ощущенія, но и *вызываютъ* ихъ, или служатъ имъ условіями. Каждое волненіе человѣка имѣетъ свое *выраженіе*. Выраженіями волненій служатъ: разнообразныя, сопровождающія ихъ, движенія всего тѣла или нѣкоторыхъ его частей,—подергиванья, сотрясенье, трепетъ, прыжки;—восклицанья, быстрыя перемѣны въ голосѣ и въ тонѣ пѣнья и рѣчи; измѣненія блеска и влажности глазъ, расширенія и сжатія зрачка, положеніе вѣкъ и самыхъ глазныхъ яблокъ; быстрыя смѣны цвѣта и блеска кожи,—когда краснѣютъ или блѣднѣютъ, проясняются или становятся пасмурными; и т. д.—Всѣ выраженія волненій свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ, болѣе глубокихъ измѣненіяхъ, производимыхъ ими въ тѣлѣ человѣка. Такія измѣненія недоступны глазу сторонняго наблюдателя, но тѣмъ не менѣе отмѣчены въ общемъ сознаніи. Всѣмъ извѣстны двѣ противоположныя органическія перемѣны причиняемыя волненіями,—а именно одни волненія сопровождаются приливомъ теплоты, жара, огня,—другія, напротивъ, мгновенно наступающимъ охлажденіемъ тѣла. Каждое волненіе, достигающее извѣстныхъ степеней напряженія, имѣетъ вліяніе на весь

организмъ человѣка, то благопріятное, то неблагопріятное для его отправленій. Волненія, дѣйствуя на мозгъ, распространяютъ свое вліяніе на всю нервную систему и мускулы, — особенно нервы и мускулы лица и органовъ дыханія,—железы и внутренности, какъ-то легкія, желудокъ, сердце, и т. д.—Такимъ образомъ, въ волненіи *страха*, мускулы то разслабѣваютъ, то приходятъ въ конвульсивныя движенія; дыханіе и пищевареніе ослабѣваютъ; отдѣленіе слюны и желудочнаго сока прекращается; кровообращеніе въ разстройствѣ, на кожѣ выступаетъ холодный потъ, и т. д.—Въ волненіи *нѣжности*, дѣятельность железъ, особенно слезной, увеличивается; пищевареніе усиливается; мускульная система пріобрѣтаетъ болѣе энергіи; и т. д. — Многія органическія измѣненія вызываемыя волненіями, равно какъ и нѣкоторыя выраженія послѣднихъ, чувствительны для испытывающихъ волненія,—иначе сказать, сопровождаются *ощущеніями*. Разсматривая порядки ощущеній вызываемыхъ волненіями, мы находимъ между ними.—ощущенія *мускульныя*—движеній и напряженія; *осязательныя* — температуры и прикосновеній,—напр. бѣгающихъ по кожѣ мурашекъ;—*органическія* — затрудненнаго и облегченнаго дыханія; сердцебіенія, переливовъ и приливовъ крови; стѣсненій груди; головокруженія; ударовъ;—даже *слуховыя*—шума и звона въ ушахъ,—и *зрительныя* ощущенія—искръ, темноты или зеленаго цвѣта въ глазахъ; и т. д. Всѣ эти ощущенія не суть простое сопровожденіе волненій, а входятъ въ самый составъ ихъ, сообщая имъ ихъ рѣзкія разницы,—и могутъ быть разсматриваемы какъ обратное преобразованіе волненій въ ощущенія.—Такъ какъ это преобразованіе параллельно возрастанію волненій и, слѣдо-

вательно, совпадаетъ всего болѣе съ тѣми высшими степенями ихъ, которыя извѣстны подъ именемъ *аффектовъ* или *страстей* то это можетъ служить одною изъ причинъ всеобщей низкой оцѣнки человѣческихъ страстей. Чѣмъ сильнѣе волненіе,—чѣмъ больше переходитъ въ аффектъ или страсть тѣмъ больше оно принимаетъ *чувственный* характеръ, или изъ высшаго порядка чувствъ переходитъ въ низшій

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЧУВСТВЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИХЪ КАЧЕСТВА.

144. Подъ именемъ *качества* чувствъ мы разумѣемъ ихъ *пріятность* и *непріятность*. Пріятность даетъ имъ названіе *удовольствій*, *счастливыхъ* чувствъ, *радости;* непріятность — названіе *неудовольствій*, *страданій*, чувствъ *несчастныхъ, горя* Отсутствіе того и другого качества, т. е. пріятности и непріятности, дѣлаетъ чувства *нейтральными* или *безразличными*.

Соотносительность чувствъ по ихъ качеству наблюдается, во-первыхъ, въ *нейтрализаціи* чувствъ обладающихъ качествомъ, и въ *квалификаціи* чувствъ нейтральныхъ; и во-вторыхъ, въ *превращеніи* самаго *качества* чувствъ.

Нейтрализація чувствъ.

145. Процессъ нейтрализаціи чувствъ можетъ наступать и тогда, когда чувства переходятъ уже въ *состоянія возбужденія*, или возвращаются въ формѣ *идей*.—Что такое *идеи* человѣка.—и какимъ образомъ онѣ получаются изъ

его чувствъ,—мы видѣли прежде (§§ 8 — 12); теперь остановимся на состояніяхъ возбужденія, оставляемыхъ чувствами.

Возбужденныя состоянія духа отличаются и отъ *чувствъ* въ тѣсномъ смыслѣ, и отъ *идей*. Это—*остатки* чувствъ, по прекращеніи вызвавшихъ послѣднія внѣшнихъ или внутреннихъ вліяній. Каждое чувство, какими бы причинами оно ни вызывалось, имѣетъ свое вліяніе на организмъ; чувства периферическія или ощущенія сопровождаются нѣкоторымъ возбужденіемъ мозга,—а чувства центральныя или волненія — возбужденіемъ нервовъ периферіи. На этихъ-то возбужденіяхъ мозга и нервной системы, сопровождающихъ ощущенія и волненія, и основаны повидимому состоянія психическаго возбужденія, оставляемыя чувствами. Такія состоянія, возникающія вмѣстѣ съ развитіемъ чувствъ, сливаются съ послѣдними во все время ихъ продолженія, или пока не исчезаютъ вызывающія ихъ причины,—и выступаютъ въ своей собственной формѣ только тогда, когда съ прекращеніемъ дѣйствія указанныхъ причинъ, косвенно возбужденныя ими, состоянія мозга и нервной системы не прекращаются. Такимъ образомъ, по условіямъ возникновенія и по обстоятельствамъ продолженія, возбужденныя состоянія духа, оставляемыя чувствами, отдѣляются отъ самыхъ чувствъ — Такія состоянія нельзя смѣшивать и съ *идеями*. Живость возбужденныхъ состояній, въ самомъ началѣ ихъ отдѣльнаго теченія, бываетъ весьма близка къ интенсивности пережитыхъ чувствъ, и позволяетъ возобновлять послѣдніе въ памяти со всѣми ихъ подробностями. Воспоминаніе чувствъ есть воспроизведеніе чувствъ въ ихъ идеяхъ, которыя здѣсь, очевидно, параллельны возбужденнымъ

состояніямъ и поддерживаются въ своей ясности именно интенсивностью послѣднихъ; потому что, съ прекращеніемъ возбужденныхъ состояній, идеи пережитыхъ чувствъ быстро утрачиваютъ свою раздѣльность.—Такимъ образомъ, возбужденныя состоянія духа мы должны поставить между чувствами и идеями. есть, напр., *чувства гнѣва*; есть состоянія *гнѣвнаго возбужденія*, оставляемыя этими чувствами и называемыя гнѣвными *настроеніями* или *расположеніями* духа; и есть *идеи гнѣва*,—гнѣвныхъ чувствъ и гнѣвныхъ настроеній. Но вслѣдствіе генетической связи и самаго характера—чувствъ, возбужденныхъ состояній и идей, мы имѣемъ правo разсматривать ихъ какъ три формы одной и той же чувствительности человѣка, преслѣдуя процессъ ея нейтрализаціи—и въ состояніяхъ возбужденія, оставляемыхъ чувствами, и въ идеяхъ.

146 Нейтрализація чувствъ происходитъ двояко качество чувствъ исчезаетъ или, во-первыхъ, вслѣдствіе ихъ *естественнаго теченія;* или, во-вторыхъ, вслѣдствіе *встрѣчи* съ *особенными обстоятельствами*.

Каждое чувство имѣетъ естественный *предѣлъ* возрастанія своего качества, за которымъ наступаетъ упадокъ и исчезновеніе послѣдняго. Такимъ образомъ, всѣ пріятныя чувства, по достиженіи той или другой степени въ напряженіи своего качества, неизбѣжно теряютъ его и переходятъ въ безразличныя,—въ форму *покойнаго*, *равнодушнаго*, *безстрастнаго*, *холоднаго* сознанія.—Естественной нейтрализаціи своего качества подвергаются и состоянія психическаго возбужденія, и идеи. Возбужденныя состоянія духа могутъ быть или пріятными или непріятными, соотвѣтственно качеству вызвавшихъ ихъ чувствъ; но естественное теченіе этихъ состояній неизбѣжно со-

общаетъ имъ въ концѣ форму простаго *оживленія*, т. е. легкаго возбужденія, безъ всякой примѣси пріятности или непріятности, свойственной имъ первоначально.—Тоже и съ идеями. Если чувства или возбужденныя состоянія духа заглушены встрѣчными обстоятельствами, — позднѣйшія воспоминанія объ нихъ могутъ сохранить на нѣкоторое время ихъ пріятное или непріятное качество, но въ концѣ подвергаются тому же преобразованію. пріятныя и непріятныя мысли, съ теченіемъ времени, переходятъ въ безразличныя.

147. Есть нѣсколько обстоятельствъ *содѣйствующихъ* естественной нейтрализаціи чувствъ; таковы, напр., *разницы* въ *условіяхъ* ихъ *возникновенія*. Всякое ощущеніе лишается въ концѣ своей пріятности или непріятности, но это произойдетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ слабѣе или дальше отъ предѣла своего напряженія. Такимъ образомъ, легкія страданія скоро утрачиваютъ свою горечь.—*Продолженіе* чувствъ, или ихъ вызова, по достиженіи ими предѣла напряженія, помогаетъ нейтрализаціи оставляемыхъ ими состояній возбужденія. Пріятность психическаго настроенія оставляемаго удовольствіемъ исчезаетъ скорѣе, если послѣднее не прекращается съ наступившимъ упадкомъ его напряженія. Такимъ образомъ, нѣкоторая умѣренность въ самомъ продолженіи удовольствій есть одно изъ условій продолжительности оставляемыхъ ими пріятныхъ расположеній духа. Наоборотъ, неумѣренность въ наказаніяхъ, или причиняемыхъ ими страданіяхъ, можетъ ускорить притупленіе къ нимъ чувствительности.—*Повтореніе* чувствъ точно также содѣйствуетъ ихъ нейтрализаціи. Повтореніе чувствъ раньше извѣстнаго промежутка времени, не благопріятствуетъ ихъ

свѣжести, или возникновению со свойственною имъ силою. Поэтому, повторенія слѣдующія одно за другимъ раньше времени, могутъ прогрессивно ослаблять упражняемую чувствительность, лишая ее въ концѣ всякой качественности. Рѣзкій примѣръ такого преобразованія чувствъ представляютъ чувства *сходства* и *разницы*. Первые опыты этихъ волненій, при извѣстной степени ихъ напряженія, имѣютъ несомнѣнно качества пріятности или непріятности, младенцевъ, въ извѣстные мѣсяцы ихъ развитія, всего болѣе поражаютъ сходства и разницы, открываемыя ими въ окружающихъ предметахъ. Позднѣе же, огромная масса этихъ чувствъ, и получаемыхъ изъ нихъ идей, отличаются полнымъ безразличіемъ, выдѣляющимъ ихъ въ особый отдѣлъ безкачественныхъ, умственныхъ или теоретическихъ чувствъ и идей.

148. Итакъ, есть обстоятельства содѣйствующія нейтрализаціи чувствъ вслѣдствіе ихъ естественнаго теченія. Но есть другія обстоятельства, обладающія *специальною способностью* ихъ *нейтрализаціи*. Такія обстоятельства можно раздѣлить на два класса *физическія* и *психическія*. Душевныя страданія могутъ быть заглушаемы введеніемъ въ организмъ нѣкоторыхъ физическихъ субстанцій. Это одна изъ причинъ злоупотребленія алкоголемъ и опіемъ.—Къ нейтрализаторамъ психическаго характера принадлежатъ:—во-первыхъ, *дѣятельность*. Упражненіе мускуловъ можетъ мѣшать вліянію чувствъ на мускульную систему,—а слѣдовательно, косвенно, и самому возрастанію ихъ. Во-вторыхъ, *мышленіе:* отвлекая вниманіе отъ текущихъ удовольствій или страданій, оно способно заглушать пріятность первыхъ и горечь послѣднихъ. Въ-третьихъ, *психическая готовность*, или различные

виды *психическаго напряженія: любовь* можетъ нейтрализовать естественную горечь многихъ чувствъ, — напр. *страха*, *гнѣва*, *измѣны;* и т. д. Наконецъ, въ-четвертыхъ, сама *чувствительность*. чувства всего скорѣе нейтрализуются другими чувствами. Нейтрализующее вліяніе чувствъ можно раздѣлить на *общее* и *особенное*. Общимъ мы называемъ вліяніе всѣхъ вообще пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ; особеннымъ—вліяніе чувствъ прямо противоположныхъ. Такимъ образомъ, для чувства *страха,* нейтрализующее вліяніе волненій *нѣжности, красоты, гнѣва, промаха, стыда, долга*, и т. д., будетъ общимъ; но такое же вліяніе со стороны волненій *смѣлости*, *мужества,*—будетъ особеннымъ.

149. Обращаясь къ тому что̀ мы назвали тремя формами нашей чувствительности, мы не можемъ не отмѣтить ихъ взаимнаго нейтрализующаго вліянія другъ на друга. Мы видимъ, что чувства нейтрализуются состояніями возбужденія и идеями; возбужденныя состоянія—новыми чувствами, и также идеями; наконецъ, идеи—какъ чувствами, такъ и расположеніями духа. Состояніе сильнаго и пріятнаго возбужденія, оставленнаго такого же рода чувствами, обращаютъ въ ничто встрѣчаемыя мелкія непріятности, и наоборотъ, при большомъ горѣ, незначительныя непріятности нечувствительны. Это справедливо не только относительно новыхъ чувствъ, но и относительно идей. Когда бываютъ убиты горемъ, то, въ первое время, никакая мысль, какъ бы она ни была пріятна при другихъ условіяхъ, не даетъ утѣшенія,—иначе сказать, лишается своего пріятнаго качества въ самую минуту своего возникновенія Наоборотъ, въ минуты восторга оставляемаго удовольствіями, никакія непріятныя мысли не

могутъ иногда омрачить свѣтлаго расположенія духа. Изъ этого видно, какъ могущественно нейтрализующее вліяніе состояній возбужденія на чувства и идеи.—Въ свою очередь, сильныя чувства способны нейтрализовать оставшіяся расположенія духа, и встрѣчныя идеи. Психическіе слѣды удовольствій, не отличающіеся напряженіемъ своей пріятности, быстро утрачиваютъ свое качество, при напорѣ неожиданныхъ, сильныхъ и горькихъ чувствъ. Также часто сладость мыслей исчезаетъ подъ вліяніемъ горькой дѣйствительности. — Наконецъ, и идеи имѣютъ, во многихъ случаяхъ, достаточно силы, чтобы нейтрализовать текущія чувства и расположенія духа. Такимъ образомъ, мысль объ иной обязанности способна заглушить горечь чувствъ неразрывныхъ съ ея исполненіемъ.

Квалификація чувствъ.

150. Она бываетъ *естественною* и *искуственною*. Въ первомъ случаѣ, безразличныя чувства пріобрѣтаютъ качество независимо отъ нашей воли или приложенныхъ къ тому усилій; во-вторыхъ—наоборотъ. — Естественная квалификація чувствъ можетъ быть раздѣлена на *періодическую* и *непеpіодическую*.

Непеpіодическая квалификація чувствъ имѣетъ два вида безразличныя чувства превращаются или въ непріятныя, или пріятныя. То и другое превращеніе зависитъ, между прочимъ, отъ тѣхъ же обстоятельствъ, которыя бываютъ прямыми или косвенными условіями ихъ нейтрализаціи,—какъ скоро эти обстоятельства работаютъ въ противоположномъ направленіи. Такимъ образомъ, квалификація чувствъ можетъ зависѣть отъ измѣненій въ

самыхъ условіяхъ ихъ вызова. Многія ощущенія *давленія*, равно какъ и нѣкоторыя чувства *стѣсненія*, — испытываемыя въ слабой степени, могутъ быть безразличны; но, съ возрастаніемъ напряженія, тѣ и другія становятся непріятными. Наоборотъ, нѣкоторыя ощущенія *зрѣнія*, *слуха*, *осязанія*, изъ безразличныхъ становятся пріятными, именно вслѣдствіе усиленія ихъ напряженія. Слабый свѣтъ, внесенный въ темную комнату, скоро теряетъ свою пріятность но если онъ будетъ усиленъ, зрительное ощущеніе тотчасъ пріобрѣтаетъ вновь утраченное качество пріятности. — Квалифікація чувствъ можетъ также состоять въ положительной или отрицательной зависимости отъ ихъ *повторенія*. — Ощущенія *шума*, *стука*, *крика*, первоначально безразличныя, послѣ непрерывнаго и длиннаго ряда повтореній, могутъ сдѣлаться несносными, или непріятными въ высшей степени. — Но если повтореніе было причиною нейтрализаціи чувствъ, то отсутствіе его въ теченіи извѣстнаго промежутка времени можетъ возвратить нейтрализованнымъ чувствамъ ихъ прежнее качество.—*Встрѣча* чувствъ съ другими чувствами бываетъ также условіемъ ихъ непріодической квалификаціи. Такимъ образомъ, въ минуты непріятныхъ возбужденій или расположеній духа, иныя безразличныя впечатлѣнія могутъ показаться непріятными; наоборотъ, въ минуты счастливой настроенности, тѣже самыя впечатлѣнія могутъ оказаться пріятными. — Точно также, когда состоянія сильнаго возбужденія теряютъ отъ времени свою силу и качество, достаточно иногда одного незначительнаго впечатлѣнія, чтобы вновь оживить ихъ сладость или горечь. Тоже самое получается часто вслѣдствіе простого воспоминанія.—Наконецъ, даже идеи, какъ бы онѣ ни казались

постоянными въ своей безкачественности, способны къ квалификаціи при встрѣчѣ съ пріятными и непріятными чувствами и расположеніями духа. счастливыя чувства и свѣтлыя настроенія сообщаютъ свой веселый тонъ привычнымъ ассоціаціямъ идей; точно также чувства тяжолыя придаютъ имъ качество противоположное.

151. *Періодическою* квалификаціею чувствъ мы называемъ ихъ превращеніе въ непріятныя и пріятныя, черезъ извѣстные, болѣе или менѣе правильные, промежутки времени. Такого рода квалификація свойственна, напр., тѣмъ ощущеніямъ и идеямъ, которыя наблюдаются въ составѣ такъ-называемыхъ *аппетитовъ* или тѣлесныхъ потребностей — *пищи*, *питья*, *сна*, *движенья*, и т. д. Послѣ полнаго удовлетворенія аппетита, составлявшія его ощущенія, напр., *голода* или *жажды*, исчезаютъ вовсе; а мысленная антиципація *пищи*, *питья*, *сна*, и т. д., не имѣетъ никакой пріятности Черезъ извѣстные промежутки времени, ощущенія *голода*, *жажды*, и т. д., возобновляются, и въ первое время остаются безъ всякаго качества, а затѣмъ постепенно переходятъ въ непріятныя. Вмѣстѣ съ этимъ преобразуются и сопровождающія ихъ идеи, и притомъ — въ противоположномъ направленіи. Между тѣмъ какъ ощущенія, напр., голода, жажды, становятся непріятными, — сопровождающія ихъ идеи *пищи*, *питья*, пріобрѣтаютъ пріятность. Квалификація идей обратно пропорціональна квалификаціи ощущеній: чѣмъ мучительнѣе послѣднія, тѣмъ пріятнѣе первыя

Превращеніе качества чувствъ.

152. Чувства пріятныя могутъ переходить въ непріятныя; и наоборотъ.

Превращеніе качества чувствъ можетъ быть простымъ послѣдствіемъ нейтрализаціи чувствъ, сопровождающейся ихъ дальнѣйшею квалификаціею. Чувства пріятныя и непріятныя, потерявши собственное качество, могутъ пріобрѣсти противоположное. Мускульныя ощущенія движенія, послѣ продолжительнаго покоя, бываютъ обыкновенно пріятны; но съ продолженіемъ движенія, не только лишаются своей пріятности, но и переходятъ въ тяжолыя или непріятныя. Игра на музыкальныхъ инструментахъ, какъ бы она ни была пріятна слушателямъ въ самомъ началѣ, продолженная не въ мѣру, можетъ сдѣлаться для нихъ настоящею пыткою. — Наоборотъ, непріятныя впечатлѣнія, вызываемыя непривычными мѣстами, обычаями, и проч., могутъ перейти со временемъ въ пріятныя, подъ вліяніемъ массы пріятныхъ идей, сливающихся съ ними' и сначала ихъ нейтрализующихъ, а потомъ сообщающихъ имъ и свое качество пріятности. —

Для превращенія качества чувства, повидимому, нѣтъ необходимости въ ихъ предварительной нейтрализаціи,— напр., при встрѣчѣ съ другими чувствами противоположными по качеству и обладающими имъ въ необыкновенной степени. Такого рода встрѣчныя чувства, повидимому, способны сразу превращать качество встрѣчаемаго ими чувства. Мысли о тяжолыхъ подвигахъ могутъ обрадовать, въ виду ожидаемаго отъ нихъ прекращенія нравственныхъ страданій.

ГЛАВА II.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЧУВСТВЪ И ДѢИСТВІЙ.

Зависимость чувствъ отъ движеній и дѣйствій.—Зависимость движеній и дѣйствій отъ вызванныхъ ими чувствъ.—Образованіе *консервативныхъ* направленій произвольной дѣятельности человѣка.—Превращеніе чувствъ вызванныхъ дѣйствіями въ *мотивы* послѣднихъ.—Превращеніе ощущеній.—Превращеніе волненій.

153. Соотносительность чувствъ и дѣйствій человѣка наблюдается въ зависимости чувствъ отъ дѣйствій, и въ обратной зависимости дѣйствій отъ вызванныхъ ими чувствъ.

ЗАВИСИМОСТЬ ЧУВСТВЪ ОТЪ ДВИЖЕНІЙ И ДѢЙСТВІЙ.

Зависимость чувствъ человѣка отъ его дѣйствій можно раздѣлить на *прямую* и *косвенную*. Въ первой состоятъ всѣ непосредственныя чувства собственныхъ движеній и дѣйствій; во второй—всѣ косвенныя, къ числу которыхъ принадлежатъ и чувства другихъ отношеній, вызываемыя собственными дѣйствіями. Тѣ и другія чувства, составляющія страдательную форму сознанія собственной дѣятельности, заключаютъ въ себѣ и ея *оцѣнку* или *критику*, какъ скоро обладаютъ качествомъ пріятности или непріятности.

Зависимость чувствъ отъ движеній и дѣйствій доказываютъ наблюденія надъ всѣми порядками чувствъ,—а именно надъ *ощущеніями*, *волненіями*, *состояніями возбужденія*, *идеями*, *чувствами переносными* и *симпатическими*.

154. Зависимость ощущеній отъ дѣйствій.—Выводя ощущенія человѣка изъ внѣшнихъ условій его психическаго существованія, легко забываютъ, что въ числѣ этихъ условій стоятъ его собственныя движенія и дѣйствія. Движенія человѣка являются прямымъ условіемъ его *мускульныхъ* ощущеній, какъ непосредственныхъ чувствъ собственныхъ *движеній*, ихъ *скорости* и *энергіи*,—и почти такимъ же условіемъ *слуховыхъ* ощущеній—собственнаго *голоса*, *пѣнья* и *рѣчи*. Косвенная роль собственныхъ дѣйствій въ образованіи ощущеній открывается, во-первыхъ, въ управленіи *органами* внѣшнихъ чувствъ,—напр. *зрѣнія*, *вкуса*, *осязанія;* во-вторыхъ, въ распоряженіи внѣшними *возбудителями* ощущеній,—напр. *свѣтомъ*, *теплотою*, *сотрясеніями* тѣлъ, *пахучими* и *вкусными* веществами, и т. д., и въ-третьихъ, въ *преобразованіи* чувственныхъ вещей, являющемся косвеннымъ условіемъ неизмѣримаго количества новыхъ ощущеній Послѣдствіями такого преобразованія оказываются, напр., всѣ искуственные цвѣта, блескъ, фигуры и движенія, искуственная гладкость, мягкость и упругость; искуственные звуки, представляемые тонами многочисленныхъ музыкальныхъ инструментовъ; искуственные запахи букетовъ и искуственные вкусы кушаній и напитковъ.—Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что и ощущенія *органическія* не чужды зависимости отъ собственныхъ движеній и дѣйствій

человѣка. Ощущенія, напр., *голода* и *жажды* приходятъ сами по себѣ, но степень напряженія ихъ можетъ быть обусловлена произвольнымъ воздержаніемъ отъ пищи и питья. Чувства *болей*, даже и тогда, когда не вызываются движеніями, могутъ находиться въ отдаленной зависимости отъ собственныхъ дѣйствій человѣка,—какъ и тѣ болѣзни, которыхъ они служатъ признаками.—Всѣ ощущенія вызванныя прямо или косвенно собственною дѣятельностью человѣка, обладая качествомъ пріятности или непріятности, составляютъ ея *чувственную реальную* оцѣнку.

155. Зависимость волненій отъ дѣйствій.—Дѣйствія человѣка бываютъ прямымъ условіемъ его *волненій*, и притомъ почти всѣхъ порядковъ и классовъ,—чувствъ *свободы* и *стѣсненія* собственныхъ дѣйствій, ихъ *силы* и *слабости*, *успѣха* и *неудачи*, *новости*, *оригинальности*, и *сходства*, *подражательности*; *красоты* и *безобразія*; *законности* и *незаконности*; и т. д.—Косвенное участіе собственныхъ дѣйствій въ вызовѣ волненій наблюдается, во-первыхъ, въ непамѣренной встрѣчѣ вещей и отношеній вызывающихъ волненія,—напр., *удивленія*, *страха*, *гнѣва*, и т. д., и во-вторыхъ, въ намѣренномъ обращеніи къ вещамъ и лицамъ, извѣстнымъ своею способностью вызывать тѣ или другія волненія,—равно какъ и въ обращеніи къ разнообразнымъ произведеніямъ человѣческаго духа. Сюда относятся, напр., богатыя возбудительною силою занятія произведеніями поэзіи и вообще изящной словесности и литературы, музыки, живописи; и т. д.—Волненія человѣка, вызываемыя прямо или косвенно его собственною дѣятельностью, и обладающія качествомъ

непріятности, составляютъ другую вѣтвь ея *реальной* оцѣнки, *высшую* той, какая дается въ ощущеніяхъ Это особенно прилагается къ чувствамъ которымъ присвоено нами названіе *высшихъ критическихъ*, — къ чувствамъ *красоты*, *истины*, *законности*.

Такъ какъ ощущенія и волненія вызываемыя собственными движеніями и дѣйствіями, оставляютъ различныя состоянія возбужденія, то ясно, что и самыя *настроенія* или *расположенія духа* человѣка бываютъ въ косвенной зависимости отъ его собственной дѣятельности.

156. Зависимость идей отъ дѣйствій. — Въ косвенной зависимости отъ собственныхъ дѣйствій человѣка находятся *идеи* всѣхъ вызываемыхъ ими *ощущеній*, *волненій* и *душевныхъ настроеній*. Каждое чувство, въ минуты своего теченія, помѣчается въ сознаніи человѣка отвѣчающею ему идеею; таковъ законъ всѣхъ реальныхъ психическихъ фактовъ. Поэтому, чувства субъективныхъ дѣйствій должны сопровождаться *идеями собственныхъ дѣйствій*.—Эти идеи распадаются на два отдѣла. во-первыхъ, идеи *непосредственныхъ* чувствъ собственныхъ дѣйствій, называемыя обыкновенно *идеями дѣйствій;* и во вторыхъ, идеи *косвенныхъ* чувствъ собственныхъ дѣйствій, называемыя *идеями послѣдствій*,— психическихъ, субъективныхъ послѣдствій собственныхъ дѣйствій. Къ идеямъ перваго рода относятся идеи собственныхъ *движеній*, ихъ *скорости*, *энергіи*; идеи *свободы* своей дѣятельности, ея *оригинальности*, *изящества*, *законности;* и т. д. — Къ идеямъ второго рода принадлежатъ идеи ощущеній *зрительныхъ*, *слуховыхъ*, *осязательныхъ*, и т. д..—вызываемыхъ ко-

свенно собственными движеніями и дѣйствіями человѣка, идеи *волненій* страха, раздраженія, и т. д., испытанныхъ при неожиданной встрѣчѣ вещей и отношеній, и при намѣренномъ обращеніи къ лицамъ и ихъ произведеніямъ.—Тѣ и другія идеи собственныхъ дѣйствій возникаютъ, какъ мы сказали, въ теченіи *чувствъ* собственной дѣятельности, но возвращаются позднѣе и независимо отъ нихъ, единственно въ силу *законовъ ассоціаціи*. Такимъ образомъ, идеи собственныхъ дѣйствій возвращаются—подъ вліяніемъ сходства послѣднихъ съ новыми опытами дѣйствій, своихъ или чужихъ, — и подъ вліяніемъ новой встрѣчи съ какими нибудь обстоятельствами прежнихъ дѣйствій. Возвращеніе такихъ идей можетъ быть устроено *искуственно*, или поставлено въ зависимость отъ самодѣятельности человѣка;—напр., когда воспоминанія собственныхъ дѣйствій подготовляются напередъ, и возникаютъ въ извѣстное время вслѣдствіе условныхъ дѣйствій со стороны другихъ, вслѣдствіе встрѣчи знаковъ составленныхъ на память, или какихъ нибудь символическихъ произведеній обработанныхъ съ тою же цѣлью.—Идеи собственной дѣятельности, какъ идеи вызванныхъ ею чувствъ, заключаютъ въ себѣ *мысленную* оцѣнку или критику ея, и притомъ двоякаго рода —*чувственную*, какъ идеи вызванныхъ ею *ощущеній;* и *высшую*, какъ идеи полученныхъ тѣмъ же путемъ *волненій*. напр.. *успѣха*, *красоты*, *истины*, *законности*

157. Зависимость переносныхъ и симпатическихъ чувствъ отъ дѣйствій.

Чувствами *переносными* называются чувства переносимыя, по законамъ ассоціаціи, съ однихъ предметовъ

на другіе,—съ предметовъ которыми они были вызваны, на предметы *близкіе* къ нимъ или *сходные* съ ними. Переносныя чувства будутъ зависѣть отъ собственныхъ дѣйствій человѣка, когда чувства, переносимыя по смежности или по сходству, на какія нибудь свои дѣйствія, на дѣйствія другихъ, или даже на предметы и обстоятельства своихъ или чужихъ дѣйствій, вызваны собственными же дѣйствіями. Отсюда видно, что одно чувство вызванное собственнымъ дѣйствіемъ, можетъ дать мѣсто десяткамъ и сотнямъ переносныхъ. Чтобы не удивляться этой кажущейся дѣлимости чувствъ, слѣдуетъ замѣтить, что переносныя чувства суть собственно не чувства, а *идеи* чувствъ,—которыя вызываются, по ассоціаціи, не тѣми предметами, какими были вызваны послѣднія. — Такимъ образомъ, собственныя дѣйствія матеріальнаго *пріобрѣтенія*, напр., *промысла*, *запаса*, *обработки*, *накопленія*, цѣнятся между прочимъ чувствами *переносными*,—чувствами, связанными первоначально съ дѣйствіями *расхода*, *потребленія* пріобрѣтенныхъ средствъ. Чувства переносныя являются здѣсь чувствами *собственной пользы*.

Чувства симпатическія находятся, точно также, въ косвенной зависимости отъ собственныхъ дѣйствій, какъ скоро бываютъ сочувствіемъ *чужимъ чувствамъ*, вызваннымъ собственными дѣйствіями.—Подобно переноснымъ, и чувства симпатическія суть только *идеи* чувствъ, и именно, идеи *чужихъ* чувствъ, возникающія по ассоціаціи, но способныя, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, достигать интенсивности, близкой къ силѣ самыхъ чувствъ. Симпатическія чувства, вызываемыя собственною дѣятельностью человѣка, заключаютъ въ себѣ ту оцѣнку ея, которая по преимуществу называется *гуманною*.

ЗАВИСИМОСТЬ ДВИЖЕНІЙ И ДѢЙСТВІЙ ОТЪ ВЫЗВАННЫХЪ ИМИ ЧУВСТВЪ.

158. Въ предыдущемъ отдѣленіи мы разсмотрѣли зависимость чувствъ человѣка отъ его собственныхъ движеній и дѣйствій. Доказательствомъ коррелятивности предыдущихъ и послѣдующихъ членовъ этой психической связи служитъ обратный фактъ зависимость движеній и дѣйствій человѣка отъ вызванныхъ ими чувствъ.

Обратная зависимость человѣческой дѣятельности отъ вызываемыхъ ею чувствъ наблюдается въ фактахъ ея *мотивиро́ванности* или *произвольности*. *Мотивиро́ванность* дѣйствій и не означаетъ ничего другого, кромѣ зависимости дѣйствій отъ вызванныхъ ими чувствъ; *мотивація* дѣйствій состоитъ въ обратномъ вліяніи чувствъ на вызвавшія ихъ собственныя движенія и дѣйствія; и *мотивомъ* называется каждое чувство обнаруживающее такое обратное вліяніе.

Сущность обратнаго вліянія чувствъ на вызвавшія ихъ дѣйствія опредѣляется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, такое вліяніе не свойственно чувствамъ *нейтральнымъ*, или принадлежитъ только чувствамъ обладающимъ качествомъ *пріятности* или *непріятности;* во-вторыхъ, соотвѣтственно противоположному качеству чувствъ, обратное вліяніе ихъ бываетъ—то *положительнымъ*, обнаруживающимся въ *усиленіи* или, по крайней мѣрѣ, *продолженіи* вызвавшихъ ихъ движеній и дѣйствій, — то *отрицательнымъ*, выражающимся въ *прекращеніи* или, по крайней мѣрѣ, *ослабленіи* послѣднихъ.

159 Постоянство опредѣленной корреляціи чувствъ съ вызывающими ихъ движеніями и дѣйствіями, какъ исчерпывающей сущность мотивації послѣднихъ, мы и называемъ *закономъ мотивації.*—Природа мотивації объясняется въ нѣкоторой степени качественностью мотивирующихъ чувствъ· мотивація дѣйствій является соглашеніемъ ихъ теченія съ тою *оцѣнкою*, какая дается имъ въ качествѣ вызываемыхъ ими чувствъ,—*ощущеній*, *волненій*, *идей*, чувствъ *переносныхъ* и *симпатическихъ*.

Законъ мотивації дѣйствій мы называемъ также *закономъ* ихъ *произвольности*: потому что мотивиро́ванность дѣйствій есть единственная причина ихъ произвольности. Это доказывается анализомъ *произвольныхъ* и *непроизвольныхъ*, или *невольныхъ*, движеній и дѣйствій. Къ движеніямъ *невольнымъ* относятся, во-первыхъ, всѣ движенія независимыя отъ чувствъ,—каковы· *механическія*,—напр., вслѣдствіе перенесенія на человѣка движеній окружающей его среды,—и *рефлективныя*,—напр., вслѣдствіе раздраженія такъ-называемыхъ *чувствительныхъ* нервовъ периферіи нервной системы;—и во-вторыхъ, движенія и дѣйствія зависимыя отъ чувствъ, но не находящіяся въ корреляціи съ послѣдними,—каковы· многія движенія *инстинктивныя*,—напр., сопровождающія ощущенія и волненія, какъ ихъ внѣшнее выраженіе,—и многія *привычныя*, сопровождающія чувства и идеи единственно въ силу ассоціаціи съ послѣдними; и т. д.—Всѣ эти классы невольныхъ движеній чужды *мотивиро́ванности*. Напротивъ того, *произвольность* движеній всегда соразмѣрна ихъ *мотивированности*. Движенія невольныя становятся произвольными, какъ скоро, начатыя безъ всякихъ мотивовъ, продолжаются исключительно подъ вліяніемъ вы-

званныхъ ими чувствъ или въ силу мотивации. Дѣйствія произвольныя обращаются въ невольныя, какъ скоро мотивація ихъ исчезаетъ раньше ихъ прекращенія. Дѣйствія имѣютъ характеръ смѣшанный, т. е. бываютъ *полупроизвольны* и *полуневольны*, — какъ скоро зависятъ не вполнѣ отъ собственныхъ побужденій человѣка. Наконецъ, дѣйствія произвольны, какъ скоро теченіе ихъ зависитъ единственно отъ мотивации ихъ, т. е. отъ вліянія вызываемыхъ ими чувствъ.—Связь произвольности дѣйствій съ ихъ мотивированностью проливаетъ свѣтъ на самую природу перваго свойства. Съ точки зрѣнія этой связи, произвольность дѣйствій есть тоже что ихъ *самопроизвольность* или *самобытность*, — кратко сказать, зависимость отъ себя самихъ, которая достигается ими въ фактахъ ихъ мотивации. Потому что дѣйствія ставшія мотивированными, завися ближайшимъ образомъ отъ вызванныхъ ими чувствъ, въ концѣ зависятъ только отъ себя самихъ.

Законъ мотивации называютъ также *закономъ самосохраненія*, потому что существованіе человѣка было бы не обезпечено, если бы дѣятельное вліяніе чувствъ подверглось измѣненію; если бы страданія причиняемыя собственными дѣйствіями, располагали къ усиленію послѣднихъ, а чувства пріятныя вызываемыя тѣми же дѣйствіями, побуждали къ ихъ прекращенію.

Законъ мотивации или произвольности, вмѣстѣ съ его охранительнымъ значеніемъ, доказывается положительными и отрицательными *условіями* образованія *основныхъ направленій* мотивированной или *произвольной* дѣятельности человѣка,—а именно ихъ *происхожденія*, *развитія*, и *предѣловъ* послѣдняго

Образованіе консервативныхъ направленій произвольной дѣятельности человѣка.

160. Всѣ *произвольныя* дѣйствія человѣка направлены, въ концѣ, къ *двумъ* цѣлямъ *сохраненію* и *культурѣ*—самого человѣка и окружающей его природы. Направленія къ первой цѣли мы называемъ *консервативными*; направленія ко второй—*прогрессивными*. Консервативныя и прогрессивныя направленія представляются во множественномъ числѣ,—главнымъ образомъ по различію основныхъ понятій о человѣкѣ какъ *недѣлимомъ* и *родѣ, лицѣ* и *обществѣ*,—и распадаются, поэтому, на *индивидуальное* и *родовое*, *личное* и *общественное* —Въ нашемъ изслѣдованіи условій образованія основныхъ направленій произвольной дѣятельности человѣка, мы обратимся, сначала, къ направленіямъ *консервативнымъ* и, затѣмъ, перейдемъ къ *прогрессивнымъ*.

Образованіе *консервативныхъ* направленій произвольной дѣятельности объясняется, главнымъ образомъ, двумя условіями: во-первыхъ, *превращеніемъ чувствъ* вызванныхъ собственною дѣятельностью человѣка—въ *мотивы* послѣдней; и во-вторыхъ, характеромъ *мысленной мотивации* дѣйствій.

Превращеніе чувствъ вызванныхъ дѣйствіями въ мотивы послѣднихъ.

161. Чувства вызываемыя собственными дѣйствіями, иначе чувства собственной дѣятельности, обладающія качествомъ пріятности или непріятности, превращаются въ *мотивы* вызывающихъ ихъ движеній и дѣйствій. иначе

въ мотивы собственной дѣятельности. Мотивація дѣйствія означаетъ его *усиленіе*, или *прекращеніе;* тамъ же, гдѣ стремленіе къ усиленію, или къ прекращенію, встрѣчаетъ нѣкоторое противодѣйствіе, мотивація ограничивается простымъ *продолженіемъ*, или *ослабленіемъ*, дѣйствія. Наблюдаемое въ мотивации, положительное отношеніе чувствъ къ однимъ дѣйствіямъ, и отрицательное — къ другимъ, есть своего рода *выборъ* между всѣми случайными или невольными дѣйствіями,—*предпочтеніе* однихъ другимъ, и удержаніе въ экономіи дѣятельности только нѣкоторыхъ элементовъ ея неизмѣримаго разнообразія. Обращаясь къ этому выбору или предпочтенію однихъ дѣйствій, соединенному съ *устраненіемъ* или *исключеніемъ* другихъ, находимъ, что дѣйствія избираемыя или предпочитаемыя согласны между собою въ томъ отношеніи, что всѣ они направлены къ *сохраненію* человѣка,—между тѣмъ какъ другія, устраняемыя или исключаемыя, сходятся между собою въ противоположномъ отношеніи, какъ противорѣчащія этой великой цѣли. Между этими двумя отдѣлами дѣйствій, для человѣка нѣтъ другого выбора, иначе сказать, *произволъ* человѣка никогда не можетъ выйти изъ границъ *самосохраненія*, — и всѣ дѣйствія ведущія къ противоположному концу, принадлежатъ къ классу движеній и дѣйствій *непроизвольныхъ*, или *невольныхъ*.

Итакъ, чувства вызываемыя собственною дѣятельностью, обращаются въ ея мотивы охранительнаго или консервативнаго характера Два широкіе класса чувствъ, ощущенія и волненія, мотивируютъ неодинаково; *ощущенія* сообщаютъ дѣятельности исключительно *общія* направленія, —*индивидуальное* и *родовое*; волненія же сообщаютъ ей преимущественно *специальныя*,—именно, *лич-*

ное и *общественное*.—Изслѣдуя превращеніе чувствъ въ мотивы, остановимся сначала на *ощущеніяхъ* человѣка, и потомъ перейдемъ къ его *волненіямъ*.

Превращеніе ощущеній въ мотивы дѣйствій.

162. Движенія и дѣйствія человѣка, подъ вліяніемъ вызываемыхъ ими ощущеній, направляются къ его сохраненію, во-первыхъ, какъ *недѣлимаго* и, во-вторыхъ, какъ *рода*.

Индивидуальность человѣка какъ животнаго организма сохраняется въ окружающей его средѣ только подъ условіемъ нѣкоторой *экономіи* въ *движеніяхъ* и дѣйствіяхъ *внѣшняго усвоенія;* а эта экономія есть первоначально послѣдствіе того *выбора* между движеніями и дѣйствіями, который мы находимъ въ *положительномъ* и *отрицательномъ* отношеніи къ нимъ со стороны вызываемыхъ ими ощущеній.

Подъ *экономіею движеній*, охраняющею индивидуальность человѣка, мы разумѣемъ соглашеніе ихъ теченія съ сохраненіемъ самой *способности* къ нимъ. Къ такой экономіи относятся: во-первыхъ, соглашеніе движеній съ мускульною *готовностью* къ нимъ, получаемою съ возстановленіемъ мускульной силы,—съ мускульною *потребностью* въ нихъ, при различномъ запасѣ послѣдней,—и съ самою *способностью* къ данной мускульной работѣ;—и во-вторыхъ, нѣкоторая *мѣра* движеній. Всѣ эти виды экономіи движеній достигаются первоначально тѣмъ выборомъ между ними, который получается при обратномъ вліяніи на нихъ со стороны вызываемыхъ ими ощущеній, или вслѣдствіе превращенія послѣднихъ въ мотивы первыхъ.

Между ощущеніями, которыя вызываются собствен-

ными движеніями человѣка, первое мѣсто принадлежитъ такъ-называемымъ *мускульнымъ;* имъ же принадлежитъ и первая роль въ *мотивахъ* движеній. Индивидуальнымъ мускульнымъ сознаніемъ каждаго опредѣляется.—и мускульная готовность его къ движеніямъ; и мускульная потребность въ нихъ, и способность къ данной мускульной работѣ, и индивидуальная мѣра этой работы или движеній.— Мускульная готовность къ движенію, возстановляющаяся послѣ сна, и готовность къ какой нибудь работѣ послѣ отдыха, опредѣляются тогда, когда первыя попытки къ движенію или къ работѣ не встрѣчаютъ противодѣйствія въ не изчезнувшихъ ощущеніяхъ *усталости* или *утомленія.*— Мускульная потребность движенія или работы опредѣляется тогда, когда первые опыты ихъ встрѣчаютъ порывы къ успленію ихъ—со стороны вызванныхъ ими пріятныхъ ощущеній мускульной *дѣятельности.*—Мускульная способность къ той или другой работѣ, не противорѣчащая ея сохраненію, опредѣляется не только успѣхомъ работы, но и качествомъ вызванныхъ ею мускульныхъ ощущеній, иначе степенью противодѣйствія или поддержки, какую она встрѣтила въ ихъ тяжести или легкости. — Тоже самое прилагается и къ индивидуальной *мѣрѣ* движеній.

163. Мѣра движеній относится къ ихъ *живости, энергіи* и *продолжительности.* Она представляется въ двухъ главныхъ видахъ· какъ minimum и какъ maximum мускульной работы, — minimum, находимый для работы которую принуждены вести при мускульной неготовности или неспособности; и maximum, отыскиваемый для движеній въ которыхъ чувствуется потребность. Minimum движеній опредѣляется стремленіемъ

вызываемыхъ ими тяжолыхъ ощущеній—къ ихъ прекращенію; стремленіе къ прекращенію, встрѣчая противодѣйствіе, ограничивается *ослабленіемъ* ихъ до того minimum'а, который дозволяется послѣднимъ. Такъ это бываетъ при трудныхъ работахъ *поднятія*, *несенія*, или *влеченія* — тяжестей; при *бросаніи*, *ударахъ*, *ходьбѣ*, *бѣгѣ*, *крикѣ*, *рѣчи*, *пѣньи;* и т. д.—Maximum *живости* и *энергіи* движеній отвѣчающихъ мускульной потребности отыскивается точно также подъ вліяніемъ вызываемыхъ ими ощущеній: во-первыхъ, *пріятныхъ*, — которыя располагаютъ къ ихъ усиленію или къ торопливости и необузданности,—и во-вторыхъ, *непріятныхъ*, которыя начинаютъ чувствоваться на нѣкоторыхъ степеняхъ ихъ развитія, и не перестаютъ трудиться надъ ихъ прекращеніемъ, пока не исчезаютъ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ ослабленіемъ ихъ, дозволяющемъ ихъ *продолженіе* на одномъ *высшемъ* уровнѣ.—Но и продолженіе движеній отвѣчающихъ мускульной потребности имѣетъ свою индивидуальную мѣру, или мускульный предѣлъ, который указывается вначалѣ нейтрализаціею пріятныхъ мускульныхъ ощущеній, а затѣмъ переходомъ ихъ въ ощущенія непріятныя. Съ нейтрализаціею пріятныхъ мускульныхъ ощущеній, вызываемыхъ движеніями, мускульная мотивація ихъ прекращается; а съ переходомъ тѣхъ же ощущеній въ непріятныя, вызывающія ихъ движенія встрѣчаютъ въ нихъ противодѣйствіе, которое увеличивается съ возрастаніемъ ихъ тяжести. Такимъ-то образомъ, мускульныя ощущенія, вызываемыя собственными движеніями человѣка, являются опредѣлителями и самой *продолжительности* всякаго мускульнаго упражненія, — *рукодѣлья*, *игры*, *прогулки*, *танца*, *гимнастики*, *охоты;* и т. д.

Итакъ, экономія движеній, обезпечивающая сохраненіе индивидуальной способности къ нимъ, устанавливается первоначально съ помощью тѣхъ мотивовъ, въ которые обращаются вызываемыя ими ощущенія

164. Подъ *дѣйствіями внѣшняго усвоенія* мы разумѣемъ, во-первыхъ, усвоеніе *внѣшней силы*,—свѣта, звука, теплоты, внѣшняго движенія, внѣшняго сопротивленія,—и во-вторыхъ, усвоеніе *вещества*,—органическаго и неорганическаго,—твердаго, жидкаго и воздухообразнаго. Индивидуальность человѣка сохраняется, какъ было сказано, подъ условіемъ нѣкоторой экономіи этихъ дѣйствій усвоенія.

Къ экономіи усвоенія внѣшней силы и вещества, направленной къ сохраненію индивидуальности человѣка, относится соглашеніе дѣйствій усвоенія—съ сохраненіемъ *способности* воспринятія внѣшней силы, иначе способности *внѣшнихъ ощущеній*,—и съ сохраненіемъ органическихъ *отправленій*, принадлежащихъ системамъ воспринятія вещества,—именно, *дыханія* и *пищеваренія*. Составные элементы этой экономіи приблизительно тѣ же, какъ и первой, и осуществляется она первоначально точно также,—съ помощью ощущеній вызываемыхъ дѣйствіями усвоенія.

Обратимся къ усвоенію *внѣшней силы*.—Органическая *готовность* къ усвоенію внѣшней силы опредѣляется только тогда, когда дѣйствія усвоенія не встрѣчаютъ противодѣйствія со стороны вызываемыхъ ими ощущеній усталости или разстройства органовъ внѣшнихъ чувствъ. Безспорно, что прямой опытъ замѣщается позднѣе его умственною антиципаціею; но это замѣщеніе не идетъ

далѣе извѣстной степени. Утомившій глаза чтеніемъ или мелкою работою не въ состояніи окончательно опредѣлить возстановленіе свѣжести своей зрительной силы, не испробовавши вновь того же или сходнаго занятія.— Дѣйствія усвоенія отвѣчающія органической *потребности*, опредѣляются точно также качествомъ вызываемыхъ ими ощущеній, и обратнымъ вліяніемъ послѣднихъ на первыя. отрицательнымъ, — стремленіемъ къ прекращенію или ослабленію дѣйствій усвоенія, и положительнымъ.— стремленіемъ къ усиленію или продолженію. Есть звуки, какъ скрипъ дверей или арбы, — вызывающіе живѣйшее стремленіе отдѣлаться отъ нихъ.—Ощущенія вызываемыя осязаніемъ холодныхъ и сырыхъ поверхностей, не располагаютъ къ продолженію дѣйствій осязанія.—Подобныя же вліянія оказываютъ ощущенія вызываемыя созерцаніемъ широко распространенной тьмы,—напр. ночи, солнечныхъ затмѣній, пещеръ, или пропастей. — Иначе дѣйствуютъ пріятныя ощущенія. Всѣ ощущенія зрительныя и слуховыя, обладающія качествомъ пріятности, обнаруживаютъ вліяніе на степень зрительнаго и слуховаго *вниманія*. Пріятность зрительныхъ ощущеній свѣта, цвѣтовъ, блеска, многихъ очертаній и движеній, увеличивается съ ихъ возрастаніемъ въ объемѣ и напряженіи. Въ тоже время мы замѣчаемъ, что массивный свѣтъ разливаемый луною и звѣздами, свѣтъ бросаемый солнцемъ, массивные цвѣта голубого неба, зелени полей, лѣсовъ; сіяніе вечерней и утренней зари; очертанія горъ, долинъ, рѣкъ и озеръ; и массивныя движенія облаковъ, или волнъ моря—составляютъ выдающіеся предметы человѣческаго вниманія. Съ интенсивностью зрительныхъ ощущеній повторяется тоже, хотя и въ меньшей степени. Яркіе цвѣта растеній и

птицъ, и быстрота полета, бѣга, скачки—выдаются способностью приковывать вниманіе зрителей.—Тоже и въ области слуха. Всѣмъ извѣстно очарованіе, какое производятъ пріятные звуки—пѣнья пѣвчихъ птицъ, человѣческаго голоса и музыкальныхъ инструментовъ.—Ощущенія осязательныя, въ соединеніи съ мускульными, обладаютъ весьма часто качествомъ пріятности, и располагаютъ къ усиленію или продолженію мускульно-осязательныхъ дѣйствій *прикосновенія*, *давленія*, *тренія;* и т. д —Такимъ образомъ, ощущенія вызываемыя дѣйствіями усвоенія внѣшней силы,—свѣта, звука, теплоты, внѣшняго сопротивленія и т. д ,—выдѣляютъ, изъ массы послѣднихъ, дѣйствія отвѣчающія органической потребности въ нихъ.

165 Самая *мѣра* напряженія и продолженія актовъ усвоенія внѣшней силы опредѣляется первоначально съ помощью тѣхъ же мотивовъ. Невыносимость нѣкоторыхъ степеней напряженія свѣта опредѣляется тяжестью вызываемыхъ ими зрительныхъ ощущеній. Вниманіе къ восходящему и заходящему солнцу поддерживается и тѣмъ, что солнечный блескъ восхода и заката не безпокоитъ зрѣнія, — между тѣмъ какъ блескъ того же солнца надъ головою обрываетъ всякую попытку къ его созерцанію. — Нѣкоторые раскаты грома, крики надъ самымъ ухомъ, звонъ, свистъ, трескъ — нѣкоторыхъ орудій, и ревъ нѣкоторыхъ животныхъ, отличаются такою же невыносимостью для уха,—т. е., въ силу своей тяжести, прерываютъ покойное выслушиванье ихъ, и покровительствуютъ дѣйствіямъ направленнымъ къ его прекращенію.—Таково же вліяніе ощущеній осязательныхъ вызываемыхъ прикосновеніями къ огню, къ вещамъ раскаленнымъ, колющимъ, рѣжущимъ, и т. д Самое укло-

неніе отъ такихъ вещей первоначально бываетъ невольнымъ,—рефлективнымъ или инстинктивнымъ; но ощущенія вызываемыя прикосновеніями къ нимъ, берутъ его подъ свое покровительство, содѣйствуя его живости и энергіи.—Органическая мѣра *продолженія* разсматриваемыхъ нами дѣйствій усвоенія опредѣляется переходомъ вызываемыхъ ими пріятныхъ ощущеній въ нейтральныя и непріятныя. Всякое пріятное ощущеніе сохраняетъ свою пріятность только въ теченіи извѣстнаго времени, въ которое оно и обладаетъ способностью усиливать или поддерживать чувственное вниманіе, напр., къ свѣту, цвѣтамъ, очеркамъ, тонамъ, и т. д., чѣмъ скорѣе исчезаетъ пріятность его, тѣмъ скорѣе прекращается [поддерживаемое ею вниманіе. Поэтому-то, взгляды наблюдателей могутъ скользить по поверхности разсматриваемыхъ ими предметовъ, какъ бы вовсе не задерживаемые ни однимъ изъ нихъ.—Гдѣ не успѣваетъ нейтрализація пріятныхъ ощущеній, тамъ доканчиваетъ переходъ послѣднихъ въ ощущенія непріятныя, напр., усталости, изнуренія и органической боли, вызываемыя продолжительнымъ упражненіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, и оказывающія послѣднему, наконецъ, рѣшительное сопротивленіе.

166. Перейдемъ къ усвоенію *вещества*. — *Потребность* въ усвоеніи вещества опредѣляется первоначально пріятностью вызываемыхъ имъ ощущеній, и степенью ихъ вліянія на самые акты усвоенія. *Вкусъ* къ пищѣ и питью, т. е. ощущенія *вкуса* и органическія ощущенія желудка, бываютъ для каждаго первыми критеріями того что̀ ему потребно въ ту или другую минуту, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ Вліяніе ощущеній *обо-*

нія и *дыханія*, хотя и менѣе замѣтное, не подлежитъ также никакому сомнѣнію. Тяжолые запахи удерживаютъ отъ вступленія въ пропитанную ими среду, и отъ приближенія къ издающимъ ихъ предметамъ; напротивъ, на свѣжемъ воздухѣ, очищенномъ въ лѣтнее время дождемъ и грозою, дышется легче и живѣе.—Тѣ же ощущенія вкуса и обонянія, въ связи съ органическими, осязательными и другими, опредѣляютъ и самую *мѣру* усвоенія вещества Они указываютъ minimum работы органовъ вкушенія и дыханія, въ случаѣ связанныхъ съ нею какихъ нибудь страданій, они же опредѣляютъ и тотъ maximum, съ какимъ она можетъ быть продолжена, не вызывая никакихъ страданій. Непріятныя ощущенія неудобства и боли, до которыхъ доводитъ иногда развитіе живости и энергіи дѣйствій вкушенія, устанавливаютъ ту мѣру, съ какою процессъ вкушенія, усиливаемый вызванными имъ пріятными ощущеніями, можетъ совершаться безъ вреда для зубовъ, челюстей, языка, глотки, и т д

Итакъ, экономія движеній идѣйствій внѣшняго усвоенія обезпечиваетъ человѣку сохраненіе *способности движеній*, *способности ощущеній*, и *органическихъ отправленій* системы *дыханія* и системы *пищеваренія*. Такъ какъ эти способности и отправленія составляютъ и ближайшую опору, и выдающіеся признаки, индивидуальнаго органическаго существованія человѣка,—а обезпечивающая ихъ сохраненіе, экономія движеній и дѣйствій достигается первоначально съ помощью тѣхъ мотивовъ, въ которые обращаются вызываемыя тѣми и другими ощущенія: то ясно, что мотивація движеній и дѣйствій человѣка, вытекающая изъ вызываемыхъ ими ощущеній, направлена

ближайшимъ образомъ къ сохраненію человѣка какъ *недѣлимаго* организма.

Перейдемъ теперь къ другому направленію произвольной дѣятельности человѣка, зависящему также отъ вызываемыхъ ею ощущеній,—именно, *консервативно-родовому*.

167. *Консервативно-родовое* направленіе произвольной дѣятельности человѣка есть одно изъ преобразованій направленія консервативно-индивидуальнаго. Зависимость этого новаго направленія произвольной дѣятельности отъ вызываемыхъ ею ощущеній доказывается весьма наглядно мотивацією двухъ процессовъ необходимыхъ для сохраненія человѣческаго рода —процесса *рожденія*, и процесса *перваго воспитанія* дѣтей

Процессъ рожденія дѣтей возможенъ только подъ условіемъ *половой связи* между людьми, совмѣстимой съ сохраненіемъ ихъ *половыхъ способностей*. Какъ велико вліяніе ощущеній на образованіе половыхъ отношеній, въ границахъ предписываемыхъ сохраненіемъ самой способности къ нимъ, доказываетъ фактъ такъ-называемаго *полового выбора*.

Половой выборъ, или половое предпочтеніе *лицъ*, есть ближайшимъ образомъ предпочтеніе или выборъ половыхъ *отношеній*, основанный на качествѣ вызываемыхъ ими ощущеній. Половой выборъ представляетъ двѣ формы,—*отрицательную* и *положительную*. Отрицательный выборъ заключается въ стремленіи къ *удаленію* отъ нѣкоторыхъ представителей другого пола; положительный, напротивъ,—въ стремленіи къ *сближенію* съ нѣкоторыми представителями другого пола. Тотъ и другой выборъ имѣетъ свои степени. Обращаясь къ условіямъ обѣихъ

формъ полового выбора, находимъ, что, въ числѣ этихъ условій, первое мѣсто принадлежитъ *половымъ ощущеніямъ;* — что выборъ отрицательный опирается прежде всего на ихъ непріятности, а положительный—на ихъ пріятности, — и что различныя степени того и другого выбора основаны первоначально на разницѣ степеней того и другого качества половыхъ ощущеній.

168. Къ *половымъ* ощущеніямъ мы причисляемъ всѣ ощущенія вызываемыя взаимными отношеніями половъ, и располагающія или не располагающія ихъ ко взаимному сближенію. Такимъ образомъ, къ числу половыхъ ощущеній могутъ принадлежать разнообразныя ощущенія, вызываемыя дѣйствіями внѣшняго усвоенія,—именно *зрительныя*, *слуховыя*, *обонятельныя*, *мускульно-осязательныя*,—а затѣмъ, и тѣ состоянія *чувственнаго возбужденія*, какія оставляются этими ощущеніями въ качествѣ половыхъ.

Къ половымъ ощущеніямъ непріятнаго качества относятся, вызываемыя чувственнымъ обращеніемъ къ другому полу,—зрительныя ощущенія—уродливости или безобразія, слуховыя — разбитости, болѣзненности; обонятельныя—гніенія, разложенія; мускульно-осязательныя—безжизненности, мертвенности. Стремленіе къ устраненію отъ представителей другого пола, вытекающее изъ этихъ, причиняемыхъ ими, тяжолыхъ ощущеній, и есть то что мы назвали *отрицательною* формою полового выбора. Отрицательнымъ выборомъ устраняется отъ процесса рожденія дѣтей цѣлая масса лицъ способныхъ повредить родотворной способности человѣчества, неизбѣжнымъ вырожденіемъ ихъ потомства

Къ половымъ ощущеніямъ пріятнаго качества отно-

сятся, вызываемыя отношеніями половъ, ощущенія жизненности, здоровья, крѣпости и правильнаго устройства. Стремленіе къ развитію этихъ отношеній, или къ сближенію съ половыми представителями ихъ, есть *положительная* форма полового выбора, направленная къ пріобщенію процессу рожденія—такихъ лицъ, которыя отличаются качествами обезпечивающими ихъ потомству физическую производительность или родотворныя силы.

Вслѣдствіе индивидуальности половыхъ ощущеній пріятнаго качества, самая степень ихъ вліянія, останавливающаго, въ концѣ, на одномъ лицѣ изъ многихъ, отличается тою же индивидуальностью. Но такъ какъ половыя ощущенія не выходятъ изъ круга чувствъ, вызываемыхъ дѣйствіями *внѣшняго усвоенія*, а эти чувства отличаются у людей значительнымъ однообразіемъ то, поэтому, мы имѣемъ возможность, изъ числа другихъ половыхъ ощущеній, выдѣлить тѣ, которыя отличаются наибольшею пріятностью, а слѣдовательно, и наибольшею способностью содѣйствовать окончательному половому выбору. Это—тѣ самыя ощущенія, которыя вводятся въ составъ поэтическихъ описаній, какъ чувственные элементы половой красоты они доставляются и зрѣніемъ, и слухомъ, и обоняніемъ, и осязаніемъ. Взаимное созерцаніе представителей того и другого пола способно вызывать въ нихъ массу зрительныхъ ощущеній отличающихся высокою пріятностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенною способностью останавливать ихъ взгляды другъ на другѣ. Въ составъ такихъ ощущеній входятъ: нѣкоторыя очертанія всего тѣла и отдѣльныхъ его частей,—напр., головы мужчины, груди женщины; и нѣкоторые цвѣта волосъ, кожи, и слизистыхъ оболочекъ,—напр. «бѣлоснѣжный» цвѣтъ

лица и груди; «лазурь» глазъ; «пурпуръ» щекъ и губъ; и «блескъ» или «сіяніе» очей; и легкія или плавныя движенія, и т. д.—Взаимное выслушиванье даетъ массу пріятнѣйшихъ звуковъ,—рѣчи, пѣнья,—способныхъ приковывать ихъ взаимное вниманіе другъ къ другу.—Воспѣваемая поэтами «свѣжесть дыханія» показываетъ, что ощущенія обонятельныя не исключены изъ круга другихъ, рѣшающихъ половой выборъ. — Особеннымъ богатствомъ пріятности, и способностью оставлять сильныя и пріятныя состоянія чувственнаго возбужденія, отличаются ощущенія мускульно-осязательныя, они же являются и самымъ дѣятельнымъ факторомъ полового сближенія. Значеніе сравнительно высшей пріятности этихъ ощущеній открывается изъ общей роли всѣхъ половыхъ ощущеній, управляющихъ взаимнымъ сближеніемъ половъ въ цѣляхъ рожденія дѣтей мускульно-осязательныя ощущенія стоятъ ближе другихъ къ процессу рожденія.

Итакъ, половой выборъ, отрицательный и положительный, до самой высшей степени послѣдняго, мотивируется прежде всего половыми ощущеніями, направляющими его къ половой связи между людьми, совмѣстимой съ сохраненіемъ ихъ половой способности.

169. *Первое воспитаніе* дѣтей составляетъ, послѣ ихъ рожденія, важнѣйшее условіе сохраненія человѣческаго рода. Трудный процессъ этого воспитанія не осуществимъ безъ нѣкоторой психической связи матери съ ребенкомъ, открывающейся, напр., въ непрерывномъ вниманіи первой къ потребностямъ послѣдняго, и въ массѣ расточаемыхъ ему ласкъ. Источникомъ этой связи служатъ прежде всего ощущенія, вызываемыя отношеніями матери къ ре-

бенку, и содѣйствующія ихъ поддержанію и развитію. Свойства этихъ ощущеній всего легче объяснить, указывая на преимущества женщинъ передъ мужчинами, съ точки зрѣнія возбужденія пріятныхъ ощущеній,—и на преимущества младенцевъ передъ взрослыми женщинами, которыхъ они превосходятъ—и нѣжностью своихъ очертаній и голоса, и бѣлизною своей кожи, и блескомъ своихъ глазъ, и гибкостью своихъ членовъ, и свѣжестью своего дыханія, и живостью своихъ движеній,—кратко, почти всѣмъ что только вводится въ поэтическія описанія чувственной красоты женщинъ. Масса сладостныхъ ощущеній, испытываемыхъ матерью при видѣ своего ребенка, есть достаточное объясненіе того, почему взглядъ ея любитъ «покоиться» на немъ; почему она внимательна къ его крику, лепету, почему она такъ часто осыпаетъ его своими ласками,—объятіями, поцалуями, и т. д.

Превращеніе волненій въ мотивы дѣйствій.

170. Что найдено нами относительно ощущеній, то прилагается и къ *волненіямъ*. Вызываемыя собственными дѣйствіями человѣка, они становятся въ свою очередь мотивами послѣднихъ, направляя ихъ къ его сохраненію—то вообще какъ *недѣлимаго* или *рода*, то спеціально какъ *лица* или *общества*.

Значеніе волненій для сохраненія *индивидуальности* человѣка какъ *живого организма* можно видѣть, во-первыхъ, изъ того участія, какое они принимаютъ въ экономіи его *движеній* и дѣйствій *внѣшняго усвоенія*; и во-вторыхъ, изъ той роли, какую они играютъ въ экономіи его *внѣшнихъ наблюденій* и *опытовъ*.

Волненія вызываемыя *движеніями* и дѣйствіями *внѣшняго усвоенія* являются вторичными, и только вспомогательными, опредѣлителями различныхъ моментовъ ихъ экономіи. Такимъ образомъ, мускульная потребность въ движеніи опредѣляется ближайшимъ образомъ обратнымъ вліяніемъ вызываемыхъ имъ пріятныхъ ощущеній *дѣятельности;* но это вліяніе ощущеній находитъ поддержку въ волненіяхъ, какъ скоро теченіе начатаго движенія сопровождается пріятными *чувствами силы.*—Органическая потребность въ актахъ зрѣнія и осязанія опредѣляется вліяніемъ пріятныхъ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній; но вліяніе ощущеній можетъ быть поддержано всѣми пріятными волненіями, вызываемыми тѣми же актами,—напр., *чувствами красоты*, *нѣжности.* — Тоже прилагается и къ *мѣрѣ* — какъ движеній, такъ и дѣйствій внѣшняго усвоенія. Мѣра *напряженія* движеній, опредѣлившаяся подъ вліяніемъ непріятныхъ ощущеній полученныхъ при его излишнемъ развитіи, поддерживается позднѣе *чувствомъ опасенія* испытать вновь тѣже ощущенія, при малѣйшимъ уклоненіи отъ этой мѣры.

171. Индивидуальное существованіе человѣка среди окружающихъ его матеріальныхъ вещей нельзя считать обезпеченнымъ, безъ нѣкотораго знакомства его съ ихъ *положеніями*, *составомъ* и *свойствами*, — достигнутаго при помощи индивидуальныхъ *наблюденій* и *опытовъ*, соглашенныхъ съ цѣлью самосохраненія. А это соглашеніе ихъ теченія съ указанною цѣлью, достигается первоначально съ помощью вызываемыхъ ими волненій, опредѣляющихъ *предпочтеніе* однихъ наблюденій и опытовъ другимъ, и ихъ естественную *мѣру*.

Волненія *непріятнаго* качества, вызываемыя собственными наблюденіями и опытами человѣка надъ вещами, мотивируя ихъ прекращеніе, устраняютъ такимъ образомъ, изъ круга ихъ, все несовмѣстимое съ ихъ плодотворностью, умѣстностью, безопасностью, и т. д. Непріятныя волненія *скуки* противодѣйствуютъ повторенію вполнѣ знакомыхъ наблюденій надъ разстояніями вещей и направленіями ихъ движеній,—вполнѣ извѣстныхъ опытовъ ихъ дѣленія, излома, сложенія, окрашиванія, нагрѣванія; и т. д.—Непріятныя волненія *страха* удерживаютъ отъ повторенія опытовъ причинившихъ страданія, — отъ опытовъ и наблюденій надъ вещами способными скрывать опасности для жизни,—каковы—вещи покрытыя мракомъ, грозныя силы природы, неорганической и органической.—Тяжолыя впечатлѣнія *неудачи* избавляютъ отъ повторенія опытовъ безплодныхъ;—волненія *стѣсненія* препятствуютъ продолженію наблюденій или опытовъ, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для здоровья; непріятныя волненія *слабости* наблюдательныхъ силъ, и *ничтожества* опытныхъ средствъ, сосредоточиваютъ наблюдательную и опытную дѣятельность человѣка въ границахъ, доступныхъ его силамъ и средствамъ.

172. Отрицательное вліяніе волненій на естественный выборъ внѣшнихъ наблюденій и опытовъ находитъ полную поддержку въ положительномъ, которое свойственно волненіямъ *пріятнаго* качества, вызываемымъ дѣятельностью этого рода. Такимъ образомъ, вещи неизвѣстныя, напр. *новыя*, и вещи рѣдко встрѣчающіяся, напр. *необыкновенныя*,—поражая наблюдателя пріятными волненіями *новости*, *удивленія*, *восторга*, имѣютъ особенную способность приковывать къ себѣ его вниманіе,

располагая къ подробностямъ осмотра и испытанія.—Волненія *успѣха* въ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ съ помощью наблюденій и опытовъ, способны удержать человѣка на полѣ плодотворной наблюдательной и опытной дѣятельности, сообщая послѣдней болѣе твердости и энергіи.—Волненія *силы*, вызываемыя опытами не встрѣчающими отпора, поощряютъ послѣдніе, какъ безопасные для индивидуальнаго существованія испытателя. — Волненія *красоты*, испытываемыя при опытахъ окрашиванія, обдѣлыванія, копировки, и т. д., благопріятствуютъ упражненіямъ входящимъ въ составъ человѣческаго искуства.

173. Перейдемъ, теперь, къ сохраненію *индивидуальности* человѣка въ смыслѣ его *личности*.

Терминъ *личности* означаетъ характеръ индивидуальнаго психическаго существованія человѣка, противоположный его *общественности*,—именно, извѣстную *внутреннюю* зависимость психическихъ фактовъ его индивидуальнаго существованія, — иначе, извѣстную зависимость человѣка отъ *себя самого*, или его индивидуальную психическую *самостоятельность* и *свободу* относительно общества (§ 23)

Сохраненіе личности человѣка, т. е., его извѣстной индивидуальной психической самостоятельности и свободы, не возможно безъ нѣкоторой экономіи его психическихъ отношеній къ другимъ, достигаемой ближайшимъ образомъ съ помощью вызываемыхъ ими волненій,—именно *чувствъ самостоятельности* и *свободы*, и *чувствъ стѣсненій* и *насилія*. Чувства *самостоятельности* и *свободы* поощряютъ *развитіе* индивидуальной психической самостоятельности и свободы человѣка; чувства *стѣсненій* и *насилія* слу-

жать первыми опредѣлителями естественной *мѣры* развитія той и другой, при сосуществованіи его противоположныхъ направленій.

Индивидуальная психическая самостоятельность и свобода человѣка относительно общества заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, самостоятельность и свободу психическаго *вліянія* или *активныхъ* отношеній къ другимъ; и во-вторыхъ, самостоятельность и свободу *усвоенія* психическихъ вліяній, или вообще отношеній *реактивныхъ*. Самостоятельность и свобода тѣхъ и другихъ отношеній узнается впервые въ *чувствахъ* ихъ *самостоятельности* и *свободы*,—или извѣстной *внутренней* зависимости, какъ *естественнаго* раскрытія индивидуальныхъ психическихъ *потенцій*, — именно, индивидуальныхъ психическихъ *силъ* или *способностей*, и индивидуальной психической *готовности* или *потребностей*. Чувства самостоятельности и свободы, какъ волненія пріятнаго качества, поощряютъ вызывающія ихъ индивидуальныя отношенія къ другимъ.

174. Самостоятельность и свобода *вліянія*, или *активныхъ* отношеній къ другимъ, напр., *сообщеній*, *представленій*, *изображеній*, *заявленій*, *внушеній*, *предложеній*, *совѣтовъ*, *указаній*, *воспитанія*, *обученія*, и т. д., заключаютъ въ себѣ самостоятельность и свободу вызова и подавленія въ другихъ — идей, чувствъ, психической готовности, дѣйствій, и свойствъ. Пріятныя чувства самостоятельности, вызываемыя зависимостью активныхъ отношеній человѣка отъ его собственныхъ потребностей и силъ, являются въ свою очередь живѣйшимъ поощреніемъ самобытности, оригинальности этихъ отно-

шеній. Такимъ образомъ, пріятныя чувства собственной психической *силы*, сопровождающія успѣхи собственнаго вліянія, сосредоточиваютъ человѣка на тѣхъ отрасляхъ активной самодѣятельности, которыя наиболѣе отвѣчаютъ его талантамъ, его призванію.—Пріятныя чувства внутренней *гармоніи*, вызываемыя активными отношеніями, поощряютъ тѣ направленія ихъ, которыя оказываются въ согласіи съ индивидуальными психическими потребностями человѣка, скрытыми въ его вкусахъ, привязанностяхъ, стремленіяхъ.—Пріятныя чувства *новости*, вызываемыя тѣми или другими чертами собственнаго творчества, поощряя развитіе послѣднихъ, содѣйствуютъ образованію оригинальнаго творческаго таланта.

Положительное поощреніе самостоятельности и свободы активныхъ отношеній, встрѣчаемое со стороны вызываемыхъ ими волненій *самостоятельности* и *свободы*,—поддерживается отрицательнымъ вліяніемъ волненій *стѣсненія*, являющихся съ упадкомъ того или другого элемента самостоятельности этихъ отношеній,—напр., когда послѣднія не отвѣчаютъ болѣе индивидуальнымъ потребностямъ человѣка, или, отвѣчая потребностямъ, не соотвѣтствуютъ его силамъ. Чувства стѣсненія стремятся къ прекращенію вызывающей ихъ активности, какъ не заключающей въ себѣ полной индивидуальной свободы человѣка. Тяжолыя чувства *безуспѣшности* и *раздраженія* мѣшаютъ продолженію тѣхъ видовъ активной самодѣятельности, которые, удовлетворяя вкусамъ человѣка, не встрѣчаютъ въ немъ соотвѣтственныхъ психическихъ силъ или подготовки.—Тяжолыя чувства внутренняго *разлада* противодѣйствуютъ тѣмъ направленіямъ активной дѣятельности и творчества человѣка, которыя расходятся съ его инди-

видуальными психическими потребностями.—Волненія *скуки*, періодически посѣщающія человѣка въ теченіи продолжительнаго умственнаго труда отвѣчающаго его живѣйшимъ потребностямъ, препятствуютъ изнурительной умственной активности, косвенно поощряя соразмѣрное упражненіе всѣхъ индивидуальныхъ психическихъ потенцій.

175. Отношенія *реактивныя*, — напр., *вниманія* къ поступкамъ и рѣчамъ другихъ, — *изученія* представленныхъ ими произведеній,—*обыщанія* отвѣчающаго ихъ просьбамъ, *согласія* на ихъ предложенія, *исполненія* ихъ совѣтовъ, а также *почтенія* къ другимъ, *благодарности* имъ, *оцѣнки* ихъ, или *суда* надъ ними, и т. д., — суть первоначально отношенія *вызванныя*, *отвѣтныя*, чуждыя индивидуальной психической самостоятельности, но, въ своемъ теченіи, они способны пріобрѣтать послѣднюю въ извѣстной мѣрѣ, какъ скоро оказываются въ согласіи съ собственными *нуждами* или *потребностями* реагента, и не превышаютъ его индивидуальныхъ *силъ* или *способностей*. Это согласіе реактивныхъ отношеній съ индивидуальными психическими потенціями реагента опредѣляется впервые *чувствами* нѣкоторой *самостоятельности* и полной *свободы* этихъ отношеній, благопріятствуемыхъ въ своемъ образованіи внѣшними психическими вліяніями. Пріятныя чувства самостоятельности и свободы поощряютъ развитіе вызывающихъ ихъ реактивныхъ отношеній, содѣйствуя такимъ образомъ естественному выбору внѣшнихъ психическихъ вліяній, отвѣчающему психической самобытности или оригинальности реагента. Такимъ образомъ, пріятныя чувства собственной *силы* останавливаютъ вниманіе на предложеніяхъ и примѣрахъ дов-

воляющихъ наилучшее раскрытіе индивидуальныхъ силъ человѣка.—Пріятныя чувства *красоты* поощряютъ знакомство съ произведеніями изящнаго искуства, удовлетворяющими индивидуальному вкусу реагента.—Свѣтлыя чувства *истины, знанія*, испытываемыя при изученіи научной литературы, останавливаютъ вниманіе преимущественно на тѣхъ произведеніяхъ чужого ума, которыя наиболѣе отвѣчаютъ собственнымъ потребностямъ и силамъ изучающаго.

Положительное поощреніе самостоятельности и свободы реактивныхъ отношеній поддерживается отрицательнымъ вліяніемъ *волненій стѣсненія*, рождающихся всякой разъ, какъ только свобода этихъ отношеній становится неполною. Такимъ образомъ, чувства собственной *слабости* побуждаютъ уклоняться отъ впечатлѣній чрезмѣрной радости,—чувства *неспособности* заставляютъ отказываться отъ подражанія слишкомъ высокимъ образцамъ,—чувства *разлада* чужихъ умственныхъ произведеній съ собственными убѣжденіями, ослабляютъ ревность къ ихъ изученію, и т. д.

176 Чѣмъ болѣе усвоеніе внѣшнихъ вліяній теряетъ свободы, расходясь съ потребностями и силами реагента, тѣмъ живѣе становятся волненія стѣсненія, испытываемыя при такомъ усвоеніи. Когда же, наконецъ, исчезаетъ всякій слѣдъ свободы реактивныхъ отношеній, чувства стѣсненія переходятъ въ чувства *насильственности* этихъ отношеній, или чувства внѣшняго *насилія*, которому они исключительно обязаны своимъ продолженіемъ,—если не самымъ происхожденіемъ.

Чувства *насильственности* реактивныхъ отношеній

заключаются въ тяжолыхъ чувствахъ ихъ *противорѣчія* потребностямъ и силамъ реагента,—ихъ полной внутренней *несообразности*, *дисгармоніи*, *несостоятельности*, *нельпости*, *безплодности*, *опасности*; и т. д. Какъ чувства непріятнаго качества, чувства насильственности стремятся къ прекращенію вызывающихъ ихъ реактивныхъ отношеній, или къ *защитѣ* индивидуальной психической свободы реагента. Отрицательное вліяніе чувствъ насильственности выражается поощреніемъ *непринятія* внѣшнихъ насилій. Вліяніе этихъ тяжолыхъ чувствъ содѣйствуетъ уклоненію отъ тѣхъ насильственныхъ дѣйствій которыя заключаются, съ одной стороны, въ вызовѣ чувствъ непріятныхъ,—каковы дѣйствія *возмущенія*, *раздраженія*, *угрозы*, *мученія*,—а съ другой, въ подавленіи чувствъ пріятныхъ, напр., *собственнаго достоинства*,—каковы дѣйствія *обиды*, *оскорбленія*, *униженія*, *позора*. Тѣ же чувства побуждаютъ противиться насильственно навязываемымъ *идеямъ* или *мнѣніямъ*, и насильственному искорененію умственныхъ *направленій*. Тяжолыя чувства насильственности поощряютъ уклончивыя отношенія ко всѣмъ попыткамъ насильственнаго вызова и подавленія въ реагентѣ психической *готовности* и *дѣйствій*,—напр., подмѣченнымъ попыткамъ *обмана*, *соблазна*, *обольщеній*, — открытымъ попыткамъ *давленія*, *принужденія*, *порабощенія*; и т. д.

177. Тамъ, гдѣ положеніе вещей не допускаетъ уклоненія отъ внѣшнихъ насильственныхъ вліяній, психическая реакція переходитъ въ *борьбу*, или *противодѣйствіе* насильственнымъ дѣйствіямъ. Противодѣйствіе направляется къ *возстановленію* нарушенной индивидуальной свободы человѣка, что достигается двоякимъ способомъ: *закрытымъ*, или борьбою съ психическими *послѣдствія-*

ми насильственныхъ вліяній, стремящеюся лишить послѣднія ихъ дѣйствительности для реагента; и *открытымъ*, или борьбою съ самыми насильственными дѣйствіями, стремящеюся уничтожить внѣшнія причины потери реагентомъ его индивидуальной психической свободы Та и другая борьба, закрытая и открытая, поддерживается чувствами возстановляемой свободы или *освобожденія*.—чувствами душевнаго *облегченія*, пріятными чувствами возстановляющейся внутренней *гармоніи* реактивныхъ отношеній съ потребностями и силами реагента,—чувствами собственной *силы* въ открывшейся борьбѣ, *успѣха* въ ея веденіи, близкаго *торжества;* и т. д. Поощряемая чувствами индивидуальной свободы, борьба съ внѣшнимъ насиліемъ называется—то *самообладаніемъ*, *сохраненіемъ спокойнаго духа*, *невозмутимости*, *непоколебимости*,—то *отпоромъ*, *мщеньемъ*, *возстаньемъ* или *возмущеньемъ* противъ насилія, *отраженіемъ нападенія*, *наказаньемъ*; и т. д.—Такимъ образомъ, насильственно вызываемыя непріятныя чувства люди стремятся нейтрализовать пріятными чувствами и идеями; чувства обиды, униженія, у людей безсильныхъ для открытаго протеста, нейтрализуются пріятными чувствами *гордости*, *презрѣнья*, *признаннаго достоинства*.—Нападеніе на слабыя стороны идей, убѣжденій и умственныхъ направленій, отражается обращеніемъ къ другимъ сторонамъ ихъ, не допускающимъ упрека или возраженій.—Дѣйствія соблазна, обольщенія, находятъ свое противодѣйствіе въ чувствахъ *опасности, стыда*.—Дѣйствія обмана, клеветы, вѣроломства, предательства, находятъ себѣ отпоръ въ *обличеніи*, *уликахъ*, *поруганіи*.—Попытки притѣсненія, угнетенія, порабощенія, вызываютъ реактивныя дѣйствія *мщенья*, *наказанья*.

178. Чувства *насилія*, испытываемаго агентомъ со стороны реагента, являются ближайшими опредѣлителями естественной *мѣры* или *естественныхъ границъ* развитія самостоятельныхъ *активныхъ* отношеній. Чувства *насилія*, испытываемыя агентомъ, суть чувства противодѣйствія вызываемаго *собственными дѣйствіями* относительно другихъ. Какъ чувства непріятнаго качества, вызываемыя развитіемъ собственнаго вліянія, чувства насилія стремятся къ ослабленію послѣдняго, опредѣляя такимъ образомъ естественную мѣру *напряженія*, *объема* и *продолжительности* самостоятельныхъ активныхъ отношеній. Чувства насилія, испытываемыя агентомъ, стремятся привести свободу его вліянія—въ гармонію съ свободою его усвоенія, или поддержать свободу его активныхъ отношеній — въ границахъ оставляющихъ неприкосновенною свободу отношеній со стороны реагента. Подъ вліяніемъ чувствъ насилія, испытываемыхъ агентомъ, развитіе индивидуальной самостоятельности не переходитъ въ посягательство личности на самое себя

По своему составу, чувства насилія, испытываемыя агентомъ, тѣже самыя что и чувства реагента. Это — чувства *недѣйствительности* дальнѣйшаго развитія активныхъ отношеній, чувства *несообразности* или *несостоятельности* дальнѣйшихъ усилій въ этомъ направленіи; чувства ихъ *безплодности*, *опасности;* и т. д.—Такимъ образомъ, *благородное*, *величественное* поведеніе человѣка, неспособнаго къ открытому противодѣйствію чужому издѣвательству надъ его чувствами или вѣрованіями, способно произвести подавляющее впечатлѣніе на обидчика и заставить его умѣрить свободу его рѣчей и обращенія.—*Страхъ* предъ обличеніемъ заставляетъ воз-

держиваться отъ клеветы, злорѣчія,—отъ подлоговъ, поддѣлокъ и подмѣна.—*Гнѣвъ*, вызванный безплодностью дѣйствія вслѣдствіе противодѣйствій, — гнѣвъ не поддерживаемый пріятными чувствами *силы* или гнѣвъ *безсильный*, побуждаетъ не доводить болѣе предложеній или внушеній до принужденія, притѣсненія, угнетенія.—Чувства *безсилія* агента въ попыткахъ порабощенія реагента, располагаетъ перваго къ уваженію свободы послѣдняго, или къ признанію его личности.

179 Когда реактивныя или отвѣтныя отношенія насилія переступаютъ мѣру вызывающихъ ихъ активныхъ насильственныхъ отношеній, характеръ тѣхъ и другихъ отношеній измѣняется отношенія защиты и возстановленія свободы переходятъ въ нападеніе, и нападеніе превращается въ защиту и противодѣйствіе. Новыя отношенія находятъ поддержку въ тѣхъ же чувствахъ,—первое—въ чувствахъ индивидуальной *свободы*,—второе—въ чувствахъ *насилія* и *освобожденія*. Новая активность насильственнаго характера, встрѣчая отвѣтное насиліе, находитъ въ послѣднемъ естественный отпоръ; и этимъ опредѣляются естественныя *границы* развитія самостоятельныхъ *реактивныхъ* отношеній.

Такимъ образомъ, путемъ борьбы, подъ вліяніемъ индивидуальныхъ чувствъ свободы и насилія, опредѣляются первоначально предѣлы свободы активныхъ и реактивныхъ отношеній человѣка, — предѣлы, обозначаемые уваженіемъ индивидуальной психической свободы другихъ, или уваженіемъ личности человѣка. Уваженіе чужихъ чувствъ, идей, убѣжденій; уважительное отношеніе къ чужимъ потребностямъ и силамъ, — къ чужой

дѣятельности, положенію, произведеніямъ,—и къ мнѣнію другихъ о самихъ себѣ: — таковы естественные предѣлы свободы активныхъ и реактивныхъ отношеній, предписываемые человѣку прежде всего индивидуальными чувствами собственной свободы и внѣшняго насилія.

180. Перейдемъ къ сохраненію человѣка какъ *рода*,— и во-первыхъ, въ смыслѣ особаго *класса* живыхъ существъ.

Мы показали раньше, что два основныя условія сохраненія *класса* людей, заключающіяся въ *рожденіи* и *воспитаніи* дѣтей, достигаются первоначально съ помощью *ощущеній*, опредѣляющихъ естественный *половой выборъ*, и естественныя *заботы* матери о первомъ воспитаніи своихъ дѣтей. Теперь мы должны прибавить, что родовое вліяніе ощущеній находитъ свою поддержку въ *волненіяхъ*.

Есть свои *половыя* волненія, на ряду съ половыми ощущеніями,—волненія вызываемыя представителями одного пола въ представителяхъ другого. Между половыми волненіями первое мѣсто принадлежитъ *чувствамъ красоты*, т. е. стройности, гармоніи, пропорціональности тѣлеснаго сложенія,—слѣдовательно, высшей правильности въ строеніи тѣла, обезпечивающей сохраненіе плодотворной силы потомства.—Сюда же принадлежатъ половыя волненія *новости*, направляющія половой выборъ на представителей чужихъ семействъ и родовъ;—волненія *силы*,— напр., ума, власти, имущества,—обезпечивающихъ общественное положеніе будущаго семейства;—чувства *нравственности*, напр., *умѣренности*, *твердости*, *честности*, *великодушія*, обезпечивающихъ прочность полового союза; и т. д.

181. Но вліяніе волненій не ограничивается однимъ

содѣйствіемъ ощущеніямъ,—въ дѣлѣ полового выбора; они не прекращаютъ своей работы и по окончаніи послѣдняго. Половыя волненія стремятся предупредить, вредныя для половой производительности, послѣдствія безпорядочной смѣны половыхъ отношеній, сообщая послѣднимъ характеръ *постоянства* или *неизмѣнности*. Это достигается главнымъ образомъ вслѣдствіе вліянія половыхъ чувствъ *нѣжности*, скрытыхъ въ половой *любви*, *ревности* и *дружбѣ*. Волненія нѣжности, затаенныя въ половой любви, или поощряющія развитіе отношеній къ предмету полового выбора, создаютъ впервые *союзъ сердецъ* между представителями различныхъ половъ, или индивидуальную *психическую потребность* ихъ другъ въ другѣ, и стремленіе къ неразлучному сожительству другъ съ другомъ. Положительное вліяніе нѣжныхъ чувствъ въ явленіяхъ любви, дополняется ихъ отрицательнымъ вліяніемъ въ явленіяхъ *ревности*, направленныхъ къ предотвращенію дѣйствій способныхъ давать поводъ къ нарушенію установившагося союза любви, — дѣйствій обращенія одного изъ союзниковъ въ другую сторону, или къ новому предмету полового выбора. — Высшее развитіе вліянія нѣжныхъ чувствъ достигается въ явленіяхъ супружеской *дружбы*, сливающей два психическія бытія въ одно сложное психическое существованіе, вслѣдствіе постояннаго участія одного изъ супруговъ, въ фактахъ душевнаго бытія—другого.—

Тѣ же самыя чувства *красоты*, *нѣжности*, и т. д., являются на помощь материнскимъ ощущеніямъ, и зарождаютъ *любовь* къ дѣтямъ, не чуждую своей ревности и дружбы,—чѣмъ еще надежнѣе обезпечивается ихъ первое воспитаніе.

182. Обратимся къ сохраненію человѣческаго рода въ смыслѣ *общества*.

Общественность человѣка, какъ противоположность его личности, означаетъ (§ § 22, 23) факты его внѣшней психической зависимости, обусловленные общностью цѣлей, и общностью дѣйствій въ ихъ преслѣдованіи, по общепринятому или общеустановленному плану.

Сохраненіе *сложившейся* или *установившейся* общественности не возможно безъ нѣкоторой психической экономіи *общественныхъ дѣйствій* человѣка, заключающейся въ соглашеніи ихъ теченія съ сохраненіемъ самаго состава данной общественности Такое согласіе достигается первоначально подъ вліяніемъ *общественныхъ чувствъ* или *волненій*, которыя, съ одной стороны, поощряютъ *развитіе* общественныхъ дѣйствій, а съ другой, указываютъ послѣднему извѣстную *міру*

Общественныя дѣйствія раздѣляются (§ 28) на *активныя* и *реактивныя* —общественныя явленія *вліянія*,— вызова и подавленія въ другихъ психическихъ фактовъ ихъ существованія, — именно, *побужденія*, *приказанія*, *воспрещенія*, *предложенія*, *просьбы*, *увѣщанія*, *угрозы*, *ободренія*, и т. д., — и общественныя дѣйствія *опытнаго* характера,—*исполненія*, *уступки*, *сопротивленія*, *одобренія*, *обвиненія*, *оправданія;* и т д. Въ общественномъ бытѣ государственнаго или политическаго характера, и въ нѣкоторыхъ низшихъ формахъ общественности, общественная активность принимаетъ форму *власти*, *господства*,—а реактивность—форму *подчиненія*, *служенія*.— Общественная активность поощряется въ своемъ развитіи вызываемыми ею пріятными волненіями *силы*, *авторитета*, *власти*, и т. д., а общественная реактивность, по-

ложительнаго и отрицательнаго характера, — чувствами *солидарности, признн, товарищества, страха, почтенія*; и т. д

183 *Мѣра* общественныхъ дѣйствій активнаго и реактивнаго характера указывается первоначально также волненіями человѣка. Общественность, какъ опредѣленный предметъ сохраненія, заключается въ *установившихся формахъ* ея, или ея *вторичныхъ законахъ*. Такимъ образомъ, сохраненіе общественности не обезпечено до тѣхъ поръ, пока развитіе общественной активности и реактивности не будетъ введено въ границы. указываемыя постояннымъ составомъ общественности,—т е., ея вторичными законами. Это именно и достигается первоначально вслѣдствіе работы многочисленныхъ спеціальныхъ чувствъ человѣка, опредѣляющей *мѣру* его общественной дѣятельности, или minimum и maximum послѣдней. Къ такимъ чувствамъ относятся слѣдующія высшія критическія чувства человѣка чувства *правды* и *неправды*, *законности* и *незаконности*, *обязанности* и *права*, *справедливости* и *несправедливости*, *честности* и *нечестности*, общественнаго *одобренія* и *порицанія;* и т. д.—Всѣ чувства несообразности общественныхъ дѣйствій съ вторичными законами общественности,—чувства совершаемой *неправды*, чувства *вины*, *проступка* и *преступленія*, чувства оказываемаго *пристрастія* или *несправедливости*, и т. д., имѣютъ двоякое вліяніе на вызывающія ихъ дѣйствія,—а именно, то сдерживающее ихъ въ границахъ законовъ, то поощряющее ихъ развитіе до указываемой послѣдними мѣры. Направляющее вліяніе чувствъ несообразности общественныхъ отношеній поддерживается пріятными волненіями вызываемыми ихъ сообразностью. или соглашеніемъ, съ

вторичными законами общественности.—Такимъ образомъ, чувства *незаконности* стремятся удержать общественныя дѣйствія въ границахъ существующихъ общественныхъ обычаевъ и положительныхъ законовъ.—Чувства общественнаго *порицанія*, вызываемыя упущеніями, стремятся поднять энергію общественной дѣятельности до указанной законами высоты.—Чувства *честности* стремятся къ поддержанію общественныхъ отношеній въ предѣлахъ заключенныхъ договоровъ, принятыхъ обязательствъ, и т. д.

Всѣ предыдущія изслѣдованія приводятъ къ слѣдующему общему заключенію: очевидно, что чувства вызываемыя собственною дѣятельностью человѣка, превращаются, при извѣстныхъ условіяхъ, въ ея мотивы, и что это превращеніе составляетъ первый ключъ къ объясненію ея консервативныхъ направленій.

ГЛАВА III.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЧУВСТВЪ И ДѢЙСТВІЙ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Мысленная мотивація дѣйствій. Мысленные мотивы въ формѣ прямой *антиципаціи* реальныхъ.—Мысленные мотивы въ формѣ *перенесенія* реальныхъ. — Мысленные мотивы въ формѣ *симпатическаго* воспроизведенія реальныхъ.

МЫСЛЕННАЯ МОТИВАЦІЯ ДѢЙСТВІЙ.

184. Между *мысленными* мотивами дѣйствій, нѣтъ мотивовъ вполнѣ *оригинальныхъ*. Всѣ мысленные мотивы образуются изъ *реальныхъ*, или суть *чувства*, продолжающія мотивировать и въ формѣ *идей*. Это доказывается—какъ существующими *порядками* мысленныхъ мотивовъ, такъ и самымъ *характеромъ* мысленной мотиваціи дѣйствій.

Мысленные мотивы представляютъ *три* основныхъ *порядка:* — во-первыхъ, мотивы возникающіе вслѣдствіе прямой *антиципаціи* реальныхъ мотивовъ собственныхъ дѣйствій; во-вторыхъ, мотивы обязанные своимъ происхожденіемъ *перенесенію* реальныхъ мотивовъ; и въ-третьихъ, мотивы образующіеся изъ реальныхъ вслѣдствіе *симпатіи*.

Характеръ мысленной мотивации дѣйствій, въ существенныхъ чертахъ, тотъ же что и мотивации реальной. Идеи реальныхъ мотивовъ находятся въ корреляции съ вызывающими ихъ, по законамъ ассоціации, дѣйствіями, пока сохраняютъ то или другое качество своихъ оригиналовъ. Обратное вліяніе такихъ идей подчинено вообще тому же *закону мотивации*, *произвольности*, или *самосохраненія*. Мотивирующія идеи то поощряютъ *развитіе* или *продолженіе* вызывающаго ихъ дѣйствія, то располагаютъ къ *прекращенію* или *ослабленію* его. Противоположное вліяніе идей зависитъ отъ ихъ противоположнаго качества, *пріятности* и *непріятности*, и составляетъ новое великое орудіе того *естественнаго выбора* между дѣйствіями, который впервые осуществляется подъ вліяніемъ чувствъ и ведетъ къ указаннымъ великимъ цѣлямъ сохраненія.—Въ этомъ можно убѣдиться, разсматривая *характеръ* мысленной мотивации дѣйствій въ основныхъ *порядкахъ* мысленныхъ мотивовъ

Мысленные мотивы въ формѣ прямой антиципаціи реальныхъ

185. *Реальными* мотивами мы называемъ ощущенія и волненія, оказывающія обратное вліяніе на вызывающія ихъ дѣйствія. Мотивирующія чувства могутъ быть и *предусмотрѣны*, какъ будущія послѣдствія того или другого момента дѣйствій. Это предусмотрѣніе будущихъ чувствъ, и ихъ извѣстнаго обратнаго вліянія на дѣйствія, мы и называемъ *антиципаціею*, или *умственною*, *мысленною антиципаціею*, реальныхъ мотивовъ. Реальные мотивы дѣйствія, антиципируемые въ мысляхъ или идеяхъ, ста-

новятся его *мысленными мотивами*. Чувства разъ испытанныя въ роли мотивовъ дѣйствія, принимая форму *идей*, не теряютъ своей способности обратнаго вліянія на дѣйствія, какъ скоро предусматриваются какъ ихъ извѣданныя или извѣстныя послѣдствія

Антиципація реальныхъ мотивовъ дѣйствія совершается, по *законамъ ассоціаціи*,—во-первыхъ, по поводу фактовъ *дѣйствія*, т. е. различныхъ моментовъ его *теченія*; и во-вторыхъ, по случаю психическаго *приготовленія* къ нему, въ формѣ *намѣренія*, *думы*, *предпріятія*,—иначе, по поводу образованія *психической готовности* къ дѣйствію. Мысленная антиципація реальныхъ мотивовъ, вызываемая теченіемъ дѣйствій, можетъ быть простымъ *дополненіемъ* мотивовъ реальныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ они продолжаются. Антиципація, вызываемая образованіемъ психической готовности къ дѣйствію, сообщаетъ послѣдней характеръ *произвольности*. Мысленные мотивы дѣйствій и психической готовности къ нимъ, образующіеся путемъ антиципаціи мотивовъ реальныхъ, содѣйствуютъ осуществленію той же самой психической экономіи дѣятельности, съ помощью которой обезпечивается сохраненіе человѣка какъ *индивидуума* и *рода*,—какъ *лица* и *общества*.

186. Различные моменты психической экономіи *движеній* человѣка осуществляются первоначально подъ вліяніемъ вызываемыхъ ими *мускульныхъ* и другихъ *ощущеній;* позднѣе, въ той же вліятельной роли выступаютъ мускульныя и другія *идеи* движеній, возникающія путемъ *антиципаціи* вызываемыхъ послѣдними ощущеній. Такимъ образомъ, въ своей мускульной свѣжести или силѣ человѣкъ убѣждается первоначально путемъ прямыхъ опы-

товъ движеній послѣ сна и вообще отдыха; позднѣе, та же увѣренность получается при одной мысленной остановкѣ на фактахъ сна или отдыха, позволяющей предусматривать исчезновеніе бывшей усталости и возстановленіе прежней *готовности* къ движеніямъ, посредствомъ антиципаціи тѣхъ пріятныхъ мускульныхъ ощущеній, которыя являются обыкновенными мотивами ихъ послѣ сна и мускульнаго отдыха. Антиципація мотивирующихъ мускульныхъ ощущеній рождаетъ *мысленные* мотивы движеній, поощряющіе ихъ начатіе. — Мускульная *мѣра* движеній опредѣляется позднѣе тою же мысленною антиципаціею мотивирующихъ ощущеній. Антиципація тяжолыхъ ощущеній *вѣса*, *сопротивленія*, не располагаетъ къ вызывающимъ ихъ движеніямъ *поднятія*, *вращенія;* и т. д. *Мягкій* и *тяжкій* движеній,—именно, ихъ живости, энергіи,—опредѣляемые при началѣ движеній вызываемыми ими ощущеніями, могутъ сохраняться, при ихъ продолженіи вслѣдствіе простого удержанія этихъ ощущеній, и ихъ вліянія, въ мысляхъ.

187. Психическая экономія дѣйствій *внѣшняго усвоенія*, соблюдаемая первоначально въ силу прямого вліянія вызываемыхъ ими зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и другихъ ощущеній, позднѣе достигается также съ помощью мысленной антиципаціи этихъ ощущеній. Такая антиципація способна опредѣлять — какъ *органическую потребность* внѣшняго усвоенія, такъ и самую *мѣру* послѣдняго. Антиципація пріятныхъ ощущеній цвѣтовъ и звуковъ, поощряетъ обѣщающую ихъ прогулку въ садахъ.— Антиципація въ жаркую пору пріятныхъ ощущеній прохлады, направляетъ движенія къ мѣстамъ и вещамъ дающимъ тѣнь.—Приближеніе къ нѣкоторымъ предметамъ мо-

жетъ быть остановлено простою антиципаціею издаваемыхъ ими пронзительныхъ или оглушающихъ звуковъ.— Продолжительное разсматриваніе слишкомъ блестящихъ предметовъ можетъ быть отклонено, раньше непріятныхъ ощущеній утомленія глазъ, одною мыслью о такихъ ощущеніяхъ какъ послѣдствіяхъ продолжительности этого занятія. — Тоже прилагается и къ дѣйствіямъ усвоенія вещества. Антиципація пріятныхъ ощущеній свѣжаго воздуха, вызываемая мыслью о прогулкѣ, становится однимъ изъ ея мотивовъ.—Простая антиципація вкуса кушаній, при взглядѣ на ихъ карту, способна убѣдить въ присутствіи или отсутствіи аппетита къ тому или другому блюду.—Антиципація ощущеній боли, вызываемыхъ поспѣшностью въ принятіи пищи, сообщаетъ дѣйствіямъ вкушенія извѣстную мѣру.

Чувственная мотивація сообщающая дѣйствіямъ человѣка *консервативно-родовой* характеръ, въ силу антиципаціи мотивирующихъ ощущеній, точно также переходитъ изъ реальной въ мысленную. Половой выборъ, составляющій условіе рожденія дѣтей, основанъ ближайшимъ образомъ на половыхъ ощущеніяхъ; но антиципація этихъ ощущеній, ожидаемыхъ отъ встрѣчи съ предметомъ начавшагося выбора, играетъ въ этомъ дѣлѣ не маловажную роль. Она поощряетъ такія встрѣчи, когда онѣ только задумываются, и усиливаетъ энергію дѣйствій, направленныхъ съ сближенію съ предметомъ выбора. — Тоже прилагается и къ мотивирующимъ ощущеніямъ матери. Ея попеченія о своемъ ребенкѣ вызываются не только живыми ощущеніями, возбуждаемыми послѣднимъ, но и мысленною антиципаціею его формъ, звуковъ его голоса; и т. д.

188. Перейдемъ къ мысленной антиципаціи *волненій* бывшихъ мотивами дѣйствій.

Мы видѣли, что волненія служатъ дополнительными опредѣлителями экономіи *движеній* и дѣйствій *внѣшняго усвоенія;* они остаются въ этой роли и тогда, когда только предусматриваются въ мысляхъ, какъ послѣдствія предпринятыхъ или предпринимаемыхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, возобновленіе въ умѣ опасеній, поддерживавшихъ извѣстную мѣру въ расходѣ мускульной или органической силы, способно сдерживать порывы напоминающихъ эти опасенія дѣйствій.

Волненія бывшія мотивами *внѣшнихъ наблюденій* и *опытовъ* человѣка, принимая форму идей, оказываютъ сходное вліяніе на новыя дѣйствія того же рода, располагая къ наблюденіямъ плодотворнымъ. опытамъ безопаснымъ и полезнымъ.

Идеи *свободы*, *стѣсненія* и *насилія*, возникающія въ силу антиципаціи соотвѣтственныхъ чувствъ, какъ послѣдствій тѣхъ или другихъ дѣйствій, оказываютъ на послѣднія тоже вліяніе, какъ и чувства, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ. Мысль о свободѣ поощряетъ борьбу противъ насилія; мысль объ отвѣтномъ насиліи способна удержать свободу дѣйствій въ извѣстныхъ границахъ.

189. Волненія управляющія отношеніями, обезпечивающими сохраненіе человѣческаго рода въ смыслѣ особеннаго *класса* живыхъ существъ и въ смыслѣ общества, подлежатъ той же мысленной антиципаціи и сохраняютъ въ формѣ идей тоже вліяніе.—*Половыя* чувства, содѣйствующія половому выбору и поддерживающія постоянство брачныхъ отношеній. — чувства *красоты*, *нѣжности* и

т. д., антиципируемыя въ мысляхъ какъ впечатлѣнія встрѣчи, свиданія, сожительства съ избираемымъ лицомъ, имѣютъ сильное явленіе на осуществленіе этихъ отношеній, окружая ихъ тѣмъ поэтическимъ колоритомъ, который такъ выдается въ исторіи половой любви, составляющей обыкновенный предметъ романической литературы.

Идеи *общественнаго долга*, оказывающія вліяніе на общественныя явленія, суть первоначально антиципація *чувствъ* которыя вызываются отношеніями этого рода. Уваженіе къ власти, авторитету, общественному достоинству, общественному мнѣнію,—правда и неправда, законность и незаконность, справедливость, честность, и т. д., не суть слѣдствія какихъ нибудь измышленій, нашедшихъ свое осуществленіе въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ,—а суть прежде всего дѣйствительность, представляемая реальными общественными отношеніями и ихъ сообразностью или несообразностью съ вторичными законами общественности;—дѣйствительность, направляемая первоначально *чувствами характера* составляющихъ ее отношеній,—чувствами уваженія власти, чувствами правды, законности, и т. д.,—а затѣмъ, получаемыми изъ этихъ чувствъ, вслѣдствіе ихъ мысленной антиципаціи, *идеями* того же рода, — идеями *правды*, *законности*, *справедливости*, *честности*, и т. д. Только какъ антиципація собственныхъ чувствъ или впечатлѣній, отъ принятыхъ или принимаемыхъ общественныхъ отношеній, такія идеи и способны опредѣлять ихъ естественную *мѣру*.

190. Мысленная антиципація реальныхъ мотивовъ дѣятельности даетъ, такимъ образомъ, одинъ изъ порядковъ ея мысленныхъ мотивовъ. Сравнивая при этомъ по-

слѣдніе съ первыми, нельзя не замѣтить, что на ряду съ нѣкоторыми *недостатками*, мысленная мотивація дѣйствій, представляемая антиципаціею мотивовъ реальныхъ, имѣетъ и свои *достоинства*.

Недостатки мысленной мотивации заключаются главнымъ образомъ въ *отсутствіи оригинальности*, и въ сравнительно меньшей *интенсивности*, а слѣдовательно, и *вліятельности*. Отсутствіе оригинальности въ мысленныхъ мотивахъ человѣческой дѣятельности, обнаруживающееся въ фактѣ антиципаціи мотивовъ реальныхъ, сдѣлается вполнѣ очевиднымъ послѣ обзора другихъ порядковъ мысленныхъ мотивовъ.—Низшая интенсивность мысленной мотивации зависитъ отъ свойства всѣхъ вообще *идей*. Вліяніе идей, какъ и чувствъ, зависитъ отъ извѣстнаго качества ихъ,—пріятности и непріятности, а это качество свойственно чувствамъ въ большей степени, чѣмъ идеямъ. Идеи чувствъ, какъ воспроизведенія послѣднихъ, отличаются отъ нихъ прежде всего сравнительно меньшею интенсивностью всѣхъ своихъ свойствъ.

Но рядомъ съ этими преимуществами реальной мотивации, и недостатками мысленной. есть свои недостатки первой, и *достоинства* послѣдней.

191. Разсматривая вліяніе чувствъ, направляющее дѣйствія человѣка къ той или другой основной цѣли ихъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, тотъ недостатокъ реальной мотивации, что она даетъ сознаніе *мѣры* дѣйствій только послѣ того, какъ сдѣланы попытки *переступить* послѣднюю. Такимъ образомъ. соразмѣрность дѣйствій, достигаемая въ силу ихъ реальной мотивации, есть плодъ болѣе или менѣе рѣзкихъ уклоненій отъ надлежащей мѣры ихъ, или преступленій противъ той самой цѣли, которой они слу-

жатъ. Ясно,что цѣли мотивации достигались бы съ великимъ трудомъ, и въ незначительной степени, если бы дѣйствія человѣка протекали подъ вліяніемъ однихъ мотивовъ реальныхъ, т. е. вызываемыхъ ими чувствъ. Но это затрудненіе постепенно исчезаетъ, въ силу того великаго факта, что каждый опытъ мотивирующаго чувства обращается въ постоянный капиталъ психической экономіи человѣческой дѣятельности, выступая позднѣе въ формѣ мотивирующей идеи, въ безчисленныхъ случаяхъ его антиципации, по поводу начатыхъ или задуманныхъ дѣйствій. Мотивъ реальный, антиципируемый въ мысли по поводу дѣйствія, становится опредѣлителемъ послѣдняго, на все время пока продолжается эта антиципація. Мысленная антиципація извѣданныхъ мотивовъ есть, такимъ образомъ, первая гарантія соразмѣрности дѣйствій, предписываемой тою опредѣленною цѣлью, къ которой они направляются.

192 Другое достоинство мысленной мотивации дѣйствій заключается въ томъ, что она устраняетъ *односторонность* мотивации реальной.

Дѣйствіе бываетъ несоразмѣрно, когда достигаетъ развитія угрожающаго той самой цѣли, которой оно служитъ въ извѣстное время,—напр. сохраненію индивидуальности человѣка, или его общественности. Но оно также несоразмѣрно. если, отвѣчая вполнѣ своей опредѣленной цѣли, оказывается, по развитію, опаснымъ или враждебнымъ для другихъ цѣлей. Потому что всѣ основныя цѣли произвольной дѣятельности человѣка составляютъ въ существѣ *одну* цѣль, заключающуюся ближайшимъ образомъ въ его сохраненіи, слѣдовательно, достиженіе ихъ не мыслимо при взаимномъ противорѣчіи основныхъ направленій произвольной дѣятельности,—т. е., когда раз-

витіе одного изъ нихъ сопровождается подавленіемъ другихъ. Такимъ образомъ, осуществленіе основныхъ цѣлей произвольной дѣятельности не достижимо безъ нѣкоторой высшей экономіи послѣдней, заключающейся въ *согласованіи* ея основныхъ направленій, или въ сообщеніи каждому дѣйствію *высшей соразмѣрности*, устраняющей его *односторонность* или *исключительность*, съ точки зрѣнія основныхъ цѣлей произвольной дѣятельности. Эта высшая соразмѣрность дѣйствій человѣка требуетъ, чтобы консервативно-индивидуальное направленіе его дѣятельности, не имѣло характера противородового, и наоборотъ, консервативно-родовое не было угрозою его индивидуальности, — въ частности требуетъ, чтобы направленіе индивидуально-животное не вредило его личности, семейственности и общественности, и наоборотъ, чтобы направленія консервативно-личное, консервативно-семейственное и консервативно-общественное не расходились другъ съ другомъ, и съ сохраненіемъ человѣка какъ животнаго организма. Эта высшая соразмѣрность психической дѣятельности человѣка достигается только съ помощью мысленной мотивации послѣдней, въ формѣ *суммарной* антиципаціи всѣхъ реальныхъ мотивовъ каждаго дѣйствія.

193. Реальные мотивы дѣйствія антиципируются въ мысляхъ, по *законамъ ассоціаціи* дѣйствій человѣка со всѣми ихъ послѣдствіями, въ числѣ которыхъ находятся и вызываемыя ими чувства, нейтральныя и обладающія качествомъ пріятности или непріятности,—слѣдовательно, служащія ихъ реальными мотивами. Ассоціаціи дѣйствій съ мотивировавшими ихъ чувствами открываются въ томъ, что, при всякомъ текущемъ или задумываемомъ дѣйствіи, припоминаются, или оживаютъ въ формѣ идей, всѣ тѣ чув-

ства, которыя когда нибудь были его мотивами. Такая суммарная антиципація реальныхъ мотивовъ дѣйствія, какъ зависящая отъ положительныхъ и отрицательныхъ условій ихъ ассоціаціи съ послѣднимъ, бываетъ конечно не одинакова, по порядку, ясности и полнотѣ,—у различныхъ лицъ, и у того же лица—при различныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ не менѣе, высшая соразмѣрность дѣйствія зависитъ, въ концѣ, отъ такой именно антиципаціи его реальныхъ мотивовъ. При суммарной антиципаціи послѣднихъ, направленіе дѣйствій къ одной изъ основныхъ цѣлей совершается въ присутствіи мыслепныхъ мотивовъ, преслѣдующихъ другія цѣли и работающихъ въ другихъ направленіяхъ, — слѣдовательно, противодѣйствующихъ ему, въ случаѣ своего несогласія съ нимъ.

194. Для примѣра, возьмемъ два общія направленія произвольной дѣятельности,—консервативно-индивидуальное и консервативно-родовое. Односторонность или исключительность консервативно-индивидуальнаго направленія дѣйствій называется *эгоизмомъ*. Дѣйствія бываютъ эгоизмомъ или эгоистическими, когда, направляясь къ сохраненію человѣка какъ животнаго организма, или какъ лица, расходятся съ мотивами сохраненія его какъ рода, въ смыслѣ особаго класса живыхъ существъ, или въ смыслѣ общества. Эгоизмъ предпринятыхъ дѣйствій, напр., относительно жены, мужа, дѣтей, и т. д.,—можетъ быть ограниченъ, конечно, и реальными мотивами, но только послѣ опытовъ такого рода практическихъ заблужденій, или такихъ уклоненій отъ высшей мѣры дѣйствій. Суммарная же антиципація реальныхъ мотивовъ семейственнаго и общественнаго характера способна устранять эгоизмъ дѣйствій раньше ихъ начатія, замѣняя реальную борьбу

такихъ мотивовъ съ текущимъ дѣйствіемъ — борьбою идеальною, или борьбою съ развитіемъ дѣйствія въ однѣхъ мысляхъ.—Такимъ же образомъ, и наоборотъ, мотивы консервативно-индивидуальные, напр. личные, ограничиваютъ вліяніе консервативно-родовыхъ,—напр., семейственныхъ и государственныхъ —Съ помощью такой суммарной антиципаціи реальныхъ мотивовъ каждаго дѣйствія, человѣкъ запечатлѣваетъ въ своемъ умѣ ту высшую соразмѣрность, или пропорціональность, своей произвольной дѣятельности, которая сводится къ принципу достиженія каждой изъ основныхъ ея цѣлей, безъ вреда и опасности для остальныхъ, или для общей цѣли сохраненія человѣка.

Мысленные мотивы въ формѣ перенесенія реальныхъ.

195. Чувства, бывшія мотивами вызвавшихъ ихъ дѣйствій, способны мотивировать и другія дѣйствія, возбуждающія ихъ только по ассоціаціи съ первыми, — слѣдовательно, только въ формѣ *идей*. Такимъ образомъ, нѣкоторыя дѣйствія обладаютъ *заимствованною* и *ограниченною* способностью возбужденія чувствъ,—которою они впрочемъ могутъ обладать вмѣстѣ съ *прямою* и *полною*. Точно также, нѣкоторыя чувства способны, въ формѣ *идей*, мотивировать дѣйствія, которыми они въ *дѣйствительности*, или какъ *чувства*, не вызывались. Ассоціація дающая мѣсто такой мотивації дѣйствій, называется ассоціаціею (или закономъ) *перенесенія*; а мысленные мотивы получающіе происхожденіе путемъ такого рода ассоціаціи, называются *переносными*.

Для объясненія ассоціаціи *перенесенія*, полагающей начало особенному порядку мысленныхъ мотивовъ, именно переносныхъ,—замѣтимъ слѣдующее. Вступленіе дѣйствія въ корреляцію съ чувствомъ, которое имъ въ дѣйствительности не вызывалось, бываетъ слѣдствіемъ двухъ великихъ законовъ ассоціаціи, — *смежности* и *сходства* Дѣйствіе получаетъ способность вызывать въ мысли реальный мотивъ другого дѣйствія, и въ свою очередь подвергаться вліянію этого мотива,— въ силу *смежности* или *сходства* обстоятельствъ обоихъ дѣйствій. Перенесеніе мотивовъ совершается тотчасъ, какъ только усматривается или узнается эта смежность, или это сходство—обстоятельствъ.

196. Переносные мотивы, какъ мысленные, не имѣютъ силы или интенсивности реальныхъ, но превосходятъ послѣдніе *объемомъ* своего вліянія. Реальный мотивъ какого нибудь дѣйствія ограниченъ сферою этого дѣйствія, антиципація реальнаго мотива, вызываемая тѣмъ же дѣйствіемъ, имѣетъ, какъ мы видѣли, великія преимущества передъ нимъ, но страдаетъ тою же ограниченностью, тою же *непосредственностью* корреляціи съ мотивируемымъ дѣйствіемъ. Не то съ *перенесеніемъ*. Перенесеніе реальныхъ мотивовъ расширяетъ, до необозримыхъ размѣровъ, приложеніе одного и того же мотива. Мотивъ реальный становится переноснымъ столько разъ, сколько встрѣчается отношеній смежности и сходства, между обстоятельствами дѣйствія подвергающагося его вліянію, и всей массы другихъ дѣйствій человѣка. — Какъ новое приложеніе реальныхъ мотивовъ, мотивы переносные человѣческихъ дѣйствій подчинены тому же *закону мотивации*, и имѣютъ тотъ же охранительный характеръ.—

197. Для объясненія *переносной мотивации* дѣйствій, ея природы и характера, обратимся прежде всего къ переноснымъ мотивамъ *консервативно-индивидуальныхъ* дѣйствій, направленныхъ къ сохраненію человѣка какъ животнаго организма, и какъ лица. Только немногія изъ этихъ дѣйствій мотивируются вызываемыми ими чувствами,—а именно тѣ, которыя являются ближайшими средствами для достиженія указанныхъ цѣлей, таковы—движенія, дѣйствія усвоенія внѣшней силы и вещества, опыты и наблюденія надъ внѣшнею природою, опыты психическихъ вліяній, и опыты усвоенія послѣднихъ. Большая часть консервативно-индивидуальныхъ дѣйствій мотивируется чувствами *переносными*,—а именно всѣ дѣйствія, которыя являются косвенными или отдаленными средствами для достиженія тѣхъ же цѣлей. Такія дѣйствія называются *полезными*, какъ противоположность ихъ—*вредными*. Отсюда, изученіе полезныхъ и вредныхъ дѣйствій, въ приложеніи къ сохраненію индивидуальности человѣка, вводитъ въ одинъ изъ отдѣловъ произвольной дѣятельности руководимой переносными мотивами.

198. Есть много дѣйствій, несогласныхъ съ сохраненіемъ органической индивидуальности человѣка, — чего однако не говорятъ вызываемыя ими чувства. Таковы—дѣйствія открывающія просторъ нѣкоторымъ вліяніямъ внѣшнихъ силъ,—напр. жара, холода, и т. д.,—дѣйствія принятія испорченныхъ, ядовитыхъ веществъ; нѣкоторыя дѣйствія обращенія съ водою, дикими животными; и т. д. Законъ мотивацiи не помогаетъ здѣсь непосредственно; но онъ помогаетъ косвенно, какъ скоро обнаруживаются послѣдствія этихъ дѣйствій, сопровождающіяся чувствами тяжкаго качества. Какъ только усматривается связь между

этими чувствами и косвенно вызвавшими ихъ собственными дѣйствіями, послѣднія подвергаются вліянію первыхъ,—всякой разъ какъ задумываются или приводятся въ исполненіе. Такимъ образомъ, мысль о страданіяхъ, которымъ человѣкъ подвергся вслѣдствіе отравленія ядовитымъ веществомъ, обладаетъ способностью удерживать его отъ повторенія опытовъ принятія такого вещества.—Мысли о болѣхъ причиненныхъ простудою, вслѣдствіе купанья въ холодной водѣ, дѣлаетъ человѣка осторожнымъ относительно ея температуры.—Мысль объ опасности, какой подвергался человѣкъ отъ встрѣчи дикихъ звѣрей, можетъ сдѣлать его осмотрительнымъ относительно мѣстъ своихъ прогулокъ, путешествій, и т. д.—Всѣ эти мысли объ испытанныхъ страданіяхъ, болѣхъ, опасностяхъ, побуждающія человѣка воздерживаться отъ нѣкоторыхъ дѣйствій, и внушающія ему осторожность и осмотрительность, суть идеальная форма тѣхъ же страданій, болей и чувствъ страха, которыя были испытаны при извѣстныхъ обстоятельствахъ —онѣ мотивируютъ дѣйствія способныя быть косвенными причинами этихъ тяжолыхъ ощущеній и волненій, или вновь вызвать тѣже обстоятельства, которыя были ихъ непосредственными причинами. Слѣдовательно, идеи, мотивирующія, въ указанныхъ случаяхъ, дѣйствія воздержанія, осторожности и осмотрительности, суть *переносные* мотивы этихъ дѣйствій, возникающіе по началу *смежности*,—а именно, по смежности ощущеній и волненій непріятнаго качества—съ обстоятельствами, которыхъ эти дѣйствія были прямыми причинами.

199. На ряду съ разсмотрѣнными дѣйствіями стоятъ другія, точно также не имѣющія значенія прямыхъ средствъ для сохраненія индивидуальности человѣка, но

отвѣчающія этой цѣли по своимъ послѣдствіямъ. Сюда принадлежатъ дѣйствія принятія лѣкарствъ, сопровождающіяся ощущеніями безразличными, а иногда и непріятными,—дѣйствія запаса внѣшнихъ силъ и вещества, дѣйствія обработки ихъ, накопленія, сбереженія; дѣйствія охраненія ихъ естественныхъ источниковъ, представляемыхъ произведеніями окружающей природы; и т. д. Конечно, такія дѣйствія могутъ имѣть и нѣкоторые реальные мотивы, но обыкновенными мотивами ихъ бываютъ мысленные, именно—переносные. — Принятіе лѣкарствъ мотивируется обыкновенно мыслями о выздоровленіи, и сопровождающихъ его пріятныхъ чувствахъ.—Запасы матеріальныхъ силъ и вещества дѣлаются въ виду ихъ позднѣйшаго потребленія, и связанныхъ съ нимъ пріятныхъ ощущеній.—Обработка матеріаловъ добываемыхъ изъ окружающей природы, мотивируется пріятными идеями запаса, потребленія, и въ концѣ, опять, связанныхъ съ послѣднимъ ощущеній.—Такимъ образомъ, мотивація такихъ дѣйствій, какъ принятіе лѣкарствъ, запасъ и обработка матеріаловъ органическаго потребленія, и охраненіе произведеній природы, служащихъ ихъ источниками,—бываетъ обыкновенно не прямая, а косвенная, или переносная, по связи этихъ дѣйствій съ ихъ послѣдствіями, между которыми усматриваются косвенно вызываемыя ими пріятныя чувства.

200. Переносная мотивація дѣйствій направленныхъ къ сохраненію *личности* человѣка, весьма наглядна въ отношеніяхъ къ *имуществу*, и вообще къ *собственности*. Всякое внѣшнее насиліе, всякое дѣйствіе другихъ, подавляющее свободу реагента, вызываетъ отвѣтныя дѣйствія—уклоненія отъ насилія, и противодѣйствія ему, или борьбы

съ нимъ. По смежности дѣятельности человѣка съ ея произведеніями или послѣдствіями, насиліе дѣлаемое послѣднимъ, переносится на первую,—насиліе противъ всякаго плода индивидуальной психической дѣятельности или свободы, является насиліемъ противъ этой дѣятельности, или отрицаніемъ этой свободы. Къ числу плодовъ индивидуальной дѣятельности принадлежатъ матеріальныя и символическія произведенія дѣятеля, — пріобрѣтенное его трудомъ имущество, какъ и всякая другая собственность. Вслѣдствіе перенесенія мотивовъ, покушеніе на имущество, на собственность, становится посягательствомъ на индивидуальную психическую свободу человѣка, на его личность. — Тоже прилагается къ внѣшнему насилію противъ дѣйствій *дара*, *завѣщанія*, *куплы*, *продажи*; и т. д. — Чувства внѣшняго насилія, вызываемыя покушеніемъ на свободу реагента, переносятся на покушенія противъ его имущества или собственности, — иначе, на реактивныя отношенія къ такого рода внѣшнему насилію. Перенесеніе мотивовъ съ однихъ дѣйствій на другія основано здѣсь на началѣ смежности,—а именно, на связи чувствъ насилія съ подвергающеюся ему дѣятельностью человѣка или его индивидуальною психическою свободою, и на связи дѣятельности или свободы съ ихъ послѣдствіями. — Тѣ же чувства внѣшняго насилія, которыя внушаютъ агенту уваженіе къ личности или индивидуальной психической свободѣ реагента,—въ формѣ мотивовъ переносныхъ, внушаютъ первому уваженіе къ имуществу или вообще собственности послѣдняго.

201. Перейдемъ къ переносной мотивации *консервативно-родовыхъ* дѣйствій. Переносные мотивы дѣйствій

этого порядка изучаются, между прочимъ, на фактахъ перенесенія волненій *нѣжности*, обнаруживающихъ свое вліяніе въ различныхъ формахъ любви къ другимъ. Простѣйшими фактами такого рода представляются примѣры перенесенія нѣжности и любви,—выражающейся въ нѣжной внимательности, заботливости,—съ лицъ—на принадлежащія имъ вещи, событія ихъ жизни, близкихъ имъ людей; и т. д. Консервативно-родовое значеніе переносныхъ мотивовъ нѣжности, въ формахъ переносной любви, особенно наглядно въ томъ необозримо-широкомъ вліяніи, какое, по перенесенію, получаютъ любовь *половая* и *материнская*. Любовь мужа къ женѣ переходитъ, въ различныхъ степеняхъ, на ея родство; тоже и съ любовью жены относительно мужа. Половая любовь, по перенесенію, переходитъ, такимъ образомъ, въ *родственную* Любовь матери къ своимъ дѣтямъ, по существу, прямая; но любовь къ внукамъ и внучкамъ—болѣе переносная. Любовь отца къ своимъ дѣтямъ имѣетъ обыкновенно двойственный характеръ,—переносный, съ ихъ матери,—и прямой. Дѣти связываются между собою отчасти прямою нѣжностью другъ къ другу, но еще болѣе переносною—съ своихъ матерей и отцовъ. Тотъ же переносный характеръ свойственъ любви между дядями и племянниками, тетками и племянницами; и т. д Такимъ образомъ, родственная любовь, за исключеніемъ развѣ материнской,—или отчасти, или всецѣло, переноснаго характера.—Но этимъ не ограничивается расширеніе вліянія половой и материнской любви. Родственная любовь переносится, далѣе, на родъ или племя, къ которому принадлежитъ родство; на весь народъ, къ которому принадлежитъ племя; на государство, созданное этимъ народомъ; на расу, къ которой принадлежитъ на-

родность, и наконецъ, на все остальное человѣчество. Съ лицъ, представляемыхъ племенемъ, народомъ, государствомъ, любовь переносится на принадлежащую имъ территорію и ея произведенія, — и на произведенія ихъ исторіи, — народный языкъ, нравы, обычаи, народныхъ героевъ, и т. д.,—однимъ словомъ, на родину, отечество.—Факты перенесенія семейной и родственной любви показываютъ, что здѣсь переносятся не одни чувства нѣжности, но и нѣжные реальные мотивы; потому что любовь есть явленіе нѣжности вызываемой отношеніями къ другимъ и имѣющей на эти отношенія обратное вліяніе. Ясно, что нѣжныя чувства, переносимыя съ однихъ предметовъ и отношеній на другія, не лишаются своей мотивирующей силы Самое перенесеніе происходитъ въ силу вліянія обоихъ законовъ ассоціаціи,—смежности и сходства, но прежде—смежности. Это видно изъ того, что родственная любовь, по своей интенсивности, отвѣчаетъ обыкновенно степенямъ близости родства, или непрерывнаго преемства колѣнъ. А любовь къ своему народу, къ своей расѣ, напр бѣлой,—опирается преимущественно на сходство; отсюда, ассимиляція въ историческомъ или культурномъ отношеніи оказывается достаточнымъ условіемъ народной любви—для людей выше̇дшихъ изъ другихъ націй.

Мысленные мотивы въ формѣ симпатическаго воспроизведенія реальныхъ.

202. Есть широкій классъ чувствъ называемыхъ *симпатическими*, это—сочувствіе чужой радости или чужому горю, или вообще чужимъ ощущеніямъ и волненіямъ—пріятнаго и непріятнаго качества.

По своему составу, чувства *симпатическія* заключаются въ отраженіи, повтореніи, или воспроизведеніи — чувствъ другого. Сочувствіе чужой радости есть нѣкоторая собственная радость, по поводу чужой радости; сочувствіе чужому горю есть нѣкоторое собственное горе, по поводу чужого горя, сочувствіе чужому негодованію, страху, есть особеннаго рода собственный гнѣвъ или страхъ, по поводу чужого гнѣва или страха.

Особенность симпатическихъ ощущеній и волненій состоитъ въ томъ, что это—не реальные факты, не чувства, а *идеи*, или *мысленное*, *умственное* воспроизведеніе чужихъ чувствъ, получающее особенную интенсивность отъ присутствія воспроизводимыхъ ими реальныхъ фактовъ. Симпатическое воспроизведеніе чужихъ чувствъ основано на *усмотрѣніи* послѣднихъ, или есть послѣдствіе ассоціацій дающихъ понимать, и какъ бы наблюдать, то что чувствуется другими,—ассоціацій движеній и дѣйствій съ испытываемыми ими ощущеніями и волненіями. Симпатическое воспроизведеніе бываетъ особенно легко, когда воспроизводимыя чувства ожидаются, или даже намѣренно подготовляются: потому что, въ такомъ случаѣ, чужія чувства уже антиципируются въ идеяхъ, и фактъ наступленія первыхъ сообщаетъ послѣднимъ лишь ту интенсивность, которая заслужила имъ названіе симпатическихъ *чувствъ*.

203. Симпатическое воспроизведеніе чужихъ чувствъ вызванныхъ собственными дѣйствіями, не остается безъ обратнаго вліянія на послѣднія, потому что возникающія при такомъ условіи симпатическія чувства, косвенно вызываются собственными дѣйствіями, и всегда обладаютъ тѣмъ или другимъ качествомъ, пріятности или непріят-

ности. Сочувствіе чужому страху, вызванному нашимъ собственнымъ дѣйствіемъ, располагаетъ къ пріостановкѣ или прекращенію послѣдняго; потому что сочувствіе чужому страху есть воспроизведеніе послѣдняго по собственнымъ опытамъ того же волненія,—слѣдовательно, со всѣмъ его вліяніемъ на вызывавшія его, при тѣхъ же условіяхъ, дѣйствія. Такимъ образомъ, симпатическія чувства пріятнаго и непріятнаго качества, вызываемыя собственными дѣйствіями человѣка, обращаются въ *симпатическіе мотивы* послѣднихъ.

Такъ какъ симпатическіе мотивы человѣческихъ дѣйствій суть, подобно переносимъ, мотивы *мысленные*, являющіеся особенною формою воспроизведенія *реальныхъ* то естественно ожидать, что симпатическая мотивація дѣятельности человѣка подчиняется общему *закону* мотивации, и имѣетъ тотъ же охранительный характеръ. Анализъ активныхъ и реактивныхъ симпатическихъ отношеній показываетъ, что симпатическая мотивація направлена собственно къ охраненію *личности* человѣка, или его индивидуальной психической *свободы*.

204. Симпатическія чувства могутъ быть косвенно вызваны *активными* отношеніями человѣка, какъ воспроизведеніе возбуждаемыхъ ими въ другихъ ощущеній и волненій пріятнаго или непріятнаго качества,—напр., ощущеній *боли, усталости, тяжести*, пріятныхъ или непріятныхъ *запаховъ*, *звуковъ*, *прикосновеній*, —или волненій пріятнаго *изумленія*, *восторга*, *нѣжности*, *безпокойства*, *страха*, *гнѣва*, *стыда*; и т д. —Симпатическія чувства, сопровождающія такого рода активныя отношенія, оказываютъ въ свою очередь вліяніе на послѣднія. — положительное или отрицательное, соотвѣтствен-

но своему качеству. То и другое вліяніе симпатическихъ чувствъ на вызывающую ихъ активность направлено прямымъ образомъ къ охраненію свободы другихъ и, только косвенно, собственной свободы агента,—такъ какъ поощряетъ дѣйствія отвѣчающія чужимъ потребностямъ и силамъ, и удерживаетъ отъ противоположныхъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ симпатическихъ чувствъ охотно повторяютъ дѣйствія, доставившія радость членамъ семьи, или удовольствіе друзьямъ.—Возрастающее расположеніе къ благотворительности объясняется отчасти симпатическою мотивацією Нѣжныя чувства, выражаемыя въ различныхъ видахъ благодарности или признательности благотворителямъ, получая въ духѣ послѣднихъ симпатическое воспроизведеніе, способны сами по себѣ располагать къ усиленію и расширенію дѣйствій благотворенія —Противоположное вліяніе свойственно симпатическимъ чувствамъ непріятнаго качества, они внушаютъ прекращеніе или, по крайней мѣрѣ, смягченіе дѣйствій вызывающихъ, или способныхъ вызвать, въ другихъ непріятныя чувства, они же побуждаютъ отказываться отъ такихъ дѣйствій раньше ихъ начатія. Чувства жалости, вызываемыя слезами или, точнѣе, страданіями ребенка, бываютъ, для родителей и воспитателей, обыкновенными мотивами къ прекращенію вызывающаго эти страданія наказанья.—Та же симпатическая мотивація дѣйствій внушаетъ нѣкоторую сдержанность—въ неизбѣжномъ объявленіи другимъ о постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ;—въ необходимомъ раскрытіи чужихъ проступковъ и преступленій,—въ обличеніи чужихъ заблужденій, предразсудковъ;—въ объявленіи другимъ постановленныхъ имъ наказаній; и т. д.—Тѣ же симпатическія чувства могутъ удержать человѣка—отъ предложеній способныхъ возбудить въ дру-

гихъ чувство стыда;—отъ сообщеній способныхъ ранить чужую гордость,—отъ извѣстій которыя могли бы обезпокоить другихъ; и т. д. — Поощряя активность, совпадающую съ чужими потребностями, и противодѣйствуя расходящейся съ ними, симпатическая мотивація направляется къ охраненію свободы другихъ и, въ концѣ, собственной свободы агента,—такъ какъ несогласное съ чужими потребностями расходится, въ силу симпатіи, съ его собственными, — или стѣсняетъ свободу его активныхъ отношеній.

205. Симпатическія чувства могутъ быть, далѣе, вызваны—конечно, опять косвеннымъ образомъ,—и *реактивными* отношеніями человѣка, — напр., вниманія, чтенія, подражанія, уклоненія, противодѣйствія, оцѣнки, суда; и т. д. — Соотвѣтственно своему качеству, симпатическія чувства имѣютъ обратное вліяніе на вызывающія ихъ реактивныя отношенія,—то положительное, то отрицательное Въ обоихъ случаяхъ, симпатическая мотивація человѣческихъ дѣйствій направлена къ той же цѣли, но въ обратномъ порядкѣ,—а именно, прямымъ образомъ, къ сохраненію собственной свободы реагента и, только косвенно, свободы другихъ,—такъ какъ поощряетъ отношенія отвѣчающія психическимъ потребностямъ реагента, и располагаетъ къ прекращенію или смягченію ему противоположныхъ. — Положительное вліяніе симпатическихъ чувствъ приковываетъ вниманіе къ сценамъ любви, успѣха, счастья,—поощряетъ подражаніе дѣйствіямъ другихъ, сопровождавшимся для нихъ ощущеніями или волненіями пріятнаго качества, — и въ значительной степени объясняетъ великое вліяніе театра и литературы, и вліянія примѣ-

ровъ поведенія взрослыхъ людей на молодыя поколѣнія. При такомъ вліяніи симпатическихъ чувствъ, симпатическая реакція отвѣчаетъ собственнымъ потребностямъ реагента, но косвенно можетъ совпадать и съ потребностями другихъ. Послѣднее особенно ясно на отрицательномъ вліяніи симпатическихъ чувствъ.—*Перенесеніе* симпатическихъ чувствъ непріятнаго качества вызываетъ отказъ отъ намѣреній, исполненіе которыхъ привело другихъ къ печальному концу. — Симпатическая мотивація можетъ обнаружиться фактами сдержанности —въ критикѣ чужихъ произведеній; въ оцѣнкѣ чужой нравственности; въ топѣ обвиненія.— Подъ однимъ вліяніемъ тяжолыхъ симпатическихъ чувствъ, люди неохотно бываютъ свидѣтелями дѣйствій обиды, оскорбленія, или униженія третьихъ лицъ,—свидѣтелями ихъ обмана, соблазна, притѣсненій, мученій, порабощенія; и т. д.—Тяжесть симпатическихъ чувствъ, возбуждаемыхъ подобными наблюденіями, вызываетъ—то удаленіе отъ этихъ проявленій человѣческой дикости или испорченности, то противодѣйствіе имъ, которое можетъ ограничиться глухою внутреннею борьбою съ производимыми ими впечатлѣніями, но можетъ перейти и въ открытую симпатическую борьбу за обиженныхъ, оскорбленныхъ, униженныхъ, обманутыхъ, введенныхъ въ соблазнъ, притѣсняемыхъ, мучимыхъ, порабощенныхъ. — Во всѣхъ этихъ случаяхъ отрицательнаго вліянія симпатическихъ чувствъ, ближайшая цѣль симпатической мотивації, т. е.— возстановленіе своей психической свободы, или гармоніи отношеній къ другимъ съ своими собственными потребностями, — закрывается косвенными послѣдствіями такого вліянія,—именно, охраненіемъ психической свободы или личности другихъ.—Симпатическая мотивація наблюдается

и въ тѣхъ примѣрахъ симпатическихъ дѣйствій реактивнаго характера, когда оказываютъ противодѣйствіе дѣйствіямъ другихъ, чуждымъ свободнаго характера и въ тоже время угрожающимъ ихъ индивидуальному существованію. Такого рода противодѣйствіе оказывается, напр., дѣтямъ, больнымъ, умопзступленнымъ, сумасшедшимъ: и т. д.

206. Изложивши три порядка мысленныхъ мотивовъ,—а именно, въ формѣ прямой антиципаціи, въ формѣ перенесенія и, наконецъ, въ формѣ симпатическаго воспроизведенія—реальныхъ, мы изложили только *первичные* мыслепные мотивы,—т. е. такіе, которые, въ качествѣ первичныхъ *идей*, получаются непосредственно изъ реальныхъ фактовъ психическаго существованія человѣка, — именно изъ реальныхъ мотивовъ его дѣятельности.—Затѣмъ остаются *вторичные* мысленные мотивы, т. е. получаемые путемъ преобразованія первичныхъ, — именно ихъ *разложенія*, *сложенія*, *превращенія;* и т. д. Эти преобразованія мысленныхъ мотивовъ не могутъ лишить ихъ мотивирующей силы, пока получаемыя такимъ путемъ вторичныя идеи не лишатся качества первичныхъ, т е. не обратятся въ безкачественныя. или нейтральныя

ГЛАВА IV

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЧУВСТВЪ И ДѢЙСТВІЙ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Образованіе *прогрессивныхъ* направленій произвольной дѣятельности человѣка.—Основной характеръ человѣческаго прогресса —Культура *природы* окружающей человѣка.—Общій характеръ исторической культуры *человѣка*.—Происхожденіе произвольныхъ дѣйствій *приспособленія*.—Мотивы приспособленія вообще.—Мотивы культурныхъ приспособленій.

Образованіе прогрессивныхъ направленій произвольной дѣятельности человѣка.

207. Въ двухъ послѣднихъ главахъ мы представили рядъ доказательствъ, что *законъ мотивацiи*, или *произвольности*, называемой также закономъ *самосохраненія*, есть собственное начало образованія *консервативныхъ* направленій произвольной дѣятельности человѣка. Въ настоящей главѣ, мы представимъ доказательства дополнительнаго утвержденія,—что тому же самому началу обязаны своимъ образованіемъ и *прогрессивныя* направленія той же дѣятельности человѣка. Доказательства эти заключаются существенно въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ основномъ *характерѣ* человѣческаго *прогресса*; и во-вторыхъ, въ *происхожденіи* произвольныхъ дѣйствій *приспособленія*.

ОСНОВНОЙ ХАРАКТЕРЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ПРОГРЕССА.

208 Объясняя названіе закона корреляціи чувствъ съ вызвавшими ихъ дѣйствіями—*закономъ мотивацыи, произвольности* и *самосохраненія*, мы замѣтили, что мотивированная или произвольная дѣятельность человѣка всегда направлена къ его сохраненію. Вѣрность этого утвержденія не опровергается раздѣленіемъ всѣхъ направленій произвольной дѣятельности на два порядка: *консервативныя*, — имѣющія въ виду *сохраненіе* человѣка и окружающей его природы,—и *прогрессивныя*, имѣющія своею цѣлью ихъ *культуру*. Потому что *конечныя* цѣль прогрессивныхъ направленій тожественна съ цѣлью *консервативныхъ*. прогрессивныя направленія произвольной дѣятельности человѣка должны быть разсматриваемы какъ *закрытыя*, или *косвенныя*, консервативныя. Доказательства консервативнаго характера прогрессивныхъ направленій произвольной дѣятельности открываются въ самой цѣли ихъ, т. е *культурѣ* человѣка и окружающей его природы. Потому что культура эта, какъ произведеніе произвольной дѣятельности человѣка, состоитъ въ *приспособленіяхъ* природы и самого человѣка къ цѣлямъ его *сохраненія*.

Культура природы окружающей человѣка.

209. Культура природы, окружающей человѣка, состоитъ въ *приспособленіяхъ*, къ *сохраненію* послѣдняго,—ея *силъ* и *вещества*. — Сохраненіе человѣка не достижимо безъ извѣстной экономіи его собственныхъ дѣйствій, заключающейся въ двухъ главныхъ моментахъ.—въ *развитіи* дѣйствій, и въ *естественной мѣрѣ* его. Естественную

мѣру человѣческой дѣятельности представляютъ *maximum* и *minimum* физической и психической работы человѣка, которые отыскиваются подъ вліяніемъ вызываемыхъ ею чувствъ и идей. Опытъ показываетъ, что эта естественная *мѣра* дѣятельности, или ея естественные *maximum* и *minimum*, могутъ оставаться безъ всякаго нарушенія, при *искуственномъ увеличеніи* ея *послѣдствій*, благопріятныхъ цѣли сохраненія. Искуственное увеличеніе послѣдствій—той же мѣры человѣческихъ дѣйствій, достигается *приспособленіемъ* къ тому *вещества* и *силъ* окружающей природы, — именно обращеніемъ ихъ въ *искуственныя* условія человѣческой дѣятельности, которыя, соединяясь съ ея *естественными* условіями, — *положительными*, данными въ его организмѣ, личности, преемственныхъ поколѣніяхъ и общественности, — и *отрицательными*, данными отчасти въ окружающей его природѣ, отчасти въ немъ самомъ, — увеличиваютъ дѣйствіе первыхъ, и уменьшаютъ работу послѣднихъ.

Культура природы окружающей человѣка можетъ быть раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ, по различію составляющихъ ее приспособленій, или преслѣдуемыхъ послѣдними цѣлей сохраненія человѣка,—во-первыхъ, какъ *недѣлимаго*, въ смыслѣ живого *организма* и *лица*; и во-вторыхъ, какъ *рода*, въ смыслѣ *преемства* человѣческихъ *поколѣній* и въ смыслѣ *общества*.

210. Культура природы, охраняющая *индивидуальность* человѣка какъ *животнаго организма*, заключается въ приспособленіяхъ, обращающихъ вещество, и силы природы, въ условія *работы* мускуловъ и органовъ чувствъ, *увеличивающія* ея послѣдствія, безъ отступленія отъ той

естественной мѣры ея, которая указывается мотивирующими ее ощущеніями, или сохраненіемъ самыхъ *способностей* движеній и ощущеній, равно какъ и органическихъ *системъ* усвоенія окружающаго вещества. Въ составъ культуры этого отдѣла входятъ· во-первыхъ, приспособленія *положительныя*, увеличивающія послѣдствія органической работы, прибавленіемъ искуственныхъ физическихъ условій положительнаго характера; и во-вторыхъ, приспособленія *отрицательныя*, достигающія увеличенныхъ послѣдствій той же работы, съ помощью искуственныхъ физическихъ условій, способныхъ уменьшить трудности и опасности органическаго существованія человѣка. Къ положительнымъ—относятся: превращенія вещества и силъ окружающей природы, неорганическихъ и органическихъ, въ орудія *движеній*—собственнаго и другихъ тѣлъ,—*перемѣщенія*, *поднятія*, *вращенія*, *бросанія*, *сотрясеній*; и т. д.; — изобрѣтенія физическихъ орудій увеличивающихъ *остроту* внѣшнихъ чувствъ,—*зрѣнія*, *слуха*, *осязанія*, — изобрѣтенія физическихъ средствъ благопріятствующихъ *питанію* и *дыханію* человѣка,—каковы искуственные способы *приготовленія пищи*, *вентиляціи* помѣщеній; и т. д. — Къ отрицательнымъ приспособленіямъ относятся изобрѣтенія физическихъ средствъ *защиты* отъ неблагопріятныхъ человѣческому организму вліяній,—какъ со стороны физическихъ *силъ*, напр., *свѣта*, *звуковъ*, *теплоты* и *холода*, *электричества*, *движеній* воды, воздуха,—такъ и со стороны самаго *вещества*, въ формѣ *газовъ*, *испареній*, *дождя*, *снѣга*; и т. д.—

211. Культура природы, охраняющая существованіе человѣка какъ высшаго *класса* живыхъ существъ, или

въ преемствѣ его *поколѣній*, состоитъ въ приспособленіяхъ вещества и физическихъ силъ къ *продолженію* человѣческаго рода. Къ положительнымъ приспособленіямъ этого отдѣла относятся всѣ искуственные способы *хозяйствъ*, заключающіеся въ *промыслахъ*, какъ *рыбная ловля*, *охота*, *разведеніе скота*, *земледѣліе*,—и дозволяющіе усиленное пользованіе другими порядками органическаго царства,—растеніями и животными, безъ изнурительнаго расхода собственныхъ силъ.—Къ отрицательнымъ приспособленіямъ относятся всѣ искуственныя физическія средства *уклоненія* отъ встрѣчи съ другими классами животныхъ, и *борьбы* съ послѣдними за собственное существованіе,—каковы—*безопасныя помѣщенія*; *каменныя*, *костяныя*, *металлическія* орудія борьбы. и т д.

212. Перейдемъ къ культурѣ природы, охраняющей человѣка въ смыслѣ *личности*.—Культура природы, направленная къ охраненію человѣческой личности, заключается въ приспособленіяхъ, обращающихъ вещи и физическія силы въ орудія *защиты* индивидуальной психической самостоятельности и свободы человѣка, и въ средства къ ихъ *расширенію*. Къ такимъ приспособленіямъ относятся, во-первыхъ, всѣ изобрѣтенія, представляющія физическія средства защиты личности и имущества отъ насильственныхъ дѣйствій со стороны другихъ,—какъ-то. *запертыя*, или недоступныя для проникновенія другихъ, *помѣщенія*,—*дома*, *замки*;—*вооруженія*, для отраженія случайныхъ нападеній; и т. д.—Сюда принадлежатъ, во-вторыхъ, всѣ такъ-называемыя *матеріальныя удобства*, освобождающія отъ стѣсненій со стороны другихъ,—напр., отъ стѣсняющихъ взглядовъ, шума, дав-

ки.—Сюда же, въ-третьихъ, относятся всѣ преобразованія вещества и силъ окружающей природы, направленныя къ удовлетворенію личныхъ потребностей человѣка; — напр. *органическихъ*, каковы преобразованія природы въ частное *имущество* или *капиталъ*;—*эстетическихъ*, — какова, напр., изящная обработка вещей первой надобности, — *помѣщеній*, *одежды*, *обуви*;—изящная культура *растеній*, *животныхъ*, изящныя воспроизведенія *ваянія*, *живописи*, *музыки*, и т. д., — *теоретическихъ*,—какъ обработка научной *символики*;—и *практическихъ*,—какъ изобрѣтенія всевозможныхъ *механизмовъ*, содѣйствующихъ расширенію свободы человѣка въ окружающей его природѣ, и переходу его самостоятельности—во *власть* или *господство* надъ послѣднею, вмѣстѣ съ торжествомъ надъ ея силами и произведеніями.—

213. Культура природы въ цѣляхъ сохраненія *общества*, состоитъ въ приспособленіяхъ, обращающихъ вещи и физическія силы въ орудія защиты и развитія *общественности* людей, и ея важнѣйшей формы,—именно, *государственности*. Къ приспособленіямъ этого отдѣла относятся: во-первыхъ, всѣ физическія изобрѣтенія направленныя къ охраненію общества отъ насилій со стороны лицъ и со стороны другихъ обществъ или государствъ,— каковы — постройки *деревень*, *городовъ*, *крѣпостей*, — общественныя и государственныя *вооруженія*; и во-вторыхъ, всѣ физическія приспособленія къ упроченію и развитію исторически слагающихся формъ общественности и государственности: общественная и государственная *символика* въ обычаяхъ, обрядахъ, церемоніяхъ; *письменныя начертанія* законовъ; общественныя и государственныя

сооруженія,—правительственныя *зданія, храмы, памятники, дороги, каналы*; образованіе общественныхъ и государственныхъ *капиталовъ*, преобразованіе капиталовъ въ *денежные знаки*; заведеніе вспомогательныхъ научныхъ учрежденій, каковы—*музеи, кабинеты, лабораторіи, обсерваторіи*; и т. д.

Общій характеръ исторической культуры человѣка.

214. Культура человѣка состоитъ изъ разнообразныхъ приспособленій, обращающихъ *его самого* въ *орудіе* или *условія* его собственнаго сохраненія.

Когда человѣкъ обращается въ орудіе собственнаго сохраненія, послѣдняя цѣль произвольной дѣятельности не мѣняется; но средства къ достиженію этой цѣли,—т. е. его сохраненія,— становятся несравненно шире и дѣйствительнѣе.

Человѣкъ есть, въ одно и тоже время, *животный организмъ*, *лицо*, *преемство поколѣній* и *общество*. Это сразу объясняетъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ обращаться въ *орудіе* собственной дѣятельности направленной къ его сохраненію, не переставая въ тоже время быть ея *цѣлью*. *Животная индивидуальность* человѣка можетъ быть обращена, напр., въ орудіе сохраненія его *личности*; *личность*—въ орудіе сохраненія *общественности; общественность* и *государственность*—въ орудіе сохраненія его *личности;* и т. д.

Приспособленія человѣка къ его собственному сохраненію заключаются въ превращеніяхъ, обезпечивающихъ взаимную поддержку консервативныхъ направленій произвольной дѣятельности человѣка. Высшая *соразмѣрность*

или *пропорціональность* дѣйствій, достигаемая путемъ суммарной антиципаціи ихъ реальныхъ мотивовъ (§ 193), заключаетъ въ себѣ одно отрицательное отношеніе ихъ консервативныхъ направленій другъ къ другу,—взаимную безвредность или невраждебность послѣднихъ, — коротко сказать, то отношеніе, когда одно изъ направленій не составляетъ препятствія къ развитію другихъ. Такая соразмѣрность дѣйствій не есть послѣднее слово психической экономіи ихъ, въ цѣляхъ сохраненія человѣка. Психическая экономія произвольной дѣятельности направлена къ *развитію* ея консервативныхъ направленій, а это развитіе, покровительствуемое высшею соразмѣрностью дѣйствій, положительно обезпечивается только *взаимною поддержкою* консервативныхъ направленій. Эта поддержка дается именно во взаимныхъ приспособленіяхъ однихъ направленій къ другимъ, — приспособленіяхъ, переходящихъ въ постоянные *запасы* приспособляющей психической *силы*, въ формѣ приспособленныхъ къ цѣлямъ сохраненія, индивидуальныхъ *свойствъ, способностей* и *талантовъ* человѣка, и въ формѣ приспособленныхъ къ тѣмъ же цѣлямъ *законовъ* его родовыхъ отношеній.

Культура человѣка заключаетъ въ себѣ: во-первыхъ, культуру послѣдняго какъ *животнаго организма* и высшаго *класса* животныхъ; и во-вторыхъ, культуру его *личности* и *общественности*.

215. Культура человѣка какъ недѣлимаго, въ смыслѣ *животнаго организма*, состоитъ въ приспособленіяхъ, обращающихъ его животную индивидуальность въ орудіе сохраненія его *личности* и *рода*. Такое превращеніе животной индивидуальности человѣка, въ средство для дру-

гихъ цѣлей сохраненія, достигается путемъ приспособленій консервативно-индивидуальныхъ дѣйствій человѣка къ другимъ консервативнымъ направленіямъ его произвольной дѣятельности, и путемъ образованія въ немъ такихъ животно-органическихъ *свойствъ*, которыя оказываются наиболѣе пригодными къ достиженію преслѣдуемыхъ этими направленіями цѣлей. Такимъ образомъ, къ приспособленіямъ, составляющимъ этотъ отдѣлъ культуры человѣка, относятся. развитіе въ человѣкѣ *мускульной силы*, достаточно обезпечивающей его успѣхи, какъ личности и рода,—въ борьбѣ съ трудностями предста́вляемыми ему природою неорганическою и растеніями, въ борьбѣ съ нападающими на него животными, и въ борьбѣ людей между собою;—превращеніе приспособленныхъ движеній въ *навыки*, *умѣнья*, *искуства;*—образованіе *внѣшнихъ чувствъ*, отвѣчающее личнымъ потребностямъ человѣка, — напр., образованіе зрительной чувствительности къ *линіямъ*, *свѣтотѣни*, *цвѣтамъ*,—чѣмъ отличаются въ высокой степени скульпторы, архитекторы, живописцы,—слуховой чувствительности къ *музыкальнымъ тонамъ*, ихъ качеству, согласію, темпу,—что̀ такъ отличаетъ композиторовъ и музыкантовъ,—чувствительности *осязанія*, *вкуса* и *обонянія*, въ цѣляхъ тонкой наблюдательности и экспериментаціи;—приспособленія *эстетическія*, сообщающія тѣлу тѣ наружныя свойства, которыя способны имѣть положительное вліяніе на *половой выборъ*,— видимую жизненность, свѣжесть, красоту; и т. д.—

216. Культура *человѣческаго рода*, въ смыслѣ высшаго *класса* живыхъ существъ, заключается въ приспособленіяхъ родовыхъ отношеній людей—къ сохраненію че-

ловѣка какъ *недѣлимаго* и какъ *общества*, и въ обращеніи приспособленныхъ къ этимъ цѣлямъ отношеній въ обязательныя, законныя,—въ *обычаи*. Къ приспособленіямъ этого отдѣла, благопріятствующимъ сохраненію представителей новыхъ поколѣній, относятся, напр., обычаи управляющіе *брачными* отношеніями людей —обычаи не дозволяющіе вступленія въ браки въ нѣкоторыхъ *степеняхъ родства*,—въ годы физической *неразвитости* и *старости*,—съ лицами тѣлесно или психически больными, и т. д.; и обычаи поощряющіе брачные союзы, заключаемые между лицами одаренными отличными *физическими силами*, *красотою*, *умомъ*,—и слѣдовательно, обезпечивающіе наслѣдственное воспроизведеніе тѣхъ же свойствъ въ оставляемомъ такими союзами потомствѣ.—Къ приспособленіямъ благопріятствующимъ сохраненію сложившихся формъ общественности или государственности относятся, напр., обычаи оберегающіе воспроизведеніе общества въ новыхъ поколѣніяхъ. — обычаи нѣкоторыхъ почетныхъ отношеній къ людямъ *семейнымъ*, обычныя празднованія *браковъ* и *рожденій*, обычаи *семейнаго гостепріимства*, обычаи преслѣдующіе половыя *внѣ-брачныя* отношенія; и т. д.—

217. Культура *личности* человѣка заключается въ приспособленіяхъ личности къ сохраненію, во-первыхъ. окружающей *природы* и, во-вторыхъ, самого *человѣка*,—какъ недѣлимаго, въ смыслѣ *животнаго организма*,—и какъ рода, въ смыслѣ высшаго *класса* живыхъ существъ, и въ смыслѣ *общества*. Такія приспособленія личности человѣка, къ достиженію другихъ цѣлей сохраненія, завершаются путемъ развитія въ немъ личныхъ *свойствъ*,

благопріятныхъ послѣднимъ цѣлямъ. Приспособленія личности человѣка къ сохраненію окружающей природы, —въ цѣляхъ конечно его собственнаго сохраненія, — достигаются развитіемъ въ немъ такихъ личныхъ свойствъ, какъ *предусмотрительность* относительно матеріальныхъ средствъ существованія, *предпріимчивость* въ добываніи такихъ средствъ, *вкусъ* въ обработкѣ ихъ, *бережливость* въ храненіи и расходованіи; и т. д. — Приспособленія личности человѣка къ сохраненію его организма достигаются развитіемъ въ немъ такихъ личныхъ свойствъ, которыя способны обезпечивать его физическое здоровье, крѣпость мускуловъ, остроту внѣшнихъ чувствъ и пріобрѣтеніе полезныхъ навыковъ и умѣній,—каковы: *благоразуміе* въ пользованіи системами организма; *умѣренность* въ потребленіи вещества, въ расходѣ половыхъ силъ; и т. д. — Приспособленія личности къ сохраненію человѣческаго рода, въ смыслѣ высшаго класса живыхъ существъ, состоятъ въ воспитаніи въ немъ свойствъ *стыдливости*, *цѣломудрія*, *чистоты* и *честности* семейныхъ нравовъ; и т. д.—Приспособленія личности къ сохраненію общественности достигаются образованіемъ *гуманныхъ* или *разумныхъ* формъ—его идей и умственныхъ операцій, его чувствъ, его психической готовности, дѣйствій и произведеній,—какъ это было показано нами при обозрѣніи *исторической культуры* личности (Ч. 1, Гл. II.).

218. Культура *общественности* человѣка заключается въ приспособленіяхъ ея къ сохраненію, во-первыхъ, окружающей природы и, во-вторыхъ, самого человѣка, какъ *недѣлимаго* и *рода*. Общественность человѣка обращается въ орудіе достиженія указанныхъ цѣлей, когда *явле-*

нія ея, оказывающіяся благопріятными послѣднимъ, становятся общественными и государственными *законами*.—Приспособленія общественности къ сохраненію окружающей природы заключаются въ общественныхъ и государственныхъ мѣрахъ, порядкахъ, учрежденіяхъ, нравахъ, благопріятныхъ этой цѣли. Сюда относятся мѣры противъ вредной для самого же человѣка *эксплуатаціи* естественныхъ богатствъ окружающей природы; порядки обезпечивающіе отъ распространенія *болѣзней* между полезными человѣку растеніями и животными; учрежденія благопріятныя *добыванію* и *обработкѣ* сырыхъ матеріаловъ; общественные нравы обезпечивающіе *трудолюбіе* и *бережливость*; и т. д.—Приспособленія общественности къ сохраненію человѣка какъ *животнаго организма*, заключаются въ общественныхъ и государственныхъ законахъ имѣющихъ цѣлью поддержаніе *здоровья* людей, и противодѣйствіе распространенію и дѣйствію *болѣзней* между ними;—въ учрежденіяхъ, содѣйствующихъ развитію въ человѣкѣ навыковъ и умѣній, обезпечивающихъ его *пропитаніе*;—въ мѣрахъ содѣйствующихъ *своевременному распространенію* жизненныхъ припасовъ;—въ мѣрахъ *филантропическаго* характера, спасающихъ отъ бѣдствій, связанныхъ съ безпомощностью *сиротства*, *болѣзни*, *старости*, *бѣдности*; и т д.—Приспособленія общественности къ сохраненію человѣка въ смыслѣ преемства поколѣній, заключаются, напр., въ государственныхъ законахъ: относительно *браковъ*,—брачнаго возраста, личныхъ качествъ брачущихся, супружеской вѣрности, разводовъ, и т. д.;—относительно *перваго воспитанія* дѣтей, и *потомства*,—законы объ отчужденіи собственности, о приданомъ. о наслѣдствѣ, о завѣщаніяхъ; и т. д.—Приспо-

собленія общественности къ сохраненію личности человѣка заключаются въ общественныхъ и государственныхъ законахъ и учрежденіяхъ, обезпечивающихъ, напр., *неприкосновенность личности* и частнаго *имущества* человѣка, *гармонію* его психическаго *развитія* и *дѣятельности* съ его индивидуальными психическими силами и потребностями. — Приспособленія общественности къ сохраненію ея разнообразныхъ историческихъ формъ, данныхъ въ *ассоціаціяхъ* людей, различающихся и объемомъ и сравнительнымъ значеніемъ,—заключаютъ въ себѣ, во-первыхъ, отдѣлъ *внутреннихъ* приспособленій, — приспобленія семейныхъ, товарищескихъ и профессіональныхъ ассоціацій къ сохраненію подчиняющаго ихъ государства,—и наоборотъ, приспособленія государства къ сохраненію извѣстной самостоятельности подчиненныхъ ему ассоціацій; и во-вторыхъ, отдѣлъ *внѣшнихъ* приспособленій, заключающихся въ порядкахъ отношеній между чуждыми другъ другу обществами и государствами,—порядкахъ, основанныхъ на началахъ уваженія чужой свободы и благосостоянія.—Къ такимъ приспособленіямъ относятся общественные порядки, поддерживающіе въ неприкосновенности *порядокъ государственный;* общественныя и государственныя учрежденія на началахъ *самоуправленія*; международныя отношенія *дружественнаго* характера, укрѣпившіяся въ формѣ обычаевъ, союзовъ; и т. д.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПРОИЗВОЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ПРИСПОСОБЛЕНІЯ.

219. Дѣйствіями *приспособленія*, или *приспособительными*, мы называемъ дѣйствія направленныя къ *сторонним*ъ имъ *цѣлямъ*, или служащія *средствами*, *способами* для другихъ дѣйствій.

Есть *собственные*, и есть *сторонніе*, мотивы дѣйствій. *Собственные* мотивы дѣйствія состоятъ изъ вызываемыхъ имъ чувствъ, и получаемыхъ отсюда идей; *сторонними* мотивами дѣйствія бываютъ чувства, къ возникновенію которыхъ оно не давало никакого повода,—иначе чувства, вызванныя какими нибудь *другими* дѣйствіями.—Цѣли, къ которымъ дѣйствіе направляется его собственными мотивами, будутъ *собственными цѣлями* дѣйствія; а цѣли, къ которымъ оно направляется сторонними мотивами, будутъ его *сторонними цѣлями*.—Разсмотрѣнныя нами въ предыдущихъ главахъ дѣйствія *консервативнаго* характера составляютъ широкій классъ дѣйствій, направленныхъ къ своимъ собственнымъ цѣлямъ; дѣйствія же *приспособленія*, къ числу которыхъ принадлежатъ и всѣ *культурныя*, или *прогрессивнаго* характера,—составляютъ другой, еще болѣе широкій классъ дѣйствій, направленныхъ къ *сторонніимъ* имъ цѣлямъ,—т. е. къ цѣлямъ преслѣдуемымъ дѣйствіями перваго класса,—и служащихъ *дополнительными* или *вспомогательными условіями, средствами*, или *способами*, къ ихъ достиженію.

220. Дѣйствія приспособленія не обладаютъ тою оригинальностью, какая свойственна дѣйствіямъ консервативнымъ, потому что—суть только *преобразованія* послѣднихъ. Каждое консервативное дѣйствіе, становясь средствомъ или способомъ къ достиженію цѣли другого консервативнаго дѣйствія, обращается такимъ образомъ въ *приспособленіе* къ сторонней ему цѣли.—Спрашивается теперь, что же бываетъ причиною этого превращенія однихъ дѣйствій—въ средства или способы для другихъ и, слѣдовательно, *возникновенія* всѣхъ человѣческихъ *приспособленій*?—Отвѣчаемъ: тотъ же *законъ мотивацiи* или *самосохраненія*.

На первый разъ, такой отвѣтъ можетъ показаться неожиданнымъ. Приспособленіями мы называемъ дѣйствія мотивируемыя чувствами, вызванными не ими же, а *другими* дѣйствіями. Существованіе класса дѣйствій, мотивируемыхъ такимъ образомъ, можетъ показаться опроверженіемъ всего предыдущаго ученія о законѣ взаимной корреляціи чувствъ съ вызывающими ихъ дѣйствіями, или съ дѣйствіями отъ которыхъ они находятся въ *зависимости*,—законѣ, называемомъ нами *закономъ мотивації*, *произвольности*, или *самосохраненія*.—Между тѣмъ, анализъ возникновенія приспособленій не только не опровергаетъ этого ученія, но и служитъ рѣшительнымъ подтвержденіемъ его. Потому что мотивація однихъ дѣйствій—чувствами вызванными другими дѣйствіями, начинается только тогда, когда одни дѣйствія ставятъ отъ себя въ *зависимость* чувства, вызванныя другими дѣйствіями,—производя измѣненія въ степени *качества* этихъ чувствъ, т. е. *увеличивая* или *уменьшая* ихъ пріятность или непріятность. Подчиняя своему вліянію первоначально *независимыя* отъ нихъ чувства, дѣйствія человѣка подчиняются, въ свою очередь, ихъ обратному вліянію, какъ своимъ *стороннимъ* мотивамъ,—превращаясь, такимъ образомъ, въ *произвольныя приспособленія* къ стороннимъ имъ цѣлямъ. Кратко сказать, произвольныя приспособленія суть дѣло того же закона мотивації или самосохраненія, только въ другой, еще не разсмотрѣнной нами формѣ,—въ формѣ *спеціальной* работы, обнаруживающейся при *частной* зависимости чувствъ отъ дѣйствій, или при вызовѣ послѣдними не самыхъ чувствъ, а только нѣкоторыхъ *измѣненій* въ степени ихъ качества. Въ этомъ мы убѣждаемся, разсматривая, во-первыхъ, *общій характеръ моти-*

вацiи приспособленій и, во-вторыхъ, *мотивацiю приспособленій культурныхъ.*

Общій характеръ мотивации приспособленій мы можемъ разсмотрѣть, раздѣляя всѣ мотивы приспособительныхъ дѣйствій на два порядка: *реальные* и *мысленные.*

Реальные мотивы приспособительнымъ дѣйствій вообще.

221. *Реальные мотивы* дѣйствій называемыхъ *приспособительными*, получаются изъ *ощущеній* и *волненій*, вызываемыхъ дѣйствіями консервативнаго порядка,—и раздѣляются на *положительные* и *отрицательные*, *прямые* и *косвенные.*

Реальные мотивы приспособленій бываютъ *положительными*, если стороннія дѣйствію чувства, увеличенныя имъ въ степени своей пріятности, или уменьшенныя въ непріятности, стремятся къ его развитію или, по крайней мѣрѣ, продолженію. При этомъ, чувства увеличенныя въ степени пріятности, бываютъ мотивами *прямыми*; а чувства уменьшенныя въ своей непріятности—*косвенными.* Послѣднее объясняется тѣмъ, что всякое чувство непріятнаго качества, какъ бы оно ни было ослаблено въ своей непріятности, можетъ стремиться только къ одному концу,—*прекращенію* вызывающаго его дѣйствія. Поэтому, если при уменьшеніи непріятности чувства, является стремленіе къ развитію или продолженію, вызывающаго эту перемѣну, дѣйствія. то это стремленіе должно вытекать непосредственно изъ чувствъ *пріятнаго* качества, сопровождающихъ уменьшеніе непріятности,—а именно, изъ чувствъ *облегченія*, *успѣха*, неожиданной *радости;* и т. д.

Отрицательные мотивы приспособленій получаются изъ чувствъ увеличенныхъ, сторонними имъ дѣйствіями, въ степени ихъ непріятности или уменьшенныхъ въ пріятности При этомъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, чувства увеличенныя въ своей непріятности бываютъ мотивами *прямыми*, а уменьшенныя въ пріятности — *косвенными*. Уменьшеніе пріятности чувства — своимъ же собственнымъ дѣйствіемъ, сопровождается волненіями *потери*, *промахи*, *неожиданной скорби*, и т. д.; эти-то волненія и бываютъ прямыми мотивами возникающихъ при этомъ приспособленій.

222. Обратимся къ мотивамъ приспособленій, получаемымъ изъ *ощущеній*.

Всякое дѣйствіе измѣняющее качество *мускульныхъ* ощущеній, вызванныхъ собственными движеніями, переходитъ въ положительное или отрицательное приспособленіе къ преслѣдуемой послѣдними цѣли, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ ощущеній. Къ положительнымъ приспособленіямъ этого рода принадлежатъ дѣйствія увеличивающія мускульную *пріятность* движеній, или уменьшающія мускульныя ощущенія *утомленія*, *усталости*, вызываемыя продолженіемъ движеній,—къ отрицательнымъ—дѣйствія усиливающія непріятность ощущеній усталости, или уменьшающія мускульную пріятность продолжающихся движеній.— Къ дѣйствіямъ приспособительнымъ этого отдѣла относятся такимъ образомъ. всѣ дѣйствія уменьшающія собственную тяжесть движущагося или движущаго человѣка, — напр. *снятіе* лишней *одежды*, *обуви;*— дѣйствія уменьшающія тяжесть вещей подвергающихся мускульной работѣ,—напр. измѣненіе *положеній равновѣсія*—при *несеніи* тяжестей,

поднятіи ихъ, *опусканіи;*—дѣйствія, дозволяющія болѣе энергическую работу, при томъ же расходѣ мускульной силы,—напр., *пріостановка* движеній черезъ нѣкоторые промежутки времени, *перемѣна* или *чередованіе* движущихъ органовъ,—дѣйствія дозволяющія потребное увеличеніе вызова мускульной силы,—напр., *подготовительныя* движенія, облегчающія *скачки, прыжки, удары, бросанье;* и т. д.—Каждое изъ такихъ дѣйствій можетъ быть первоначально *невольнымъ* или *немотивированнымъ*; но когда они измѣняютъ пріятность или непріятность мускульныхъ ощущеній, вызываемыхъ текущими движеніями, измѣненныя ощущенія подчиняютъ ихъ, въ свою очередь, собственному вліянію, сообщая имъ характеръ *произвольности* или *мотивированности*, а именно, — *стороннимъ* мотивами, или мотивами текущихъ движеній. Такія дѣйствія служатъ только *средствами* или *способами* движеній,—т. е. достиженія ихъ цѣлей,—слѣдовательно, принадлежатъ къ классу *приспособительныхъ*.

223. Такимъ же образомъ, становятся мотивами приспособленій и ощущенія другихъ классовъ,—именно, *зрительныя, слуховыя, осязательныя*, и т. д., мотивирующія акты усвоенія внѣшней силы и вещества,—акты *зрѣнія, слуха, осязанія*; и т. д. Каждый классъ этихъ актовъ можетъ имѣть столько же приспособленій, сколько можетъ быть дѣйствій способныхъ увеличить или уменьшить степень пріятности или непріятности мотивирующихъ эти акты ощущеній. Такимъ образомъ, для зрѣнія, приспособленіями бываютъ: дѣйствія *освѣщенія* темныхъ или недостаточно свѣтлыхъ предметовъ,—напр., *представленіе* ихъ *на свѣтъ, открытіе для свѣта, обращеніе къ свѣту, приближеніе къ свѣту;* — дѣйствія помогающія

ясности и *раздѣльности* зрительныхъ ощущеній,—напр., *приближеніе* къ видимому предмету, или приближеніе къ себѣ *послѣдняго*, и *постановка* его въ *полѣ наиболѣе яснаго зрѣнія*;—дѣйствія *умѣряющія* силу вліянія свѣта на органъ зрѣнія, — напр., *прищуриваніе* и *смеженіе* глазъ при яркомъ свѣтѣ, *уклоненіе* ихъ *въ сторону* отъ ярко освѣщенныхъ предметовъ; и т. д.—Для слуха, приспособленіями бываютъ· *расположеніе органа слуха* въ направленіи наиболѣе благопріятномъ для воспринятія звуковъ; нѣкоторое *раскрытіе рта; сокращеніе дыханія*; *закрытіе ушей*, при оглушительныхъ звукахъ; *удаленіе* отъ издающихъ ихъ предметовъ; и т. д.—Есть свои приспособленія и для актовъ *осязанія*, *вкушенія*, *обоняія*, основанныя на измѣненіи качества мотивирующихъ ихъ ощущеній,—*осязательныхъ*, *вкусовыхъ* и т. д.,—подъ вліяніемъ встрѣчающихся съ этими ощущеніями дѣйствій.—Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что вліяніе *ощущеній*, въ качествѣ *мотивовъ приспособленій*, распространяется и на область *консервативно-родовыхъ* отношеній, — *половыхъ* и *родственныхъ*, — насколько эти отношенія мотивируются ощущеніями, и насколько послѣднія подлежатъ измѣненію, въ степени своей пріятности и непріятности, со стороны сопровождающихъ ихъ дѣйствій.

224. Обратимся къ другому классу реальныхъ мотивовъ приспособительныхъ дѣйствій.—*Волненія* становятся мотивами приспособленій, при тѣхъ же условіяхъ, какъ и ощущенія. Волненія участвующія въ мотивації дѣйствій человѣка, направленной къ сохраненію его какъ *животнаго организма* и *класса животныхъ*, участвуютъ и во всѣхъ приспособленіяхъ къ этимъ дѣйствіямъ.

Волненія направляющія *внѣшнія наблюденія* и *опыты* человѣка, руководствуютъ и въ приспособленіяхъ къ этимъ наблюденіямъ и опытамъ. Волненія мотивирующія *личныя* и *общественныя* отношенія человѣка, мотивируютъ и приспособленія къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ этими отношеніями. Такимъ образомъ, *чувства красоты*, поддерживающія вниманіе къ разсматриваемымъ предметамъ, способны поддержать и всѣ приспособленія къ цѣли преслѣдуемой такимъ вниманіемъ —напр., приближеніе къ красивому предмету; приближеніе его къ себѣ; преслѣдованіе краснваго предмета, при его движеніи; и т. д.— *Чувства* собственной *силы*, сопровождающія успѣхи *сообщенія*, *изложенія*, *убѣжденія*, способны мотивировать всѣ дѣйствія увеличивающія степень ихъ пріятности,—обращая эти дѣйствія въ приспособленія къ стороннимъ имъ цѣлямъ *сообщенія*, *изложенія;* и т. д.—Къ такимъ приспособленіямъ относятся. дѣйствія увеличивающія *наглядность* сообщенія или изложенія, — напр., пояснительныя движенія глазъ, рукъ, головы; ударенія на словахъ и выраженіяхъ существенныхъ для смысла рѣчи; обращеніе къ сравненіямъ, проливающимъ свѣтъ на темныя мѣста излагаемаго предмета, и т. д.;—дѣйствія увеличивающія впечатлѣнія *искренности* или *правдивости*,—напр., одушевленіе въ выраженіяхъ лица, въ звукахъ голоса,—подготовка рѣчи избавляющая отъ колебаній и противорѣчій, въ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ; и т. д. — Такимъ же образомъ, дѣйствія *справедливости*, въ актахъ *оцѣнки* и *вмѣненія*, получаютъ свои приспособленія: въ дѣйствіяхъ предварительнаго изслѣдованія проступковъ, преступленій, или заслугъ; въ дѣйствіяхъ тщательнаго разбора добытыхъ изслѣдованіемъ фактовъ, въ дѣйствіяхъ гласнаго обвиненія и защиты на судѣ; и т. д.—

Мысленные мотивы приспособительныхъ дѣйствій вообще.

225. *Мысленные* мотивы приспособительныхъ дѣйствій образуются изъ *реальныхъ* мотивовъ тѣхъ же дѣйствій, и могутъ быть раздѣлены на два порядка *первичные* и *вторичные*. *Первичные* мысленные мотивы приспособленій возникаютъ, подобно мысленной мотивации дѣйствій прямо консервативныхъ,—во-первыхъ, въ силу *антиципаціи*, во-вторыхъ, *перенесенія*, и въ-третьихъ, *симпатическаго воспроизведенія* — реальныхъ мотивовъ приспособительныхъ дѣйствій.

Реальные мотивы приспособленій могутъ быть *антиципируемы* или предусматриваемы въ мысли; и эта антиципація обращаетъ ихъ въ *мысленные* мотивы приспособительныхъ дѣйствій, задумываемыхъ и исполняемыхъ. Антиципація реальныхъ мотивовъ приспособительныхъ дѣйствій сопровождается двумя важными послѣдствіями: она, во-первыхъ, избавляетъ отъ повторенія реальныхъ опытовъ всей процедуры приспособленій къ дѣйствію, дѣлая изъ послѣднихъ *постоянное содержаніе* или *неизмѣнный характеръ* самаго дѣйствія; она же, во-вторыхъ, въ роли *суммарной* антиципаціи, снабжаетъ каждое дѣйствіе *всѣми приспособленіями* къ нему, или всѣми средствами къ достиженію его цѣли, какія могутъ быть даны въ другихъ дѣйствіяхъ, подчиняющихся его мотивамъ. А этого именно и нельзя достигнуть простою антиципаціею мотивовъ прямыхъ консервативныхъ дѣйствій. Послѣдняя, какъ мы видѣли (§ 192), вводитъ *гармонію* въ дѣйствія человѣка. Такая гармонія означаетъ собственно безопас-

ность однихъ дѣйствій, для цѣлей преслѣдуемыхъ другими, но не означаетъ взаимной *поддержки* въ преслѣдуемыхъ ими цѣляхъ. Эта поддержка, и притомъ *полная*, отъ всѣхъ дѣйствій, бывшихъ когда нибудь приспособленными къ цѣли извѣстнаго дѣйствія, можетъ быть дана ему только суммарною антиципаціею всѣхъ реальныхъ мотивовъ бывшихъ его приспособленій. Въ силу такой антиципаціи, всѣ приспособленія къ дѣйствіямъ постепенно входятъ въ содержаніе самыхъ дѣйствій, составляя ихъ характеръ, или установившіяся *манеры*. Такъ, именно, устанавливаются манеры *движеній*, *вниманія*, *наблюденій*, *опытовъ*, *обращенія* съ другими, и вообще всего поведенія человѣка.

226 Реальные мотивы однихъ приспособленій, могутъ сдѣлаться мотивами другихъ, по *перенесенію* мотивирующихъ чувствъ, управляемому *смежностью* или *сходствомъ* обстоятельствъ тѣхъ и другихъ приспособленій. Перенесеніе реальныхъ мотивовъ приспособительныхъ дѣйствій обладаетъ способностью *расширять* до необозримыхъ размѣровъ область приложенія разъ состоявшихся приспособленій. Въ силу такого перенесенія, человѣкъ становится подражателемъ самому себѣ, въ отдѣлѣ пріобрѣтенныхъ имъ *сноровокъ* или *манеръ* дѣятельности. Такимъ образомъ, мотивы приспособительныхъ дѣйствій вниманія къ интересующему лицу,—напр., *приближенія* къ нему,—могутъ сдѣлаться мотивами движеній въ другихъ направленіяхъ,—напр., къ вещамъ принадлежащимъ этому лицу; и это будутъ новыя приспособленія, основанныя только на *смежности* объектовъ тѣхъ и другихъ приспособительныхъ дѣйствій, въ мысли ихъ наблюдателя. Точно также, манеры рѣчи, составившіяся изъ приспо-

собленій, увеличивающихъ впечатлѣнія ея искренности или правдивости, могутъ находить свое приложеніе во всѣхъ отдѣлахъ дѣйствій, *сходныхъ* съ тѣмъ, въ которомъ онѣ первоначально установились.

227. Подъ вліяніемъ *симпатическихъ* мотивовъ, или *симпатическаго воспроизведенія* реальныхъ мотивовъ—приспособительныхъ дѣйствій, образуются приспособленія *симпатическаго* характера. Всякое симпатическое чувство вызванное собственнымъ дѣйствіемъ и ставшее его мотивомъ, становится мотивомъ и всѣхъ другихъ дѣйствій, усиливающихъ его пріятность, или ослабляющихъ непріятность,—придавая имъ характеръ *симпатическихъ приспособленій*. Такимъ образомъ создаются *симпатическія манеры* активныхъ отношеній симпатическаго характера,—напр., *даренія*, *благотворенія*, дѣйствій *великодушія*, *самоотверженія;* и т. д. — Симпатическія дѣйствія *уклоненія* отъ зрѣлищъ чужихъ страданій, испытываемыхъ отъ третьихъ лицъ, и *борьбы* за обиженныхъ и угнетенныхъ, принадлежатъ собственно къ классу *симпатическихъ приспособленій*.

Вторичные мысленные мотивы приспособительныхъ дѣйствій образуются изъ *первичныхъ*, вслѣдствіе *раздѣленія* послѣднихъ, *соединенія*, *превращенія;* и т. д.

228. Перейдемъ къ мотивации *приспособленій культурныхъ*.

Каждое дѣйствіе человѣка, подчиняясь мотивамъ другого дѣйствія, становится приспособленіемъ къ послѣднему,—вспомогательнымъ условіемъ, средствомъ, или орудіемъ достиженія его цѣли. Тоже прилагается и къ *по-*

рядкамъ, или *отдѣламъ*, человѣческихъ дѣйствій. Каждый порядокъ дѣйствій, подчиняясь мотивамъ другого порядка дѣйствій, обращается въ *рядъ приспособленій* къ послѣднему, или въ орудіе достиженія его цѣлей.—Основныя *отрасли* и *направленія* произвольной дѣятельности представляютъ *основные порядки* или *отдѣлы* произвольныхъ дѣйствій, къ которымъ, поэтому, прилагается вполнѣ тоже самое замѣчаніе. Подчиняясь мотивамъ другихъ отраслей, или другихъ направленій—произвольной дѣятельности, каждая основная отрасль, или основное ея направленіе, становится *приспособленіемъ* къ нимъ, средствомъ или орудіемъ достиженія ихъ цѣлей.—А во взаимныхъ приспособленіяхъ основныхъ отраслей и направленій произвольной дѣятельности другъ къ другу, и заключается, какъ мы видѣли, сущность всей *человѣческой культуры*. Такимъ образомъ, *культурныя приспособленія* обязаны своимъ происхожденіемъ тому же *началу мотивацiи*.

229. Наблюдаемое въ культурныхъ приспособленіяхъ, взаимное подчиненіе основныхъ отраслей и направленій произвольной дѣятельности объясняется ихъ *неразрывнымъ* и *неизмѣннымъ сосуществованіемъ* въ составѣ этой дѣятельности, и вытекающею отсюда неизбѣжною встрѣчею однихъ—съ психическими послѣдствіями другихъ,—именно, съ мотивирующими ихъ чувствами. Корреляція дѣйствій одного изъ основныхъ порядковъ, съ чувствами мотивирующими другіе, и есть источникъ *реальныхъ* мотивовъ культурныхъ приспособленій,—которые бываютъ, поэтому, *положительными и отрицательными*, *прямыми* и *косвенными*.—Реальные мотивы культурныхъ приспособленій превращаются въ *мысленные*, въ силу *антиципацiи*, *перенесенія* и *симпатическаго воспроизведенія* реальной

мотивацiи. *Антиципацiя* реальныхъ мотивовъ культурныхъ приспособленій сообщаетъ послѣднимъ характеръ *постоянства*, въ исторіи индивидуальнаго существованія человѣка, обращая культурныя приспособленія къ дѣйствіямъ—въ *культурныя манеры* или *пріемы* самыхъ дѣйствій.—*Перенесеніе* реальныхъ мотивовъ культурныхъ приспособленій *расширяетъ* область приложенія послѣднихъ, и служитъ орудіемъ ихъ *прогрессивнаго усовершенствованія*, поддерживая замѣщеніе однихъ приспособленій другими, новыми и лучшими.—Наконецъ, *симпатическое воспроизведеніе* реальныхъ мотивовъ культурныхъ приспособленій является орудіемъ ихъ *распространенія* среди незнакомаго съ ними окружающаго общества, и *передачи* ихъ воспитываемому потомству,—что сообщаетъ культурнымъ приспособленіямъ двѣ выдающіяся черты ихъ,—именно, ихъ *общественность*, или *универсальность*, и ихъ *традиціонность*, или *историчность*.

Подробное объясненіе мотивацiи культурныхъ приспособленій можетъ быть дано при разсмотрѣніи мотивовъ культурныхъ приспособленій, во-первыхъ, *природы* и, во-вторыхъ, *самого человѣка*.

Мотивы культурныхъ приспособленій природы

230. Въ системѣ дѣйствій консервативнаго характера находятся, какъ мы видѣли, и *опыты* человѣка надъ окружающею его природою, знакомящіе его съ *составомъ*, *свойствами*, *движеніями* и *положеніемъ* внѣшнихъ вещей. Эти опыты надъ окружающею природою обращаются въ приспособленія къ дѣйствіямъ другихъ порядковъ, напр., къ собственнымъ движеніямъ, дѣйствіямъ усвоенія внѣш-

нихъ силъ и вещества, отношеніямъ семейнымъ, личнымъ и государственнымъ, — какъ скоро подчиняются сторонннмъ имъ мотивамъ этихъ дѣйствій, или превращаются въ средства къ достиженію преслѣдуемыхъ ими цѣлей. Изъ приспособленій опытовъ человѣка надъ окружающею природою—къ цѣлямъ сохраненія его какъ недѣлимаго и рода, и вытекаютъ всѣ *культурныя* приспособленія природы.

Остановимся, прежде всего, на приспособленіяхъ внѣшнихъ опытовъ человѣка—къ его *движеніямъ* и дѣйствіямъ *усвоенія* внѣшнихъ силъ. Мы видѣли, что дѣйствія подчиняющіяся мотивамъ движеній, даннымъ въ вызываемыхъ послѣдними мускульныхъ ощущеніяхъ, обращаются въ приспособленія къ движеніямъ. Это замѣчаніе вполнѣ приложимо и къ опытамъ человѣка надъ окружающею природою. Опыты надъ веществомъ и внѣшними силами, сопровождающіе движенія, измѣняя мотивирующія ихъ мускульныя ощущенія, ихъ пріятность и непріятность, подчиняются въ свою очередь измѣненнымъ ими мотивамъ движеній, или превращаются въ приспособленія къ послѣднимъ, обращая въ орудія движеній—испытываемыя внѣшнія силы и вещество. Такимъ образомъ, изъ случайныхъ опытовъ надъ окружающею природою возникаютъ приспособленія вещей и физическихъ силъ. къ удержанію *равновѣсія* собственнаго тѣла, къ *поднятію* и *опущенію* тяжестей, къ *дальности* ихъ *полета* при бросаніи, къ *силѣ* удара; и т. д.—Изъ такихъ же опытовъ надъ природою возникаютъ приспособленія вещества и силъ—къ актамъ зрѣнія, слуха, и т. д.:—напр., приспособленіе *огня* къ освѣщенію; приспособленія вещей къ *усиленію*, *ослабленію*, *отраженію*, и т. д., *свѣта* и *звука*; и проч.

231. Случайные опыты надъ окружающею природою,

подчиняясь мотивамъ сопровождаемыхъ ими движеній и дѣйствій физическаго усвоенія, обращаются въ приспособленія къ нимъ, обращая въ ихъ орудія—физическія силы и вещество. Изъ массы этого рода приспособленій человѣческаго опыта, выдѣляется часть *культурныхъ* приспособленій природы къ движеніямъ и дѣйствіямъ внѣшняго усвоенія,—какъ скоро мотивы нѣкоторыхъ приспособленій природы къ этимъ порядкамъ дѣйствій, подвергаясь *мысленной антиципаціи*, *перенесенію* и *симпатическому воспроизведенію*, сообщаютъ этимъ приспособленіямъ характеръ *постоянства*, *прогрессивнаго совершенствованія*, *универсальности*, или по крайней мѣрѣ широкаго распространенія,—и *наслѣдственности*, или исторической традиціи.—Все сказанное нами о приспособленіяхъ внѣшнихъ опытовъ человѣка къ двумъ отдѣламъ его произвольной дѣятельности, — къ движеніямъ и дѣйствіямъ внѣшняго усвоенія, прилагается вполнѣ и къ остальнымъ отдѣламъ той же дѣятельности. Опытъ указалъ человѣку выборъ и устройство безопасныхъ помѣщеній; опытъ далъ ему орудія для борьбы съ другими классами живыхъ существъ; опытъ научилъ удобствамъ раздѣленія помѣщеній, и украшеніямъ себя и окружающаго; опытъ открылъ человѣку въ окружающей природѣ орудія науки и художества; тотъ же опытъ приспособилъ природу къ общественнымъ и государственнымъ цѣлямъ человѣка. Все это дѣлалъ, дѣлаетъ, и вѣчно будетъ дѣлать—опытъ человѣка, или лучше непрекращающійся рядъ его опытовъ надъ окружающею природою, — какъ сопровождающій другіе ряды его дѣйствій, и неизбѣжно подчиняющійся ихъ мотивамъ, или обращающійся въ ихъ орудія.

Мотивы культурныхъ приспособленій самого человѣка

232. Приспособленія самого человѣка къ его же сохраненію заключаются, ближайшимъ образомъ, во взаимныхъ приспособленіяхъ консервативныхъ *направленій* его произвольной дѣятельности. Такія приспособленія возникаютъ тогда, когда одни направленія подчиняются *мотивамъ* другихъ, обращаясь въ орудія достиженія преслѣдуемыхъ ими цѣлей. Такимъ образомъ, дѣйствія *консервативно-индивидуальныя* становятся приспособленіями къ дѣйствіямъ *консервативно-родовымъ*, какъ скоро, подчиняясь мотивамъ послѣднихъ, обращаются въ средство къ достиженію ихъ цѣлей. А это происходитъ всякой разъ, какъ только первыя измѣняютъ качество чувствъ мотивирующихъ послѣднія. — Наоборотъ, дѣйствія *консервативно-родоваго* направленія, подчиняясь мотивамъ *консервативно-индивидуальныхъ*, обращаются въ приспособленія къ послѣднимъ.—То же прилагается и къ подраздѣленіямъ этихъ двухъ порядковъ произвольныхъ дѣйствій.

Разсмотримъ, сначала, приспособленія *консервативно-индивидуальныхъ* дѣйствій. — Всякое дѣйствіе направленное къ сохраненію человѣка какъ *животнаго организма*, усиливая или ослабляя пріятность или непріятность чувствъ мотивирующихъ дѣйствія, направленныя къ другимъ цѣлямъ,—напр. къ сохраненію его какъ *личности*, какъ *племени*, какъ *общества*, — должно, въ свою очередь, подчиниться вліянію этихъ чувствъ, обращаясь въ приспособленіе къ мотивируемымъ ими дѣйствіямъ Такимъ образомъ, *движенія* мотивируемыя мускульными

ощущеніями, въ цѣляхъ сохраненія человѣка какъ животнаго организма, переходятъ въ приспособленія къ другимъ цѣлямъ, консервативно-личнаго и консервативно-родового характера, — въ *прогулкахъ*, *путешествіяхъ*, *охотѣ*, *промыслахъ*, *ремеслахъ*, *посѣщеніяхъ*; и т. д. Точно также, *акты зрѣнія*, *слуха*, *осязанія*, и т. д., мотивируемые качествомъ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ, и т. д., переходятъ въ приспособленія къ другимъ цѣлямъ, въ дѣйствіяхъ *художественныхъ* или *научныхъ* наблюденій, въ дѣйствіяхъ матеріальной *производительности*, въ дѣйствіяхъ *осторожности*, и т. д.,—какъ скоро подчиняются мотивамъ этихъ наблюденій, этой производительности, этой осторожности.—Тоже прилагается и къ дѣйствіямъ *консервативно-личнымъ*. Дѣйствія *предусмотрѣнія*, *предпріятія*, *сбереженія*, *благоразумія*, *умѣренности*, *цѣломудрія*, *справедливости*, и т. д.,— дѣйствія, мотивируемыя первоначально чисто личными чувствами, переходятъ на служеніе цѣлямъ семейнымъ и государственнымъ, какъ скоро подчиняются мотивамъ семейныхъ и государственныхъ, или консервативно-родовыхъ отношеній.

233. Приспособленія консервативно-индивидуальныхъ дѣйствій къ другимъ цѣлямъ сохраненія получаютъ характеръ *культурныхъ* приспособленій, какъ скоро реальные мотивы такихъ приспособленій, подвергаясь *мысленной антиципаціи*, *перенесенію* и *симпатическому воспроизведенію*, сообщаютъ этимъ приспособленіямъ постоянство *индивидуальныхъ свойствъ* человѣка, общераспространенныхъ и поддерживаемыхъ, въ исторіи общества, путемъ воспитанія и другими мѣрами:—когда приспособленныя къ цѣлямъ сохраненія личности и рода,

движенія переходятъ въ развитыя *мускульныя силы*, — въ *навыки*, *умѣнья*, *искуства*; приспособленные къ тѣмъ же цѣлямъ, *акты зрѣнія*, *слуха*, *осязанія*, и т. д., переходятъ въ *тонкую* индивидуальную *чувствительность*;— когда дѣйствія предусмотрѣнія, предпріятія, благоразумія, умѣренности, и т. д., переходятъ въ *предусмотрительность*, *предпріимчивость*, *благоразуміе*, *умѣренность*, и другія свойства, приспособленныя къ цѣлямъ сохраненія человѣка какъ животнаго организма и какъ рода;—и когда всѣ эти свойства становятся достояніемъ общества и исторіи.

Что сказано о приспособленіяхъ консервативно-индивидуальныхъ дѣйствій человѣка, то прилагается и къ остальнымъ отдѣламъ его произвольной дѣятельности. Такимъ именно образомъ, различныя мѣры общественнаго характера, приспособленныя къ цѣлямъ сохраненія человѣка какъ недѣлимаго и какъ рода, — мѣры благопріятныя *здоровью*, *пропитанію*, *размноженію*, *образованію* народонаселенія, и т. д.,—переходятъ въ *обычаи* и *письменные законы*.

---

234. Оканчивая наше изложеніе закона мотивацiи, заявляющаго свое присутствіе въ духѣ человѣка образованіемъ консервативныхъ и прогрессивныхъ направленій его произвольной дѣятельности, мы коснемся въ немногихъ словахъ, — во-первыхъ, фактическихъ *противорѣчій* психической экономіи произвольныхъ дѣйствій, поддерживаемой этимъ закономъ; и во-вторыхъ, вызываемыхъ его изложеніемъ, вопросовъ о *свободѣ*, *личности* и *религіи* человѣка.

Противорѣчія психической экономіи человѣческихъ дѣйствій. — Такія противорѣчія можно раздѣлить на *полныя* и *неполныя*. *Полныя* противорѣчія представляются въ дѣйствіяхъ направленныхъ всецѣло къ *саморазрушенію* или *самоуничтоженію*. Это—дѣйствія въ которыхъ замѣтно стремленіе къ разрушенію, въ одно и тоже время, общественности, личности и органическаго существованія человѣка, вмѣстѣ съ окружающею его природою. Такія противорѣчія возможны только въ дѣйствіяхъ *невольныхъ*, — выходящихъ изъ круга психической экономіи дѣйствій, поддерживаемой закономъ мотивации или *произвольности*,—въ дѣйствіяхъ людей, напр., физически или психически больныхъ.

Неполныя противорѣчія представляются въ дѣйствіяхъ, которыя въ однихъ отношеніяхъ совпадаютъ, а въ другихъ—расходятся съ требованіями психической экономіи человѣческой дѣятельности. Это—*односторонния*, *исключительныя* вліянія закона мотивации, направляющія къ однѣмъ цѣлямъ сохраненія, въ противность другимъ;—напр., когда, ради консервативно-индивидуальныхъ цѣлей, человѣкъ разрушаетъ жизнь и имущество другихъ, враждуетъ противъ государственности, и т. д.—*Проступки* и *преступленія*, и всѣ ошибки дѣйствій *произвольныхъ* или *мотивированныхъ*, представляютъ всегда примѣры такихъ, неполныхъ противорѣчій психической экономіи дѣйствій Относительно этого класса противорѣчій замѣтимъ слѣдующее

Во-первыхъ, неполныя противорѣчія не такъ часты, или многочисленны, въ суммѣ всѣхъ дѣйствій человѣка, какъ это обыкновенно думаютъ· можно утверждать, не опасаясь ошибки, что на *тысячу соотвѣтствій* психи-

ческой экономіи дѣйствій, не приходится и *одного* неполнаго противорѣчія ей.

Во-вторыхъ, эти противорѣчія представляютъ *развитіе* консервативныхъ или прогрессивныхъ дѣйствій, идущее далѣе его естественной мѣры, но встрѣчающее свой *отпоръ*, тотчасъ же по выходѣ изъ его естественныхъ предѣловъ; — слѣдовательно, въ концѣ, представляютъ однѣ *попытки* къ уклоненію отъ всесторонняго вліянія закона мотивацій,—попытки, никогда не переходящія въ безпрепятственный разливъ практическихъ аномалій.

Въ-третьихъ, въ число этихъ противорѣчій, заключающихся въ *дѣйствіяхъ*, не слѣдуетъ вводить односторонность или исключительность индивидуальнаго *сознанія* ихъ *мотивовъ* и *цѣлей*. Индивидуальное сознаніе конечныхъ мотивовъ и цѣлей произвольной дѣятельности человѣка часто не совпадаетъ съ показаніями ихъ научнаго анализа. Въ важнѣйшихъ отдѣлахъ дѣятельности,—напр., въ дѣйствіяхъ направленныхъ къ продолженію рода, цѣли дѣйствій достигаются часто помимо ихъ индивидуальнаго сознанія. — Такимъ образомъ, индивидуальное сознаніе мотивовъ и цѣлей дѣйствій не позволяетъ съ точностью судить объ осуществленіи, въ людскихъ дѣйствіяхъ, принциповъ ихъ психической экономіи.

235. Соприкосновенные вопросы о свободѣ, личности и религіи человѣка.

На первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о *психической свободѣ* человѣка, котораго намъ пришлось коснуться въ двухъ пунктахъ изложенія ученія о законѣ мотивацій (§§ 173, 212). Для пополненія данныхъ указаній, замѣтимъ, что подъ *психическою свободою* человѣка мы раз-

умѣемъ вообще *естественное теченіе* фактовъ его психическаго существованія, не искажаемое ни внѣшнимъ насиліемъ, ни отсутствіемъ тѣхъ или другихъ членовъ его психической системы. Такимъ образомъ, психическая свобода человѣка означаетъ, во-первыхъ, отсутствіе *внѣшнихъ насилій* естественному теченію психическихъ фактовъ его существованія. Внѣшнія насилія могутъ быть раздѣлены на два класса *физическія*, со стороны природы окружающей человѣка, и *общественныя*. *Свобода* отъ внѣшнихъ насилій не исключаетъ психической *непроизвольности*. Защищаемая въ этомъ смыслѣ свобода мысли, свобода убѣжденій, свобода совѣсти, не означаетъ непремѣнно ихъ произвольности. — Психическая свобода означаетъ, во-вторыхъ, отсутствіе *внутреннихъ насилій*, какія можетъ испытывать человѣкъ отъ своихъ разъяренныхъ *аппетитовъ*,—напр. голода,—и отъ своихъ *страстей*, именно страстныхъ *волненій* и *привязанностей*. Здѣсь *произвольность* дѣйствій не составляетъ признака ихъ свободы; иначе сказать, дѣйствія произвольныя могутъ быть *несвободными* въ этомъ смыслѣ. — Психическая свобода означаетъ, въ-третьихъ, *присутствіе* всѣхъ естественныхъ *членовъ* его психической системы. Отсюда, теченіе психическихъ фактовъ, не смотря на ихъ произвольность, признается *несвободнымъ*, когда, во-первыхъ, физическія или психическія *болѣзни* поражаютъ нѣкоторую часть психическихъ способностей человѣка; или когда, во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ этихъ способностей еще не сформировались,—какъ это бываетъ въ раннемъ возрастѣ человѣческой жизни.

Психическая свобода человѣка, какъ естественная зависимость психическихъ явленій его зрѣлаго и здоро-

ваго существованія, имѣетъ два вида: *низшій* и *высшій*. Низшій видъ психической свободы означаетъ естественное теченіе психическихъ фактовъ—въ формахъ *общихъ*, т. е. свойственныхъ и животнымъ; съ такою свободою совмѣстимы всѣ уклоненія отъ требованій психической экономіи дѣйствій, заключающіяся въ отсутствіи ихъ *соразмѣрности* или пропорціональности, и *приспособленности*.—Высшій типъ психической свободы человѣка означаетъ естественное теченіе психическихъ явленій въ ихъ *высшихъ*, или *спеціальныхъ*, *гуманныхъ*, *разумныхъ*, формахъ. Это—подчиненіе всего строя психическаго существованія—его разумнымъ началамъ. Здѣсь психическая свобода человѣка означаетъ и совершенство его психическаго существованія.

236. Второй вопросъ относится къ *сравнительному значенію* основныхъ цѣлей произвольной дѣятельности.—Есть основанія утверждать, что *высшею* между всѣми основными цѣлями дѣятельности должна быть признаваема *личность* человѣка, т. е. ея *развитіе* и *культура*. Нельзя не признать очевиднымъ того факта, что тѣло человѣка служитъ органомъ его духа; слѣдовательно, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что сохраненіе тѣла, и поддержаніе его воспроизведенія въ другихъ тѣлахъ, должно быть признаваемо *низшею*, служебною цѣлью дѣятельности, подчиненною другимъ, болѣе высокимъ цѣлямъ, именно *личности* и *общественности*. Между тѣмъ, дѣлая анализъ общественности (§ 27), мы не могли не отмѣтить, что первыя условія общественности, т. е. внѣшнія психическія вліянія людей другъ на друга, соединяющія ихъ въ цѣляхъ и ихъ преслѣдованіи, бываютъ дѣломъ ихъ личности. Общественность, при первомъ воз-

никновеніи своемъ, является такимъ образомъ *средствомъ* осуществленія цѣлей частныхъ, или органомъ личности людей. Такое первоначальное значеніе общественности отнюдь не закрывается исторіею ея культуры, или разнообразныхъ приспособленій къ другимъ цѣлямъ. А это заставляетъ думать, что надъ человѣкомъ какъ организмомъ и классомъ организмовъ, и надъ человѣкомъ какъ обществомъ, возвышается человѣкъ какъ *личность*, или, что личность человѣка должна быть разсматриваема какъ *высшая* или конечная цѣль, между всѣми цѣлями его произвольной дѣятельности. Въ такомъ случаѣ, *развитіе* и *культура личности*, не смотря на то, что послѣдняя дается приспособленіями къ другимъ цѣлямъ,—должны быть признаваемы *собственными* цѣлями всей произвольной дѣятельности человѣка.

237. Третій вопросъ касается вліянія общаго начала произвольной дѣятельности человѣка, т. е. *закона мотивацiи* или *самосохраненія*,—на *религіозныя убѣжденія* человѣка. Было бы вещью непонятною, если бы такое великое начало не отразилось на этой области психическихъ явленій, не чуждыхъ мотивированности. И дѣйствительно, вліяніе закона мотивацiи выступаетъ весьма явственно въ обоихъ главнѣйшихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ человѣка,—а именно, вѣрѣ въ *безсмертіе души*, и вѣрѣ въ *бытіе Бога*. Несомнѣнно, что человѣкъ, дозрѣвшій до представленій собственнаго безсмертія, никогда не разстанется съ ними добровольно, въ силу вліяній того же закона самосохраненія. Чувства вызываемыя представленіями разрушенія собственной личности всегда будутъ горькими, тяжолыми, безотрадными, а это-

го достаточно, чтобы вся психическая природа наша возмущалась при такого рода представленіяхъ.—Отрицательное вліяніе чувствъ безотрадныхъ, вызываемыхъ представленіями психическаго саморазрушенія, поддерживается положительнымъ вліяніемъ чувствъ отрадныхъ, вызываемыхъ представленіями личнаго безсмертія. — Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ одного закона мотивации или самосохраненія, человѣкъ всегда будетъ склоненъ къ вѣрѣ въ безсмертіе своей души.

Тоже прилагается и къ вѣрѣ въ *бытіе Бога*. Несомнѣнно, что эта вѣра поддерживается косвеннымъ вліяніемъ того же закона. Законъ мотивации направляетъ всю дѣятельность человѣка къ его сохраненію и усовершенствованію,—слѣдовательно, къ его *благу*. Въ то же время, какъ законъ всей произвольной дѣятельности его, онъ стоитъ *выше* его произвола, господствуетъ надъ его дѣятельностью. Такимъ образомъ, законъ мотивации не можетъ не вызывать чувства зависимости отъ нѣкоторой высшей законодательной власти,—чувства, способнаго поддерживать въ человѣкѣ вѣру въ Бога,—предметъ его религознаго міровоззрѣнія,—какъ благое Провидѣніе, нравственнаго Законодателя и Судью.

ГЛАВА V.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ МЫШЛЕНІЯ И ПСИХИЧЕСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Соотношенія идей и ощущеній. — Соотношенія идей и волненій. — Соотношенія идей и реальныхъ дѣйствій. — Соотношенія умственныхъ и реальныхъ дѣйствій.—

238. Соотносительность мышленія и психической дѣйствительности открывается въ соотношеніяхъ: *идей* и *ощущеній; идей* и *волненій*; *идей* и *реальныхъ дѣйствій; умственныхъ* и *реальныхъ* дѣйствій; и т. д.

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И ОЩУЩЕНІЙ.

Въ начальной главѣ этого сочиненія (§ 11) была указана зависимость *идей* человѣка отъ его *ощущеній*. Послѣднія служатъ единственнымъ источникомъ многихъ порядковъ его идей,—напр., идей его *органическихъ* ощущеній, идей *движеній*, идей *свѣта*, *звуковъ*, *теплоты*, *запаховъ*; и т. д.—Между тѣмъ, есть факты доказывающіе обратную зависимость ощущеній отъ соотвѣтствующихъ имъ идей:—напр., зрительныхъ ощущеній—отъ идей зрительныхъ; слуховыхъ ощущеній—отъ слуховыхъ идей; ощущеній теплоты—отъ идей теплоты; и т. д. Такъ какъ съ соотношеніями зрительныхъ идей и ощущеній мы еще встрѣтимся, по по-

воду соотношеній другого рода то остановимся здѣсь на соотношеніяхъ *идеи* и *ощущеній теплоты*.

Первичныя *идеи теплоты* почерпаются изъ ощущеній *теплыхъ прикосновеній*, ощущеній мѣстной *теплоты*, и мѣстнаго *жара* въ тѣлѣ; и т. д. Путемъ искуственнымъ можно получить факты указывающіе повидимому на обратный переходъ *идей* теплоты въ *ощущенія* теплоты. А именно, изъ многочисленныхъ опытовъ мы убѣдились, что нѣкоторое сосредоточенное представленіе тепла, въ какомъ нибудь пунктѣ поверхности своего тѣла, достаточно для того, чтобы простая идея тепла перешла, въ этомъ пунктѣ тѣла, въ *ощущеніе* тепла. Увеличеніе числа пунктовъ обнимаемыхъ такимъ представленіемъ, увеличиваетъ *массивность* полученнаго ощущенія, распространяя его постепенно на всю поверхность тѣла. Что путемъ такой умственной экспериментаціи получается не простое усиленіе интенсивности идей тепла, вызываемыхъ по ассоціаціи, а то усиленіе, съ которымъ идея тепла переходитъ въ реальный опытъ тепла или въ дѣйствительное ощущеніе теплоты, - доказывается, между прочимъ, слѣдующими обстоятельствами. Такая умственная операція сопровождается не мысленнымъ или воображаемымъ, а дѣйствительнымъ *согрѣваніемъ* тѣла, или нѣкоторыхъ его частей, которое можетъ въ концѣ вызывать даже ощущенія *жара*. Притомъ же, опыты мѣстнаго согрѣванія тѣла, достигаемаго такимъ способомъ, оказывались для насъ всегда достаточными для прекращенія слабыхъ болей, вызванныхъ его охлажденіемъ. Прекращеніе слѣдуетъ иногда мгновенно, вслѣдъ за указаннымъ опытомъ, иногда послѣ нѣсколькихъ повтореній его. Мы не ожидаемъ, чтобъ эти опыты могли принести существенную пользу для здоровья; но самая

дѣйствительность ихъ, какъ намъ кажется, доказываетъ, что путемъ такихъ опытовъ *идеи* тепла превращаются въ самыя *ощущенія* тепла.

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И ВОЛНЕНІЙ.

239. Соотношенія идей и волненій можно наблюдать: во-первыхъ, въ фактахъ возникновенія идей *изъ волненій*, и обратнаго превращенія идей *въ волненія*; и во-вторыхъ, въ фактахъ *возбужденія волненій* встрѣчею идей, и обратнаго *вліянія волненій* на вызвавшія ихъ идеи.

Раньше были указаны нами различныя группы идей, возникающихъ впервые изъ волненій:—таковы идеи *страха*, *гнѣва*, *сходства*, *разницы*, *свободы*, *желаній*, *красоты*, *долга*; и т. д. (Ч. I, § 11). Всѣ идеи имѣющія такое происхожденіе, способны, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, переходить, по степени своей интенсивности, въ соотвѣтствующія имъ волненія:—идеи страха—въ чувства страха; идеи гнѣва—въ чувства гнѣва; идеи свободы—въ чувства свободы; и т. д.—Примѣромъ такого рода преобразованій могутъ служить превращенія *чувствъ симпатическихъ*. Выше было раскрыто (Ч. II, § 202), что чувства симпатическія суть собственно не чувства, а *идеи*, или мысленныя воспроизведенія чужихъ чувствъ. Между тѣмъ, этимъ идеямъ присвоено не неосновательно названіе чувствъ, между прочимъ, и потому, что онѣ такъ часто и такъ легко переходятъ въ дѣйствительныя чувства. Такимъ образомъ, симпатическія чувства *страха*, *гнѣва*, испытываемыя въ минуты страшной опасности для другихъ, или въ минуты жестокаго насилія причиняемаго другимъ третьими лицами, могутъ достигать интенсив-

ности реальныхъ потрясеній, со всѣми вызываемыми ими послѣдствіями для дѣятельности, и для оставляемыхъ ими настроеній или расположеній духа.

240. Перейдемъ ко второму обстоятельству.—Текущія по законамъ ассоціаціи идеи способны возбуждать разнообразныя волненія —напр., *сходства, разницы, новости, неожиданности, красоты, смѣха, страха, стыда;* и т. д. Вызываемыя такимъ образомъ волненія не остаются безъ вліянія на вызвавшія ихъ идеи; это вліяніе во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ *законъ мотивацiи* или *произволъности*. Оно бываетъ *положительнымъ*, благопріятствующимъ теченію идей, и *отрицательнымъ*, неблагопріятнымъ ему,—смотря по качеству, т. е. пріятности или непріятности—дѣйствующихъ волненій. Но послѣдствія этого вліянія иныя, чѣмъ послѣдствія закона мотивации. Въ силу закона мотивации, дѣйствія реальныя и умственныя получаютъ *произвольность;* въ силу вліянія волненій вызываемыхъ текущими идеями, *впервые возникаютъ* тѣ мысленныя или умственныя дѣйствія, которымъ законъ мотивации сообщаетъ характеръ произвольности. Обратному вліянію волненій на вызывающія ихъ идеи мы обязаны самымъ происхожденіемъ нашихъ умственныхъ операцій (Ч. I, § 13). Такимъ образомъ, обратное вліяніе чувствъ, на возбуждающія ихъ своимъ теченіемъ идеи, сообщаетъ пассивнымъ мысленнымъ отношеніямъ къ дѣйствительности—характеръ мысленныхъ *дѣйствій воспоминанія, представленія, воображенія.*—При этомъ, нѣтъ надобности напоминать еще разъ, что это вліяніе волненій на идеи есть не прямое, а косвенное, при помощи системъ мышечной и нервной.—Таково же происхожденіе и умствен-

ныхъ дѣйствій *анализа*, *синтеза*, *творчества;* и т. д. Всѣ эти дѣйствія возникаютъ по поводу образованія вторичныхъ идей изъ первичныхъ, вообще однѣхъ идей изъ другихъ, и нѣкоторыхъ *измѣненій* въ самомъ составѣ текущихъ идей. Текущія идеи, единственно въ силу законовъ ассоціаціи, напр., разлагаются, слагаются, превращаются; это пассивное *разложеніе*, *сложеніе*, *превращеніе* идей, получаетъ дѣятельный характеръ умственнаго *анализа*, *синтеза*, *творчества*,—какъ скоро вызываемыя этимъ преобразованіемъ волненія благопріятствуютъ ему своимъ качествомъ пріятности

СООТНОШЕНІЯ ИДЕЙ И РЕАЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

241 Соотношенія идей и реальныхъ дѣйствій изложены, въ значительной мѣрѣ, въ предыдущихъ главахъ, въ ученіи о *мысленной мотиваціи* дѣйствій Мысленные мотивы реальныхъ дѣйствій первоначально образуются изъ чувствъ, вызываемыхъ такими дѣйствіями, — слѣдовательно, находятся въ косвенной зависимости отъ послѣднихъ; между тѣмъ, характеръ ихъ какъ мотивовъ, показываетъ обратное вліяніе на тѣ реальныя дѣйствія, которымъ они косвенно обязаны своимъ происхожденіемъ. Объ этой соотносительности идей и реальныхъ дѣйствій мы не будемъ распространяться въ настоящемъ мѣстѣ нашего изслѣдованія. Замѣтимъ только, что здѣсь дѣло идетъ о соотношеніяхъ собственно лишь *одного класса идей*, именно идей нашихъ *чувствъ*,—нашихъ ощущеній и волненій, вызываемыхъ дѣйствіями. Между тѣмъ, въ томъ же процессѣ мысленной мотиваціи дѣйствій находятся другія идеи, – не нашихъ чувствъ, а нашихъ *дѣй-*

ствій. Мысленная мотивація дѣйствій только задуманныхъ, есть ничто иное какъ вліяніе идей *чувствъ* на идеи *дѣйствій*, или на дѣйствія исполняемыя въ мысли. Когда задуманное или намѣренное дѣйствіе переходитъ въ исполненіе, это значитъ, что, подъ вліяніемъ мысленныхъ мотивовъ или идей чувствъ, идея дѣйствія переходитъ въ самое дѣйствіе. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ другимъ видомъ соотношеній идей и реальныхъ дѣйствій, о которомъ до сихъ поръ отчетливо не говорилось. Соотношенія эти сводятся къ тому, что идеи дѣйствій, подвергающіяся вліянію идей чувствъ—въ составѣ мысленныхъ мотивовъ дѣйствій, вытекаютъ косвенно изъ дѣйствій и, при извѣстныхъ условіяхъ, снова переходятъ въ дѣйствія.

242. Зависимость первичныхъ идей реальныхъ дѣйствій—отъ самыхъ же реальныхъ дѣйствій очевидна. Когда человѣкъ *беретъ* въ руки какія нибудь вещи; *удерживаетъ* въ рукахъ; *кладетъ* на то же мѣсто, или *перекладываетъ* на новое; *ставитъ* гдѣ нибудь; *переставляетъ*, *переноситъ*; *разламываетъ*, *раздѣляетъ*, или *соединяетъ*, *собираетъ въ кучу*; *укорачиваетъ* или *удлиняетъ*, *сравниваетъ* одну съ другою; *ищетъ* что нибудь, или *преслѣдуетъ* кого нибудь, *опускается* внизъ, *поднимается* вверхъ, *углубляется* куда нибудь; и т. д., — всѣ эти реальныя дѣйствія человѣка оставляютъ въ немъ свои *идеи*, въ самыя минуты своего теченія. Эти идеи дѣйствій, позднѣе, снова переходятъ въ дѣйствія. Спрашивается: какимъ образомъ? — Есть черта отмѣченная въ общемъ сознаніи людей, раздѣляющая переходъ идеи въ дѣло на два періода: — это — образованіе такъ-называемаго *намѣренія*, или превращеніе идеи дѣйствія въ *произволь-*

ное мысленное дѣйствіе. Анализъ убѣждаетъ, что намѣренію можетъ предшествовать представленіе дѣйствія, не имѣющее и тѣни намѣренія, — именно, воспроизведеніе реальнаго дѣйствія въ мысли — то *пассивное*, по законамъ ассоціаціи, то *дѣятельное*, но *невольное*, вслѣдствіе вмѣшательства какихъ нибудь волненій, вызванныхъ пассивнымъ воспроизведеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ *дѣйствіе* мысленное или въ *умѣ*, еще не успѣвшее пріобрѣсти характера произвольности. Это, какъ выражались моралисты, простое *прикосновеніе* помысла о какомъ нибудь дѣйствіи: человѣкъ невольно исполняетъ въ своемъ умѣ то что онъ дѣлалъ въ дѣйствительности,—*беретъ* вещи, *удерживаетъ*, *кладетъ*, *относитъ*, *раздѣляетъ*, *связываетъ*, *перемѣняетъ* свои *положенія*, и т. д. Здѣсь классы умственныхъ дѣйствій столь же разнообразны, какъ и классы реальныхъ, дающихъ самыя идеи умственныхъ дѣйствій. Общія формы такихъ умственныхъ дѣйствій носятъ названіе *представленій*. Такимъ образомъ, можно сказать, что намѣренію дѣйствія можетъ предшествовать невольное *представленіе* дѣйствія. Намѣреніе образуется, когда невольное представленіе дѣйствія переходитъ въ произвольное, подъ вліяніемъ мысленныхъ мотивовъ къ такому дѣйствію, или же вслѣдствіе образованія новыхъ реальныхъ.—Второй періодъ въ развитіи идеи дѣйствія начинается съ возникновенія намѣренія. Дѣйствіе въ умѣ, сдѣлавшись произвольнымъ, переходитъ наконецъ изъ мысленнаго въ реальное, если только не окажутся препятствія такому переходу, обращающія его въ психическую *готовность* дѣйствія при извѣстныхъ обстоятельствахъ.—Въ чемъ состоитъ процессъ этого перехода?—Очевидно, въ явленіяхъ

обратныхъ тѣмъ, съ помощью которыхъ получаются идеи реальныхъ дѣйствій. Идеи реальныхъ дѣйствій суть нѣкоторое воспроизведеніе самыхъ дѣйствій, составляющее аббревіатуру или сокращеніе ихъ, хотя и въ другомъ родѣ, чѣмъ знаніе, или символы, ихъ. Идеи реальныхъ дѣйствій—тѣ же реальныя дѣйствія, но доведенныя до minimum'а ихъ интенсивности. Отсюда, переходъ этихъ идей въ дѣйствія долженъ состоять преимущественно въ развитіи *интенсивности* умственныхъ дѣйствій въ которыя онѣ превращаются,—развитіи, въ концѣ уничтожающемъ границу, отдѣляющую мысль отъ дѣла. Такое развитіе интенсивности умственнаго дѣйствія, или представленія дѣйствія, можетъ быть сообщено ему только его *мотивами*,—или *мысленными*, или *реальными*. Тѣ самыя идеи чувствъ, или чувства, которыя сообщаютъ невольному представленію дѣйствія характеръ произвольности, поощряя его развитіе,—тѣ же самыя дѣятели доводятъ это развитіе до его послѣднихъ предѣловъ, лежащихъ въ самыхъ реальныхъ дѣйствіяхъ.

СООТНОШЕНІЯ УМСТВЕННЫХЪ И РЕАЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

243. Послѣднія замѣчанія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на соотношенія умственныхъ и реальныхъ дѣйствій. Что такія соотношенія существуютъ, это достаточно доказывается косвенною зависимостью *намѣреній* дѣйствій отъ самыхъ дѣйствій, и послѣдующимъ превращеніемъ намѣреній въ дѣйствія. Но эта соотносительность можетъ быть объяснена, съ большею подробностью, примѣромъ соотношеній реальныхъ актовъ *зрѣнія*, и ум-

ственныхъ операцій съ помощью *зрительныхъ идей*,—т. е. зрительнаго *представленія*, *воображенія*, умственнаго зрительнаго *наблюденія*, *вниманія;* и т. д

Зависимость умственныхъ операцій зрительнаго характера отъ реальныхъ актовъ зрѣнія.

Что умственныя операціи съ помощью зрительныхъ идей, образуются изъ реальныхъ актовъ зрѣнія, это доказывается многими порядками относящихся сюда фактовъ. Къ такимъ фактамъ принадлежатъ, прежде всего, несомнѣнныя черты *тожества* первыхъ съ послѣдними, открываемыя при ихъ разницахъ и заключающіяся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ

Во-первыхъ.—въ *движеніяхъ* глазныхъ аппаратовъ, сопровождающихъ одинаково, какъ реальные акты зрѣнія, такъ и *зрительныя представленія*. Несомнѣнно, что глаза находятся въ движеніи при разнообразной смѣнѣ представленій Что эти движенія, или работа мускуловъ, входятъ въ самый процессъ зрительныхъ представленій, какъ ихъ косвенныя условія,—это доказывается многими фактами общими представленіямъ и актамъ зрѣнія. Такимъ образомъ, зрачекъ глазъ сокращается и расширяется, соотвѣтственно близости или отдаленности видимыхъ предметовъ,—и притомъ все равно, разсматриваютъ ли эти предметы на дѣлѣ, или только представляютъ въ мысли. Это мы замѣтили на себѣ и на другихъ.—Точно также мы нашли, что покойное положеніе глазъ въ открытомъ состояніи есть одно изъ условій продолженія пристальнаго представленія, или наблюденія въ мысли, какого нибудь зрительнаго предмета· всякое случайное движеніе

глазъ не благопріятствуетъ имъ; а смеженіе вѣкъ есть, очевидно, одно изъ условій благопріятныхъ *подавленію* зрительныхъ идей или образовъ,—конечно, вслѣдствіе производимаго имъ давленія на глазное яблоко и зрительные нервы.

Во-вторыхъ:—въ явленіяхъ *взаимодѣйствія* цвѣтовъ, какъ въ области реальнаго зрѣнія, такъ и зрительнаго представленія. Явленія этого рода, наблюдаемыя въ послѣднемъ случаѣ, доказываютъ несомнѣнное участіе работы зрительныхъ нервовъ въ произведеніи зрительныхъ идей. Опыты, доказывающіе существованіе такихъ явленій, заключаются въ слѣдующемъ. Надобно пріучить себя представлять одинъ за другимъ какіе нибудь цвѣтные предметы, лучше *небольшого объема*, и притомъ на нѣкоторомъ *разстояніи* одинъ отъ другого, потомъ, не упуская изъ виду такіе предметы, быстро сблизить ихъ сторонами. Оказывается, что при всякомъ сближеніи цвѣтныхъ предметовъ, сдѣланномъ такимъ образомъ, цвѣта предметовъ маленькаго объема совершенно мѣняются, переходя въ *дополнительные*. Такими цвѣтными предметами представленій мы избирали небольшіе квадратики изъ цвѣтной бумаги, тригольники изъ цвѣтныхъ матерій, обрѣзки цвѣтныхъ лентъ, карманные золотые часы, съ цвѣтною эмалью въ серединѣ верхней крышки; и т. д. Сближенные такимъ образомъ, два квадратика изъ *зеленой* и *синей* цвѣтной бумаги, превращаются—первый въ *желтый*, — второй въ *голубой*. Наблюдатель, въ умѣ, такого явленія можетъ замѣтить всю постепенность этого перехода темныхъ цвѣтовъ въ свѣтлые. — *Желтый* и *синій* квадратики переходятъ въ *оранжевый* и *голубой*. Сближенные такимъ же образомъ въ представленіи, три цвѣтныхъ *тригольника* изъ стекла или бумаги, *пурпу-*

ровый, *синій* и *зеленый*, переходятъ въ *красный*, *голубой* и *желтый*.—Представляя рядъ квадратиковъ въ порядкѣ цвѣтовъ солнечнаго спектра,—а именно, *красный*, *оранжевый*, *желтый*, *зеленый*, и т. д., найдемъ что, при этомъ, *тоны* цвѣтовъ мѣняются. Вообще слѣдуетъ сказать, что было бы величайшею ошибкою думать, что цвѣтные предметы сохраняютъ въ нашихъ зрительныхъ идеяхъ свойственные имъ цвѣта, при всѣхъ обстоятельствахъ.—Эти явленія взаимодѣйствія цвѣтовъ, въ области зрительныхъ представленій, служатъ наглядпымъ доказательствомъ того, что предметы этихъ умственныхъ операцій, т. е. зрительныя идеи, сохраняютъ несомнѣнныя черты своего тожества съ предметами реальныхъ актовъ зрѣнія, т. е. зрительными ощущеніями.

Въ третьихъ:—въ нѣкоторыхъ *предѣлахъ* свойственныхъ зрительнымъ представленіямъ. Такимъ образомъ, обыкновенно мы представляемъ видимыя вещи *передъ* собою или *впереди* себя; подобно тому, какъ мы разсматриваемъ ихъ на дѣлѣ. И хотя въ представленіяхъ мы свободнѣе чѣмъ въ зрѣніи, т. е. обладаемъ нѣкоторою способностью представлять и *позади* себя, или *за* собою однако наблюденія убѣждаютъ, что эта способность имѣетъ свои непреодолимыя границы, — а именно, въ представленіяхъ отличающихся *массивностью* зрительныхъ идей. Представлять огромныя географическія пространства, съ ихъ разнообразнымъ содержаніемъ,—и притомъ отчетливо, мы можемъ только *передъ* собою, какъ это въ первый разъ было замѣчено нами еще на школьной скамьѣ.—Точно также несомнѣнно, что *объемъ* или *пространство* нашихъ зрительныхъ представленій не отступаетъ далеко отъ объема или массы нашихъ зрительныхъ ощущеній.

Безконечное пространство есть не представленіе, а *понятіе*. Мы понимаемъ смыслъ этого выраженія, но было бы самообольщеніемъ думать, что мы можемъ представить себѣ такое пространство съ помощью зрительныхъ идей. Въ этомъ можно убѣдиться слѣдующимъ опытомъ. Пусть кто нибудь представитъ передъ собою знакомую ему мѣстность покрытую *полями*, за которыми изгибается *рѣка*, тянется *лугъ*, а на горизонтѣ видѣнъ *лѣсъ*. Пусть, потомъ, попробуетъ, позади этого вида создать другой такой же, за другимъ третій, и т. д. Конечно, эту работу можно продолжать до утомленія, или, какъ говорятъ, до безконечности; однако, давая себѣ отчетъ въ этихъ представленіяхъ, найдемъ, что безконечность этой панорамы поддерживается нѣкоторою умственною *иллюзіею*. Потому что не трудно замѣтить, что создавая второй видъ, мы не можемъ удержать въ прежнихъ размѣрахъ первый, и создавая третій, соотвѣтственно сокращаемъ второй; такъ что объемъ нашего зрительнаго представленія, строго говоря, при этомъ не мѣняется только *процессъ* зрительнаго представленія, заключающійся въ повтореніи одного и того же вида, не оканчивается.—Тоже прилагается и ко всѣмъ этимъ *безконечнымъ линіямъ*, *безконечнымъ площадямъ;* и т. д.

244. Второй порядокъ фактовъ, доказывающихъ зависимость умственныхъ операцій зрительнаго характера отъ реальныхъ актовъ зрѣнія, заключается въ тѣхъ *преобразованіяхъ* послѣднихъ актовъ, которыя сближаютъ ихъ съ первыми операціями. Къ такимъ преобразованіямъ принадлежатъ измѣненія реальныхъ актовъ зрѣнія, приближающія ихъ къ дѣйствіямъ зрительнаго воображенія,—или переходы *разсматриванія линій* видимыхъ предметовъ—въ

воображеніе линій; разсматриванія *фигуръ*—въ воображеніе зрительныхъ *схемъ;* разсматриванія *движеній*, *цвѣтовъ* — въ воображеніе тѣхъ и другихъ; разсматриванія многихъ зрительныхъ элементовъ вмѣстѣ—въ воображеніе видимыхъ *вещей.*

Преобразованіе наблюденія линій—въ воображеніе ихъ.—Движеніе взгляда по линіямъ видимыхъ предметовъ сопровождается *начертаніемъ* этихъ линій,—какъ въ этомъ убѣждаютъ прямые опыты. Если, въ полуосвѣщенной комнатѣ, обозрѣть, сверху внизъ, тянущіяся линіи рамы дверей, и потомъ закрыть глаза. то въ закрытыхъ глазахъ мы можемъ найти свѣтлую линію соотвѣтствующую движенію нашего взгляда. Явленіе замѣчается скорѣе, если движенія взгляда сверху внизъ, или въ другихъ направленіяхъ, повторяются нѣсколько разъ.—Для такого начертанія линій, преобразующаго зрѣніе въ зрительное воображеніе, достаточно даже соединенія взглядомъ двухъ точекъ. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться слѣдующими простыми опытами. Если на бѣлой бумагѣ поставить цвѣтными карандашами двѣ точки различнаго цвѣта, то при переходѣ глазами отъ одной къ другой, мы можемъ замѣчать рисующуюся на бумагѣ и соединяющую ихъ линію, и притомъ цвѣта—дополнительнаго къ цвѣту точекъ. Такимъ образомъ, если поставить точки *зеленаго* и *синяго* цвѣта, линія начертывается *голубая;* если точки будутъ цвѣта *краснаго* и *желтаго*, линія будетъ *оранжеваго;* и т. д.

245. Преобразованіе наблюденій фигуръ, зрительнаго движенія, цвѣтовъ, въ соотвѣтственные акты воображенія. — Если смотрѣть пристально на маленькій квадратикъ вырѣзанный изъ цвѣтной бумаги, то, послѣ нѣкотораго времени, тонъ цвѣта квадратика измѣняется, именно становится темнѣе; за тѣмъ этотъ темный набѣгъ претерпѣваетъ измѣненія въ своемъ объемѣ, позволяя при этомъ видѣть и собственный цвѣтъ квадратика; измѣняясь, онъ образуетъ фигуры, которыя переходятъ въ другія; и т. д. Такимъ образомъ, въ нашихъ опытахъ, на оранжевомъ квадратикѣ получались *темныя каймы*, ограничивающія квадратъ болѣе свѣтлаго тона: послѣднія измѣнялись такимъ образомъ, что внутренній квадратъ обращался въ кругъ; и т. д. На желтомъ квадратикѣ, при тѣхъ же условіяхъ, получены были между прочимъ: два тріугольника, соединенные вершинами, восемь малыхъ кружковъ, расположенныхъ, сначала, въ линіяхъ описаннаго квадрата, потомъ круга. На синемъ квадратикѣ получены, между прочимъ, большой описанный квадратъ, четыре малыхъ квадрата, два тріугольника обращенные другъ къ другу основаніями, четыре ряда малыхъ квадратиковъ связанныхъ углами, нѣсколько малыхъ кружковъ, два большіе эллипсиса; и т. д. — Образованіе фигуръ должно происходить при всякомъ сложномъ наблюденіи линій видимыхъ предметовъ. Если наблюденіе одной линіи сопровождается начертаніемъ такой линіи, то наблюденіе нѣсколькихъ, связанныхъ между собою, должно давать, или начертывать, цѣлыя схемы или фигуры вещей. Въ начертаніи такихъ фигуръ убѣждаютъ слѣдующіе прямые опыты. Послѣ пристальнаго разсматриванія географической карты, въ тем-

ной комнатѣ можно замѣтить въ глазахъ чертежъ всей карты, съ линіями рѣкъ и съ надписями городовъ; при обращеніи взгляда на бѣлую стѣну, освѣщенную изъ другой комнаты, весь этотъ чертежъ гораздо отчетливѣе выступаетъ на стѣнѣ.—Послѣ продолжительнаго перелистыванія книгъ, напр., при разрѣзаніи ихъ, — въ темной комнатѣ можно замѣтить продолжающееся въ глазахъ движеніе листовъ справа налѣво.—Наконецъ, весьма извѣстны факты, что пламя свѣчи, блестящій очеркъ солнца, оставаясь въ нашихъ глазахъ, принимаютъ потомъ различные цвѣта.

246. Такимъ образомъ, реальные акты зрѣнія, въ указанныхъ нами примѣрахъ, обращаются въ другіе акты, которые, хотя и не составляютъ актовъ воображенія въ строгомъ смыслѣ, однако значительно уклоняются отъ реальныхъ фактовъ зрѣнія, и весьма близко подходятъ къ фактамъ зрительнаго воображенія. — Этимъ впрочемъ еще не ограничивается наше знаніе преобразованій зрѣнія въ воображеніе. Главная разница между умственными дѣйствіями зрительнаго воображенія, и описанными нами приближеніями къ нему, заключается въ томъ, что послѣднія представляютъ опыты *нестереоскопическаго* представленія линій, очерковъ, движеній и цвѣтовъ видѣнныхъ предметовъ,—т. е. въ маленькихъ размѣрахъ, и безъ перспективы, — представленія *въ себѣ*, а не внѣ себя, лишеннаго притомъ почти всякой произвольности. Однако, есть рѣдкіе опыты, показывающіе, какъ эти нестереоскопическія представленія могутъ переходить въ собственное, стереоскопическое воображеніе.—Передъ засыпаніемъ, часто можно видѣть нестереоскопическіе виды блестящихъ искръ, цвѣтовъ, и т. д. Когда, замѣтивши послѣдніе,

я воображалъ себѣ какую нибудь мѣстность, то обыкновенно находилъ, что въ окраску этой воображаемой мѣстности входили, между прочимъ, и цвѣта замѣченныхъ прежде нестереоскопическихъ видовъ.— Былъ одинъ случай, опять передъ сномъ, когда, при освѣщеніи съ боку, я замѣтилъ въ глазахъ нестереоскопическую картинку, какъ бы фотографическую карточку, которую могъ представить стереоскопически и нестереоскопически, нѣсколько разъ, по произволу. Но другого подобнаго опыта намъ не приходилось имѣть.—Такіе опыты переводятъ насъ, косвенно, изъ области реальнаго зрѣнія—въ собственную область зрительнаго воображенія.

Зависимость реальныхъ актовъ зрѣнія отъ умственныхъ операцій зрительнаго характера.

247. Чтобы прослѣдить зависимость первыхъ отъ послѣднихъ, обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, *происхожденіе* главныхъ *предметовъ нестереоскопическаго* представленія; и во-вторыхъ, преобразованіе послѣдняго въ *стереоскопическое* зрѣніе.

Всѣ предметы нестереоскопическаго представленія или воображенія могутъ быть, по своему происхожденію, раздѣлены на два класса. одни зависятъ отъ реальныхъ актовъ зрѣнія, другія отъ умственныхъ операцій зрительнаго характера. Первый можно опредѣлить, ссылаясь на слѣдующіе два факта. Каждый, при долгомъ чтеніи книги, или другой работѣ требующей подобнаго напряженія зрѣнія, могъ замѣтить, что ему, какъ говорятъ, застилаетъ чѣмъ-то глаза: какое-то бѣлое покрывало совсѣмъ закрываетъ буквы или строки.—Другой фактъ состоитъ въ томъ,

что опытамъ надъ взаимодѣйствіемъ цвѣтовъ въ составѣ зрительныхъ идей мѣшаетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что представляемые при этомъ предметы,— квадратики изъ цвѣтной бумаги или матеріи, и т. д.— быстро закрываются, отъ наблюдателя или представляющаго, какимъ-то бѣлымъ налетомъ, или *свѣтовымъ туманомъ*. Какъ ни различны обстоятельства обоихъ фактовъ, несомнѣнно, что этотъ туманъ покрывающій зрительные образы представленія, и этотъ туманъ застилающій глаза при чтеніи книги, одинъ и тотъ же, по своему составу и происхожденію.

Если наблюдать этотъ свѣтовой туманъ при этихъ или другихъ обстоятельствахъ, — напр., при смеженіи глазъ, при давленіи на глазъ рукою, и т. под., то найдемъ, что онъ весь состоитъ, на первый разъ, изъ безчисленной массы *фигуръ* различнаго объема, между которыми выдаются особенно во-первыхъ, масса маленькихъ бѣлыхъ матовыхъ *кружковъ*, большею частью полыхъ; во-вторыхъ, одинъ или многіе, того же размѣра, *круги* средней величины; въ-третьихъ, какіе-то свѣтовыя *сплетенія*, то въ видѣ вѣнка, то многоугольника. Ближайшія изслѣдованія этихъ явленій убѣдили насъ, что въ свѣтовомъ туманѣ, закрывающемъ зрительные образы представленія и видимые предметы реальнаго зрѣнія, мы имѣемъ свѣтовыя изображенія камеры нашихъ глазъ, — при чемъ, масса маленькихъ матовыхъ кружковъ изображаетъ элементы *кристалловидной влаги*, круги средней величины—преемственныя изображенія формы *зрачка;* свѣтовыя сплетенія — такъ-называемую *шармочку* глаза. Это отношеніе состава свѣтоваго тумана, составляющаго одинъ изъ постоянныхъ предметовъ нестереоскопическаго зрѣнія, обна-

руживаетъ его зависимость отъ зрительныхъ ощущеній, или реальныхъ актовъ зрѣнія.

248. Предметы нестереоскопическаго зрѣнія, зависящіе отъ умственныхъ операцій зрительнаго характера, можно раздѣлить на два порядка: *нестереоскопическіе виды* картинъ зрительнаго представленія; и *отраженія* какъ этихъ картинъ, такъ и ихъ нестереоскопическихъ видовъ на описанномъ нами свѣтовомъ туманѣ.—Нестереоскопическіе виды картинъ зрительнаго воображенія, своимъ отношеніемъ къ послѣднимъ, весьма напоминаютъ фотографическія карточки, когда они разсматриваются по вынутіи ихъ изъ стереоскопа:—другіе размѣры; иногда—безъ третьяго измѣренія; никакой перспективы. Такіе виды одинъ изъ извѣстныхъ физіологовъ (Мюллеръ) могъ вызывать по своему произволу; мы наблюдали, въ различное время, нестереоскопическіе виды и отдѣльныхъ предметовъ, и цѣлыхъ сценъ. Очевидно, что въ этихъ нестереоскопическихъ видахъ мы уже не имѣемъ предметовъ зрительнаго воображенія въ строгомъ смыслѣ; здѣсь воображеніе дѣлаетъ шагъ впередъ, на пути къ реальному зрѣнію.

Другой предметъ нестереоскопическаго представленія составляютъ *отраженія*, на описанномъ свѣтовомъ туманѣ, воображаемыхъ зрительныхъ вещей и ихъ нестереоскопическихъ видовъ.—Отраженія перваго рода замѣчены были нами впервые при изученіи взаимодѣйствія цвѣтовъ—въ составѣ зрительныхъ идей. Мы упомянули уже, что опытамъ производимымъ съ цѣлью изученія этихъ явленій, препятствуетъ свѣтовой туманъ, скоро набѣгающій на представляемые предметы. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, всматриваясь въ этотъ туманъ, намъ удавалось замѣтить, что бѣлый цвѣтъ этого тумана измѣнялся очень

часто въ ту самую минуту какъ закрывалъ зрительные образы. Изучая эти измѣненія, мы нашли, что они содержатъ *отраженія* представляемыхъ картинъ, т. е. ихъ *очерковъ* или *линій*, и ихъ *цвѣтовъ*,—но опять не въ ихъ собственныхъ, а въ *дополнительныхъ* цвѣтахъ; при этомъ, объемъ отраженія видимо соотвѣтствуетъ объему того, что мы успѣли различить особенно отчетливо. Опыты съ этими отраженіями мы могли производить, позднѣе, по своему произволу. Если представить квадратъ изъ бумаги зеленаго цвѣта, то на свѣтовомъ туманѣ замѣтимъ отраженія его въ цвѣтахъ *желтомъ*, *голубомъ*, *фіолетовомъ*, въ видѣ трехъ квадратовъ вписанныхъ другъ въ друга. При представленіи *треугольниковъ* и *круговъ* различныхъ цвѣтовъ, получаются вписанные тріугольники и круги, съ переливающимися цвѣтами, составными для цвѣтовъ представляемыхъ предметовъ. Еще отчетливѣе выходятъ опыты съ представленіями вещей массивныхъ, — напр., *кустовъ*, ряда *деревъ*, *луга* по которому протекаетъ *рѣка*, *строя солдатъ*, виданныхъ *картинъ* художниковъ; и т. д. Ряды деревъ, солдатъ, рѣка пересѣкающая лугъ, такъ отчетливо отражаются своими линіями, и въ цвѣтахъ дополнительныхъ къ представляемымъ цвѣтамъ,—что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ явленіяхъ *отраженія* представляемыхъ картинъ. Во время такихъ опытовъ, не разъ появлялись нестереоскопическіе виды картинъ, прежде виданныхъ, но о которыхъ въ данную минуту не было мысли,—слѣдовательно по законамъ ассоціаціи; такіе виды также отражались нѣкоторыми своими частями на свѣтовомъ туманѣ. Это доказываетъ, что образы воображенія могутъ отражаться на свѣтовомъ туманѣ—прямо, т. е. не принимая нестереоскопическаго вида,—и косвенно.

Сравнивая эти отраженія на свѣтовомъ туманѣ, съ тѣмъ что было замѣчено нами о начертаніи линій, и о другихъ аналогическихъ явленіяхъ, сопровождающихъ акты реальнаго зрительнаго наблюденія, нельзя не притти къ заключенію, что отраженія представленій однородны съ явленіями нестереоскопическаго воображенія разсматриваемыхъ линій, фигуръ, цвѣтовъ; и т. д. Разница въ томъ, что послѣднія представляютъ переходъ зрѣнія въ воображеніе,—а первыя, наоборотъ, переходъ зрительнаго представленія или воображенія—въ зрѣніе.

249. Для полноты послѣдняго перехода, или превращенія, зрительныхъ представленій въ реальные акты зрѣнія, недостаетъ опять только одного обстоятельства,—именно, преобразованія нестереоскопическихъ видовъ и отраженій въ стереоскопическія. Послѣднее достигается тогда, когда эти виды и отраженія, при нѣкоторыхъ условіяхъ, становятся предметами зрѣнія, подобно внѣшнимъ вещамъ. Что касается, во-первыхъ, отраженій, на свѣтовомъ туманѣ, картинъ воображенія, то они точно также могутъ подлежать зрѣнію, какъ и родственныя имъ явленія начертанія линій и фигуръ, сопровождающія внѣшнее наблюденіе. А именно, если получивши,—какъ показано въ предыдущемъ §,—отраженія *треугольниковъ*, *круговъ*, *мѣстностей*, *растеній*, и т. д., мы обратимъ глаза на стѣну, освѣщенную изъ другой комнаты, или—лунньмъ свѣтомъ, или же взглянемъ, напр., на крышу дома, покрытую снѣгомъ и облитую этимъ свѣтомъ. то увидимъ отраженія тѣхъ же, представленныхъ предметовъ, на стѣнѣ или на крышѣ дома. Такимъ образомъ, напр., воображая кустъ покрытый розовыми цвѣтами, мы получали отраженіе его на свѣтовомъ туманѣ; потомъ, обра-

щая взоръ на бѣлую стѣну, видѣли тоже самое изображеніе на стѣнѣ. Здѣсь воображеніе достигаетъ предѣловъ реальныхъ актовъ зрѣнія. Правда, что здѣсь видятъ только *отраженія* воображаемыхъ вещей, — отраженія въ другихъ цвѣтахъ, и обыкновенно неполныя; но тоже получается, въ случаяхъ болѣзненнаго характера, — и для самыхъ нестереоскопическихъ видовъ представляемыхъ картинъ, или для образовъ зрительнаго воображенія, — какъ это показываютъ такъ-называаемыя *галлюцинаціи*, — видѣнія глазами *духовъ*, *покойниковъ*, *отсутствующихъ лицъ*, и т. д.

ОПЕЧАТКИ

стр	строка	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
25	16	и на самомъ	а на самомъ
54	18	явленія, зрѣлой	явленія зрѣлой
64	6	или отражаютъ	и отражаютъ
94	33	лицо *два*	лицо на *два*
261	1	Превращеніе ощущеній	Превращеніе волненій
300	13	приспобленія	приспособленія